

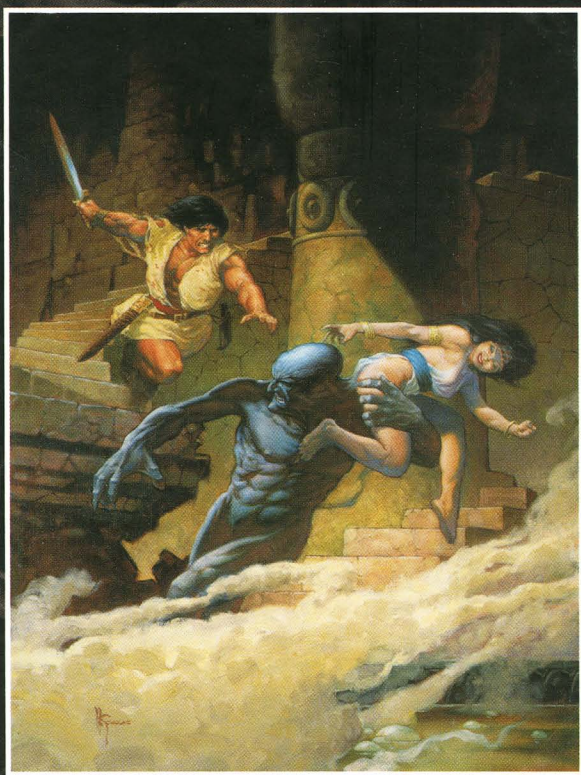
Проза Говарда настолько наэлектризована,
что все время ожидаешь удара молнии.

Стивен Кинг

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН[®]

КАРАЮЩИЙ МЕЧ

Иллюстрации Грегори Мэнчесса

ВОИН. ГЕРОЙ. ЛЕГЕНДА

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН[®]

КАРАЮЩИЙ МЕЧ

ЭКСМО
МОСКВА
ДЛЯ
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 57

Robert E. Howard

THE CONQUERING SWORD OF CONAN

© 2005 Conan Properties International LLC. Used with permission.
CONAN, CONAN RED NAILS, CONAN THE BARBARIAN,
HYBORIA, HYBORIAN TALES, THE SAVAGE SWORD OF CONAN
and related logos, names and character likenesses are trademarks
or registered trademarks of Conan Properties International
LLC in the United States and various other territories.
All rights reserved

Составитель *А. Жикаренцев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Говард Р. И.

Г 57 Конан. Карающий меч / Роберт Говард. — М. : Эксмо ; СПб. :
Домино, 2010. — 496 с. — (Воин. Герой. Легенда).

ISBN 978-5-699-42176-3

Писательская карьера Роберта И. Говарда уложилась в двенадцать лет, но за столь недолгий срок он успел подарить мировой литературе жанр «меч и магия», а также полюбившегося миллионам читателей киммерийца Конана и еще несколько великих героев.

В этот сборник вошли последние пять историй о Конане, созданные самим Говардом, в том числе повести «Черный чужак» и «Людоеды Замбулы» в переводе известной писательницы Марии Семёновой.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Г. Корчагин, К. Плешков, М. Семёнова,
А. Циммерман, перевод на русский язык, 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-42176-3

Иллюстрации Грегори Мэнчесса посвящены Броди и Коди Козн, помогавшим с натурой героев и мира; их энтузиазм вдохновлял его тогда и вдохновляет сейчас.

От иллюстратора

Я не знал, кто такой Конан. Нет, фильмы-то я видел, и рисунки рассматривал, и полагал, что знаю о нем все. Пока не прочел рассказы, которые теперь вошли в эту книгу.

А до этого момента мне почти ничего не было известно о нем. Как и любому, кто не читал Говарда. Потому что в этих яростных ночах, в этих подземельях необузданной мужской фантазии содержится подлинная душа героя, чей облик столь многими художниками был нанесен на бумагу и холст.

Но вот и мне выпал шанс, и я с радостью за него хватаюсь. Все же, наверное, мое мысленное око видит киммерийца немного не так, как его изображает рука. Интуитивно я понимаю: истинный облик и истинный дух Конана мною так до конца и не разгаданы.

Прежде чем взяться за чтение, я поставил перед собой смелую задачу: увидеть образ Конана совершенно по-своему. Задача усложнилась на первых же страницах, виной тому — говардовский язык. Подобранные им слова ничуть не уступают краскам художника, они создают зримые и точные картины.

И чем дальше я читал, тем лучше понимал, что его рассказы стали классикой в гораздо более широком жанре, нежели развлекательная литература. И события, излагаемые в конановском цикле, мне представлялись по-особому. Видимо, тем же манером представлялись «Остров сокровищ» Н. К. Уайету и «Лорна Дун» Миду Шефферу. Мне очень импонирует их стиль, в котором любовь к романтике и авантюре дополняется профессиональной серьезностью, так присущей художникам-ил-

люстраторам «Золотого Века». Классическая иллюстрация приключенческой книги — вот он, мой выбор. Я должен иметь право на Конана — так же как и эти мастера обрели право по-своему изображать полюбившихся им героев.

И мне было из чего выбирать. Как из рога изобилия сыпались образы, набегали друг на друга волны, состоящие из поз, ракурсов и светотеней. Бывало, засидишься допоздна за эскизом — и вдруг возникает Конан, бредущий каменистым ложем ручья к своему очередному подвигу. Из таких зарисовок мало-помалу сложился приблизительный портрет варвара — бойца-одиночки, всегда чуткого и настороженного, всегда уверенного в себе.

Я задался целью определить его эмоциональный спектр. Так возник новый рисунок, порожденный моим желанием создать профиль киммерийца, который бы наводил на мысль о крадущейся пантере. И вот он шагает во мраке по крепостной стене в «Людоедах Замбулы», и его задача — показать читателям, что такое реальный мир. Захотелось увидеть замбульские улицы, и я добавил еще одну ночную сцену: как Конан, спасая Нефертари, крадется по городу и при этом стережется людоедов.

Затем — повесть о морских разбойниках, в которой авантюрного и мифического ничуть не меньше, чем в «Одиссее капитана Блада» Сабатини. В пиратские страсти «Черного чужака» Конан влетает на всех парах.

Я решил изобразить его таким, каким его прежде не изображал никто. Во всех пиратских регалиях — словно сам Говард обнаружил на пыльном чердаке дедовский сундук. Черно-белые внутренние рисунки — дань долгожданной возможности проиллюстрировать повесть о средневековых пиратах. Работа эта доставила мне немало удовольствия.

При первом прочтении рассказов о Конане он предстает воином-берсерком, простым и бесхитростным рубакой. По идее, таким его и следовало бы изображать. Я и не имел ничего против; собственно говоря, надо было лишь найти свою точку зрения на боевое безумие. Решение состояло из двух частей. Первая: Конан один на один с пиктом, таким же перевитым мускулами бойцом. Этот рисунок лег на обложку. Хотелось не близкую

победу киммерийца пообещать читателю, а передать напряжение схватки и, кроме того, продемонстрировать тело героя в динамике. Это привело ко второй битве, где Конан, будучи окружен, вдруг моментально превращается в машину-убийцу. Тела врагов сливаются в единый вихрь, обрушивающийся на него; сцена как будто высвечена далекой молнией. Эта же молния на заднем плане предназначена для того, чтобы подчеркнуть мускулатуру Конана и придать драматизма рукопашной схватке.

Другую возможность показать силу варвара, его великолепную мускулатуру, предоставил рассказ «Сокровища Гвалура». Мне привиделось, как он спешит по ступеням лестницы к Мьюреле, преодолев бегом множество сводчатых коридоров; влажная от пота спина блестит в свете солнца.

Повесть «За Черной рекой» мне виделась в классическом «конановском» духе, но я снова предпочел ночную сцену с воинами, подкрадывающимися к неприятелю. Я был на том берегу вместе с замыслившими недоброе дикарями, карабкался по склону, чтобы учинить резню. Зато потом для контраста выбрал ясный солнечный день и показал, как на пиктов сыплется выпущенная из катапульт всякая всячина. Погибнуть в столь чудный день — это ведь и смешно, и грустно.

«Гвозди с красными шляпками» можно иллюстрировать снова и снова. Надеюсь, это и будет сделано другими художниками. И хотя я не поддался соблазну нарисовать слишком много чудовищ, боясь оставить без работы воображение читателя, мне представился образ старика с его необычным орудием убийства.

И наконец, последнюю иллюстрацию я припас для титульного листа. Хотелось создать икону, образ, включающий в себя главные черты Конана-киммерийца — искателя приключений, воина, разгадчика волшебных тайн Хайбории. Разные художники, в то или иное время повлиявшие на мое творчество, были бы категорически против, но я прислушался только к одному голосу — голосу Джозефа Лейндекера. И попробовал сделать то, что сделал бы он на моем месте.

От составителя

В этот том вошли последние истории о Конане-киммерийце. И только те, что написаны самим Говардом. Может показаться невероятным, но перед вами самая настоящая мировая премьера: полная говардовская конаниана вышла в виде аутентичного собрания, без поздних исправлений, хронологической перетасовки и фрагментов, дописанных чужим пером. Впервые, читатель, ты прочитаешь цикл таким, каков он есть на самом деле.

И впервые эти истории публикуются не будучи выстроены соответственно «биографии» героя, а в том порядке, в каком их создал автор. Возможно, таким и было его намерение. «Вот почему такие большие пропуски, вот почему нет четкой системы. Повествуя о жизни в диком краю, обычный искатель приключений редко следует продуманному плану, он просто излагает что вспомнилось; поэтому эпизоды широко разнесены в пространстве и годах».

Никто из тех, кто прежде составлял конановские сборники, не удерживался от соблазна выстроить «карьеру» героя. Но это, во-первых, никак не отражало писательский рост Говарда, а во-вторых, по моему убеждению, явно расходилось с первоначальным авторским замыслом. В книги включались чужие сочинения на конановскую тему, в произведениях Говарда изменялись, а то и целиком переписывались отрывки (что особенно заметно в «Черном чужаке»), добавлялись вступительные

абзацы перед каждым рассказом и повестью, и даже название романа «Час Дракона» было заменено на «Конан-завоеватель». По этим причинам вся серия оказалась представлена не как жизненный путь «обычного искателя приключений» (что подразумевал Говард), а как типичная сага — связанная и целостная, с завязкой, кульминацией и развязкой, нечто вроде толкиновского квеста, в которой каждая история является ступенькой лестницы, и герой эволюционирует от нищего вора («Башня Слона») до всемогущего монарха, правителя цивилизованной империи («Час Дракона»).

Беззаботная, полная случайностей жизнь Конана была искусственно трансформирована в «карьеру». И то, что делало цикл таким чудным — мощное чувство свободы, обусловленное, помимо прочего, абсолютной независимостью каждой истории от предыдущей и следующей (кроме Конана, почти нет повторяющихся персонажей!), — исчезло, и вольная жизнь бродяги-варвара обернулась неуклонным стремлением к цели. И вот результат: теперь гораздо проще видеть в Конане самого обычного супермена, который поднимается из грязи в князи благодаря своей физической силе (яркий тому пример — голливудская трактовка судьбы киммерийца).

Да, Конан в конце концов стал аквилонским монархом, и это сомнению не подлежит. Он король и в самом первом рассказе цикла, «Фениксе на мече». Но ни в одном из говардовских произведений мы не увидим даже намека на желание посадить его в конце концов на трон. В повести «За Черной рекой» Конан говорит: «Я был капитаном наемников, пиратом, козаком, бродягой без медяка за душой и полководцем — Кром всемогущий, кем я только не перебивал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем». В «Гвоздях с красными шляпками» на вопрос: «И кем ты только не был?» — он отвечает столь же однозначно: «Пожалуй, королем хайборийского королевства... Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?»

Королем Конан стал, но лишь когда в определенный момент его жизни подвернулась такая возможность. Сам он подобных планов не вынашивал.

Что касается говардовских представлений о королевстве, они не имеют ничего общего с империализмом. Скорее, это артурианская концепция: король — первый среди равных, он верой и правдой служит народу. На самом деле венец для Конана скорее бремя, с которым подчас хочется распрощаться: «Просперо... эти проклятые дела меня замучили. Я устал так, как не уставал прежде, с утра до вечера махая мечом на поле боя... Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобою в Немедию... Мне кажется, я уже целую вечность безвылазно нахожусь в этом дворце, и прошли десятилетия с тех пор, как я в последний раз сел на коня. Но Публиус твердит, что дела государственные требуют моего присутствия в городе. Ты знаешь, когда я возложил себе на голову корону Нумедидеса, то думал, что достиг предела желаний. Но оказалось, захватить трон — одно, и совершенно другое — управлять королевством. Было время, когда я считал — любые вопросы легко разрешаются мечом, сейчас мне начинает казаться, что меч — вообще не помощник в государственной политике» («Феникс на мече»).

Когда сторонники Конана, потерявшего Аквилонию, предлагают ему покорить еще одно королевство, он отказывается наотрез: «Об империях пускай мечтают другие, я же хочу сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твоё правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцero. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!»

Нам, составителям этого трехтомника, Конан представляется совсем не таким, каков он в глазах широкой общественности: свирепый полудикарь в одеждах из шкур. Масскультура обрела его той же судьбе, что и берроузовского Тарзана, причем оба утратили способность к связной речи. Популярная вер-

сия киммерийца способна лишь убивать, насиловать и завоевывать. Мы же не считаем, что истории о Конане-короле являются хронологическим завершением саги длиною в жизнь, карьеры самого могущественного властелина Хайборийской эры. Ведь как ни крути, а произведения эти написаны прежде, чем большинство других. «Феникс на мече» и «Алая цитадель» появились в числе первых, в 1932-м, а «Час Дракона», созданный в 1934-м, суть повторение ранее разработанных сюжетных линий.

Все произведения, вошедшие в третий том, написаны много позже «Часа Дракона». Стало быть, в этой книге есть последние слова, посвященные автором Конану, которому он отдал четыре года и который принес ему известность. Их, однако, невозможно расценивать как итог жизни героя. Да и могло ли быть иначе, ведь Говард сам жаловался: *«Мне не казалось, будто я придумываю приключения Конана; нет, я всего лишь записывал то, что он рассказывал мне»*.

Однако цикл можно считать законченным: «Гвозди с красными шляпками» закончены в июле 1936-го, за одиннадцать месяцев до самоубийства Говарда. Нет никаких свидетельств тому, что в этом промежутке времени он писал о киммерийце.

Возможно, основная вина лежит на журнале «Уэйрд тэйлз», который не смог регулярно платить Говарду. Это подтверждается тем фактом, что после «Гвоздей с красными шляпками» автор взялся написать для «Уэйрд тэйлз» лишь один рассказ. В конце 1934 года Говард явно отошел от фэнтези. К тому времени он успел всерьез заинтересоваться историей родного края, юго-запада США; в ней он и черпал материалы для новых сочинений. Окрепшей любовью к истории ярко окрашены и последние произведения конановского цикла. Впервые его интерес распространился и на то, с чем он сталкивался в повседневной жизни. Увлечение кельтами, отразившееся на многих ранних рассказах о Конане, только выиграло от углубленного чтения научной литературы. Работая над последними историями о киммерийце, которые теперь вошли в этот том, Говард продолжал исследовать тему «варварство против цивилиза-

ции», но впервые ему удалось вложить в свое творчество столько искренности и достоверных сведений.

В составе этой книги три произведения, считающиеся в конановском цикле лучшими. Это «За Черной рекой», «Гвозди с красными шляпками» и «Черный чужак». Большинство исследователей творчества Говарда считают первые две вещи лучшими не только в конаниане, но и во всем литературном наследии техасца.

В то время писатель пребывал на вершине своего таланта; придуманные тогда истории снискали ему славу не просто выдающегося рассказчика, но едва ли не глашатая, несшего людям некое послание. И завершающие конановский цикл произведения доказали, что их создатель действительно заслуживает внимания критики.

Именно в этом смысле мы считаем их завершением цикла, а также своего рода завещанием. Описанные в повести «За Черной рекой» события ничего особо нового к прозе Говарда не добавили, в них лишь повторяются набеги дикарей на поселения, чересчур ослабевшие для успешного противодействия. В этом произведении, как и в других, подчеркивается неизбежность хирения цивилизованных народов и, как закономерный финал, их гибели. Но есть и отличия, главным образом это правдоподобный антураж и персонажи; то и другое взято из источников, интересовавших Говарда куда более, чем источники материалов для его псевдоекельтских и псевдоассирийских построений. На этот раз поселенцы, фермеры и ремесленники, мало похожи на картонных героев, они рельефны и энергичны, как рельефен и энергичен сам Конан.

Немного найдется писателей фэнтези, сумевших так мастерски сплести реальное с вымышленным. «За Черной рекой» — это шедевр. Хотя ни одна девица не была брошена в беде, Говард приглушил наиболее фантастические элементы произведения и не стал завершать сюжетные ходы по шаблонам pulp-журналов. Мрачное предзнаменование, зазвучавшее в начале, было им донесено до самого горького конца, и на всем пути мелодрама не оступилась ни разу. Последние истории о Конане

гораздо более реалистичны, чем фантастичны; этот-то реализм и ставит их особняком. И Говард прекрасно это понимал. Вскоре после того, как был заключен договор на «Гвозди с красными шляпками», он объяснил Кларку Эштону Смиту: «Пожалуй, с сырым мясом тут перебор, но я лишь честно показал, каким мне видится поведение определенных типов людей в ситуациях, из которых сложен сюжет. Возможно, термин “реалистичность” на слух никак не сочетается с Конаном; на самом же деле это самый реалистичный герой из созданных мною».

Если в повести «За Черной рекой» ясно декларируется мнение Говарда о варварстве, то в другом шедевре конановского цикла, «Гвозди с красными шляпками», он изучает оборотную сторону медали: распад цивилизаций. Опять же эта тема для техасца не нова. Например, предшественник Конана атлант Кулл был властелином обреченной империи Валузии, и во многих произведениях Говарда речь идет о королевствах хиреющих или гибнущих. Ход событий неизбежно приводил к финальной катастрофе, ее обычно создавали варвары, заблаговременно поставленные автором у ворот дожидаться подходящего момента. Однако в «Гвоздях с красными шляпками» он обошелся без варваров, постаравшись как следует изолировать обреченный город. Таким образом, рассказ посвящен процессу распада вплоть до его логического завершения. Написан он был в то время, когда у техасца неизлечимо заболела мать. На его глазах со страшной быстротой происходил распад; прекрасно сознавая, чем все кончится, Говард был совершенно не в силах этому воспрепятствовать. Вот почему последний рассказ о Конане так явственно резонирует с ужасными событиями из жизни писателя, с тягостным состоянием его ума и души.

Циклом произведений о Конане Говард завершил свое литературное наследство. Если бы не самоубийство в тридцатилетнем возрасте, его творческая карьера, несомненно, получилась бы исключительной. Примерно за месяц до смерти он написал Лавкрафту: «Мне все трудней и трудней что-нибудь писать, кроме коротких вестернов... Всегда чувствовал: если

Патрис Луине

когда-нибудь на литературном поле сумею вырастить нечто выдающееся, это будет связано с центральным или западным фронтиром». Возможно, Говард стал бы видным мастером и на этом поприще, но судьба распорядилась иначе. Однако по самой сути своей конаниана превзошла тот жанр, в котором она зародилась, как его ни назови: вестерн, историческая литература, авантюрная проза. Будучи вынуты из исторического контекста и облачены в хайборийские одежды, сюжеты обрели универсальность, чего не случилось бы, останься они в прежних темах. Они стали вечными — по крайней мере, несколько не состарились за семьдесят лет.

«Снимите внешний слой, если не боитесь», — написал я в предисловии к первому тому. И скоро вы убедитесь, что внешний слой почти не имеет значения для большинства произведений из этой последней книги.

В ней — Говард, каким он был.

И лучшее, что он создал.

Патрис Луине, 2005

Сокровища Гвалура

1

ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казалась неприступной — гигантский частокол отвесных монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладывая путь вверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие свободные штаны; сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе, болтались за спиной, туда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий, как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и отточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче, ибо это была проверка на высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах под ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные ниши и выступы, в лучшем случае — какую-нибудь покатую опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упорно отвоевывал у скалы фут за футом. Время от времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще немного усилий, и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на высеченную в камне нишу, но, несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами — руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело

когда-то и имело одежду, то безжалостное время обратило ее в пыль. Но там, засунутый между скрещенными руками и впалой грудью, виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток. Не разглядывая находку, сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь свой огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился, тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с кромкой из камня. Дно чаши покрывали деревья и кусты, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть лесистой равнины трех-четырех миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал верхушки деревьев и вдруг резко вдохнул: среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъестественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкменона.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Баракских островов, и на Черном побережье — везде, где жизнь приправлена смертельным риском, — пришел в Кешан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшие богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающие к стране с юга. Высокомерная смуглоко-

жая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители — князьки и верховные жрецы — считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна «Зубов Гвалура» — сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды, расплывчатой и потому малоубедительной, хватило, чтобы Конан — через обширные равнины, испещренные потоками джунгли и горные хребты — пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами «Зубы Гвалура». Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги спесивой и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски пышной безвкусицей. Он — воин, и его предназначение — сражаться. Конан прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт — их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана: дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя — им восхищались, его боялись и мечтали за-

получить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими повелителями. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и, казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смышленому уму добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвийских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединить к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессребреники зембабвийцы надеются получить самую малость: всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его странах-данниках да еще, как залог добрых отношений, несколько «Зубов Гвалура». О, пусть высокочтимые князья не беспокоятся — никто и не

думает пускать их в оборот. Их отнесут в главный храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркетом, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах плотно сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже и не пытался тягаться с Татмекри и его помощником шемитом Зархебой по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора, — а дело к тому и шло, — то в первую очередь потребует высылки своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти «Зубы» и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешле драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что, прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зембабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не оскверненные ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкмелона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки — как во дворце, так и в тростниковых ульях — заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательница — это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесным образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непознанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе — украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как «Зубы Гвалура». Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города, и от прорицательницы.

Однако Горулга, как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И вновь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать, как перешептывались младшие жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул из города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам под страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец за последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на поиски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие — всадники, обитатели прерий и равнинных лесов, — не могли остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

...Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъесте-

ственная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкменона, что поблескивали внизу среди листвы, словно бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкменон — город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неуспяная бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил первозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишины. Присев, он впился взглядом в подлесок — ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожности: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой — без единого шороха, вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попадались следы древней цивилизации. Мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия — слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит которых густо проросла трава. Сквозь зелень прогля-

дывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее проступало массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь сплетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно, толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца, как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине коша-чья поступь обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Конан задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце — если, конечно, излишне болтливый младший жрец не завирался — спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен высокими колоннами, промеж которых чернели пасти дверных проемов — сами двери давно сгнили. Он миновал полный сумрачного таинственного света коридор и очутился у двусторчатой бронзовой двери — чуть приоткрытой, как, может быть, она стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком комнату — наверное, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачноватом коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал; широкие лазуритовые ступени вели к массивному трону с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-

то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес — сам по себе уже огромное богатство... если, конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту превозносили на рыночных площадях рассказчики Кешлы, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры — бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то, скорее всего, думал варвар, она находится в другой части дворца... если такая штука вообще существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, столь много мифов успели обрести реальность, что, оказавшись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За троном зиял узкий сводчатый проем — наверняка в дни жизни Алкменона ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков — совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор. Высунув голову из проема, он огляделся и слева от постамента увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же ценного металла, что и трон, был испещрен множеством необычных значков.

Он лишь коснулся ее — и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал петли. Конан шагнул вперед... и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкрап-

лениями золота потолок. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь мельком отметил эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один скульптор, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость — перед Конаном покоились останки когда-то живой женщины, и он мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Киммериец нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могло оказать то же воздействие и на покровы. Но все же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая в талии поясом в блестках бриллиантов. И камни, и металл — все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты. Алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным, в стянутых над головой гладких волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ — лишь глухой звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик — его не обшаришь за пару часов. Или, может быть, скоро-

ниться где-нибудь, дожидаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как этот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зембабвийских королей на мысль завоевать Пунт, что, в свою очередь, являлось не более чем промежуточной ступенью на пути к главной цели — захвату «Зубов Гвалура». Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища — не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но зембабвийцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвийцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами... даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамерится одурочить всех — сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с пустыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице — не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвийцами и заставить его пойти на поводу у Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан

вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые места и понимал, что по части подкупа ему до стигийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на руку. Горулга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил свою репутацию праведника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае нет сомнений, что прорицательница — понятное дело, в полном согласии с волей богов — замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешане покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вернулся в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлокотники. Трон был тяжел и поддавался неохотно, но ему удалось заглянуть под литое основание — совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен — что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту — как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами чуть шире обычного. Он вставил острое кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, глазам варвара предстала ниша — и больше ничего. Он с чувством выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок,

проделанных под углом в стене на уровне рта человека. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчеств, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так значит, Горулга залезет в нишу — или посадит сюда преданного слугу — и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые младшие жрецы — все из черных — с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый у мумии, и, соблюдая всяческую осторожность — тот был настолько древним, что, казалось, одно неловкое движение — и он рассыплется в руках, — развернул папирус и повернул его к свету. Нахмутив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих народов. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелиштов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка, — изменения произошли после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмена читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное — Бит-Якин, скорее всего, имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан, словно на ощупь, пробирался по выпцетшим цепочкам иероглифов, многого не понимая, улавливая смысл оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайи, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта — загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому исполняя последнюю волю умершего, поместили его тело в этот открытый, вознесшийся высоко над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкменоне? Или он пришел в долину уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе... хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещавшие прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-либо из его слуг. Получается, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы всю творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте и куда подевались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защипало, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю, сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Барвар круто повернулся — чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это

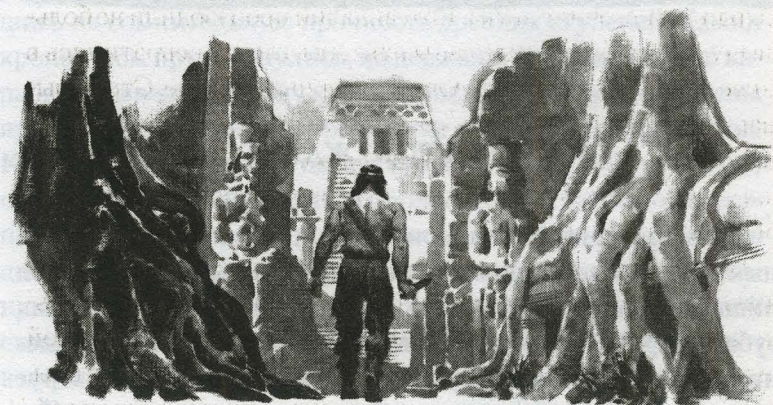
прибыли жрецы из Кешлы? Нет, невозможно — слишком рано. Но удар гонга — ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

По натуре Конан был всецело человеком действия. Некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору — туда, где находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленными эхом раскатами гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость — ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг — огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг — ни звука, ни малейшего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастьями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом — ничего нового: слабо освещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аромат — чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери, — все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами — пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

2

БОГИНЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымавшуюся волнами свинцовую воду — всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывавшимся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. Вдоль обеих стен протянулось по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена — похоже, тот просто обвалился, — и в образовавшуюся брешь струился свет. За световым лучом стоял крошечный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного — и его пронесет мимо, прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже бешено работал руками и ногами, стараясь

побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими пальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок — и пальцы впились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд Конан уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность — все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры — очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таят несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые расколоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они просто не вы-

держали его веса, но что, если существует иная, гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце, кроме него, есть живые люди. Тот гонг, он ведь ударил не сам по себе, — неважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот появился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за свое долгое пребывание в Алкменоне он отыскал-таки «Зубы Гвалура», а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных клочьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительно живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, они до сих пор находятся в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстрой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим или обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол, — все носило на себе разрушительную печать времени, но, по мере того как он продвигался вперед, следы запустения становились все менее явными. Он вдруг подумал, для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросил эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо

в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад, гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дожидаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он, уж так и быть, удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, замороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое страшное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко стриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченых сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели...

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч:

— Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх его пронзили глаза — блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении — предельная гармония, глаза словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

— Ты... ты Елайя? — пробормотал он, запинаясь.

— Да! Я Елайя! — Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его. — Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

— Как может ожить тот, кто пробыл мертвецом столетия? — В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, Конан не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

— Я богиня. Тысячу лет назад на меня пало проклятие могущественных духов — духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло — божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие года, устраивать приемы при дворе. — Легкая пауза. — Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума, если не хочешь, чтобы тебя постигло страшное заклятие, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе — уходи! — Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан — с глазами, как горящие уголья, — вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью колдовских чар, он сделал шаг вперед — и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежьи объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

— Богиня! Ха! — В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их. — То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мьюрела — коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же!

Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она

была уже не мистическим творением глубокой древности, а самой обычной, дрожащей от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута — и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

— Принцесса! Слишком много чести! Так значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытыми под вуалью? Неужели ты всерьез надеялась обмануть меня, ты, жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Хоршемише вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я...

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычьей шеею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать — она была на грани истерики.

— Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

— Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая ты шлюшка! — загрохотал по комнате его голос. — Или ты не боишься гнева богов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

— О, умоляю тебя! — От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом. — Я не посмела послушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги... Они проклянут меня!

— Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня — фальшивая, что они с ней сделают? — с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невинности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не осталось и следа, что было и неудивительно, ибо страх преследовал ее

постоянно, и если в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и быстро погружалась в бездну животного ужаса.

— Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

— Дождается жрецов снаружи дворца! — донеслось сквозь всхлипывания.

— Сколько с ним человек?

— Никого. Мы пришли вдвоем.

— Ха! — Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте.— Значит, вы покинули Кешлу всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее. Нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула воздух.

— Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

— Зархеба знает тайный ход,— выдохнула она.— О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины, у подножия скал есть большое озеро. Под водой открывается пещера — с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла вверх, вода кончилась, и дальше мы продвигались под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

— Хмм. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны,— пробормотал он.— Ну да ладно, что было потом?

— Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позе, в которой лежала богиня, и, оста-

вив одну, сам отправился прятать тело и отслеживать жрецов, когда те явятся. Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

— Что ты должна была им наговорить?

— Я должна была приказать жрецам взять «Зубы Гвалура» и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать где-нибудь во дворце в Кешле. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если предложения Татмекри будут отвергнуты... Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скорее содрали кожу.

— Значит, Татмекри — или зембабвийцы — хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам, — как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания. — Ну да ладно, как только доберусь до него — вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

— Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри — его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказал Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешлу и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

— Ну и чудеса, будь я проклят! — От удивления варвар вскинул брови. — Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается — Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

— Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу, — все еще с опаской ответила она и вновь захныкала: — О Конан, сжался надо мной!

Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец... в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, заведи меня отсюда! Я знаю: как только сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют. Он сущий демон! Он купил меня у работоторговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках пустыни. И с тех пор я — орудие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, ты ведь не будешь со мной жесток, как этот зверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжался, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное кверху лицо было в слезах, темные шелковистые волосы в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

— А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоём розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, как будто в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

— Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: «Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть “Зубы Гвалура” передадут под охрану Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он единственный любимец богов...»

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка — воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

— А как же Зархеба? — всхлипнула она. — Он убьет меня!

— Насчет Зархебы не беспокойся, — рыкнул он зверем. — Его я беру на себя, а ты делай как велю. А сейчас приберика

волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстранясь, одобрительно кивнул:

— За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она немного порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать, точно девчонке после розог. Клянись Кромом! Да ты и впрямь как настоящая Елайя — то же лицо, фигура, волосы и все прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

— Я постараюсь, — уже спокойнее ответила девушка, однако дрожь не утихла.

— Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

— Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

— Здесь тебе нечего бояться! — В голосе варвара слышалось нетерпение. — Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И, повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, пока он скользил вдоль широкого коридора, его не покидало ощущение, будто из темных дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девчонка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядюю скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом

листвы они себя не выдали. Конан отыскал древнюю, в трещинах аллею, ведущую к югу, — молодые деревца и буйно разросшиеся кусты почти скрыли от глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он крался по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел в отдалении обособленную группу лотосовых деревьев — необычных растений, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан — меч сжат в руке, чувства предельно обострены — мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто ткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев — в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди в неверном, тусклом свете среди плотной листвы маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд — один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу — короткая черная борода.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помнится, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым предположительно стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов — более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр, — Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений — и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, уставился прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянутся в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

3

ОТВЕТ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ

Конан круто повернулся, его пыльный взгляд прошупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись — большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь всплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно, пока не рассыплется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она, одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь? Он повернулся

и по сумрачной аллее побежал обратно ко дворцу — весь как пантера: грация и пластика — даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое: красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То прибыли жрецы Кешана.

Так значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широким мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу — в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы — крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. «Интересно, — подумал киммериец, — насколько глубоко он увяз в этой истории?»

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у входа жрецы не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко в ниши. Ни один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному, с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках из шкуры леопарда — до нелепости неуместных в этом окружении из

мрамора и металлических арабесок — они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от постамента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точно-точно повторяя движения своего господина, с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки — и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновения ветра.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользя в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мьюрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале — спина прямая, руки скрещены на груди, откинута назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями киммериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее неподвижный взгляд устремлен поверх бритых голов коленопреклоненных чернокожих гигантов в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. «А у шлюшки-то природный дар дурачить простачков!» — подумал он. Сам-то он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрашной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящей богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать, что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару — скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетронутom виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось,

этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлится церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется... Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение — низкое, скрипучее и невыносимо зловещее — в конце концов прекратилось; младшие жрецы враз что-то прокричали — первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

— О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова — в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины, — говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя — лучи полуденного солнца. Прелей свет мудрости на смиренных своих слуг. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, лоящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы — холодный, как бы издалека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

— Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана! — Она точь-в-точь повторяла его слова. — Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть «Зубы Гвалура» передадут под охрану Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он единственный любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот: ему почудилось, что девушка

на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

— Елайя изрекла свое слово! — восторженно воскликнул он. — Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по повелению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятие. Затем по повелению богов «Зубы Гвалура» были спрятаны, по повелению богов «Зубы Гвалура» засияют вновь! О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

— Можете удалиться! — ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

— Конан! — всхлипнув, позвала она. — Конан!

— Ш-ш-ш! — прошелестел он, приложив губы к отверстию; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако, как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент киммериец растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели и, ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадают

лишь в горах Черных королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уводящего из алькова, донесся шорох. Он бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору, — удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная, что предпринять, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетелем неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец — все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими железными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

— Предательница! — Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры. — Что ты еще задумала? Разве Зархеба не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть, — ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предает своих друзей! Грязная тварь! За измену я откручу твою лживую голову, но прежде...

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремленный вверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся — и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся на мраморный пол — из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя. Но внезапно Мьюрела судорожно обхватила его руками.

— Я сделала все, как ты приказывал! — Она вся зашлась от ужаса. — Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

— Еще не время! — отрезал он. — Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

— Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале, — неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы. — Я так перепугалась... Когда жрецы ушли, я выбежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами, и если бы...

— Ладно, будет тебе. — Варвар ободряюще похлопал девушку по спине. — Poiщи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного — похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться, — но, увидев, как деловито Конан поволок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и поднял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг — обезглавленный враг. Но он так и не удалил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

— Конан! Конан! Она вернулась!.. — Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с тронem, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл — обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем не бывало, лежала, вытянувшись, на пьедестале — веки были опущены, как если б она только что задремала.

— Что за переполох ты тут устроила? — в раздражении потребовал он объяснений. — Тоже нашла время для...

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул бед-
ро цвета слоновой кости, скользнул по облегающей шелковой

юбке. Он искал глазами разрыв — большой разрыв от пояса до нижней каймы... и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственной рукой разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец покрыл ярды до пьедестала, положил руку на точеное бедро — и тут же резко отдернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

— Великий Кром! — вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки. — Да это не Мьюрела! Это Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяния облачить танцовщицу. И все же вот они, шелка и драгоценности — точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко остриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное холодное покалыванье.

— Мьюрела! — крикнул Конан. — Мьюрела! Где ты?

В ответ — лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход — через золотую дверь, и, значит, никто не мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда — и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений

нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители пронесли девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою, в канатах мускулов, руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выкован из акитской стали. Он приналег всем телом — и мраморная дверь открылась. С мечом на изготовку Конан заглянул в проем — никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватившись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди — ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз — и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном свете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов: похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в той или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертым на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-то предметы. Еще несколько мгновений — и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с оше-

ломляющей ясностью вдруг засияли в его мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг — загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мрачному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того как он удалялся от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во двореке с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох — то ли шарканье босых ног, то ли шуршание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь — тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом — дверь не шелохнулась, попробовал отыскать острием меча щелочку — ни единой зацепки. Дверь стояла как влитая. Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота — все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип — словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мысль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легкий и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье — и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела... если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если по-прежнему торчат в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке

это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом направлении продолжать поиски бессмысленно. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил к лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мраморная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньке с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам — неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери — если это действительно люди — поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

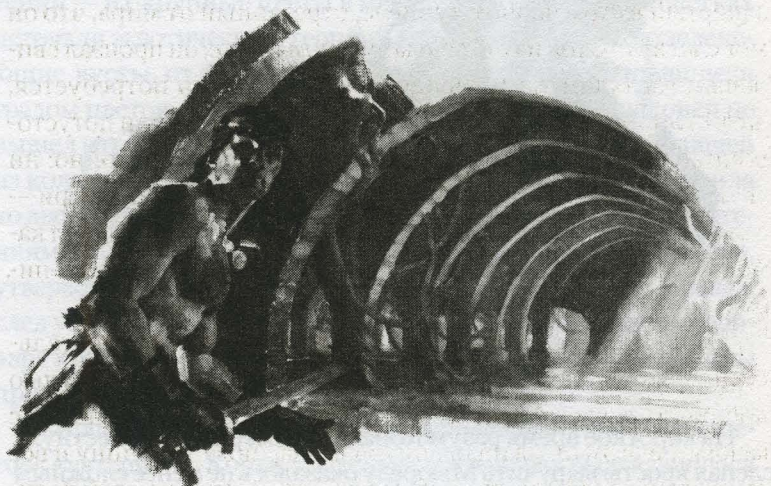
Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли мурашки, с каждым шагом он ожидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного — утопить свой полустрах, полупредчувствие в яростном, беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту — бесполезно. Оставалась последняя надежда — разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов — похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату: глаза — в узкие щелки, изо рта — звериное рычание — сама свирепость, кровожадность, жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал опустел — Елайя снова исчезла.

— Великий Кром! — пробормотал киммериец. — Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро прошел за тронном и заглянул в альков. На гладком мраморе, там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови — и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

4

«ЗУБЫ ГВАЛУРА»

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть «Зубами Гвалура». В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман прояснится у тайника с сокровищами и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями — острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся — несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошлись по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца сквозь густые заросли необычных растений — их крупные цветы в мерцающих бледных лепестках источали экзотический, терпкий аромат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшиеся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто «Зубы Гвалура» спрятаны во дворце. Правда, след уводил все дальше от Мьюрелы, но с каждым шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянулись подземные ходы.

Неслышно пробираясь в темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходящий вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями, — очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал — открытая дверь; там же в скале была высечена голова дра-

кона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь, отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Конан не заметил никаких замков, лишь по краю массивного портала с внутренней стороны виднелось несколько засовов; как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого — он в этом ни на миг не сомневался — знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее Конан колебался. Дождаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способ, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше его и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасения, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, «Зубы Гвалура», а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смогли удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру — не очень большую, но с высоким овальным сводом, инкрустированным фосфоресцирующими кристаллами: как Конан уже догадался — довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в пещере не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры, само изваяние своими жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. «Наверняка от факелов,—

подумал он, — ведь свет от кристаллов был ровным». Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру — гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним, невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с «Зубами», необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан — легко и бесшумно — за ними. Опасности быть обнаруженным — почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отделились своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру — уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные блики. Он увидел вырубленную в камне лестницу — ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение прекратилось, глаза коленопреклоненных разом оторвались

от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал зловеющий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся пульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею — и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывавшимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку — от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

— Елайя!!! — пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок. — За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился зловеющий, как из потустороннего мира, голос:

— Горе неверным! Горе продажным детям Кешлы! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему божеству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга — неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

— Я не понимаю! — запинаясь, наконец выдавил он. — Там, в комнате, ты нам сказала...

— Забудь все, что слышал в комнате! — вновь скатился сверху ужасный голос — такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова. — Берегись ложных пророков и ложных богов! Демон в обличье богини говорил с тобой во дворце, его слова — ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я — настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия! Возьми из тайника «Зубы Гвалура». Все до последнего! Алкменон более не

обитель богов: оскверненный дыханием язычников, он утратил былую святость. Отдай «Зубы Гвалура» стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет их в святилище Дагона и Деркетто. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демонами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми «Зубы Гвалура», немедленно возвращайся в Кешлу, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живого кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга. Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара, — недаром же при звуках этого голоса тыльную сторону кистей покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если...

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еще можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет в жилах кровь, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий... Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом — словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

— Елайя! — прорычал он. — Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обозначилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил незапный частый топот босых ног. Он повернулся и — гибкий,

точно кошка, — увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И как только мерцающая в черной руке сталь просвистела мимо его уха, Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад — и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

— Так-то! — Конан выдернул меч, жертва, разинув рот, захлебываясь кровью, повалилась на пол.

Человек дернулся пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом в узел, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов — и в сумеречном свете тонкие пути терялись из виду.

— Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в туннель, — пробормотал Конан. — Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь. — Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев нечто похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место — себе за пояс. — Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурочить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им «волю» богов. В пещере с таким эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные штучки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и тоннелей. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружным путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на гале-

рею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки стусились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния — входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов — Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую галерею в другой пещере или комнате, куда — кто знает? — быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера — в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в монолитной скале руками человека. С куполообразного свода падал ровный белый свет, стены были почти невидимы под густой вязью арабесок все из того же утомлявшего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов; отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

— Ну и дела, будь я проклят! — пробормотал Конан, пораженный. Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано

но в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки. Киммериец положил руку на обнаженное плечо — Мьюрела, вздрогнув, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

— Конан! — Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

— Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительна для гордой богини. Ну, выкладывай, что с тобой стряслось.

— Когда я снова вошла в комнату прорицательницы, — заговорила девушка, едва сдерживая слезы, — я увидела, что богиня, совсем как в тот первый раз, лежит на пьедестале. Я крикнула тебя и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот зажала волосатая рука, в стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше — по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не пронесли мимо металлической двери и я не очутилась в коридоре с потолком, усеянным светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине — ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу — на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня опять несли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату, чтобы здесь приковать к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

— Слуги Бит-Якина, — буркнул киммериец. — Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда на-

ткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елайи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницу и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине, один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя — простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от заселения другими народами, а в конечном счете — уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умилостивить свою богиню и не скупились на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пунтийских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река бежит как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде — с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь; и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде и жреца просто разорвали

на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место... Да, совсем забыл: они отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

— Больше он не будет бить меня плетью!

— На этом свете — пожалуй, что да, — согласился Конан. — Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

— А как же слуги Бит-Якина? — прошептала она со страхом.

— Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал другой звук — низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на разыгравшуюся глубоко под ними зловещую фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали флуоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющий со

сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий арочный мостик — ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следуя изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь — и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь — на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами

в тусклую медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня — дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотилось, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они — «Зубы Гвалура»! Сокровище, владелец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыхание с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней: их свет бледнел, еще немного — и они погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и голько там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние «Зубов Гвалура». Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи фигуры.

На первый взгляд — серые каменные статуи: неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сполохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упиравшегося, не перестававшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову железным молотом обрушился огромный кулак — и крики оборвались. Тело — обмякшее, безвольное — распростерлось на каменной плите, из разможенного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Светом прорвало плотину — то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня — кровавая и беспощадная.

С галереи казалось, что черные тела набиты соломой, — с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан видел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извиваясь, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно цыпленка, разорвали надвое и как швырнули обе части тела через всю пещеру. Избиение — стремительное и ужасное — прокатилось по рядам жрецов подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск — и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним — забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками — устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли — и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств — сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз: туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка, — и он наметил план, как можно с честью и с поживой окончить это рискованное предприятие.

— Я спущусь за шкатулкой, — отрывисто сказал он. — Жди меня здесь!

— Во имя Митры, не уходи! — В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалии. — Не уходи! Не оставляй меня одну!

— Лежи тихо и не вздумай разевать рот! — отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры — вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов; а волны реки — все в разноцветных блестках — словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сияние — предвестник появления слуг Бит-Якина — с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое — необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице — у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них рассмотрелся, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанести по незванным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль; ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они равня людям и по уму, и по сноровке. К тому же там, на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил, — дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

— Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурился поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку

на ноги, он шагнул в проем в стене и быстро пошел коротким туннелем. Еще немного — и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз — и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справится со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку — всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца — и уже приготовился расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный шорохом — зловещим и таким знакомым, донесшимся из глубины скалы.

— Будь здесь! — отрывисто бросил он испуганной коринфийке. — Не двигайся! — И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгоднее, но дело надо кончить быстро, до того как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним — ни обезьяна, ни человек. Согнувшись, волоча ноги, к нему приближался сам Ужас — порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от остального мира — то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несла бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой,

точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненый тигр, — внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не держали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще немного — и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же глянул вверх: истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющей обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, поверотив голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело была крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой стребло девушку под мышку, другой подхватило оброненную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно по мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того, как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод.

Кровь ручьями текла из широкой раны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться на бок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка и шкатулка с драгоценностями выпали из онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки футах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны — девушка, с другой — соколовище. Оба — на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье: шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза расширены в предчувствии близкой смерти, рот приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда, он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого края, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатулка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись «Зубы Гвалура».

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше — вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание заставило его посмотреть вниз. Из коридорного проема недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина — с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул

девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя сорваться. Но когда в брешу показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшем к скалам.

— Ну вот, — сказал Конан, опуская девушку на ноги под надежным зеленым покровом, — теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае меня здесь, возле озера, дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы... Да чтоб тебе прогнеть Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

— Ты потерял свои сокровища, — сквозь всхлипывания доносилось из-под ладоней. — И все из-за меня. Если бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

— Что ж, может быть, так было бы и лучше, — согласился он. — Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И будь добра, прекрати ты свой рев!.. Вот так-то лучше. А теперь идем!

— Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? — с надеждой в голосе проговорила девушка.

— А что, по-твоему, мне еще остается? — Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости. — Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешлу нам не имеет смысла — там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки мо-

ет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешанцев напасть на них и сделать всех своими рабами — что, кстати, чистая правда — и что боги послали меня с целью их защитить... скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!

За Черной рекой

1

КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

В лесу стояла такая первозданная тишина, что осторожная поступь обутой в мягкую кожу ног звучала необычно громко. По крайней мере, так казалось одинокому путнику, хотя он шел по едва видимой тропе с уверенностью, свойственной лишь искателям приключений, кто исходил немало троп за Громовой рекой. Это был юноша среднего роста, с открытым лицом и копной взъерошенных темно-желтых волос, не упрятанных ни под шапку, ни под боевой шлем. На нем была одежда, обычная для жителей этих мест: туника из грубой ткани, схваченная в талии ремнем, короткие кожаные штаны и сапоги из выделанной шкуры, едва не доходившие до колен. Из-за голенища торчала рукоять ножа. К широкому кожаному ремню были пристегнуты ножны с коротким тяжелым мечом и сумка из той же мягкой шкуры, что и сапоги. Глаза, скользящие по зеленой бахrome леса, плотной стеной вставшего по обе стороны тропы, смотрели спокойно и холодно. Не отличавшийся высоким ростом, он был, однако, хорошо сложен, а короткие рукава открывали сильные, в узлах мускулов руки.

© Перевод А. Циммермана.

Человек с уверенностью шагал вперед, хотя между ним и последним жильем, где он останавливался, пролегло уже немало миль, и, по мере того как увеличивалось это расстояние, росла смертельная опасность, точно непроницаемая тень, затаившаяся в древнем лесу.

Он шел почти бесшумно, так что страхи во многом были плодом воображения, хотя, с другой стороны, даже легкий шорох прозвучал бы набатным колоколом, коснись он ушей затаившегося в засаде врага. Внешняя беспечность была обманчива: глаза и уши были начеку — особенно уши, ибо самый пытливый взгляд не пробился бы сквозь сплетение ветвей и густых листьев глубже чем на несколько футов.

Но именно инстинкт прежде природных чувств подсказал ему — опасность! Он замер, рука метнулась к рукоятке меча. Человек неподвижно стоял посреди тропы, затаив дыхание, усиленно пытаясь понять, действительно он что-то слышал или это ему только показалось. В воздухе повисла гнетущая тишина. Ни шороха белки, ни щебета птиц. Затем его взгляд остановился на густом кустарнике, росшем у тропы за несколько ярдов впереди. В лесу было тихо, но он только что видел, как там дрогнула ветка. Коротко остриженные волосы на затылке зашевелились, мгновение он медлил в нерешительности, понимая, что малейшее движение — и из кустов к нему рванется смерть.

Вдруг в гуще листвы раздался глухой звук — как будто рубанули секачом по мясной туше. По кустам прошла неистовая дрожь, и тут же из них со свистом вылетела стрела — отскочив за ствол, путник успел заметить, как та скрылась высоко среди деревьев.

Пригнувшись за стволом, сжимая в руке меч, так что подрагивал клинок, он не отрываясь смотрел на гущу зарослей. Но вот кусты раздвинулись, и на тропу неспешно выступил широкоплечий гигант. От удивления у путника округлились глаза. В облике обоих было много общего: те же сапоги, те же штаны, правда из шелка, а не кожаные. Но вместо туники — темная кольчуга, а на гриву черных волос был насажен шлем. Этот

шлем буквально заворожил юношу: без гребешка по центру, зато по сторонам приделаны два бычьих рога. Ни один мастер из стран, облагороженных цивилизацией, не смог бы сработать такую вещь. Лицо под шлемом также не слишком походило на лицо цивилизованного человека: смуглое, в шрамах, с холодным блеском в голубых глазах, оно прекрасно вписывалось в фон, создаваемый диким, доисторическим лесом. В правой руке человек держал меч, на острие которого алела свежая кровь.

— Эй, там, чего прячешься? — крикнул он с выговором, доселе неизвестным путнику. — Все в порядке. Пес был один, без дружков. Так что бояться больше некого.

Все еще нерешительно юноша показался из-за ствола и с опаской уставился на неожиданного спасителя. Рядом с незнакомцем он чувствовал себя на редкость беспомощным и слабым — настолько внушительной была у того внешность: взгляд заволаживала эта широкая, точно отлитая из железа грудь и опаленная солнцем, в буграх и узлах мускулов рука, сжимавшая окровавленный меч. Своими легкими, со скрытой угрозой движениями незнакомец напоминал пантеру; удивительно гибкий, он ничем не походил на изнеженных цивилизацией жителей городов и селений — даже тех ее оазисов, что вплотную подступали к землям дикарей.

Повернувшись, он сделал шаг назад и раздвинул ветви. По-прежнему мало что понимая, путник, однако, приблизился и заглянул в кусты. Там лежал человек — низкого роста, темнокожий, мускулистый, из одежды лишь набедренная повязка из львиной шкуры, на шее — ожерелье из человеческих зубов, вокруг запястья — медный браслет. За поясом из львиной шкуры торчала рукоять широкого меча, окоченевшие пальцы сжимали тяжелый черный лук. У человека были длинные черные волосы — и это все, что можно было сказать о его голове, поскольку разрубленный до зубов череп являл собой сплошное месиво из крови и вытекшего мозга.

— Клянись богами — пикт! — пораженный, воскликнул путник.

Холодно мерцающие глаза испытующе посмотрели на него.

— Ты удивлен?

— Меня предупреждали в Велитриуме и еще поселенцы, живущие при дороге, что эти демоны время от времени просачиваются на чужую территорию, но я никак не думал встретить их так далеко от границы.

— Мы всего лишь в четырех милях к востоку от Черной реки,— пояснил положение незнакомец.— А их убивали и в миле от Велитриума. Ни один поселенец от Громовой реки до самой крепости Тасцелан не может чувствовать себя в безопасности. Я взял след пса в трех милях к югу от крепости этим утром и с тех пор преследовал его. Я подоспел вовремя: он уже натягивал тетиву. Еще миг — и пес пополнил бы тобою Царство мертвых. Но я расстроил его планы.

Широко раскрытыми глазами путник взирал на этого загадочного гиганта: казалось невероятным, чтобы смертный смог выследить и убить лесного дикаря, сам оставаясь незамеченным. Для этого требовалось самому слиться с лесной жизнью, раствориться в ней без остатка, что было невысказано даже для Конаджохары.

— Ты из гарнизона крепости? — наконец спросил он.

— Я не воин. Я получаю плату и довольствие как полевой командир, но исполняю службу в лесах. Валанн понимает, что для меня больше подходит патрулировать лес вдоль пограничной реки, чем сидеть взаперти в курятнике, именуемом крепостью.

Воин небрежно отшвырнул ногой труп поглубже в заросли, выпрямил помятые кусты и, повернувшись, пошел по тропе. Юноша — следом.

— Меня зовут Балтус,— назвал он себя.— Я был в Велитриуме вчера вечером и пока не решил, что лучше: взять надел или поступить в крепость на службу.

— Лучшую землю у Громовой реки уже разобрали,— усмехнувшись, сказал гигант.— Есть много хорошей земли между скалой Скальпа — ты прошел мимо нее за несколько миль отсюда — и крепостью, но там опасно: река слишком близко. Пик-

ты пробираются через границу, жгут поселения, режут людей. Бывает, нападают группами. Когда-нибудь они соберутся и выметут из Конаджохары всех поселенцев. Может быть, им это удастся... пожалуй, что так. Вся эта затея с колонизацией — чистое безумие. Ведь есть немало отличной земли к востоку от Боссонских пределов. Если бы аквилонцы слегка поурезали владения своих баронов, чтобы посеять пшеницу там, где сейчас охотятся на оленей, то ни к чему было бы переходить границу и отбирать у пиктов их землю.

— Странно слышать такое от человека, состоящего на службе у правителя Конаджохары.

— Дело не во мне, — резко ответил его спутник. — Я наемник. Я со своим мечом там, где больше платят. Я никогда не сеял и никогда не посею пшеницу — во всяком случае, пока найдется жатва моему мечу. Но вы, хайборийцы, вы зашли слишком далеко. Вы захватили пограничные земли, сожгли деревни, перебили людей и отодвинули границу к Черной реке; только я сильно сомневаюсь, чтобы вам удалось удержать то, что вы завоевали, и, уж конечно, вам ни за что не продвинуться дальше на запад. Ваш выживший из ума король не представляет, какие здесь условия. Он жмет с отправкой сюда крупных подкреплений, а поселенцам с нашествием объединенных кланов одним не справиться.

— Но ведь среди пиктов междоусобица, — возразил Балтус. — Они никогда не выступают вместе, а с одним кланом мы всегда справимся.

— Пожалуй, даже с тремя, — согласился воин. — Но однажды появится вождь, который объединит тридцать-сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гандерландцы попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно, — вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала по-

бедную летопись его воинственного народа. — Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчин, женщин, детей — всех перерезали. Венариум превратился в груды дымящихся развалин, там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же. — Воин усмехнулся. — Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов. Мне не было тогда и пятнадцати зим, но мое имя уже звучало на советах старейшин.

Балтус невольно отпрянул в сторону. Неужели человек, спокойно вышагивающий рядом с ним, один из тех вопящих кроважидных демонов, которые в тот давний день ворвались в город и пролили потоки крови?

— Ты что же, варвар?! — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Страхи прошли. Балтус с живым интересом посмотрел на спутника.

— Я слышал о тебе.

Неудивительно, что пикт так ничего и не заметил — ведь он пал от руки такого же дикаря! По ярости и свирепости киммерийцы не уступали пиктам, но были гораздо смысленнее и накопили кое-какие знания. Похоже, Конан немало повращался среди цивилизованных народов, хотя, судя по виду и повадкам, не стал мягче и сохранил в неприкосновенности все примитивные инстинкты. Удивление сменилось восхищением, когда Балтус заметил, как по-кошачьи легко и бесшумно киммериец ступает по земле. Смазанное оружие ни разу не звякнуло — в самой густой роще или в сплошных зарослях кус-

тарника Конан мог бы скользить так же неслышно, как любой голый пикт.

— Ты не из гандеров? — скорее подтверждая собственную догадку, чем спрашивая, обратился к нему киммериец.

Балтус покачал головой.

— Я из Турана.

— В Туране есть немало добрых лесных жителей. Но боссонцы несколько веков стояли между аквилонцами и дикарями с запада, поэтому вам не хватает выучки и жесткости.

Варвар был прав: Боссонские пределы с укрепленными деревнями, в которых мужское население состояло из решительных и храбрых лучников, долгое время надежно защищали Аквилонию от племен варваров. Сейчас среди поселенцев, обосновавшихся за Черной рекой, подрастало поколение, способное сражаться с варварами их же оружием, но настоящих воинов набралось бы пока немного. Большинство колонистов, как и Балтус, были скорее крестьянами, чем жителями лесов.

Солнце еще не село, но уже скрылось из виду за густой стеной леса. На тропу напоздали длинные тени.

— Мы не успеем дойти до крепости, как стемнеет, — обронил Конан. И вдруг: — Тише!

Он круто остановился, замер, слегка согнувшись, меч обнажен — снова дикарь, жестокий, подозрительный, готовый в любой миг крушить врага, отпрыгнуть, впиться в глотку. Балтус и сам все слышал: дикий вопль, оборвавшийся на высшей ноте, — так кричит человек в смертельном ужасе или агонии.

В следующий миг Конан уже мчался по тропе, с каждым прыжком увеличивая расстояние между собой и напрягающим все силы спутником. Балтус хрипло выругался. У себя в Туране он считался неплохим бегуном, однако Конан уходил вперед прямо-таки с оскорбительной легкостью. Но когда в уши ворвался дикий вопль — самый ужасный, какой он мог себе представить, — тут стало не до мелочных обид. Леденящий кровь, как завывание потусторонних тварей, он словно был исполнен скрытого торжества над побежденным человечеством, жутким эхом отдаваясь в темных уголках сознания.

Балтус запнулся, тело покрыл холодный пот. Но Конан не колебался: стрелой метнувшись за поворот тропы, варвар исчез, и Балтус, вдруг с ужасом осознав, что он остался один на один с этим кошмарным воем, заполнившим весь лес зловещими отголосками, собрал волю в кулак и, взяв немыслимую скорость, помчался вслед за киммерийцем.

Аквилонец едва не налетел на варвара: тот стоял посредине тропы над изувеченным телом. Но Конан смотрел не на труп, распростертый в кроваво-красной пыли у его ног. Пылающие глаза воина прощупывали гущу зарослей по обе стороны тропы.

При виде трупа с губ Балтуса слетело страшное проклятие. Быстрым взглядом он окинул тело: маленький, толстый человек с вызолоченными сапогами на ногах, одетый, несмотря на жару, в богатую, отороченную горностаем тунику, — как видно, зажиточный купец. На полном бледном лице застыла гримаса ужаса, толстая шея была рассечена от уха до уха, словно по ней прошлись лезвием бритвы. Короткий меч, оставшийся в ножнах, указывал на то, что нападение произошло внезапно и путник не успел схватиться за оружие.

— Пикт постарался? — прошептал Балтус, отворачиваясь от жуткого зрелища и с опаской вглядываясь в сгущающиеся тени.

Конан покачал головой. Он выпрямился и, сдвинув брови, посмотрел на мертвеца.

— Его настигла лесная тварь. Великий Кром, вот и пятый!

— Что за тварь такая?

— Ты что-нибудь слышал о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Балтус в недоумении пожал плечами.

— Он живет в Ггавеле, деревушке, ближе других подступившей к Черной реке. Три месяца назад недалеко отсюда он подстерег караван, идущий в крепость, и украл несколько вьючных мулов с поклажей — кажется, чем-то опоил погонщиков. Так вот, те мулы принадлежали этому человеку. — Конан небрежно указал на труп у его ног. — Это Тиберий, купец из Ве-

литриума. А груз состоял из бочонков с элем, и, прежде чем переправиться через реку, старина Зогар изрядно приложился к одному из них. Один из лесных жителей по имени Соракт выследил его и привел Валанна и с ним трех воинов к тому месту, где в густых зарослях валялся мертвецки пьяный колдун. По настоянию Тиберия Валанн заключил Зогар Сага в тюрьму, то есть нанес пикту смертельное оскорбление. Но тот каким-то образом перебил стражу и удрал, а после передал весточку, в которой обещал убить Тиберия и тех пятерых, что захватили его в плен, таким ужасным способом, что аквилонцы будут содрогаться не одно столетие при воспоминании о его мести. Соракт и воины уже мертвы. Соракта убили на реке, а воинов — у самой крепости. А сейчас умер и Тиберий. Ни один пикт к этим делам не причастен. У каждой жертвы, кроме Тиберия, недоставало головы — наверняка их черепа украшают сейчас алтарь бога, которому поклоняется Зогар Саг.

— Почему ты уверен, что их убили не пикты?

Конан указал на труп купца.

— Ты, верно, думаешь, что его полоснули мечом или ножом, не так ли? Но посмотри поближе и увидишь, что такую рану мог оставить только коготь. Кожа распорота, а не рассечена.

— Что, если пантера... — неуверенно начал Балтус, но Конан нетерпеливо отмахнулся.

— Уж выходец-то из Турана мог бы распознать когти пантеры. Нет, здесь не обошлось без лесной твари, призванной Зогар Сагом, чтобы свершить свою месть. Для Тиберия было непростительной глупостью отправляться в Велитриум одному, да еще на исходе дня. И все жертвы, прежде чем пасть, похоже, прямо-таки цепенели от ужаса. Посмотри сам — признаки налицо! Тиберий ехал по тропе верхом на муле, не иначе как приторочив к седлу добрую связку шкурок выдры на продажу, а тварь напала сзади из кустов — вон оттуда, где сломаны ветки и примята трава. Тиберий только и успел, что вскрикнуть: ему тут же порвали горло, и он отправился торговать шкурками прямоком в Царство Теней. А мул умчался в лес. Слышишь

треск? Наверняка это он продирается сквозь чашу. Демону не хватило времени, чтобы забрать голову: мы его спугнули.

— Точнее сказать, ты его спугнул, — поправил Балтус варвара. — Должно быть, чудище не так ужасно, раз бросилось наутек от одного вооруженного человека. И все-таки, что, если это пикт с каким-нибудь крюком вместо ножа, который, точно коготь, разрывает, а не режет ткани? Ты его видел?

— Тиберий тоже был вооружен, — глухо сказал Конан. — Если Зогар Саг может призвать себе на помощь демонов, то почему бы ему не научить их, кого следует убить, а кого не трогать. Нет, я его не видел. Я только видел, как раскачиваются ветки зарослей. Но если тебе мало моих слов, смотри!

Прежде чем скрыться, убийца ступил в лужу крови, в которой плавал мертвец, и сейчас на суглинке у края тропы четко виднелся кровавый отпечаток.

— Что скажешь? Похож он на след человека?

В затылке Балтуса противно закололо. Ни один человек, равно как ни одно животное из тех, что он знал, не мог оставить этот уродливый трехпалый след, чем-то напоминающий отпечаток лапы птицы или ящерицы, но, что совершенно очевидно, не принадлежащий ни тем ни другим. Стараясь не задеть земли, он растопырил над следом пальцы и удивленно хмыкнул: след далеко выступал за кончики ногтей.

— Что это? — прошептал он. — Никогда не видел зверя, который оставлял бы такие следы.

— И никто не видел, — мрачно ответил Конан. — Это следы болотного демона — они похожи на следы гигантских летучих мышей, что обитают в топях за Черной рекой. В жаркие ночи сильный южный ветер, случается, доносит их вой — должно быть, так вопят только неприкаянные души.

— Что же делать? — спросил аквилонец, с тревогой вглядываясь в быстро сгущающиеся голубоватые тени. Его неотступно преследовала маска животного ужаса на застывшем лице мертвеца. Он терялся в догадках: что это за чудовище, если от одного вида оскаленной пасти, вдруг показавшейся среди кустов, у человека кровь стынет в жилах!

— Нет смысла преследовать эту тварь, — проворчал Конан, доставая из-за пояса труп короткий топор — обычный спутник лесного жителя. — Я уже пробовал — после того, как он разделся с Сорактом, — но потерял след, не сделал и дюжины шагов. То ли у него выросли крылья и он улетел, то ли провалился сквозь землю напрямиком в Царство Теней — не знаю. За мула тоже нечего беспокоиться: тот или вернется в крепость, или прибьется к чьей-нибудь хижине.

За разговором Конан не забывал орудовать топором. У самого края тропы он срубил пару молоденьких деревцев, каждое длиной футов десять, и несколькими ударами очистил их от веток. Затем отсек кусок дикой лозы, точно змея вытянувшейся среди кустарника, и, обвязав ею одну жердь в паре футов от края, обмотал вокруг другой и так, перекидывая с жерди на жердь, в несколько минут соорудил грубые, но прочные носилки.

— Уж я позабочусь, чтобы тварь не добралась до головы Тиберия, — прорычал он. — Отнесем тело в крепость. Это не больше трех миль. Мы с толстяком всегда недолюбливали друг друга, но я не допущу, чтобы проклятые пикты проделывали всякие гадости с головами белых людей.

К слову сказать, сами пикты хотя и были смуглокожи, но принадлежали к той же белой расе, однако жители пограничья никогда не считали их за белых.

Конан бесцеремонно бросил на носилки труп бедняги купца, Балтус взялся за один конец, варвар — за другой, и оба быстрым шагом заторопились к крепости. С увесистой ношей Конан шагал так же бесшумно, как если бы крался налегке. Завязав ремень купца петлей, он затянул ею обе жерди и сейчас в одной руке нес носилки, в то время как другая сжимала обнаженный меч. Его пытливый взгляд без усталости обшаривал мрачные зеленые стены по обе стороны тропы. Тени сгустились. Голубоватый туман скрадывал очертания кустов и деревьев. Лес наполняли сумерки, и с ними словно пробуждались от спячки обитавшие под его покровом таинственные, неведомые создания.

Они отшагали уже больше мили, и крепкие мышцы на руках Балтуса начинали побаливать, как вдруг из чащи леса до неся отчаянный крик.

Конан вздрогнул всем телом, а Балтус от неожиданности едва не выронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул он. — Великий Митра, это был голос женщины!

— Просто жена какого-нибудь поселенца заблудилась в лесу, — проворчал Конан, опуская носилки. — Может быть, искала корову, ну и... Подожди меня здесь. — И, словно волк на охоте, он скользнул в стену зарослей.

У Балтуса волосы встали дыбом.

— Ждать одному в компании с трупом, когда в лесу рыщет эта тварь?! — воскликнул он. — Нет уж, я с тобой!

И, недолго думая, он нырнул вслед за киммерийцем. Конан бросил на него взгляд через плечо, однако возражать не стал, но и не сбавил шага, чтобы подстроиться под своего товарища. Балтус только напрасно сбивал дыхание, кляня на чем свет стоит легкую поступь варвара, — тот, будто призрак, уходил все дальше, неясной тенью мелькая среди деревьев. И вдруг Конан очутился на сумрачной прогалине; он остановился, сразу весь подобравшись, — зубы оскалены, меч на изготовку.

— Чего стоим? — тяжело дыша, подкатился Балтус; он помотал головой, вытряхивая из глаз капли пота, в правой руке он сжимал рукоять короткого меча.

— Крик шел с прогалины или откуда-то неподалеку, — ответил Конан. — Я всегда точно определяю источник звука, даже в лесу. Но где же тогда...

Внезапно крик повторился, уже у них за спиной, со стороны тропы. Жалобный и пронзительный, он забирался все выше — крик женщины, зажатой в тисках смертельного ужаса, — и вдруг оборвался, сменившись оглушительным издевательским хохотом, который мог вырваться не иначе как из пасти мерзкого чудовища — порождения Тьмы.

— О милосердный Митра... — Мертвенно-бледное лицо Балтуса матовым пятном маячило в сумерках.

Страшно выругавшись, Конан метнулся обратно сквозь заросли; аквилонец, спотыкаясь, ничего не соображая, побежал следом. На полпути, полуослепший, он налетел на вдруг оставившегося киммерийца и отскочил от него, как от железной статуи. Хватая воздух, Балтус услышал свистящее дыхание, прорывавшееся сквозь стиснутые зубы варвара. Тот словно застыл, впившись взглядом в темноту.

Аквилонец выглянул из-за плеча киммерийца — и волосы зашевелились у него на голове. В кустах, плотной стеной подступивших к тропе, что-то двигалось — не летело, не ступало ногами, скорее, ползло, как змея. Но это была не змея. Сумерки скрадывали очертания, но было видно, что существо выше человеческого роста и не слишком крупное. От него исходило призрачное свечение, похожее на слабое голубое пламя. Собственно, только это свечение и можно было различить — словно пламя, приняв некую расплывчатую форму, двигалось по мрачному лесу к какой-то заданной цели.

Конан с проклятием метнул топор. Но существо, как будто не замечая, скользило дальше. Они наблюдали его всего несколько мгновений — высокое, неопределенных очертаний, точно сгусток призрачного пламени, плывущего среди кустарника. Затем оно скрылось с глаз, и в лесу вновь установилась мертвая тишина.

Издав приглушенное рычание, Конан ринулся сквозь сплетения зарослей к тропе. Пробираясь за ним, Балтус отметил про себя, что на этот раз проклятия варвара гораздо изощреннее и идут от души. Наконец он увидел киммерийца, стоявшего над носилками с телом Тиберия. Головы у тела больше не было.

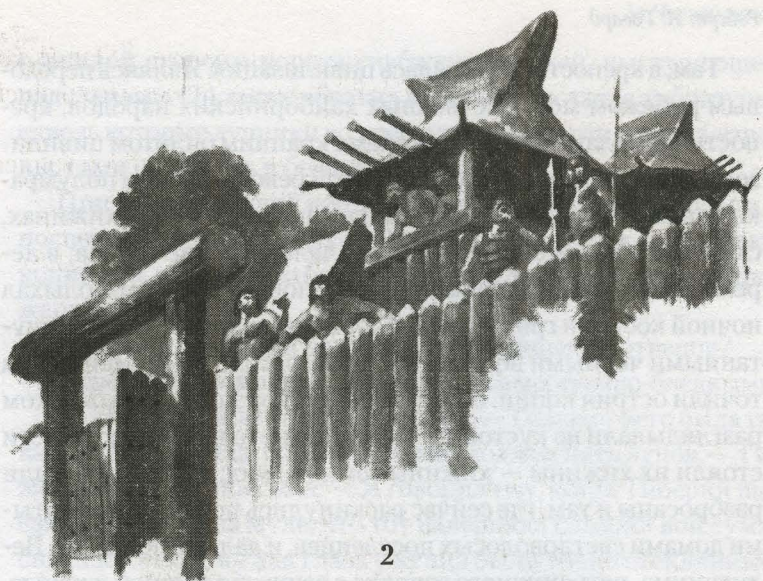
— Тварь одурачила нас! — бушевал Конан, в ярости размахивая над головой мечом. — И я-то хорош! Попался как последний дурак! Теперь Зогар украсит свой алтарь последней из пяти голов!

— Но что это за существо, которое кричит, как женщина, хохочет, точно демон, и светится во мраке колдовским огнем? — неуверенным голосом проговорил Балтус, отирая бледное лицо.

— Болотный демон, — угрюмо ответил Конан. — Ладно, берись за палки. Доставим в крепость то, что осталось. По крайней мере, нести будет легче.

И с этой мрачноватой философской выкладкой он взялся за кожаную петлю и зашагал по тропе.

2

КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛЫ

Крепость Тасцелан стояла на восточном берегу Черной реки, воды которой плескались у самого основания бревенчатой стены. Как и стены, все здания внутри крепости, включая главную башню (которую называли так в особо торжественных случаях), были выстроены из бревен. В башне располагался штаб гарнизона, высотой она превосходила стены, и с нее открывался прекрасный вид на окрестности. За рекой лежал огромный и непроходимый, как джунгли, лес, подступавший к болотистым берегам. На стенах по деревянному парпету день и ночь вышагивали часовые, наблюдая за густой прибрежной зеленью. Изредка среди кустов мелькала фигура человека, но часовые не поднимали тревоги: они знали, что из-за реки за ними тоже непрерывно наблюдают чужие глаза — горящие ненавистью, безжалостные, полные первобытной злобы. Непосвященному лес показался бы безжизненной пустыней, на самом же деле в нем кипела жизнь: под зеленым покровом обитали птицы, змеи, звери и самый свирепый из плотоядных — человек.

Там, в крепости, обрывалась цивилизация. Являясь передовым рубежом могущественных хайборийских народов, крепость Тасцелан была в то же время крайним оплотом цивилизованного мира на западе. За Черной рекой в лесном полумраке царила первозданная тишина: там, в плетеных хижинах, скалились насаженные на шесты человеческие черепа; в деревьях, обнесенных обмазанным глиной частоколом, полыхал ночной костер и грохотали барабаны, а угрюмые люди со спутанными черными волосами и глазами голодных змей молча точили острия копий. Эти глаза нередко с холодным блеском разглядывали из кустов часовых. Когда-то на месте крепости стояли их хижины — хижины темнокожих; их деревни были разбросаны и там, где сейчас раскинулись поля с бревенчатыми домами светловолосых поселенцев, и дальше до самого Велитриума, пограничного городка с вечно сумбурной жизнью, поднявшегося на берегу Громовой реки, и вдоль берегов реки, очертившей с запада Боссонские пределы. К ним наведывались и купцы, время от времени туда забредали босоногие нищие, служители Митры, и большинство их умерло там страшной смертью, но вслед за этими пришли воины, потом люди с топорами, и наконец в запряженных быками повозках прибыли женщины и дети. Огнем и мечом аборигенов оттеснили сначала за Громовую, а со временем — и за Черную реку. Но темнокожие никогда не забывали, что когда-то Конаджохара принадлежала им...

У восточных ворот Конана и аквилонца окликнула стража. Сквозь частые прутья решетки было видно, как дрожащее пламя факела отражается от гладкой поверхности стального шлема и в темных глазах воина, настороженно оглядывавшего поздних гостей.

— Открывай ворота! — рыкнул Конан. — Своих не узнаешь? — Тупое исполнение приказа неизменно раздражало варвара.

Ворота медленно открылись вовнутрь, и Конан со своим спутником вошли в крепость. Балтус огляделся. Он увидел, что

с каждой стороны ворота снабжены башней, выступающей над стенами. Он также обратил внимание на узкие амбразуры, сквозь которые лучники во время штурма могли пускать стрелы, сами оставаясь в безопасности.

При виде зловещей ноши стражники что-то пробурчали и поспешили закрыть ворота. Они так торопились, что древки копий в их руках глухо брякнули друг о друга, и Конан раздраженно спросил:

— Вы что, никогда не видели безголовых мертвецов?

В свете факелов лица воинов казались мертвенно-бледными.

— Это Тиберий! — выпалил один. — Только у него была такая богатая туника. Валерий, ты мне должен пять лунов. — Тут же, довольный, пояснил: — Я говорил ему, когда Тиберий выезжал из ворот на муле, что тот наверняка слышал вой сумасшедшего, потому как глаза у купца были точно стеклянные. Тогда и поспорил, что если он и вернется, то не иначе как без головы.

Загадочно усмехнувшись, Конан сделал знак Балтусу опустить носилки и направился к казармам. Аквилонец не отставал ни на шаг. Юноша возбужденно озирался по сторонам, примечая черты незнакомой военной жизни: ряды казарм вдоль стен, конюшни, лавчонки купцов, массивный склад, прочие дома, обступившие площадку, где днем муштровали новобранцев и где сейчас весело полыхал огонь, вокруг которого развалились свободные от службы воины. Но и они, оставив отдых, присоединились к толпе, быстро собиравшейся вокруг носилок. Стройные тела аквилонских копейщиков и лесных лазутчиков смешались с приземистыми, коренастыми фигурами боссонских лучников.

Балтус почти не удивился тому, что комендант крепости лично принял их обоих. Общество, в котором нерушимо соблюдались законы иерархии, осталось далеко к востоку. Валанн был еще довольно молод и крепко сбит, его лицо с правильными, точно чеканными чертами смотрело холодно и рассудительно — свидетельство упорного труда и немалой ответственности.

— Мне передали, что ты вышел из крепости еще до рассвета, — сказал он Конану. — Я уже начал опасаться, что пикты добрались и до тебя.

Варвар недобро усмехнулся.

— Когда настанет время коптить над костром мою голову, об этом будут знать по обоим берегам реки. Вой пиктских женщин, оплакивающих мертвецов, долетит и до Велитриума... Я ходил на разведку и держал уши открытыми. Сегодня целый день за рекой били в барабаны.

— Они каждую ночь бьют, — отозвался комендант, но, посмотрев в глаза киммерийца, нахмурился. Он давно понял, что пренебрегать чутьем этого дикаря — непростительная глупость.

— Прошлой ночью они били по-другому, — проворчал Конан. — И так с тех пор, как Зогар Саг убрался за реку.

— Нам надо было отправить его с подарками домой, а еще лучше — повесить. — Валанн глубоко вздохнул. — Ты ведь советовал, да только...

— Да только вы, хайборийцы, никак не усвоите порядки дикарей, — перебил его Конан. — Ладно, чего сейчас об этом, но знай, что до тех пор, пока жив Зогар, пока он помнит, как потел в вашей тюрьме, мира на границе не будет. Я выследил воина, который пробрался на эту сторону за свежими зарубками на своем луке. А после наткнулся вот на этого парня по имени Балтус, он пришел из Турана вам на подмогу.

Валанн одобрительно окинул взглядом сильное тело юноши, отметив про себя выражение его честного, открытого лица.

— Рад приветствовать тебя. Хотелось бы побольше таких. Нам нужны люди, привычные к лесной жизни. Многие воины и даже кое-кто из поселян — выходцы из восточных провинций и мало знакомы с лесными обычаями или с сельским трудом.

— «Многие» — не то слово, — проворчал Конан. — Эта крепость битком набита одними неженками. Но сейчас не об этом. Валанн, мы с аквилонцем нашли на тропе мертвого Тиберия. — И в нескольких словах он рассказал об ужасном происшествии.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он вышел из крепости. Должно быть, он сошел с ума!

— Так оно и было,— ответил Конан,— как, впрочем, и с остальными. Каждый, когда наступал его черед, сходил с ума и мчался в лес навстречу смерти — совсем как кролик, который сам лезет питону в пасть. Что-то позвало их из глубины леса, все они слышали то, что за неимением других слов прозвали здесь «зов безумного», причем слышат его только обреченные на гибель. Зогар Саг прибегнул к чарам, которых не в силах преодолеть цивилизованные аквилонцы.

Валанн не нашелся, чем ответить на выпад. Он нервно вытер со лба пот.

— Воины знают об убитом?

— Мы оставили труп у восточных ворот.

— Лучше бы вы зарыли его где-нибудь в лесу — люди и так как на иголках.

— Они бы все равно узнали. Если бы я спрятал тело, его доставили бы в крепость, как это было с трупом Соракта: привязали бы снаружи к воротам, а утром его обнаружила бы стража.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к узкому окну и стал молча смотреть на черные воды реки, слабо мерцающие под ночным звездным небом. За рекой непроницаемой стеной встали джунгли. Тишину нарушил отдаленный вой пантеры. Ночь непомерной тяжестью давила на плечи, грудь, виски, приглушая говор воинов на плацу и яркое пламя костра. В ветвях шептался ветер, теребя гладь воды. Он приносил с собой глухие, мерные удары — зловещие, как мягкая поступь леопардовых лап.

— А собственно,— заговорил Валанн, как бы размышляя вслух,— что мы вообще знаем — да и не только мы — о том, что скрывают в себе джунгли? До нас доходят лишь неясные слухи о гиблых болотах и мутных реках, о бесконечном лесу, который, через горы и равнины, простирается до самого побережья Западного океана. Даже представить себе невозможно, какие

твари могут обитать на этих пространствах между Черной рекой и побережьем. Из белых, что дерзнули углубиться в джунгли, ни один не вернулся, так что узнать не от кого. Мы со своими знаниями достигли многого, но на западном берегу все наши премудрости не стоят ломаной монеты. И кто знает, какие силы — земные или сверхъестественные — затаились во мраке за чертой тусклого круга наших знаний? Мы можем лишь догадываться, каким богам поклоняются в этом доисторическом лесу, какие демонские твари выползают из жижи топей. Да и земные ли они создания — обитатели этой черной страны? Над Зогар Сагом в восточных городах немало потешались, принимая его заклинания за бормотания заезжего факира, однако он необъяснимым образом довел до безумия и убил вот уже пятерых. Порой я начинаю сомневаться, человек ли он.

— Если я выйду на него на расстояние броска топора, то, думаю, сумею разрешить твои сомнения, — прорычал Конан, изрядно угостившись вином и протягивая кубок с остатками Балтусу; тот, украдкой посмотрев на коменданта, нерешительно принял кубок.

Отвернувшись от окна, Валанн бросил на варвара задумчивый взгляд.

— Странно. Воины, которые не верят ни в привидений, ни в демонов, на грани паники. А ты, верящий в духов, упырей, гоблинов и прочую нечисть, похоже, не боишься никого из них.

— Да потому что я уверен, что перед холодной сталью все равны, — ответил Конан. — Я метнул в демона топор, а тому хоть бы что. Но в сумерках я мог и промахнуться, или какая-нибудь ветка помешала. Я не собираюсь бросить все и заняться охотой на демонов, но уж если кто из них и попадется, то будь уверен — своего не упущу.

Валанн поднял голову и встретил открытый взгляд варвара.

— Конан, ты даже не представляешь, как много от тебя зависит. Тебе известны местные условия и связанные с ними сложности — все оттого, что наша провинция узким клином врезает-

ся в первобытную дикость. Ты знаешь, что жизни людей, поселившихся к западу от пограничья, зависят от этой крепости. Если она падет, красные топоры вопьются в ворота Велитриума раньше, чем всадник покроет пограничье. Его величество или же советники его величества оставили без внимания мою просьбу о подкреплении. Они понятия не имеют, насколько трудна здешняя жизнь, и потому предпочитают тратить деньги на что угодно, но только не на укрепление границы. Так что судьба пограничья сейчас целиком зависит от нас.

Ты знаешь, что большую часть войска, завоевавшего Конаджохару, отзывали обратно. Ты знаешь также, что имеющихся под моим началом сил совершенно недостаточно для надежной охраны границы, особенно с тех пор, как Зогар Саг ухитрился отравить колодец и у нас за один день умерли сорок человек. Из оставшихся в живых одни больны, других укусили змеи, а третьим досталось от дикого зверья, которым так и кишат окрестности крепости. Дошло до того, что воины начали верить похвальбе Зогара, будто по одному его слову лесные твари могут убить всех его врагов.

У меня сейчас три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и человек пятьдесят таких, как ты, лесных лазутчиков. Каждый из вас стоит десятка обычных воинов — беда в том, что вас слишком мало. Нет, правда, Конан, положение ухудшается с каждым днем. Воины подбивают друг друга на дезертирство, они совсем пали духом, уверенные, что это Зогар Саг натравил на них своих демонов. К тому же колдун пригрозил напустить на крепость черную чуму — ужасную пагубу, обитающую в непроходимых болотах. Всякий раз, когда я вижу больного воина, я холодею от ужаса: что, если вот сейчас, прямо на моих глазах, он почернеет, иссохнет и умрет?

Конан, если на нас напустят чуму, здесь не выживет ни один воин! Граница останется незащищенной, и тогда ничто не сможет удержать темнокожие племена от набегов на Велитриум, а может быть, и дальше, в глубь страны! И если мы, воины пограничья, не сумеем отстоять крепость, то как наши смогут удержать город?

Конан, Зогар Саг должен умереть, иначе нам не удержать Конаджохару. Больше медлить нельзя. Ты дальше других забирался в дикий лес, ты знаешь, где находится Ггавела и кое-какие тропы по ту сторону реки. Я дам тебе людей. выступишь этой же ночью. Попробуй захватить колдуна в плен, а не получится — убей. Понимаю, что мое предложение — чистое безумие. Существует не больше одного шанса из тысячи, что вам удастся вернуться живыми. Но если мы не покончим с ним, нам всем конец. Можешь взять столько воинов, сколько пожелаешь.

— В подобном предприятии от дюжины больше проку, чем от полка, — ответил Конан. — Пяти сотням в Ггавелу не пробиться, а дюжина сможет незаметно подкрасться к деревне и позже ускользнуть от погони. Я хочу сам выбрать воинов. Мне не нужны случайные люди.

— Возьми меня! — горячо воскликнул Балтус. — У себя на родине я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо. Валанн, мы будем есть за столом, где собираются лазутчики, там и отберу людей. Из крепости выйдем в течение часа. Спустимся по реке ниже деревни и подкроемся к ней лесом. Если останемся живы, вернемся до рассвета.

3

СКОЛЬЗЯЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река неясной лентой вилась между черных стен. Лопасты весел уходили в воду бесшумно, как клювы цапель, и длинная лодка, скрытая густой тенью деревьев, быстро продвигалась вдоль восточного берега. В плотных сумерках широкие плечи сидящего перед ним человека казались Балтусу окрашенными в лиловый цвет. Он знал, что в окружавшей их тьме даже зоркие глаза застывшего на носу лодки варвара видят вперед не дальше чем на несколько футов. Конан прокладывал путь, целиком положившись на инстинкты и на свое знание жизни на реке.

Все молчали. Балтус успел хорошо присмотреться к будущим спутникам еще до того, как все незаметно выскользнули за стену и спустились к реке, где для них было приготовлено каноэ. Они были из тех, кто вырос в суровом мире пограничья, кого жестокая необходимость заставила накрепко усвоить законы леса. Все до последнего аквилонцы, они имели в своем облике много общего. Одеты были одинаково: кожаные штаны,

рубашка из оленьей шкуры, схваченная в поясе широким ремнем с заткнутым топором и ножами для короткого меча, на ногах — мягкой кожи мокасины; тела — поджарые, исполосованные шрамами и мускулистые; все молчаливые, с тяжелым взглядом.

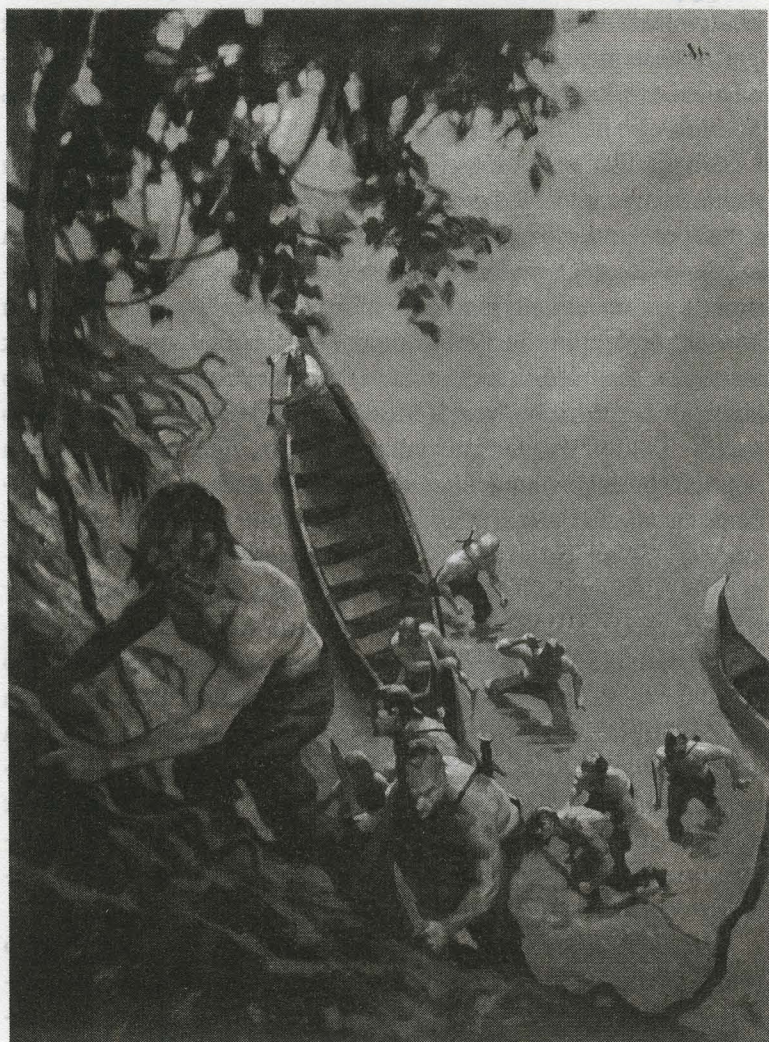
В известном смысле тоже дикарей, их, однако, отделяла от Конана огромная пропасть. Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру.

Балтус не переставал восхищаться и аквилонцами, и их предводителем, он был в восторге от того, что его приняли как равного. Юноша с гордостью отметил, что ступает так же бесшумно, как и его товарищи. По крайней мере, в этом он оказался на высоте, хотя мастерство охотников Турана не шло ни в какое сравнение с мастерством лазутчиков из пограничья.

Чуть ниже по течению река образовывала широкую излучину. Огни крепости скоро скрылись из виду, но каноэ продолжало плыть еще с милю, с непостижимой легкостью обходя коряги и плавающие бревна.

Затем в тишине послышалась глухая команда, нос лодки повернулся, и она быстро заскользила к противоположному берегу. После непроницаемой тени от кустов, густой бахромой росших у самой воды, появление на открытой со всех сторон стремнине на первый взгляд выглядело безумием: казалось, еще миг — и они будут обнаружены! Но скоро Балтус успокоился: если кто в ту минуту и наблюдал за рекой, то в тусклом свете звезд даже самый пытливый глаз не смог бы рассмотреть пересекающее реку каноэ.

Волна качнула каноэ под разросшиеся у самого берега кусты. Ощупью найдя торчащий из воды корень, Балтус вцепился в него руками. Никто не проронил ни слова. Каждый получил необходимые указания еще до того, как отряд лазутчиков по-

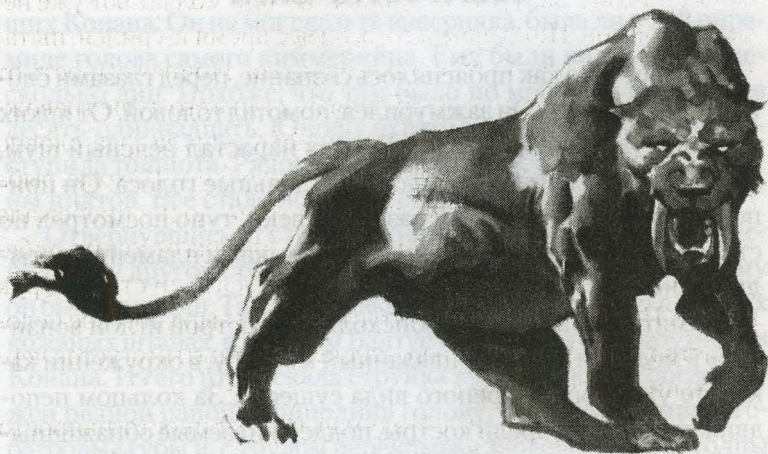
кинул крепость. Словно огромная пантера, Конан бесшумно скользнул за борт и исчез в кустах. Вслед за ним, также ничем не нарушая тишины, последовали еще девять человек. Юный аквилонец, не выпускавший из рук коряги, не верил своим ушам: казалось невероятным, чтобы в таком сплетении зарослей без единого звука смогли бесследно раствориться десять воинов.

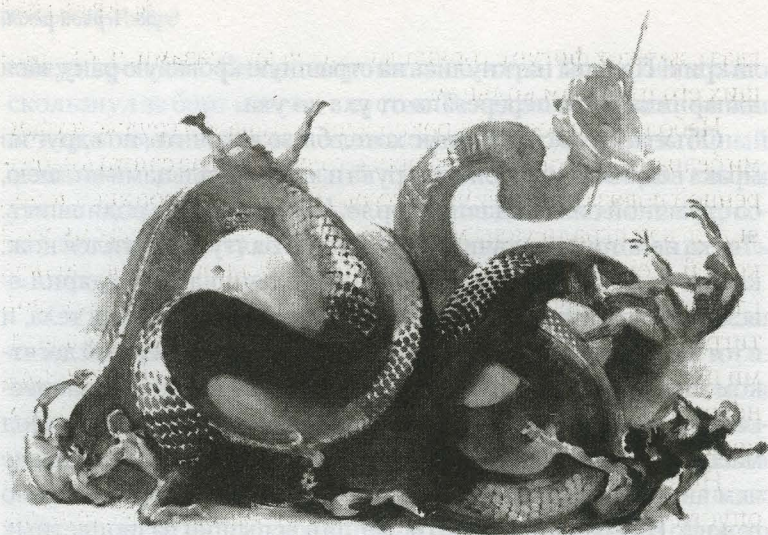
Он приготовился ждать. С ним — еще один воин, оба сидели не шелохнувшись, не раскрывая рта. Отсюда, примерно в миле к северо-западу, окруженная непроходимыми лесами, стояла деревня Зогар Сага. Балтус четко усвоил отданное ему распоряжение: вместе с еще одним воином дожидаться возвращения команды лазутчиков. Если Конан с остальными не вернется к началу рассвета, эти двое должны из всех сил грести обратно в крепость и там сообщить, что лес в очередной раз взял свою жатву. Вокруг стояла гнетущая тишина. Лес, невидимый за черной громадой нависших кустов, не издавал ни звука. Барабаны смолкли. Балтус вдруг понял, что они молчат вот уже несколько часов. Не сознавая того, он все время шурился, пытаясь проникнуть за плотную завесу мрака. Ночная сырость от реки и влажные лесные испарения будили в его душе тревожные предчувствия. Где-то совсем рядом плеснула вода, словно большая рыба, ударив хвостом, ушла на глубину. Похоже, рыба даже задела борт: ему почудилось, что по лодке пробежала легкая дрожь. Корма, чуть покачиваясь, начала отходить от берега. Должно быть, его напарник умудрился выпустить из рук корягу. Повернув голову, Балтус шепотом выразил свое недовольство; в двух футах от него виднелся размытый сгусток черной тени — его товарищ.

Тот ничего не ответил. Подумав, что тот просто-напросто уснул, Балтус вытянул руку и коснулся плеча воина. К его удивлению, от легкого прикосновения тело воина качнулось и безвольно осело на дно каноэ. Сердце юноши бешено заколотилось. Он осторожно повернул воина на бок и быстро пробежал по нему кончиками пальцев. Вот его пальцы коснулись шеи — и лишь мгновенно стиснутые зубы удержали рвущийся из гор-

ла крик! Пальцы наткнулись на страшную кровавую рану: шея напарника была перерезана от уха до уха.

Объятый ужасом, Балтус хотел было вскочить, но вдруг из мрака возникла мускулистая рука и, оплеть пальцами его шею, со страшной силой сдавила горло. Крик замер, не родившись. Лодка неистово раскачивалась. В руке Балтуса очутился нож, каким-то чудом выхваченный из-за голенища; и он ударил — вслепую, яростно! Он ощутил, как сталь пронзила ткани тела, и в тот же миг его оглушил звериный вопль, подхваченный десятком глоток. Тьма вокруг словно ожила. Оглушительно заплескала вода, и тут же в него вцепились сразу несколько рук. Под массой карабкающихся тел каноэ резко качнулось, но, прежде чем аквилонец слетел в воду, что-то с силой ударило его по голове. На краткий миг его ослепили вспышки разноцветных молний, и сразу навалилась тьма, в которой не осталось места даже звездам.

4

ЗВЕРИ ЗОГАР САГА

По мере того как прояснялось сознание, перед глазами снова заплясал огонь. Он зажмурился, помотал головой. От ярких вспышек разболелись глаза. В ушах нарастал неясный шум, который постепенно разбился на отдельные голоса. Он приподнял голову и, с трудом разлепив веки, тупо посмотрел по сторонам. Вокруг него, очерченные языками пламени, застыли темные фигуры.

Память и понимание происходящего острой иглой вонзились в мозг. Он стоял, привязанный к столбу, в окружении каких-то ужасных, свирепого вида существ. За кольцом неподвижных фигур горели костры, поддерживаемые обнаженными темнокожими женщинами. Дальше утоптанной площадки виднелись крытые тростником хижины со стенами из прутьев, обмазанных глиной. За хижинами встал частокол с широкими воротами. Но Балтус лишь мельком отметил про себя эти подробности. Даже темнокожие силуэты женщин с причудливо сбитыми волосами не привлекли его внимания. Он не сводил

глаз с жутких фигур с горящими, как угли, глазами, обступивших его плотным кольцом.

Небольшого роста, широкоплечие, со впалой грудью и узкими бедрами, они были совершенно голые, если не считать набедренной повязки из львиной шкуры. В свете костров аквилонец видел, как играли узлы мускулов, выступающие под смуглой кожей. Темные лица сохраняли неподвижность, но в щелках глаз пылал огонь, какой пылает в глазах следящего за жертвой тигра. Черные гривы волос были схвачены на затылках лентами цвета меди. Пальцы сжимали мечи и топоры. Руки и ноги некоторых из них были обмотаны тряпьем. Как видно, совсем недавно они побывали в схватке — жестокой и кровавой.

Не в силах вынести огонь горящих, точно угли, зрачков, он опустил глаза — и едва не закричал от ужаса! В нескольких футах от столба возвышалась невысокая зловещая пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые, остекленевшие глаза смотрели в черное небо. Среди обращенных в его сторону голов он с ужасом увидел лица воинов, сопровождавших Конана. Он не мог сказать наверняка, была ли в той пирамиде голова самого киммерийца. Ему были видны лишь несколько лиц. Похоже, что там было по меньшей мере голов десять-одиннадцать. Юношу охватила слабость. К горлу подступила тошнота. Рядом с пирамидой лежали тела полдюжины пиктов. Все стало ясно: лес собрал новую жатву.

Отвернувшись от страшного зрелища, он вдруг увидел неподалеку другой столб — тоже черный, как и тот, к которому он был привязан. Там на веревках висело тело человека в одних кожаных штанах, в котором Балтус узнал одного из лазутчиков Конана. Из его рта стекала струйка крови, бок был обезображен рваной раной. Приподняв голову, он облизал синевато-багровые губы и, с трудом перекрывая зловещий ропот толпы пиктов, хрипло произнес:

— Значит, ты тоже попался!

— Они подкрались по воде и перерезали горло напарнику. Мы так ничего и не услышали, пока на нас не напали. Великий Митра! Они ходят неслышно, будто призраки!

— Они — сущие демоны! — прохрипел воин. — Похоже, они нас заметили, когда мы выплыли на середину реки, и потом уже не выпускали из виду. Мы угодили в западню. Не успели опомниться, как нас утыкали стрелами. Большинство умерло на месте. Трое или четверо вломились в кусты и схватились врукопашную. Но врагов было слишком много. Жаль, что меня не прикончили сразу, — так было бы гораздо лучше. Конану, кажется, удалось скрыться. Во всяком случае, его головы здесь нет. Я на него не в обиде. В другое время нам удалось бы подкрасться незаметно. Обычно так далеко от крепости они за берегом не наблюдают. Скорее всего, мы напоролись на большой отряд, который возвращался вдоль берега с юга. Милые шуточки судьбы. Но откуда здесь столько пиктов? Я вижу, здесь дикари не только из Гвавелы, но еще из племен на западе, с верховьев и с низовьев реки.

Балтус медленно огляделся. Он мало что знал о жизни пиктов, но тоже вдруг с удивлением обнаружил, что вокруг сгрудилось гораздо больше воинов, чем обычно приходится на одну деревню. Хижин на всех явно не хватало. Приглядевшись, он обнаружил некоторые различия в боевой раскраске — в зависимости от того, к какому племени принадлежал тот или иной дикарь.

— Вот увидишь, не иначе как затевают какое-нибудь грязное действие, — проговорил воин у соседнего столба. — Должно быть, они собрались полюбоваться на колдовство своего Зога-ра. А тот, уж будь уверен, не упустит случая показать на нас свое могущество. Я всегда знал, что на границе не приходится рассчитывать на смерть в постели, но, право, жаль, что мы не последовали за остальными вовремя.

Внезапно волчье урчание сменилось единодушным воем, и по волнению в рядах дикарей, по их неистовому восторгу и телодвижениям Балтус понял, что появилась важная персона. Чуть не свернув себе шею, он обнаружил, что столбы стояли перед длинной хижиной, гораздо больше прочих, крышу которой украшали человеческие черепа. В широких дверях хижины кружилась в танце нелепо разодетая фигура.

— Зогар! — выдохнул лазутчик, его окровавленные черты заострились, в напрягшееся тело впились веревки.

Балтус увидел худого человечка среднего роста, почти невидимого за множеством страусовых перьев, привязанных к доспехам из кожи и меди. Из гущи перьев выглядывало злобное, уродливое лицо. Балтус был озадачен. Он знал, что такие перья привозят с юга, чуть ли не с другого конца света. Колдун подпрыгивал и приседал, а вместе с ним зловеще колыхались и шушали перья.

Неистово отплясывая свой дикий танец, колдун вошел в кольцо темнокожих фигур и закружился перед замершими, безмолвными пленниками. Будь это кто другой, его прыжки показались бы нелепыми — обычное кривлянье выжившего из ума шамана. Но злобное лицо, горящие ненавистью глаза придавали разыгравшейся сцене мрачный оттенок. Такое лицо могло принадлежать лишь порождению Зла — и никому другому!

Внезапно колдун остановился, замер, как статуя; перья, взлетев в последний раз, разом опали. Вой оборвался, в воздухе повисла тишина. Зогар Саг — прямой и неподвижный — стоял перед пленниками; казалось, он растет и ширится прямо на глазах. Балтусу вдруг почудилось, что пикт, возвышаясь над ним, презрительно усмехается с высоты своего огромного роста, хотя — он это знал наверняка — шаман едва ли достигал его плеча. Усилием воли он сбросил с себя наваждение.

Шаман забормотал, его голос — хриплый, гортанный — вместе с тем походил на шипение кобры. Вот его голова на тонкой, длинной шее задергалась у самого лица раненого воина, глаза заполыхали красным, точно лужицы крови в свете факелов. Не сдержав отвращения, аквилонец плюнул прямо в маячившее перед ним мерзкое лицо.

С пронзительным воплем колдун подпрыгнул на месте — над толпой дикарей взметнулся к небесам яростный рев! Все ринулись к столбу, но шаман взмахом руки остановил соплеменников. Он прорычал несколько слов, и четверо дикарей помчались к воротам. Распахнув створы, они так же быстро верну-

лись и растворились в толпе. Людское кольцо разомкнулось; давя друг друга, дикари в спешке отступали в стороны. Балтус увидел женщин и голых детей, в панике бегущих к хижинам. Укрывшись за стенами, они украдкой выглядывали из дверей и окон. От столбов к открытым воротам пролегла широкая полоса, за которой черной стеной встал лес; таившийся в его глубинах мрак ворвался в брешь ворот и темными сгустками расползся по углам.

В воздухе повисла напряженная тишина. Повернувшись к лесу, Зогар Саг привстал на цыпочки и исторг из груди нечеловеческий, зловещий вопль, многоголосым эхом прокатившийся во мраке ночи. Откуда-то из самой глубины чащи раздался низкий ответный рев. Балтус вздрогнул. Такой рев мог принадлежать кому угодно, только не человеку. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар похвалялся, будто может подчинить своей воле любого, даже самого свирепого зверя. Окровавленное лицо воина стало мертвенно-бледным. Он судорожно облизал пересохшие губы.

Поляна затаила дыхание. Зогар Саг стоял, не шелохнувшись, в ореоле чуть вздрагивающих перьев. И вдруг в воротах возникла чья-то тень.

Вздых ужаса пронесся по деревне, люди в страхе подались назад; давя друг друга, они пытались укрыться за стенами хижин. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. В открытых настежь воротах стоял зверь — живое воплощение ночного кошмара. Он был необычного белесого цвета, из-за чего казался полупрозрачным призраком. Но низко посаженная голова чудовища с длинными кривыми клыками, поблескивающими в языках огня, меньше всего походила на голову призрачного существа. Бесшумно ступая на мягких лапах, он приближался к пленникам — фантом, явившийся из сумрачного прошлого. Это был выходец из далеких времен, ужас многих легенд — огромных размеров саблезубый тигр-людоед. Вот уже несколько веков как ни один охотник Хайбории не встречал на тропе это доисторическое создание. Древние ми-

фы наградили этих животных сверхъестественной силой, по-видимому, за жуткий цвет их шкуры и не сравнимую ни с чем свирепость.

Зверь, скользящей походкой подступавший к аквилонцам, был несравненно крупнее обычного полосатого тигра — почти как медведь. Невероятно развитые плечи и массивные передние лапы придавали ему неустойчивый вид, хотя задняя часть туловища была гораздо мускулистее туши льва. Огромная пасть и грубой формы голова говорили о неразвитом мозге. В нем не нашлось места другим инстинктам, кроме инстинкта разрушения. Это был зловещий каприз природы, уродливое отклонение в эволюционной цепи плотоядных, выродившееся в кроважидный кошмар из клыков, зубов и когтей.

Зогар Саг вызвал из леса одно из своих чудовищ! Балтус больше не сомневался: так значит, шаман и в самом деле обладает магической силой! Ибо только темные силы могли подчинить себе волю этого зверя с крошечным мозгом и несокрушимой мощью. В глубине сознания смутной тенью всплыло имя давно забытого древнего бога Тьмы и Ужаса, которому в первобытные времена были подвластны и люди и животные и чьи последыши — как о том ходили упорные слухи — до сих пор обитают в недоступных уголках мира. И ярость в глазах юноши, устремленных на Зога Сага, сменилась страхом.

Вот зверь миновал распростертые на земле трупы и пирамиды из окровавленных голов — казалось, он их даже не заметил. Как видно, он не питался мертвечиной. Его притягивала только жизнь, в агонии которой был весь смысл его существования. В немигающих зеленых глазах горел вечный голод — голод не столько пустого желудка, сколько ненасытной потребности убивать! Из раскрытой пасти стекала слюна. Сделав шаг назад, шаман указал рукой в сторону раненого воина.

Огромная кошка присела на задние лапы, и тут Балтус вдруг вспомнил услышанный еще в детстве рассказ о наводящей суеверный ужас свирепости зверя: как во время охоты на слона тот, запрыгнув на исполина, так глубоко вонзает свои клы-

ки-сабли в череп животного, что уже не может их вытащить и в конце концов, прикованный к своей жертве, умирает голодной смертью... В этот миг колдун что-то резко выкрикнул, и с оглушительным рычанием чудовище прыгнуло к жертве.

Балтус никогда прежде не видел такого прыжка: ему показалось, будто в воздух взметнулся чудовищный сгусток железных мускулов с острыми как бритва когтями — само воплощение всеразрушающей силы. Всей своей мощью зверь обрушился на грудь воина; от удара столб треснул, сломался у основания и с грохотом рухнул на утоптаный плац. Слабо рыкнув, саблезубое чудовище направилось к воротам, волоча по земле кровавые ошметки — все, что осталось от человека. Парализованный ужасом, юноша смотрел вслед уходящему зверю, мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Прыжок был настолько мощным, что зверь не только переломил толстый столб, но и оторвал привязанную к нему жертву. Острые когти, лишь коснувшись, вспороли тело раненого — едва не рассекли его надвое, а огромные клыки срезали полголовы с такой же легкостью, как если бы они вошли не в кость, а в мясо. Широкие сыромятные ремни порвались, как бумажные ленты, а там, где уцелели, не выдержали кости и плоть Балтуса вырвало. За свою недолгую жизнь он поохотился и на пантер, и на медведей, но у него и в мыслях не было, что еще на свете есть звери, способные в мгновение ока превратить живого человека в кровавое месиво.

Саблезубый гигант исчез за воротами, и минуту спустя лес огласило низкое, постепенно удаляющееся рычание. Перепуганные насмерть пикты подались глубже в тени за хижинами, один шаман стоял неподвижно, обратившись лицом прямо к черной пасти открытых ворот.

Внезапно кожу юноши покрыл холодный пот. Какой зверь войдет сейчас в эти ворота? Какая тварь превратит в падаль его молодое сильное тело? Разум захлестнула волна паники, он весь напрягся, тщетно пытаясь разорвать ремни. За чертой света затаилась ночь — таинственная, угрожающая. Пламя

костров, отбрасывая зловещие блики, казалось пламенем ада. Он чувствовал устремленные на него глаза пиктов — сотни голодных, жестоких глаз, в которых, он знал это, не отражалось ни одной мысли — одна лишь жажда убийства. Они меньше всего походили на людей; скорее, порождения Тьмы, заселившие эти мрачные джунгли, — такие же бесчеловечные, как и те твари, к которым обращал свои вопли изверг, разряженный в страусовые перья.

И вновь в ночи прозвучал зов колдуна: ни в чем не похожий на первый, он был полон зловещего шипения и свиста. Балтус похолодел: он понял, какую смерть уготовил ему Зогар Саг. Если бы змея могла шипеть так же громко, она издавала бы точно такое шипение.

Черный лес безмолвствовал; поляна затаила дыхание, лишь в ушах юноши тяжелым молотом билось сердце. Но вот в гробовой тишине послышался шорох — нарастающее шуршание сухих листьев, от которого пленника бросило в холодный пот, — и в воротах показалась новая тварь.

И снова Балтус узнал чудовище древних легенд. Там, на границе света и мрака, оторвав от земли треть туловища, раскачивалась огромная змея. Он как-то видел на рисунке и эту сплюснутую голову, не уступающую в размерах лошадиной, и слабо светящееся, свернувшееся кольцами тело, и этот злобный взгляд змеиных глаз. Раздвоенный язык появлялся и исчезал с быстротой молнии, на ослепительно белых ядовитых зубах играли блики костров.

Балтус застыл, парализованный мыслью об ожидавшей его страшной смерти. Это была рептилия, которую далекие предки называли «змей-призрак». В незапамятные времена этот мерзкий ужас Тьмы вползал по ночам в хижины людей и пожирал целые семьи. Подобно питону, он душил свои жертвы, но, кроме того, обладал ядом, вызывающим сумасшествие и смерть. Его тоже давно считали вымершим, но Валанн говорил правду: ни один белый не мог с точностью сказать, какое зверье скрывалось в бескрайнем лесу за Черной рекой.

Чудовище двинулось вперед. Оно приближалось медленно, стлалось по земле, не поднимая головы, лишь чуть отогнув ее назад, готовясь для броска. Балтус, как замороженный, не сводил глаз с белесого опавшего брюха, которое через минуту, когда змея проглотит его, сразу раздуется, станет гладким и толстым. Но страха не было — все вытеснило чувство омерзения и тошноты.

И вдруг, брошенный из-за хижин, в воздухе промелькнул длинный предмет; и в тот же миг огромная рептилия судорожно ударила длинным телом и в ярости кольцами завертелась по земле. Словно во сне, аквилонец увидел дротик, засевший в шее змеи под широко раскрытой пастью, — спереди торчало древко, стальное острие вышло напротив.

Дротик не задел позвоночника, он лишь пронзил мускулы мощной шеи. Свиваясь в кольца и узлы, обезумевшее от злобы чудовище оказалось рядом с толпой дикарей, те в ужасе отпрянули, но — поздно! Яростно извивающийся хвост выкашивал за раз десяток, челюсти рвали плоть, брызги яда, попадая на кожу, жгли точно жидкий огонь. Вопя и завывая, люди отчаянно пытались ускользнуть от смерти: прятались в хижинах, бежали прочь, сбивая друг друга с ног, топча тела упавших. Но вот огромная змея накрыла своей тушей костер, в воздух взлетел сноп искр — и в приступе незнакомой жгучей боли чудовище с новой силой обрушилось на ненавистных двуногих!

Ослепленные страхом, дикари мчались прямо в огонь, разбрасывая направо и налево горящие бревна. На краткий миг пламя взметнулось вверх, но тут же опало; и только пылающие уголья давали багровый свет, в котором и разыгралось продолжение ужасной драмы.

Балтус стоял отрешенный, готовый к смерти, как вдруг ему почудилось, будто кто-то дергает его за запястья. В следующий миг он каким-то чудом оказался на свободе, его схватили за руку и быстро толкнули за столб. Пораженный, он узнал Конана и только тогда почувствовал на своей руке железную хватку киммерийца.

Кольчуга варвара была в крови, на обнаженном мече — капли засохшей крови; в багровых сполохах неясно вырисовывалась его гигантская фигура.

— За мной, пока они не очухались!

В руке Балтуса очутилась рукоятка топора. Зогар Саг исчез. Конан до тех пор тащил за собой юношу, пока с того не спало оцепенение и его ноги не заработали сами собой. Выпустив руку аквилонца, варвар вбежал в дом с черепами. Балтус — за ним. Внутри в глаза ему бросился каменный алтарь — в неверном свете, падавшем снаружи, на нем зловеще ухмылялись пять человеческих голов. Взгляд приковала одна из них — на вид недавно срезанная. Он вгляделся — и едва не закричал: то была голова купца Тиберия! Сразу за алтарем помещался идол — в полумраке его уродливые размытые формы отдаленно напоминали человеческие. И снова у Балтуса перехватило дыхание от ужаса: внезапно то, что казалось высеченной статуей, медленно приподнялось с корточек и, лязгая цепями, воздело длинные, в мерзких наростах руки к высокому потолку!

Меч Конана, описав дугу, разрубил кости и мясо. Киммериец потащил Балтуса вокруг алтаря мимо косматой, вздрагивающей на полу кучи к двери в задней стене хижины. Через нее они вывалились наружу — и снова внутри ограды! Но в нескольких ярдах перед ними смутно маячил частокол.

Позади хижины с алтарем было темно. Спасаясь от чудовища, пикты обегали хижину с идолом по сторонам. У стены Конан остановился, подхватил юношу и легко, как перышко, приподнял на вытянутых руках. Балтус ухватился за острия бревен, торчащие из высохшей на солнце глины, и, не обращая внимания на впивавшиеся в кожу щепки, вскарабкался на гребень. Он уже протянул руку киммерийцу, как вдруг из-за угла хижины выбежал пикт. Он круто остановился, во все глаза глядя на человека на стене, — в сполохах догорающих костров четко выделялась белая кожа аквилонца. Конан метнул топор — без промаха, но пикт уже раскрыл рот, чтобы предупредить своих; над общим гамом взвился его крик — и сразу оборвался: с раскроенным черепом дикарь повалился на землю.

Слепой ужас не мог подавить всех природных инстинктов дикарей. Едва раздался этот дикий крик, как на мгновение повисла тишина, но тут же разорвалась яростным воплем сотни глоток, и воины понеслись на зов, чтобы сообща отразить опасность.

Высоко подпрыгнув, Конан схватил руку Балтуса — не за запястье, а едва ли не у плеча — и, раскачавшись, забросил свое тело на гребень частокола. Юноша стиснул зубы, но еще миг — и киммериец оказался рядом. Перевалившись через гребень, беглецы спрыгнули на землю и пропали в темноте.

5

ДЕТИ ДЖЕББАЛЬ САГА

— В какой же стороне река? — нерешительно спросил Балтус.

— Я думаю, к реке нам лучше не приближаться, — ответил Конан. — Через минуту лес между деревней и рекой будет кишеть врагами. Скорей! Мы пойдем туда, где им в голову не придет нас искать, — на запад!

Нырять в густые заросли, Балтус оглянулся: весь гребень стены был густо усеян черными точками — головами дикарей. Пикты явно пребывали в замешательстве. Они подоспели слишком поздно и не видели, как беглецы перелезали через стену. Воины примчались по тревоге, готовые дать отпор, но вместо врага обнаружили только труп соплеменника. Враг исчез.

Балтус решил, что, скорее всего, дикари пока не знают о бегстве пленника. Из деревни слышались беспорядочные возгласы и резкий, отрывистый голос Зогар Сага: под руководством шамана воины добивали змею из луков — на чудовище уже не

действовали колдовские чары. И вдруг характер криков изменился: в ночь выплеснулся мощный рев звериной ярости.

Конан мрачно рассмеялся. Он вел товарища на запад по узкой тропке, то и дело теряющейся в плотном подлеске, однако варвар ступал так уверенно, словно находился на прекрасно освещенной центральной улице города. Балтус, спотыкаясь, шел следом; его не оставляло чувство, что он продирается между глухими стенами.

— Должно быть, нас уже ищут. Наверняка Зогар обнаружил пропажу, к тому же он прекрасно знает, что моей головы в той пирамиде не было. Грязный пес! Будь у меня второй дротик, я бы сначала продырявил его, а уж потом угостил бы змею. Старайся ступать по тропе. С факелами им нас не выследить, а от деревни отходит не меньше дюжины троп. Для начала они пойдут теми, что ведут к реке, обшарят берег на целые мили, понаставят дополнительные кордоны — думают, что мы будем пробиваться к крепости прямо сквозь их чащобы. Но мы не полезем в бурелом без крайней необходимости. Нас пока что вполне устраивает эта тропинка. Ну а сейчас, приятель, забудь обо всем и беги так, как не бегал никогда в жизни!

— Однако быстро же они справились с паникой, чтоб им... — пропыхтел Балтус, припуская вслед за киммерийцем.

— Они дикари и не способны бояться подолгу, — донеслось в ответ.

Какое-то время оба молчали. Все силы, все внимание были отданы бегу. С каждой минутой росла пропасть между беглецами и цивилизацией, и с каждой минутой они все глубже проникали в мир первозданной дикости. В душе Балтуса росла тревога, но он ни о чем не спрашивал. Наконец Конан, урвав время, внес некоторую ясность:

— Когда отойдем достаточно далеко, то повернем обратно и в обход деревни выйдем к реке. Вокруг Гвавелы на несколько миль нет ни одного поселения. В ней собрались пикты со всей округи. Мы сделаем большой круг. До рассвета они нас не выследят. Утром, понятно, возьмут верный след, но до тех пор мы оставим тропу и углубимся в лес.

Они быстро продолжали путь. Вопли сзади постепенно стихли. Меж зубов Балтуса со свистом прорывался воздух. В боку нарастала боль, бег становился пыткой. Он то и дело наткался на кусты, вставшие по обеим сторонам тропы. Внезапно Конан остановился; круто повернувшись, он впился взглядом в уходящую в сумерки тропу.

Где-то вставала луна, ее тусклый беловатый свет заползал в самые темные уголки.

— Пора сворачивать в лес? — тяжело дыша, спросил Балтус.

— Дай топор, — едва слышно прошептал Конан. — За нами кто-то крадется!

— Может, лучше свернуть?

Покачав головой, Конан увлек товарища в сплетение зарослей. Луна поднялась еще выше, и на тропе чуть прояснило.

— Но нам не одолеть целого племени! — прошептал Балтус.

— Ни один двуногий не смог бы отыскать нашу тропу так быстро и в любом случае — не догнал бы, — тихо сказал Конан. — Молчи и не шевелись.

Воздух наполнила напряженная тишина, но Балтусу казалось, что биение его сердца слышно за милю. И вдруг, совершенно неожиданно, без малейшего шороха, из мрака на тропу высунулась звериная голова. Сердце подкатило к горлу юноши, на миг он отвел глаза, боясь узнать в ней жуткую голову саблезубого тигра. Но эта оказалась значительно меньше и уже — на тропе, скаля пасть и кровожадно урча, стоял леопард. К счастью, ветер дул в сторону людей и относил их запах. Зверь опустил морду, приняхиваясь, затем нерешительно двинулся вперед по тропе. По спине Балтуса пробежал холодок: последние сомнения исчезли — зверь их выслеживал.

Хищник был осторожен. Пройдя футов пять, он остановился и поднял голову; в полумраке сверкнули две огненные точки — глаза твари. Послышалось низкое рычание — и в этот миг Конан метнул топор!

Вся сила руки и мощь плеча ушли в этот бросок. Точно серебряная лента промелькнула в сумерках — и прежде чем Балтус успел понять, что это было, он увидел леопарда, бьющего лапами в предсмертной агонии: из раскрытого надвое узкого черепа торчком стояла рукоять топора.

Оставив укрытие, Конан подошел к зверю и выдернул из его головы топор. Затем оттащил безвольное тело с тропы в лес и спрятал среди деревьев подальше от случайного взгляда.

— А сейчас — за мной, и быстро! — отрывисто бросил он, сворачивая с тропы к югу. — За кошкой наверняка появятся и пикты. Я думаю, как только до Зогара дошло, что к чему, он послал зверя выследить нас. Воины должны идти следом за леопардом, но, думаю, он оставил их далеко за собой. Прежде чем напасть на след, леопард покругил около деревни, а как вышел на нашу тропу, то уж, поверь мне, не стал мешкать. Дикари не могли держаться за его хвостом, но уже сообразили, в какой стороне нас искать. Должно быть, напрягают сейчас слух — ждут воя своей кошки. Пусть себе тужатся, но скоро они обнаружат на тропе кровь, обыщут заросли и найдут труп зверя. Вот тогда, скорее всего, погони не избежать. Осторожнее ступай.

Сам Конан без труда уклонялся от низко нависших веток; неуловимым движением он огибал жесткий кустарник с цепкими колючками; с удивительной легкостью, не задевая стволов, скользил среди деревьев, каждый раз опуская ногу в точно выбранное место, где оставалось меньше всего следов. Однако для аквилонца все обстояло значительно сложнее.

Сзади не было слышно ни звука. Они прошли уже больше мили, когда Балтус спросил:

— А что, Зогар ловит щенков и натаскивает их, как собак?

Конан помотал головой:

— Он вызвал этого леопарда из леса.

— Но послушай, — продолжал упорствовать юноша, — если он может приказать одному зверю, то почему он не натравит на нас всех зверей сразу? В лесу полно леопардов, что он мелочится?

Какое-то время Конан молчал, а когда заговорил, голос его звучал несколько отчужденно:

— Он не имеет власти над всеми животными — только над теми из них, кто помнит Джеббаль Сага.

— Джеббаль Сага? — Балтус с сомнением повторил древнее имя. За всю свою жизнь он слышал его не более трех-четырех раз.

— Когда-то ему поклонялись все живые твари. То было очень давно, когда звери и люди говорили на одном языке. С тех пор люди о нем забыли, забыли и почти все звери, а тех, что помнят, остались единицы. Так вот: люди и звери, что сохранили память о Джеббаль Саге, остались братьями и, как и прежде, говорят на одном языке.

Балтус ничего не ответил. Он побывал у столба смертников и своими глазами видел, каких чудовищ извергал ночной лес из своих глубин по призыву шамана.

— Цивилизованные люди надо всем этим посмеиваются, — продолжал Конан, — но пока что ни один из них толком не объяснил мне, как удастся Зогар Сагу вызывать из чащи леса питонов, тигров, леопардов и заставлять их быть послушными его воле. Они обвинили бы меня во лжи... если бы посмели. Обычная манера всех цивилизованных. Когда вы не можете что-либо объяснить своими ущербными мозгами, вы просто заявляете, что этого не может быть.

Жители Турана по своему развитию стояли ближе к природе, чем остальное население Аквилонии; они все еще были подвержены различным суевериям, корни которых терялись в глубочайшей древности. К тому же Балтус видел то, от чего по его телу все еще временами пробегала дрожь. И потому он предпочел поверить на слово всему, о чем ему поведал Конан.

— Говорят, где-то здесь должна быть роща, которую Джеббаль Саг считал священной, — сказал варвар. — Не знаю, сам я ее не видел. Но тех зверей, что помнят Джеббаль Сага, в этом лесу обитает больше, чем во всем остальном мире.

— Тогда нас могут выслеживать и другие?

— Они нас и выслеживают, — спокойным тоном ответил киммериец, отчего у Балтуса отнюдь не улучшилось настроение. — Зогар всегда действует наверняка.

— И что же нам делать? — нервно спросил юноша, хватаясь за топор и со страхом вглядываясь в сумрачные зеленые арки над головой. По коже поползли мурашки, ему вдруг почудилось, что в каждой тени затаились клыки и когти, готовые в любую секунду вонзиться в его тело.

— Постой-ка!

Варвар остановился и, присев на корточки, острием ножа принялся рисовать на рыхлой земле какой-то знак. Нагнувшись, Балтус заглянул ему через плечо, и — непонятно почему — по его спине пробежал холодок. Воздух был недвижим, но листья над ними зашуршали, и оттуда донесся вой — зловещий и протяжный. Конан бросил вверх через плечо загадочный взгляд и, встав на ноги, мрачно воззрился на символ.

— Что это? — прошептал Балтус.

Знак выглядел древним и потому был совершенно неизвестным. Он подумал, что, может быть, ему просто не хватает знаний, а символ принадлежит к какой-нибудь древней культуре? Но даже будь он самым знающим художником на свете, он ни на дюйм не приблизился бы к разгадке.

— Я однажды видел такой, — пробормотал Конан, — высеченный на стене в пещере, в которую за последние миллион лет не заглядывал ни один человек. Я наткнулся на нее в необитаемых горах за морем Вилайет, за тысячи миль отсюда. Позже я видел, как этот знак рисовал на песке у безымянной реки чернокожий колдун. Он-то и приоткрыл мне его тайну — это священный символ Джеббаль Сага и всех существ, которые его почитают. Вот, смотри!

Оба отступили на несколько ярдов в глубь плотных зарослей и замерли в напряженном ожидании. Где-то на западе слышался приглушенный бой барабанов, спустя минуту им ответили барабаны с востока и с севера. Балтус вздрогнул, хотя и знал, что от угрюмых барабанщиков, отбивающих на своих

древних инструментах вступление к кровавой драме, его отделяют несколько миль мрачного леса.

Сам того не замечая, юноша затаил дыхание. Внезапно чуть дрогнули листья, расступились кусты, и на тропу выскользнула грациозная пантера. В пятнах лунного света лоснилась черная шерстка, под которой поигрывали великолепные мускулы.

Влажная почва хорошо держала запах. Опустив голову, пантера двинулась в сторону людей. Но вдруг остановилась, словно застыла, почти касаясь мордой таинственного символа. Долгое время она стояла без движения. Затем сильное тело расслабилось, и животное растянулось на земле, положив голову перед рисунком. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: поза грозного хищника выражала благовейный трепет и слепое обожание.

Наконец пантера поднялась и медленно, на полусогнутых лапах начала пятиться в кусты у обочины тропы. И только она скрылась в них наполовину, как, круто повернувшись, словно объятая смертельным ужасом, метнулась прочь, не разбирая дороги!

Балтус вытер дрожащей рукой пот со лба и искоса посмотрел на киммерийца.

В глазах варвара мерцали огоньки, каких аквилонец никогда не видел у людей, впитавших в себя идеи цивилизованного общества. Бок о бок с ним стоял настоящий дикарь, похоже начисто забывший о своем товарище. Его горящий взор пробудил в голове юноши смутные образы — неведомые и пугающие; в мозгу зашевелились полустершиеся воспоминания о простой, бесхитростной жизни, которую вели люди на заре истории человечества и от которой они отказались, выродившись в изнеженную расу господ и рабов.

Но вот лицо варвара обрело прежнее выражение, и, встряхнувшись, Конан молча направился в глубь леса.

— Зверей можно больше не бояться, — сказал он через некоторое время, — но мы оставили примету, на которую могут

наткнутся люди. Сейчас нас выследить гораздо труднее, а если пикты не найдут мой знак, то так и не будут до конца уверены, где нас искать — на юге или где еще. А если и найдут, то без зверей, одним, им придется изрядно повозить по земле ногами. Но в любом случае в лесу к югу от тропы будет полно воинов, и на день лучше затаиться, чтобы не напороться на какой-нибудь отряд. Найдем укромное местечко и там переждем день, а ночью выйдем к реке. Надо предупредить Валанна, а вряд ли ему будет легче, если мы сгинем в этом лесу.

— Предупредить Валанна? О чем?

— Кром всемогущий! Ты что, так ничего и не понял? Прибрежный лес прямо-таки кишит пиктами! Поэтому нас и обнаружили. На этот раз Зогар готовит большую войну, а не набег, как раньше. Он сделал то, чего на моей памяти не делал ни один пикт: объединил в один кулак по меньшей мере пятнадцать кланов. Думаю, здесь не обошлось без его славы колдуна: пикты куда охотнее пойдут в бой под началом колдуна, чем опытного военачальника. Ты видел — их в деревне целое сборище, но то была малая часть, еще несколько сот наверняка прячутся в зарослях вдоль берега. И на подходе другие, из дальних деревень. У него будет по меньшей мере три тысячи воинов. Я затаился в кустах и слышал разговоры, когда мимо проходил отряд. Они намерены напасть на крепость; когда, точно не знаю, но, думаю, Зогар не станет медлить. Он распалил их ярость и если не поведет в битву немедленно, то дикари скоро перессорятся друг с другом. Они точно взбесились — так жаждут напиться крови! Я не уверен, смогут ли они овладеть крепостью, но все равно мы должны переправиться через реку и предупредить своих. Поселенцам, которые обосновались при дороге на Велитриум, надо как можно скорее или укрыться в крепости, или вернуться в Велитриум. Пока главные силы пиктов будут осаждать крепость, их летучие отряды будут рыскать вдоль дороги и могут проникнуть далеко на восток — может быть, даже за Громовую реку, в густонаселенные земли за Велитриумом.

Конан говорил на ходу, с каждым шагом все глубже забираясь в дикие дебри. Наконец он довольно хмыкнул. Они вышли к местности, где кустарник был довольно редкий, зато повсюду виднелись протянувшиеся к югу скальные обнажения. Ступив на скалу, Балтус приободрился: на голых камнях ни один пикт не сможет разглядеть их следы.

— Как ты остался жив? — наконец спросил он.

Конан постучал кончиками пальцев по кольчуге и по шлему.

— Если бы воины пограничья носили такие штуки, то на хижине с идолом было бы гораздо меньше их черепов. Но беда в том, что наши люди не способны ходить с оружием бесшумно. Дикари затаились по обе стороны тропки. А когда пикт стоит не шелохнувшись, его не заметит даже проходящий рядом лесной зверь. Они видели, как мы переплываем реку, и приготовились к встрече. Если бы они становились по местам после того, как мы вошли в прибрежные заросли, я бы еще, пожалуй, что-нибудь да заметил бы. Но нас уже поджидали, и ни один лист не дрогнул. Сам демон ничего бы не заподозрил. И лишь когда я услышал, что вроде бы где-то о лук трется стрела, тогда только закрались подозрения. Я бросился на землю и крикнул остальным, но те растерялись и действовали вяло. Большинство пали после первого же залпа, накрывшего нас с обеих сторон. Несколько стрел, перелетев через тропу, поразили пиктов, стоявших напротив. Я слышал, как они выли. — Он усмехнулся с мрачным удовлетворением. — Те, кто остался цел, вломились в заросли и схватились с дикарями врукопашную. Когда я увидел, что все, кроме меня, уже не двигаются, то расшвырял насаженных на меня размазанных демонов и скрылся в темноте. Они были повсюду. Я и бежал, и полз, и крался, и, бывало, лежал на брюхе под кустами, пока они обтекали меня по бокам. Потом сунулся к берегу, но их там оказалось что муравьев в муравейнике: ждали, что я именно так и поступлю. Я все равно рискнул бы — пробился к берегу и попытался бы переплыть реку, — но тут услышал со стороны деревни бой барабанов и

понял, что кого-то взяли живым. Все были так поглощены шаманством Зогар Сага, что я без труда перелез через стену за длинной хижинкой. Там должен был находиться часовой, но тот, сидя на корточках и выглядывая из-за угла, во все глаза следил за церемонией. Я подкрался сзади, и не успел тот сообразить, что к чему, как я свернул ему шею. Его-то дротик и засел в змею, а топор — у тебя за поясом.

— А что это... что это была за тварь, которую ты убил в хижине с алтарем? — спросил Балтус, содрогнувшись при воспоминании об уродливом чудище.

— Один из богов Зогара. Он из детей Джеббаль Сага, но потерял память, и потому его приковали к алтарю. Это самец огромной обезьяны. Пикты поклоняются этим обезьянам, поскольку думают, что их отметил сам Великий-Волосатый-Который-Живет-на-Луне — бог-горилла, раб большого бога по имени Гулла. Уже светает. Вот подходящее местечко, где можно спрятаться, пока не выясним, удалось ли дикарям напасть на след. Здесь переждем день.

За разговором прошли еще миль пять. Неподалеку высился невысокий холм, густо поросший деревьями и кустарником. Чуть ниже гребня из склона в беспорядке торчали обломки скал, прикрытых плотной зеленью. Укрывшись за ними, можно было, не обнаруживая себя, наблюдать за джунглями. Место годилось не только для наблюдения, но и для обороны. Балтус не слишком верил, что пикты смогут отыскать следы на каменистой почве, но он по-прежнему боялся зверей Зогар Сага. Несмотря на уверенность варвара, его вера в непонятный знак за время пути успела пошатнуться.

Прошло еще с полчаса. Под сенью сплетенных ветвей с каждой минутой становилось все светлее. Розовые лоскутки неба наливались голубым. Юноша почувствовал муки голода — хорошо еще, что они некоторое время шли по ручью и ему удалось утолить жажду. Вокруг царил полный покой, изредка нарушаемый щебетом птиц. Барабанов больше не было слышно.

Расслабившись, Балтус обратился в мыслях к драме, разыгравшейся перед ритуальной хижинной этой ночью.

— Я видел на Зогаре перья страуса, — сказал он. — Такими же были украшены шлемы баронов, которые приезжали с востока к нам в пограничье. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Их привезли сюда из Куша, — ответил Конан. — За много переходов к западу лежит океанский берег. Зингарские купцы время от времени привозят на кораблях оружие, вино и украшения, чтобы обменять их у прибрежных племен на шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда они торгуют и страусовыми перьями, которые получают из Стигии, куда, в свою очередь, они попадают из чернокожих племен Куша, расположенного к югу от Стигии. Шаманы пиктов за них хорошо платят. Но в такой торговле есть много риска. Пикты всегда не прочь завладеть кораблем силой. Да и само побережье опасно для мореплавания. Я как-то плыл вдоль того берега, когда ходил под одним парусом с пиратами с Барахских островов.

Балтус бросил на товарища восхищенный взгляд.

— Я и раньше слышал, что ты на границе недавно. Ты называл сейчас несколько стран. Наверное, много путешествовал?

— Да, поскитался по свету. Я побывал там, где до меня не был никто из моего народа. Я видел все большие города хайборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Я забирался в неизведанные джунгли к югу от черных королевств Куша и в пустыни восточнее моря Вилайет. Я был капитаном наемников, пиратом, козаком, бродягой без медяка за душой и полководцем — Кром всемогущий, кем я только не перебивал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем. — Варвар едва заметно усмехнулся: как видно, мысль пришла к нему по душе. Затем, пожав плечами, он растянулся на камнях. — По моему, в такой жизни нет ничего зазорного. Я вот не знаю, останусь ли на вашей границе еще на неделю, месяц или год. Мне

не сидится на месте. Просто для меня здешняя жизнь, как и везде, — ничем не лучше и не хуже.

Усевшись поудобнее, Балтус принялся наблюдать за лесом. Каждую минуту он ожидал, что вот сейчас из листьев высунется свирепое, в боевой раскраске лицо. Так проходил час за часом, но ни шорох веток, ни хруст камешков под осторожно ступающими ногами не нарушали разлитую в воздухе тишину. Может быть, пикты потеряли след и отказались от поисков? Тогда почему беспокоится Конан?

— Странно, что до сих пор не появились рыскающие по лесу отряды, — проворчал киммериец. — Если они махнули на нас рукой, значит, затевается по-настоящему крупная игра. Похоже на то, что дикари собирают силы, чтобы преодолеть реку и захватить крепость.

— Стали бы они так забираться к югу, если бы вдруг потеряли след?

— Понятно, что они его потеряли, иначе давно свалились бы нам на головы. В другое время пикты прочесали бы лес вокруг деревни на десяток миль, и с холма мы их обязательно заметили бы. Видимо, они все-таки готовятся к переправе. Что ж, придется рискнуть... Мы идем к реке!

Все время, пока они крадучись спускались с холма, у Балтуса по спине ползали противные мурашки: каждый миг он ожидал услышать свист тучи стрел, выпущенных из крон деревьев. Юноша боялся, что пикты давно их обнаружили и устроили засаду. Однако Конан был уверен, что врагов поблизости нет, и, как выяснилось, киммериец был прав.

— Мы зашли слишком далеко к югу, — хмуро сказал Конан. — Поэтому пойдем напрямик. Не знаю, насколько они продвинулись вниз по реке, но будем надеяться, что выйдем к берегу ниже их отрядов.

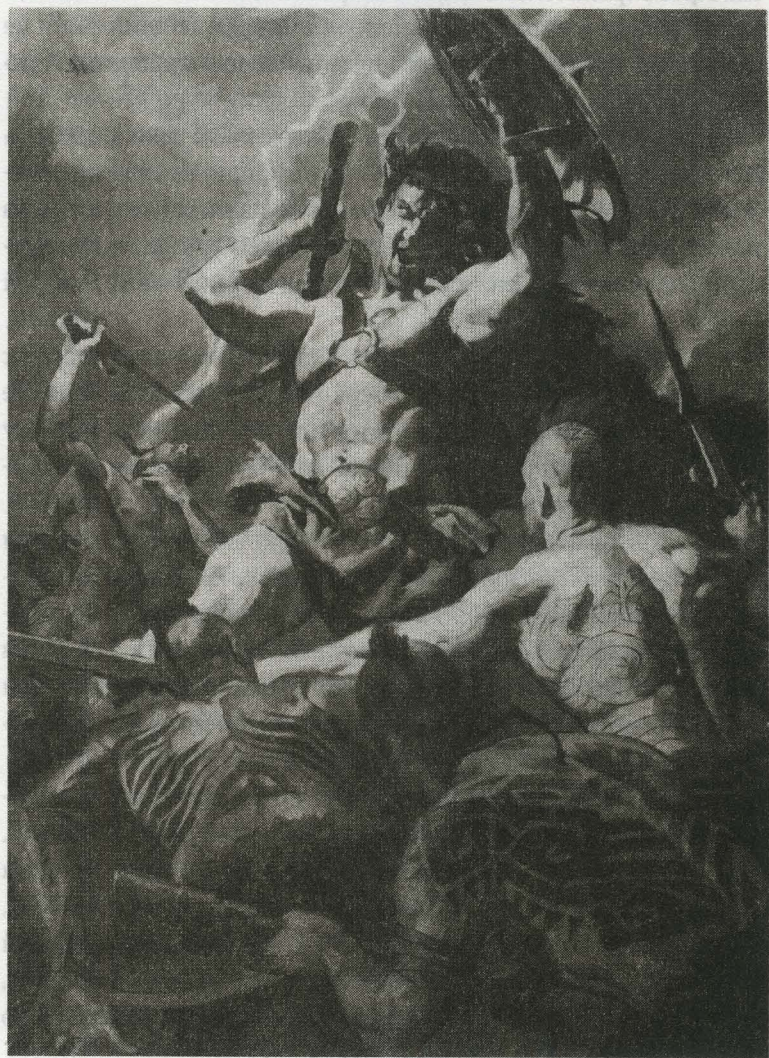
С быстротой, казавшейся Балтусу безрассудной, они зашагали на восток. Жизнь в лесу словно вымерла. Варвар полагал, что все пикты собрались в Гвавеле, если не предположить

самого худшего — что переправа уже началась. Хотя вряд ли дикари посмели бы плыть через реку днем.

— Они не дураки и понимают, что кто-нибудь из береговых лазутчиков наверняка их заметит и сразу поднимет тревогу,— терпеливо объяснял он юноше.— Нет, они переправятся ниже и выше крепости — так, чтобы их не увидела стража со стен,— а оставшаяся часть с рассветом рассядется по каное и начнет штурм стены, выходящей к реке. И как только они начнут атаку, те, кто укрылись на восточном берегу, ринутся на стену с суши. Они раз сделали такую попытку, но тогда им повыпускали кишки. Но сейчас у них достаточно сил, чтобы овладеть крепостью.

Оба быстро скользили среди зарослей; Балтус время от времени бросал по сторонам жадные взгляды: в ветвях мелькали белки, и он мог бы сбить любую одним броском топора. Юноша со вздохом затянул ремень. Эта вечная тишина и постоянные лесные сумерки действовали на него угнетающе. Он поймал себя на мысли о том, что с тоской думает о светлых, в солнечных пятнах рощицах Турана, о его просторных лугах; об искрящемся веселье, царившем в дни праздников в отцовском доме со стенами из тесаного камня, крытом соломой; о тучных коровах, щиплющих густую, сочную траву, и об искренней дружбе между загорелыми, сильными пахарями и пастухами.

Юноша чувствовал себя одиноко, хотя был не один. Но Кокнан был так же слит с этим первозданным миром, как Балтус — чужд ему. Киммериец мог провести годы в крупнейших городах мира, мог есть за одним столом с верховными правителями цивилизованных стран, мог даже осуществить свою бредовую идею — самому стать королем в одной из этих стран. Почему бы нет? В мире случались вещи и более невероятные. Но при этом он всегда оставался и останется варваром. Его интерес не заходил дальше жизненных основ. Тепло привычной домашней обстановки, простые человеческие чувства и милые сердцу пустячки, так много значащие в жизни цивилизованного чело-

века, для него — пустой звук. Волк — это волк, даже если волею случая ему приходится одно время бежать в одной стае с гончими. Кровопролитие, насилие и свирепость были неотъемлемой частью жизни, которую он знал; он никогда не понимал и не поймет тех тихих радостей, которые так дороги людям цивилизованного общества.

Тени уже удлинялись, когда они вышли к реке и, затаившись в прибрежных зарослях, внимательно оглядели местность. Река просматривалась примерно на милю вверх и вниз по течению. Угрюмый поток нес свои воды — открытый и пустынный. Конан бросил хмурый взгляд на противоположный берег.

— Придется рискнуть еще раз. Сейчас мы милях в шести к югу от Гвавелы. Лучше всего переплыть реку здесь. Пока не ясно, успели пикты переправиться или нет. Лес на том берегу может кишеть ими, как запаршивевшая голова вшами. Но другого пути у нас нет.

Вдруг варвар резко пригнулся — и тут же Балтус услышал звон спущенной тетивы. Полоса яркого света прочертила воздух — стрела! В следующий миг Конан сделал мощный прыжок и пропал в зарослях. Над кустами сверкнула сталь — и в тишину ворвался вопль смертельной муки! Аквилонец не стал медлить: забыв обо всем, он вломился в заросли вслед за киммерийцем.

На земле с раскроенным черепом, судорожно сжав в скрюченных пальцах пук травы, лежал лицом вниз пиктский воин. Еще с полдюжины — с топорами и мечами на изготовку — роем вились вокруг Конана. Их луки, бесполезные в ближнем бою, валялись поодаль. Нижние челюсти дикарей были окрашены белым, резко выделяясь на общем фоне смуглых лиц; рисунок, украшавший мускулистые грудные клетки, был совершенно незнаком аквилонцу.

Один из них метнул в Балтуса топор и бросился к юноше с ножом. Пригнувшись, Балтус успел перехватить руку, сжимающую нацеленный на горло клинок, и, потеряв равновесие, оба

тесным клубком покатались по земле. Пикт нападал с яростью дикого зверя, его мышцы стальными тросами ходили под кожей.

Вцепившись в руку дикаря, Балтус старался пустить в ход свой топор, но схватка была настолько яростной и стремительной, что ни один удар не достиг цели. В попытках высвободить руку пикт извивался дикой кошкой, рычал, брызгал слюной; хватаясь за топор, он в то же время коленями уперся в пах аквилонца. Наконец он попытался перехватить нож в свободную руку, и в этот момент Балтус привстал на колено, размахнулся и со всей силы опустил топор на размалеванную голову дикаря.

Вскочив на ноги, Балтус повел вокруг пылающим взглядом, ожидая увидеть своего товарища поверженным многочисленными врагами, и тут только он осознал всю силу, ярость и искусство киммерийца. Варвар уже успел покончить с двумя пиктами — раскинув руки, те валялись рядом, едва не разрубленные надвое. В следующий миг Конан отбил клинок короткого меча и, с кошачьей ловкостью легким прыжком в сторону уйдя от топора, вдруг очутился рядом с дикарем, нагнувшимся за луком. Пикт не успел выпрямиться, как окровавленный широкий меч метнулся вниз и разрубил смуглое тело от плеча до грудной кости, где и застрял. Оставшиеся два воина с двух сторон кинулись на варвара. Балтус примерился, бросил топор — и от двоих остался лишь один, а Конан, прекратив попытки вызволить свой меч, повернулся и встретил врага голыми руками. Коренастый воин, на голову ниже киммерийца, подпрыгнул и обрушил на Конана топор, другой рукой яростно ткнув его ножом в живот. Нож сломался о кольчугу, а топор, подрагивая, остановился в воздухе: выбросив руку вверх, Конан сомкнул железные пальцы на смуглом запястье. Громко хрустнула кость, и Балтус увидел, как дикарь, сморщившись от боли, пошатнулся. Пинком в лодыжку пикта сбили с ног, две сильные руки подняли его высоко в воздух, секунду подержали там — и швырнули отчаянно извивающегося воина голо-

вой оземь с такой силой, что его тело отскочило от земли, рухнуло вновь и осталось лежать — неподвижное, скрюченное, с неестественно вывернутыми конечностями, что было верным признаком раздробленных костей и сломанного позвоночника.

— Вперед! — Конан рывком освободил свой меч и подхватил топор. — Хватай лук, охапку стрел — и за мной! Придется снова положиться на ноги. Наверняка тот вопль услышали. Через минуту здесь будет целый клан. Если переплывать сейчас, то не успеем добраться до стремнины, как нас утыкают стрелами!

6

КРАСНЫЕ ТОПОРЫ ГРАНИЦЫ

Конан не стал углубляться в лес. За несколько сот ярдов от реки он изменил направление и побежал вдоль берега. Балтус понял причину: охота в лесу может затянуться, а варвар решительно был настроен переправиться через реку и предупредить крепость об опасности. За их спинами нарастал вопль бешенства — отряды дикарей выбежали к прогалине с трупами. Судя по новой волне воплей, дикари всем скопом устремились за беглецами в лес: удирая, они оставили за собой такую тропу, что ни один пикт не сбился бы со следа.

Конан прибавил скорость; стиснув зубы, Балтус тоже надавал ходу, хотя чувствовал, что его сердце готово разорваться на кусочки. Казалось, прошли века с тех пор, как он что-то клал себе в рот. Кровь так стучала в ушах, что он даже не сообразил, когда же стихли вопли их преследователей.

Внезапно Конан остановился. Балтус, тяжело дыша, прислонился к дереву.

- Все, отвязались! — хмуро бросил киммериец.
- А вдруг... крад... крадутся! — порывисто выпалил юноша. Конан покачал головой:

— Когда они наступают на пятки, как сейчас, то орут не переставая. Нет, они вернулись. К тому же за несколько секунд до того, как стали стихать вопли, я вроде бы слышал чей-то окрик. Их отозвали к реке. Для нас это удача, но для людей в крепости — хуже не придумаешь. Это значит, что воинов собирают для решительного штурма. Те пикты, на которых мы напоролись, были из племени с низовьев реки. Они, конечно, шли в Гвавелу, чтобы вместе со всеми участвовать в штурме. Кром всемогущий! Прошло столько времени, а мы только и делаем, что удираем все дальше и дальше! Все, хватит! Пора переправляться.

Варвар свернул на восток и, не таясь, быстро зашагал к реке. Балтус поспешил следом; глубокие отметины, оставленные зубами пикта на плечах и на груди, давали о себе знать острой, пульсирующей болью. Он продирался сквозь густые кусты, росшие по берегу, когда Конан, вдруг круто обернувшись, толкнул его обратно в заросли. Послышались ритмичные всплески, и юноша сквозь листву увидел идущую снизу каноэ-долбленку, ее одинокий гребец изо всех сил работал веслом, борясь с течением. Это был крепкого сложения пикт; за ленту цвета меди, схватывающую грубо остриженную у плеч черную гриву, было воткнуто белое перо цапли.

— Он из Гвавелы, — шепнул Конан. — Посол Зогаара. Это видно по белому перу. Он вел переговоры о мире с нижними племенами, а сейчас торопится обратно, чтобы тоже принять участие в резне.

Одинокий посол почти поравнялся с затаившимися воинами, как вдруг произошло нечто такое, отчего Балтус чуть было не выпрыгнул из собственной кожи: прямо над ухом у него раздалась характерная хриловато-гортанная речь пиктов! Не сразу до него дошло, что это Конан окликнул посла на родном языке дикаря. Вздвогнув от неожиданности, человек в лодке уставился на кусты, потом отрывисто проговорил несколько

слов и бросил испуганный взгляд на противоположный берег. Нагнувшись как можно ниже, пикт направил лодку к западному берегу. Ничего не понимающий Балтус увидел, что киммериец берет лук, подобранный на прогалине, и вкладывает стрелу.

Подогнав каноэ ближе к берегу, пикт поднял весло, затем поднял глаза к кустам и снова что-то сказал. Ответ последовал незамедлительно: зазвенела тетива, и стрела, прочертив в воздухе короткую прямую, по самые перья вошла в широкую грудь дикаря. Тот коротко вскрикнул, осел на бок и свалился в прибрежное мелководье. В мгновение ока Конан скатился по невысокому откосу и, войдя в воду, подхватил относимую течением лодку. Балтус — несколько неуверенно — спустился следом и забрался в каноэ. Усевшись на низкую скамью, Конан схватил весло и мощными гребками направил угловое суденышко к восточному берегу. Балтус с восхищением и завистью следил, как играют мускулы под загорелой кожей киммерийца. Варвар был точно железным: казалось, ему было неведомо чувство усталости.

— Что ты сказал пикту? — спросил Балтус.

— Чтобы греб к берегу. Сказал еще, что заметил на том берегу белого охотника, который уже взялся за лук.

— Мне кажется, ты поступил не совсем честно! — осмелился возразить юноша. — Ведь он принял тебя за друга. Оно и понятно: ты говорил как настоящий пикт.

— Нам нужна была его лодка, — спокойно ответил Конан, не переставая грести. — Другим способом нельзя было подманить его к берегу. Что хуже: обманом убить пикта, который с удовольствием содрал бы с нас живьем кожу, или обмануть надежды белых с восточного берега, чьи жизни сейчас зависят от нашей расторопности?

Балтус недолго размышлял над моральной стороной вопроса. Пожав плечами, он спросил:

— Как далеко мы от крепости?

Конан указал на устье речки на несколько сот ярдов ниже по течению, впадающей в Черную реку с востока.

— Это Южная речка, от ее устья до крепости десять миль. Она служит южной границей Конаджохары. За ней пограничье совершенно дикое. Оттуда нападать некому. Девятью милями выше крепости Северная речка образует другую границу. Местность там такая же дикая. Так что нападения можно ждать только из-за Черной реки. Конаджохара вонзилась в пиктские земли, как копье с острием шириной в девятнадцать миль.

— Почему бы нам не остаться в лодке и не доплыть по реке?

— Потому что пришлось бы лавировать против течения да еще огибать излучины. Пешком мы доберемся быстрее. К тому же вспомни — Гвавела находится к югу от крепости, и, если пикты уже начали переправу, мы угодим прямо к ним в лапы.

Сгущались сумерки, когда они ступили на восточный берег. Не отдохнув ни секунды, Конан зашагал на север с такой легкостью, что уже через сотню ярдов крепкие ноги Балтуса дали о себе знать.

— Валанн предлагал построить две крепости: в устьях Северной и Южной речек, — проворчал киммериец. — Тогда можно было бы весь участок реки держать под постоянным наблюдением. Но правительство решило иначе. Толстопузые дурни, развалившиеся на мягких подушках, с голыми девками под боком, которые, стоя на коленях, протягивают им кубки с ледяным вином, — я хорошо знаю эту породу. Они не способны видеть дальше дворцовой стены. Дипломатия — идиотизм! Они считают, что вместо оружия они могут победить пиктов своими бреднями о постепенном освоении новых земель. И вот таким олухам должен подчиняться Валанн со своими воинами! Им больше не удастся отхватить ни ярда пиктской земли — здесь повторится та же история, что и с Венариумом. Даже хуже — если дела и дальше так пойдут, то в один прекрасный день варвары полезут на стены восточных городов!

Еще неделю назад Балтус поднял бы на смех автора подобного предположения. Сейчас же он не нашелся что ответить, ибо своими глазами видел неукротимую ярость тех, кто обитал в лесу западнее границы.

Аквилонец поежился. Он то и дело с опаской поглядывал на гладь реки, видную сквозь кустарник, на зеленые арки деревьев, вплотную подступивших к воде. Ему не давала покоя мысль, что пикты, должно быть, уже переправились через реку и расставили вокруг крепости засады. Тем временем быстро спускалась ночь.

Легкий шорох — и тут же сердце у Балтуса подкатило к горлу, а меч Конана сверкнул в воздухе. Он опустил его, когда из кустов выскользнул пес — огромный, поджарый, иссеченный шрамами зверь — и, остановившись, вывалив язык, уставился на людей.

— Это пес одного поселенца, — сказал Конан. — Парень построил дом на берегу реки несколькими милями южнее крепости. Однажды ночью к нему наведальсь пикты — самого, понятно, убили, а дом сожгли. Мы нашли его мертвого среди остывающих угольев; чуть в стороне лежал вот этот пес, оглушенный, едва не порезанный на куски, а рядом — трупы трех пиктов с порванным горлом. Мы взяли его в крепость, перевязали раны, выходили, но как только он поправился, сбежал в лес и одичал... Ну что, Секач, опять охотишься за теми, кто убил твоего хозяина?

Крупная голова зверя покачивалась из стороны в сторону, в глазах горел зеленоватый огонь. Он не рычал и не лаял. Бесшумно, как привидение, пес приблизился к людям.

— Пусть идет с нами, — пробормотал Конан. — Он учует двуногих тварей раньше, чем мы их заметим.

Балтус улыбнулся и, думая приласкать пса, положил руку ему на голову. В тот же миг пасть зверя оскалилась, обнажив два ряда белых острых клыков; затем, опасливо опустив голову, пес нерешительно дернул хвостом, словно с трудом вспоминая давно забытое тепло человеческой руки. Балтус мысленно сравнил это большое, поджарое, сильное тело с гладкими, упитанными собаками, с визгом и лаем резвящимися на скотном дворе возле отцовского дома. Юноша вздохнул. Для животных граница являлась не менее суровым испытанием, чем для

людей. За время одиночества бедняга пес почти забыл, что значили для него раньше преданность и дружба с человеком.

Секач поднял голову, и Конан пропустил его вперед. Последние следы сумерек растаяли в ночной тьме. Под размеренным, неумолимым шагом быстро бежали миля за милей. Казалось, у Секача навсегда пропал голос. Внезапно он остановился и, весь подобрavшись, наострил уши. Мгновение спустя то, что слышал пес, слышали и люди: слабый, как шепот, жуткий, демонический вопль сотен глоток где-то впереди вверх по реке.

Конан страшно выругался.

— Они напали на крепость! Мы опоздали! Вперед!

Он ускорил шаг, полностью положившись на чутье собаки. В приливе возбужденного ожидания Балтус забыл и о голоде, и об усталости. По мере продвижения к крепости вопли становились все громче, к визгу пиктов примешивались низкие выкрики воинов. И только Балтус подумал, что вот сейчас они выбегут прямо на вопящую толпу дикарей, как Конан, свернув в сторону от реки, пошел широким полукругом, пока перед ними не оказалась низкая вершина, с которой, однако, можно было окинуть взглядом лес. Взбежав наверх, они увидели крепость в кольце факелов, выставленных за парапет на длинных кольях. Факелы отбрасывали на поляну вокруг крепости дрожащий, слабый свет, а там, внизу, вдоль бахромы леса, бесновались толпы голых, размалеванных человечков. Гладь реки бороздили десятки каноэ. Пикты взяли крепость в кольцо!

Из леса и с реки на стены крепости нескончаемым потоком полетели стрелы. Над воплями поднялся многократно усиленный низкий звон спущенной тетивы. Наконец, завывая волками, несколько сот голых воинов выбежали из-под деревьев и с топорами в руках устремились к восточным воротам. До цели оставалось не меньше ста пятидесяти ярдов, как вдруг со стен на них обрушился губительный дождь стрел; в минуту землю усеяли трупы, а уцелевшие волной откатились под защиту деревьев. Тут же ударили веслами гребцы каноэ, но были встречены залпом из катапульта и небольших баллист, установленных на башнях по краям обращенной к реке стены. Кам-

ни и бревна, со свистом пронесаясь по воздуху, разбили в щепки полдюжины каноэ, поубивав находящихся в них воинов; прочие лодки поспешили выйти из зоны обстрела. И тогда со стен скатился мощный рев торжества, в ответ на который со всех сторон взвился злобный звериный вой!

— Будем прорываться? — дрожа от нетерпения, спросил юноша.

Конан покачал головой. Скрестив на груди руки, он стоял, чуть наклонив голову, погруженный в мрачные раздумья.

— Крепость обречена, — глухо сказал киммериец. — Пикты помешались от крови и теперь не отступят, пока их не перебьют всех до единого. А в крепости для такой задачи слишком мало воинов. Нам не прорваться, а если бы и прорвались, то смогли бы разве что умереть вместе с Валанном.

— Так что же, будем спасать свои шкуры?

— Да. Надо предупредить поселенцев. Знаешь, почему пикты не подожгли крепость горящими стрелами? Им ни к чему большой огонь, который мог бы предупредить остальных об опасности. Они хотят поскорее покончить с крепостью, чтобы потом, пока никто не узнал о ее падении, устремиться дальше на восток. Так, переправившись через Громовую реку, дикари смогут взять Велитриум прежде, чем его жители поймут, что же случилось. И в любом случае они уничтожат все живое между крепостью и Громовой рекой. Нам не удалось предупредить Валанна, но, как я понимаю, ему это все равно не помогло бы. В крепости слишком мало людей. Еще несколько атак — и пикты заберутся на стены и разобьют ворота. Но еще можно предупредить поселенцев при дороге на Велитриум. Мы снаружи кольца, которым пикты обложили крепость, и сейчас главное — не обнаружить себя. За мной!

Широким полукругом они стали огибать крепость; вопли то взлетали волной, то опадали, отмечая новые атаки и отступления пиктов. Воины крепости держались, но ярость дикарей от этого только усиливалась. Пронзительные крики постепенно перерастали в резкий визг, в котором угадывалась уверенность в скорой победе.

И вдруг, совершенно неожиданно для Балтуса, они вышли к дороге, ведущей на восток.

— Теперь — бегом! — отрывисто бросил Конан.

Балтус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, до речки Скальпа, за которой начинались поселения, — добрых пять. Аквилонцу начинало казаться, что их бегству и стычкам с дикарями не будет конца. Но нервное возбуждение, разгонявшее в жилах молодую кровь, пробуждало к жизни исполинские силы.

Секач с опущенной к земле головой бежал впереди. Вдруг пес тихонько рыкнул — впервые за все это время он издал какой-то звук.

— Впереди — пикты! — прошептал Конан. Встав на колено, он дюйм за дюймом осмотрел небольшой участок дороги. Наконец, озадаченный, помотал головой: — Не пойму, сколько их. Может быть, летучий отряд из тех нетерпеливых, что не стали дожидаться падения крепости, а отправились вперед, чтобы перерезать белых прямо в постелях. За мной!

Скоро впереди между деревьями сверкнуло пламя, и они услышали свирепые голоса, распевające какую-то дикую, полную ненависти песню. Дорога здесь делала поворот. Свернув в сторону, они заскользили напрямик через заросли и спустя несколько секунд уже смотрели на открывшуюся их глазам зловещую сцену. На дороге стояла телега, нагруженная убогим домашним скарбом. Все было в огне, запряженные в телегу быки лежали с перерезанными горлами. Чуть поодаль посреди дороги скорчились два тела — мужчины и женщины, обнаженные и жестоко израненные. А вокруг, размахивая окровавленными топорами, отплясывали в неудержимом веселье свой жуткий танец пятеро пиктов; один из них крутил над головой женское платье, густо испачканное алым.

При виде расправы глаза Балтуса застлал красный туман. Подняв лук, он прицелился в пляшущую фигурку, черным пятном выделяющуюся на фоне огня. Зазвенела тетива — и дикарь, вдруг подпрыгнув, рухнул на землю со стрелой в сердце.

В следующий миг перед пораженными пиктами, точно разгневанные духи леса, предстали двое белых и огромный пес. Конаном двигала его душа воина, его извечная готовность к бою и старинная, корнями уходящая в далекое прошлое расовая ненависть, но Балтус весь так и кипел от ярости.

Первого пикта, вставшего у него на пути, он сразил мощным ударом топора; раскрашенный череп развалился надвое, и, перепрыгнув через труп, юноша бросился к остальным. Но Конан уже успел покончить с одним из двух, что он наметил для себя, а ко второму аквилонец не поспел: только он занес топор, как грудь воина пронзил широкий меч и враг повалился на землю. Балтус с надеждой повернулся к пятому — над тем стоял Секач, из пасти пса каплями стекала кровь.

Балтус в глубоком молчании посмотрел на две жалкие фигурки, лежащие на дороге ярдах в пяти от горящей повозки. Оба были молоды, особенно женщина, — на вид не больше двадцати. По непонятной причине пикты не изуродовали ее лица, и даже жестокие предсмертные муки не смогли исказить его красивые черты. Но прекрасное юное тело было все исполосовано ножами. На глаза юноши навернулись слезы, к горлу подступил комок. На мгновение он потерял контроль над собой. Ему захотелось пасть ничком и плакать, плакать, спрятав лицо и впиваясь в землю зубами.

— Какая-то молодая парочка. — Конан говорил бесстрастно, вытирая меч о траву. — Ехали в крепость, тут пикты их и встретили. Парень, наверное, хотел поступить на службу в гарнизон, а может быть, взять землю. И то же ожидает всех мужчин, женщин и детей по эту сторону от Громовой реки, если мы не поможем им как можно скорее добраться до Велитриума.

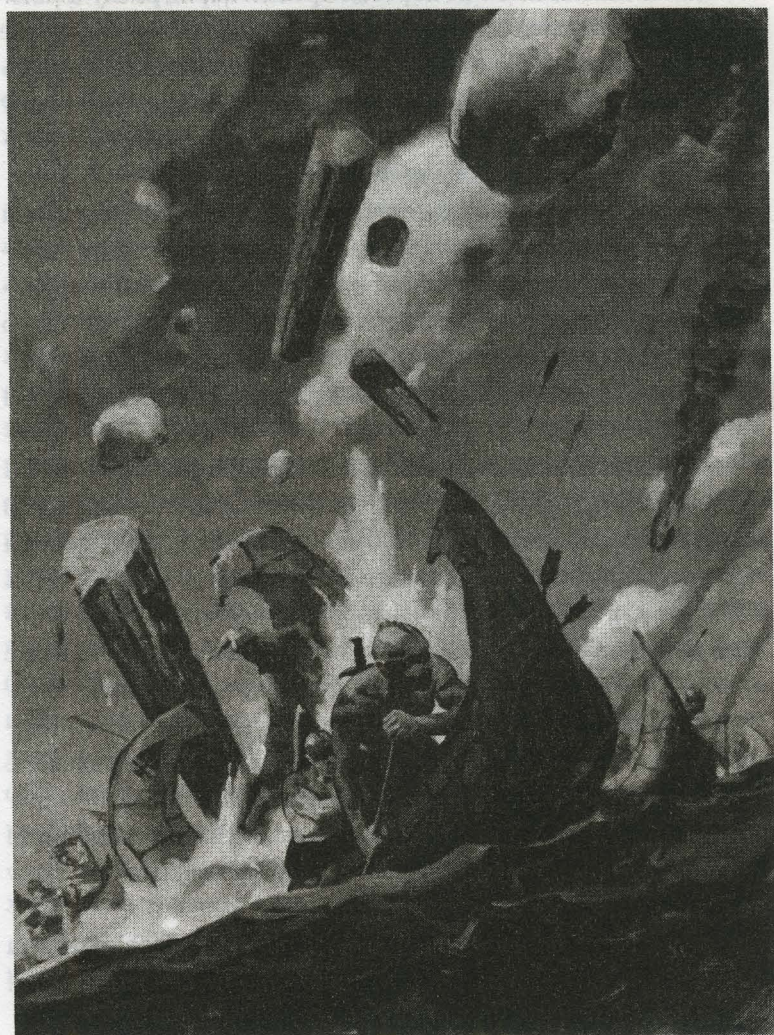
Колени Балтуса дрожали, когда он шел вслед за Конаном. Но в легкой, уверенной походке киммерийца не было и намека на слабость. Между ним и огромным поджарым зверем, скользящим рядом, установилось некое подобие родства. Секач больше не ворчал, хотя по-прежнему принюхивался к земле. Дорога перед ними была свободна. Вопли с реки постепенно стиха-

ли, но Балтусу хотелось верить, что крепость еще держится. Внезапно Конан с проклятием остановился.

Он указал на узкую колею, которая сворачивала с дороги на север. Колея была старая, местами заросшая свежей молодой травой, и по этой траве недавно проехало колесо! Балтус скорее понял это шестым чувством, чем разглядел, хотя варвар, похоже, видел во тьме, как кошка. Киммериец показал, где широкие колеса телеги, сворачивая с большой дороги, оставили в мягкой лесной почве глубокий след.

— Поселенцы отправились на солончаки за солью, — с тревогой в голосе сказал он. — Они у самого края пограничья, примерно за десять миль отсюда. Проклятье! Их отрежут и перебьют всех до последнего! Сделаем так: предупредить людей при дороге можно и одному. Это за тобой: буди всех подряд и гони в Велитриум. Я найду тех, кто пошел за солью. Они должны разбить лагерь возле солончаков. На дорогу не вернемся, будем пробираться лесом.

Не вдаваясь в подробности, Конан свернул с дороги и быстро зашагал по едва различимым следам; а Балтус, проводив варвара взглядом, направился дальше по дороге. Пес остался с юношей и сейчас бесшумно скользил у его ног. Они прошли ярдов сорок, как вдруг Секач глухо зарычал. Круто повернувшись, Балтус впился взглядом во тьму и застыл, пораженный: в направлении, которым ушел Конан, удалялся бесформенный сгусток призрачного зеленоватого света. В рычании пса послышался хрип, шерсть на его шее встала прямо, в темных зрачках заискрились зеленые огоньки. Юноша вспомнил мрачное видение, унесшее голову купца Тиберия, — это случилось где-то здесь, неподалеку, — и заколебался. Было ясно, что тварь преследовала Конана. Но с другой стороны, гигантский киммериец уже не раз доказывал свою способность позаботиться о себе, и Балтус решил, что долг обязывает его предупредить мирно спящих поселенцев, волею судьбы оказавшихся на пути кровавого урагана. Перед глазами встала жуткая картина: два мертвых, изуродованных пыткой тела около объятых пламе-

нем повозки, и опасения за Конана вытеснил ужас за судьбу ничего не подозревающих людей.

Он побежал дальше по дороге, перешел вброд речку Скальпа и увидел первый дом поселенцев — длинное приземистое сооружение из отесанных бревен. В следующий миг аквилонец уже барабанил в дверь. Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Проснитесь! Пикты на этом берегу!

Ответ последовал незамедлительно. В доме послышался слабый вскрик, дверь распахнулась, и перед юношей предстала женщина в короткой ночной сорочке. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам, в одной руке она держала горящую свечу, в другой сжимала рукоять топора. В перекошенном лице не было ни кровинки, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Входите! — крикнула она. — Запремся в доме!

— Нет! Надо бежать в Велитриум! Их тысячи! Крепость долго не продержится. Может быть, она уже пала. Одеваться некогда, берите детей и — бежим!

— Но как же муж... он ушел с другими за солью! — запричитала женщина, заламывая руки; из-за ее спины, щуя глаза, с опаской выглядывали три взъерошенных мальчугана.

— Их предупредит Конан. Он выведет их в безопасное место. У нас нет времени — надо успеть предупредить остальных.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

— Хвала Митре! — воскликнула она. — Раз за ними пошел киммериец, значит, они спасены... если только это под силу смертному!

Страхи пропали — в ней проснулась энергия. Подхватив на руки младшего, она вытолкала старших перед собой в дверь. Балтус затоптал свечу, прислушался. Темный лес молчал.

— У вас есть лошадь?

— В конюшне, — простонала она. — Это там — скорее!

У сарая женщина дрожащей рукой отомкнула засов. Нетерпеливо отстранив ее, Балтус вошел в конюшню и вывел лошадь;

затем, усадив детей на спину животного, велел им держаться за гриву и друг за друга. Несмотря на малый возраст, они серьезными глазами, без единого звука смотрели на неожиданного гостя. Взяв лошадь под уздцы, женщина быстрым шагом пошла по дороге. В руке она по-прежнему сжимала топор, и Балтус знал, что в случае опасности она будет биться с яростью загнанной в угол пантеры.

Он задержался, напрягая слух. Наверняка крепость уже пала, и, значит, темнокожие орды, обезумевшие после резни и опьяневшие от запаха крови, мчатся сейчас с прытью голодных волков по дороге на Велитриум.

Наконец впереди показались неясные очертания еще одного дома. Женщина пронзительно закричала, предупреждая об опасности, но Балтус остановил ее. Подбежав к двери, он негромко постучал. Ответил слабый голос. В двух словах юноша рассказал о нападении, и тут же из дома лавиной хлынули его обитатели: старуха, четверо детей и две молодые женщины. Оказалось, что их мужья, не подозревая о близкой опасности, днем раньше тоже отправились за солью. Сраженная страшным известием, одна из них впала в транс, другая от отчаяния забилась в истерику. Но старуха — суровый старожил пограничья — грубым окриком привела обеих в чувство; затем помогла Балтусу вывести из загона за домом двух оседланных лошадей и усадить на них ребятишек. Балтус настаивал, чтобы она ехала вместе с детьми, но та только помотала головой, усадив вместо себя молодую женщину.

— Она ждет ребенка, — проворчала старуха. — А я еще могу ходить... и драться, если до того дойдет.

Они уже вышли на дорогу, когда шагавшая рядом женщина спросила Балтуса:

— Незадолго до сумерек мимо проехала молодая пара. Мы им советовали заночевать у нас, но они торопились попасть в крепость до наступления темноты. Они... они...

— Они встретили пиктов, — коротко бросил аквилонец, и женщина всхлипнула в ужасе.

Едва дом скрылся из виду, как с той стороны, приглушенный расстоянием, донесся протяжный резкий вопль.

— Волк! — воскликнул кто-то из взрослых.

— Волк, — согласился Балтус, — только размалеванный и с топором в руке. Езжайте вперед! Будите всех и забирайте с собой. Я — следом.

Не сказав ни слова, старуха, как опытный пастух, погнала перед собой ватагу подопечных. Караван уже скрылся во тьме, и там маячили лишь бледные овалы — обращенные к нему личики детей. Балтус вспомнил родных, оставшихся в Туране, и на него нахлынула непривычная слабость. Поддавшись чувствам, он опустился на корточки, положил руку на мускулистую шею пса и тут же почувствовал, как его лица коснулся влажный и теплый собачий язык.

Юноша через силу улыбнулся.

— Ну что, дружище, — пробормотал он, вставая. — Вот и для нас нашлась работа.

Среди деревьев мелькнул и начал быстро разгораться красный свет: пикты подожгли брошенный дом. Он усмехнулся. Уж и побесится Зогар Саг, когда узнает, что его воины не смогли совладать со своими дикарскими наклонностями. Этот пожар поднимет на ноги многих, а значит, люди проснутся и успеют собраться еще до того, как к их домам подъедут беглецы. Однако лицо аквилонца оставалось серьезным. Женщины идут медленно, лошади перегружены. Быстроногие пикты нагонят их через какую-нибудь милю, если только...

Место для засады он выбрал за грудой поваленных деревьев у обочины дороги. Участок к западу был освещен горящим домом, и, когда показались пикты, он их увидел первым — крадущиеся черные фигурки на фоне полыхающего за деревьями пожара.

Прицелившись в одну из голов, Балтус пустил стрелу, и дикарь мешком повалился на землю. Остальные немедленно растворились в лесу по обе стороны дороги. Секач тихонько заскулил: ему не терпелось убивать. Но вот у кромки леса возникла

неясная тень и бесшумно скользнула через дорогу к упавшим деревьям. Вновь зазвенела тетива, пикт завопил и, ковыляя, отступил в тень: стрела пронзила его бедро. Секач обогнул груду деревьев и, подкравшись сбоку, прыгнул в заросли. По кустам словно пронесся ураган; затем все стихло, и скоро пес ткнулся носом в руку юноши — на морде зверя адела кровь.

Больше никто не появлялся, и Балтус уже начал опасаться, что враг, сделав большой крюк, просто обошел его засаду, как вдруг слева от него раздался слабый шорох. Он тут же пустил наугад стрелу и выругался, услышав глухой звук: наконечник вонзился в дерево. И снова Секач скользнул в темноту; послышался треск, горловое бульканье, и бесшумно, как привидение, пес показался из зарослей. Своей крупной, в алых пятнах головой он потерялся о бедро Балтуса. Из раны на плече пса сочилась кровь, но с той стороны больше не донеслось ни звука.

Остальные воины, скрывавшиеся в придорожных зарослях, как видно, кожей почувствовали, какая смерть настигла их товарища, и потому решили, что лучше уж атаковать в открытую, чем угодить в лапы ужасного зверя-невидимки. К тому же они, возможно, поняли, что за стволами — всего один человек. Внезапно выбежав на дорогу, они с двух сторон помчались к поваленным деревьям. Трое упали, пронзенные стрелами, еще двое замялись. Один развернулся и помчался прочь; зато другой, оскалив зубы и замахнувшись топором, ринулся на укрепление. Балтус вскочил, но поскользнулся — это спасло ему жизнь. Топор, чиркнув по голове, сбрил добрую прядь волос; и дикарь, потеряв равновесие, скатился вниз. Прежде чем он успел подняться, Секач разорвал его горло.

Затем наступило напряженное ожидание. Балтус терялся в догадках: был ли струсивший воин единственным, кто уцелел в отряде дикарей, или в зарослях затаились другие? Может быть, это была всего лишь банда грабителей, которые не стали задерживаться у крепости? А что, если это отряд, посланный на разведку впереди главных сил? Но в любом случае с каждой минутой растут шансы на спасение женщин и детей, которые спешат сейчас по дороге на Велитриум.

Внезапно над укрытием аквилонца со свистом пронесся настоящий вихрь стрел. Из придорожного леса вырвался дикий боевой клич. Это означало одно из двух: или уцелевший воин вернулся с подмогой, или подоспела другая банда грабителей. К тому времени дом уже догорел и рассыпался грудой углей, но света было достаточно. И вот враг показался: призрачные черные тени, мелькающие между деревьями по ту сторону дороги. Выпустив последние три стрелы, Балтус отбросил бесполезный лук. Словно чувствуя его отчаянное положение, дикари приближались медленно, уже не вопя, но сохраняя гробовое молчание; и только частый топот босых ног нарушал тишину.

Юноша обхватил руками голову огромного, глухо рычащего пса, прошептал: «Ничего, дружище, мы им покажем!» — и, вскочив на ноги, сжал рукоять топора. А потом... потом через край хлынул поток коренастых, смуглых тел — и завертелся вихрь из топоров, ножей и яростных клыков, рвущих живую плоть!

7

БОЛОТНЫЙ ДЕМОН

Сворачивая с дороги на Велитриум, Конан полагал, что до солончаков не меньше девяти миль, а потому сразу припустил что было духу. Но не успел он пробежать и четырех, как услышал впереди шум бегущих ног. Судя по оглушительному топоту, это были белые. Он их окликнул.

— Кто там? — раздался в ответ грубый голос. — Стой где стоишь, пока тебя не разглядим, не то получишь стрелу.

— Ты в таком мраке и в слона не попадешь, — нетерпеливо отмахнулся Конан. — Хватит дурить, это я — Конан. Пикты переправились через реку.

— Я так и думал. — Вперед выступил старший группы, за ним другие — все рослые, мускулистые мужчины с суровыми обветренными лицами; у каждого в руках был лук. — Один из наших ранил антилопу и шел по ее следу до самой Черной реки. Он слышал их вопли ниже по реке и сразу примчался в лагерь. Мы бросили и соль, и повозки, выпрягли быков и побежали обратно так быстро, как могли. Ведь если пикты осадили

крепость, значит, их банды рыщут по дороге и очень скоро доберутся до наших домов.

— Ваши семьи в безопасности,— сказал Конан.— Мой товарищ позаботится, чтобы они добрались до Велитриума. Но если мы сейчас выйдем на большую дорогу, то, скорее всего, напоремся на орды дикарей. Поэтому возьмем к югу напрямик через чащу. Идите впереди, я буду прикрывать.

Убеждать не пришлось. Через пару секунд вся ватага уже мчалась на юг. Конан следовал за беглецами — медленнее, однако в пределах слышимости. Он выругался про себя: эти поселенцы лезут напролом, как стадо слонов; ровно столько же пиктов или киммерийцев, двигаясь через чащу, подняли бы не больше шума, чем легкий ветерок, запутавшийся в ветвях.

Варвар только что пересек небольшую прогалину, как вдруг природный инстинкт, которому он чутко следовал и который никогда его не обманывал, приказал ему: оглянись! Круто повернувшись, он замер, вслушиваясь в ночные шорохи. Шум от бегущих постепенно стих. Внезапно с той стороны, откуда он шел, донеслось слабое:

— Конан! Конан! Подожди меня, Конан!

— Балтус? — Сбитый с толку, киммериец выругался, но, быстро придя в себя, осторожно позвал: — Я здесь!

— Подожди, Конан! — Голос звучал уже более отчетливо.

Выступив из-за кустов, Конан гневно зарычал:

— Какого демона ты сюда приплелся?! Разве я не сказал тебе... Кром всемогущий!

Он чуть пригнулся, по спине пробежала холодная волна. На той стороне прогалины Балтуса не было. Там, за деревьями, разгорался зловещий свет. Вот жуткое видение показалось из зарослей и двинулось вперед, к человеку, — стусток зеленоватого колдовского огня, в действиях которого, однако, угадывались определенные цель и намерение.

На расстоянии нескольких футов от варвара оно остановилось; расширенными от ужаса глазами Конан, не отрываясь, смотрел на видение, пытаясь угадать в зеленоватых переливах хоть какие-то формы. Было ясно, что ядро у стустка плотное —

пламя являлось не более чем покровом, под которым скрывалось живое, источающее зло существо; но как киммериец ни пытался, он не мог разглядеть его очертания. И вдруг из центра огненного столба раздался голос:

— Варвар, почему ты стоишь, как овца под ножом мясника?

Слова были знакомые, но голос — резкий и вибрирующий — не мог принадлежать ни одному из людей.

— Как овца? — Волна ярости подавила минутный страх. — Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то болотного демона пиктов? Я здесь, потому что меня позвал друг.

— Это я звал тебя его голосом, — прозвучало в ответ. — Те, кого ты сопровождаешь, принадлежат моему брату; я не стану лишать его удовольствия выпустить им кровь. Но ты, варвар, ты — мой. Жалкий гордец! Ты пришел сюда с далеких серых гор Киммерии — и все для того, чтобы найти в лесах Конаджохары свою смерть.

— Ты мог бы явиться ко мне и раньше, — презрительно бросил Конан. — Почему же до сих пор не убил?

— Тогда мой брат еще не выкрасил череп черным и не бросил его в незатухающее пламя черного алтаря бога Гуллы. Он не шепнул твоего имени мрачным духам, летающим над холмами царства Тьмы. Но вот из-за гор Мертвецов прилетела летучая мышь и нарисовала кровью твое лицо на белой тигровой шкуре, что висит перед длинной хижинкой, в которой спят Четверо Братьев Ночи. Их ноги обвивают огромные змеи, а в волосах, как светлячки, мерцают россыпи звезд.

— За что боги Тьмы приговорили меня к смерти? — прорычал киммериец.

Что-то — рука ли, лапа или коготь, — Конан не понял, протянулось от огня к земле и быстрыми штрихами начертило знак. Конан опустил глаза — и невольно вздрогнул: у его ног, на рыхлой лесной почве, пламенел таинственный символ; еще миг — и он погас, но варвар разглядел все до последней линии.

— Ты осмелился начертить знак, который доступен лишь жрецам Джеббаль Сага. Гром прокатился по черным горам Мертвецов, и ветер с залива Призраков разметал хижину с ал-

тарем бога Гуллы. Полярная гагара, что служит вестником у Четырех Братьев Ночи, прилетела как молния и прошептала мне твоё имя. Твой народ побежден. А ты... ты уже мертв! И скоро твой череп украсит ритуальную хижину моего брата, а тело склюют остроклювые, чернокрылые дети Джаббалы.

— Может быть, скажешь наконец, кто твой брат? — вызывающе бросил Конан. В его правой руке поблескивал обнаженный меч, левой он потихоньку вытаскивал из-за пояса топор.

— Ты знаешь его. Это — Зогар Саг, потомок Джеббаль Сага, который до сих пор время от времени бывает в своих священных рощах. Однажды в одной из них он застал спящую женщину из Гавелы. Ее ребенок — Зогар Саг. Я тоже сын Джеббаль Сага, моя мать — женщина огненного народа из далекого мира. Зогар Саг призвал меня к себе. С помощью чар, заклинаний и собственной крови он облек меня в плоть людей вашей планеты. Связанные невидимыми нитями, мы сейчас — единое целое. Его мысли — мои мысли; если ударят его, я тоже чувствую боль. Если я ранен, у него будет такая же рана, которая будет так же кровоточить... Но хватит, я сказал достаточно. Скоро твой дух встретит духов царства Тьмы, и те поведают тебе о древних богах, которые не умерли, но спят во внешних пространствах, лишь изредка просыпаясь, чтобы напомнить о себе.

— Хотел бы я посмотреть на твоё подлинное обличье, — пробормотал Конан, вытаскивая топор. — Что ты за тварь такая, если не оставляешь на земле следов, горишь, как огонь, и вдобавок еще говоришь человеческим голосом?

— Увидишь, — донеслось из огненного сгустка, — увидишь и унесешь воспоминание обо мне с собою в царство Тьмы.

Языки пламени взметнулись вверх — и сразу опали, огонь съезжился, померк. В ярком свете начали проступать неясные черты. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар Саг стоит перед ним в одеянии из зеленого огня. Однако лицо находилось фута на два выше его собственного и в нем было что-то демоническое. Конан давно обратил внимание на уродство Зога-
р Сага: на его заостренные уши, косые глаза, по-волчьи тон-

кие губы, но в этом зеленом чудище отталкивающие черты колдуна были многократно усилены. В глазах, красных как угли, полыхал живой огонь.

Постепенно фигура обрела четкость: гибкое сухопарое тело в змеиной чешуе чем-то напоминало человека, худые руки росли от пояса вверх; длинные журавлиные ноги оканчивались трехпалой стопой, как у огромной птицы. По всем конечностям чудовища перебегали голубые огоньки. Легкий мерцающий туман окутывал его формы.

И вдруг, совершенно неожиданно, видение очутилось рядом с ним. Длинная рука — он только сейчас заметил на ней кривые острые когти — потянулась к его шее. Конан яростно зарычал, наваждение пало, — и, пригнувшись, он метнул топор. Но демон, с невероятным проворством откинув назад узкую голову, уклонился от топора и снова навис над человеком; варвар услышал, как чешуйчатую кожу с шипением обвивают языки зловещего пламени.

Но если прежние жертвы чудовища были скованы животным ужасом, то Конан не испытывал ни малейшего страха. Он четко усвоил, что холодной стали податливо любое облаченное в осязаемую плоть существо — будь оно даже самой мерзкой, самой жуткой наружности.

Длинный, как серп, коготь сбил с головы варвара шлем. Чуть ниже — и Конан остался бы без головы. Но тут же его захлестнул дикий восторг: меч, пробив кожу, вонзился меж ребер врага. Отскакивая от бьющей лапы, он одновременно выдернул клинок. Когти прошлись по груди, разрывая стальную кольчугу, словно шелк. И сразу — ответный выпад, стремительный и точный, как прыжок голодного волка. Доля секунды — и Конан уже промеж шарящих в воздухе рук, еще миг — и он погружает свой меч глубоко в брюхо чудовища! Но тут же его обхватили страшные руки и он услышал скрежет раздираемой поперек спины кольчуги; на него обрушился град ударов, глаза ослепил голубой, холодный как лед огонь. Наконец, яростно рванувшись, он высвободился из быстро слабеющих рук, и его меч описал в воздухе широкую дугу.

Демон качнулся и неуклюже повалился на бок — его голова висела на лоскуте кожи. Языки пламени, скрывающие чудовище, взметнулись вверх и налились красным, как свежeproлитая кровь. В ноздри варвару ударил запах паленого мяса. Помотав головой, чтобы вытряхнуть из глаз капли крови и пота, Конан повернулся и, запинаясь, побежал в чащу леса. По ногам его стекала кровь. Где-то далеко, за несколько миль к югу, он увидел слабый свет — еще одна горящая хижина. За его спиной, со стороны дороги, поднимался и рос дикий вой, отчего силы Конана множились с каждой минутой.

8

КОНАДЖОХАРЕ — КОНЕЦ

И была битва на Громовой реке — жестокая и беспощадная, у самых стен Велитриума. Топоры и факелы прошлись вдоль ее берегов, и не один дом мирных поселенцев обратился в пепел, прежде чем размалеванные орды откатились обратно в свои мрачные леса.

За ураганом наступил непривычный покой. Собравшись вместе, люди обсуждали последние события, привычно приглушая голоса. По всем тавернам сидели воины с кровавыми повязками и молча, кружку за кружкой, пили эль.

В одном из таких заведений к Конану-киммерийцу, мрачно потягивающему вино из огромного стеклянного кубка, подсел сухопарый воин-лазутчик; голова его была затянута белой, с кровавым пятном тряпкой, правая рука — на перевязи. Он единственный уцелел из всего гарнизона крепости Тасцелан.

— Ты ходил с воинами к руинам крепости? — спросил он. Конан кивнул.

— А я так и не смог, — тихо сказал воин. — Был бой?

— Нет. Пикты убралась за Черную реку. У них вдруг отчего-то сдали нервы; хотя только один демон — их прародитель знает, в чем тут дело.

Воин взглянул на перевязанную руку и вздохнул.

— Говорят, там даже некого было хоронить.

Конан покачал головой:

— Был пепел. Перед переправой пикты стащили трупы в крепость и подожгли ее. Сгорели все — и дикари, и воины Валанна.

— Валанн погиб в числе последних в рукопашной схватке, когда пали ворота, — тихо сказал воин. — Дикари хотели взять его живым, но Валанн дрался отчаянно и вынудил пиктов убить себя. Нас, десяток оставшихся в живых, взяли в плен, когда уже совсем не осталось сил. Они прикончили уже девять воинов. И если бы не внезапная смерть Зогар Сага, мне ни за что не удалось бы вырваться на свободу.

— Так Зогар Саг мертв? — воскликнул Конан.

— Да. Я видел его конец. Потому-то на Велитриум пикты наседали не так яростно, как на крепость. Да-а. Странная это была смерть, ведь во время штурма колдун не получил ни одной царапины. Он плясал среди убитых, размахивая топором, которым только что раскроил череп последнему из моих товарищей; наконец, завывая волком, стал подступать ко мне, как вдруг точно споткнулся, выронил топор и завертелся на месте, вопя так страшно, как не кричит, наверное, ни один зверь и уж точно — ни один человек. Он упал как раз между мной и костром, на котором меня собирались поджаривать, — глаза из орбит, у рта пена, — дернулся и будто разом окоченел. И тут же все пикты завопили, что их шаман помер. Поднялась жуткая суматоха, про меня забыли, и тогда я потихоньку развязал веревки — и со всех ног припустил к лесу.

Я хорошо разглядел его в свете факелов. Его не коснулись ни стрела, ни клинок, однако на теле были кровавые следы, как будто раны от ударов мечом — меж ребер, на животе и на шее: там рана такая обширная, что голова буквально висела на ниточке. Что это было, как ты думаешь?

Конан ничего не ответил, и воин, знакомый со сдержанным отношением варваров к некоторым вещам, продолжал:

— Он жил своей магией и умер от магии. Именно тайна его смерти лишила пиктов их безрассудной храбрости. Ни один из тех, кто видел его конец, не бился под Велитриумом. Те сразу убрались обратно за Черную реку. Сражавшиеся на Громовой реке ушли из-под крепости раньше, чем умер Зогар, и их оказалось слишком мало, чтобы взять город.

Я шел по дороге за их главными силами и точно знаю, что за моей спиной никого не было. Потом прокрался сквозь расположение врага в город. Тебе удалось провести по пограничью поселенцев-мужчин, но их женщинам и детям, когда перед ними открывали ворота, размалеванные демоны так и дышали в затылки. Если бы юный Балтус и старина Секач не задержали дикарей, те перерезали бы всех женщин и детей Конаджохары. Я проходил мимо того места, где Балтус и пес держали свой последний рубеж. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых с раскроенными черепами и с разорванными горлами, а на дороге лежали еще несколько, убитые стрелами. О боги! Вот это был бой!

— Он был настоящим мужчиной, — сказал Конан. — Я пью в честь его духа и духа пса, не знавшего, что такое страх. — Одним глотком варвар осушил кубок на четверть и, странным, языческим жестом вылив остаток вина на пол, вдребезги разбил бокал о каменную плиту. — Десять пиктов заплатят своими головами за смерть юноши, еще семь — за смерть пса, который стоит больше любого воина-человека.

И, заглянув в голубые, теплящиеся жестоким огоньком глаза варвара, воин понял, что обещание свое тот сдержит.

— Крепость восстановят?

— Нет. Конаджохара для Аквилонии потеряна. Граница отодвинута. Новой границей станет Громовая река.

Воин вздохнул и, опустив глаза, посмотрел на свою огрубевшую руку, годами сжимавшую рукоять меча или топора. Конан потянулся через весь стол к кувшину с вином. Глядя на огромного варвара, воин сравнивал его с теми, кто окружал их в ту минуту, с теми, кто напрасно погиб на берегах потерянной Чер-

ной реки, сравнивал и с дикарями, обитавшими за этой рекой. Конан, похоже, не замечал его испытующего взгляда.

— Похоже, варварство — естественное состояние человечества, — наконец сказал воин, по-прежнему мрачно глядя на киммерийца. — Цивилизация неестественна. Это каприз обстоятельств. А варварство всегда торжествует в итоге.

Черный чужак

1

РАЗРИСОВАННЫЕ ВОИНЫ

Поляна казалась совершенно пустой, но вот у края кустов обозначился силуэт человека — тот стоял, напряженно прислушиваясь и озираясь кругом. Ни малейшего звука не сопровождало его появления, так что не встревожились даже серые белки. Лишь пестрые птицы, яркими пятнышками вспыхивавшие в солнечных лучах, тотчас заметили человека и взвились многоцветным облачком, пронзительно вереща. Человек нахмурился и оглянулся через плечо, словно бы птичий щебет мог выдать его местоположение кому-то незримому... Потом осторожным шагом двинулся вперед, через поляну. Человек был рослым, крупным и мускулистым, но при всем том двигался с гибкой грацией охотящейся пантеры. Он был почти наг, лишь бедра обертывала рваная тряпка, все тело покрывала засохшая грязь, а руки и ноги были сплошь исцарапаны ветками колючих кустов. Мускулистую левую руку перехватывала повязка, бурая от спехшейся крови. Вид у человека был измотанный, лицо —

осунувшееся, но глаза под спутанной черной гривой горели, точно у раненого хищника. Слегка прихрамывая, он шел по едва заметной тропинке через открытое место...

Достигнув середины поляны, он вдруг замер на месте, а потом по-кошачьи крутанулся назад, ибо с той стороны, откуда он пришел, через лес долетел долгий дрожащий крик. Кому другому могло бы показаться, что там всего лишь провыл волк, но человека на поляне было не провести. Он родился в Киммерии — и узнавал голоса дикой природы так же отчетливо, как горожанин узнает голоса своих друзей.

В налитых кровью глазах полыхнули багровые огоньки ярости... Человек вновь повернулся и заспешил дальше. На другой стороне поляны тропинка потянулась вдоль края чащи, казавшейся сплошной глыбой темной зелени среди более редких кустов и деревьев. Между чащобой и тропой лежало толстое бревно, наполовину скрытое в траве. Увидев это бревно, киммериец снова остановился и посмотрел назад, на поляну. Обычный взгляд не нашел бы там никаких следов, но его взор был отточен жизнью среди диких пустошей его родины, и он без труда нашел явные свидетельства своего пребывания. А это значит, что их должны с той же легкостью обнаружить и его преследователи, ведь у них глаза не хуже. Киммериец ощерил зубы в беззвучном оскале, красные огоньки ярости вспыхнули ярче. Загнанный хищник был готов повернуться и дать последний бой.

Он пошел вперед, почти не стараясь скрыть следов и то и дело приминая стебли травы. Однако, достигнув дальнего конца огромного бревна, он вдруг вспрыгнул на него и легко перебежал назад. Кора поваленного дерева давно отстала и отвалилась: голая древесина не должна была сохранить ни малейшего следа, вмятного даже для очень опытного лесовика... Потом человек канул в чащу, выбрав место, где зелень была гуще всего, и растворился как тень — там, где он исчез, едва ли дрогнул хоть один листик.

Потянулись томительные минуты... Серые белки успокоенно застрекотали на древесных ветвях, однако новое вторже-

ние на поляну заставило их замереть и умолкнуть. С восточной стороны поляны возникло еще трое мужчин. Они появились там столь же бесшумно, как прошедший впереди них киммериец. Это были темнокожие коротышки с необыкновенно развитой мускулатурой на руках и груди. Все трое — в расшитых бусами набедренных повязках из оленьей шкуры, у каждого в черных волосах торчало по орлиному перу. Всех украшала замысловатая боевая раскраска, каждый был отлично вооружен.

Прежде чем ступить на открытое место, они тщательно оглядели поляну. И вышли из кустов один за другим, цепочкой, ступая мягко, точно леопарды, и низко пригибаясь к тропе, хранившей следы. Они гнались за киммерийцем — что было весьма нелегкой задачей даже для таких, как они, двуногих ищеек.

Вот все трое одолели поляну, и тут один из них, вскинувшись, что-то буркнул. В руках у него было копье с широким лезвием и толстым древком, предназначенное для ближнего боя. Коротышка указывал этим копьем на сломанную травинку в том месте, где тропа снова углублялась в лес. Троица немедленно остановилась, черные бусинки глаз обшаривали зеленую стену леса, высившуюся впереди... Однако их жертва спряталась слишком хорошо. Ничто не возбудило подозрительности преследователей, и они двинулись дальше, прибавив шагу. Им казалось, что киммериец явно утрачивал осторожность. Это значило, что он либо ослаб, либо близок к отчаянию!

Они только-только миновали место, где плотная чаща всего ближе примыкала к старинной тропе, когда киммериец беззвучным прыжком вылетел из-за бревна и немедленно воткнул нож между лопаток шедшему последним. Стремительность внезапной атаки не оставила пикту ни единого шанса на спасение. Клинок пробил ему сердце еще прежде, чем он успел осознать опасность. Двое его товарищей крутанулись навстречу нападавшему с пружинной быстротой, свойственной дикарям, но киммериец, еще не довершив выпада ножом, успел занести боевой топор, зажатый в правой руке. Так что второй

пикт еще толком не обернулся, когда страшный по силе удар расколол ему череп до самых зубов.

Третий — а судя по алому кончику пера у него в волосах, это был вождь, — не раздумывая, кинулся в битву. И нацелил свой клинок прямо в грудь киммерийцу, высвобождавшему топор. Тот защитился телом убитого, швырнув им в вождя и сам устремился в атаку с отчаянной яростью подбитого тигра. Пикт, пошатнувшийся под тяжестью трупа соратника, даже не сделал попытки увернуться или отбить летевшее на него лезвие окровавленного топора. Желание убить превозмогло желание выжить — и он что было силы пырнул копьем, целясь прямо в широкую грудь нападавшего. Киммерийца спасла мгновенная реакция и то, что у него было по клинку в каждой руке. Боевой топор изменил свой полет и отмел копье в сторону, а нож в левой руке киммерийца снизу вверх вошел в разрисованный узорами живот.

Пикт свалился с выпущенными кишками и жутко завыл. Это не был крик боли и ярости — нет, в нем звучала не нашедшая выхода звериная ярость. Так визжит умирающая пантера... На вопль пикта откликнулся дикарский хор откуда-то из лесов восточней поляны. Киммериец оглянулся в ту сторону, помимо воли пригибаясь и бешено щеря зубы. По его лицу тек пот, из-под повязки на руке заново побежала кровь.

Невнятно выругавшись, он повернулся и побежал дальше на запад. Он больше не осторожничал и не прятался, просто удирал со всей скоростью, на какую были способны его длинные ноги. Теперь ему оставалось только уповать на неиссякаемую выносливость, которой Природа одаривает своих детей, называемых варварами... Некоторое время в лесу за спиной киммерийца все было тихо, но потом тишина взорвалась ни дать ни взять воплями злых духов, и он понял — преследователи добрались до бревна и увидели трупы своих соплеменников.

А у него даже не было сил и времени выругаться по поводу крови, что каплями сочилась из открывшейся раны и оставля-

ла за ним след, по которому без труда прошел бы и малый ребенок. Он-то думал, те трое пиктов оказались самыми упорными воинами из боевого отряда, что преследовал его вот уже более ста миль. Киммериец даже надеялся, что, разделавшись с ними, окончательно избавится от погони... Следовало бы ему лучше знать двуногих волков, охотившихся по лесам. Однажды почуяв запах крови, они уже не бросят преследования!

Позади снова все стихло, но это лишь значило, что пикты неслись за ним во всю прыть, и кровь, которую он все не мог унять, яснее ясного указывала им путь. Потом киммериец ощутил на лице дуновение ветра, тянувшего с запада. Ветер явственно дышал солью и сыростью, и сквозь отупляющую усталость пробилось смутное удивление. Море было совсем рядом — стало быть, погоня продолжалась куда дольше, чем он себе представлял...

Зато теперь она определенно была близка к завершению. Даже волчьей выносливости киммерийца был положен предел. Ему не хватало воздуха, в боку зародилась острая боль. Колени подламывались, сухожилия на больной ноге при каждом шаге резало как ножом. Уходя от погони, он всецело полагался на инстинкты выживания, заложенные в него дикой природой. Но теперь, когда была почти до дна исчерпана его звериная сила, когда он израсходовал весь запас хитростей и уловок, — властно заговорил совсем другой инстинкт, повелевавший найти подходящее место и подороже продать свою жизнь в последнем смертном бою.

Он не покинул тропу, чтобы найти укрытие в зарослях. Пытаться обмануть преследователей теперь было делом пропавшим. Он бежал вперед и вперед, а кровь все громче гудела в ушах, и каждый вздох мучительно прорывался в пересохшее горло. За спиной раздавался яростный гомон — погоня шла по пятам, пикты рассчитывали вот-вот настигнуть его. Так, завывая, летит за кровавой добычей стая оголодалых волков...

Неожиданно деревья впереди расступились, и киммериец увидел перед собой довольно крутой безлесный подъем. Древняя тропа петляла между обломками скал, уводя вверх. Перед

глазами беглеца плавал красный туман, но все-таки он оглядел каменистый кряж, господствовавший над лесами, и заметил широкую площадку возле самой вершины. Туда-то и поднималась извилистая тропа.

Неплохое место, чтобы повернуться лицом к врагу и встретить неизбежный конец!.. Хромая, киммериец устремился наверх. Порой крутизна заставляла его опускаться на четвереньки и брать нож в зубы. Он еще не успел добраться до облюбованного карниза, когда позади из леса вырвалось не менее сорока раскрашенных дикарей. Наконец-то они увидели свою жертву!.. Пикты завывали, точно сонмище демонов, и во всю прыть рванули к подножию кряжа, стреляя на бегу из луков. Стрелы дождем падали кругом человека, упорно карабкавшегося наверх, одна застряла у него в икре. Не останавливаясь, он выдрал ее и отшвырнул прочь. На те, что ломались о камни кругом, он вовсе не обращал никакого внимания. Добравшись наконец до каменной площадки, он перевалился через край и повернулся к преследователям, вытаскивая топорик и поудобнее перехватывая нож. Он лежал распластавшись, так что пикты могли видеть лишь его всклокоченную голову да неистовые глаза, и судорожно глотал воздух, силясь хоть немного отдышаться; его мучило от изнеможения, он стискивал зубы, борясь с позывами дурноты...

Еще несколько стрел рассекли воздух, и на этом стрельба прекратилась. Дикари понимали: их жертва загнана в угол. Воины приближались, завывая, размахивая секирами и ловко прыгая через камни у подножия холма. Самым первым до кряжа добрался крепкий молодой удалец: алая метка на его орлином пере была знаком вождя. Ступив на подъем, он на мгновение приостановился, держа на тетиве очередную стрелу. Откинув голову, он собирался издать ликующий клич, но крик так и не прозвучал. И стрела не полетела. Что-то заставило воина замереть без движения, а жажда крови во взгляде его черных глаз сменилась изумленным узнаванием. Ахнув, предводитель подался назад, широко распахивая руки, чтобы удерживать своих набегающих соплеменников...

Человек, смотревший на них со скального карниза, хорошо понимал пиктскую речь, но он находился слишком далеко и не мог разобрать отрывистых фраз, которые бросал своим воинам вождь с красным пером.

Тем не менее дикари мигом прекратили вопить и остановились, пристально глядя вверх. Человеку на скале показалось, будто они разглядывали даже не его, а сам холм... После чего все как один пикты сняли с луков тетивы, убрали оружие в кожаные налучи, висевшие на поясах, развернулись — и рысцой, даже не оглядываясь, пересекли безлесный участок у подножия кряжа. И наконец растворились в тени под деревьями...

Киммериец наблюдал за ними в полнейшем недоумении. Он слишком хорошо знал привычки и нрав пиктов, чтобы не распознать их окончательное отбытие. Они не устраивали засаду, они ушли и возвращаться не собирались. Они держали путь в свои деревни, расположенные в сотне миль к востоку отсюда.

Но почему?.. Киммериец тщетно силился хоть что-то понять. Что такого особенного было в этом холме, чтобы заставить кровожадный боевой отряд бросить погоню, которую пикты вели столь долго, упорно и страстно? Ему было известно: существовали святые места, давным-давно служившие убежищами; беглец, скрывшийся в подобном святилище, мог ничего не опасаться от членов клана, его воздвигнувшего. Однако другие племена редко были склонны чтить чужие капища, а его преследователи явились из местности слишком отдаленной, чтобы у них здесь могли иметься святыни. Они были из племени Орла, их деревни располагались далеко на востоке, рядом со страной пиктов-волков.

Именно волки первоначально взяли в плен киммерийца. Его захватили во время налета на аквилонские поселения у Громовой реки и передали орлам в обмен на похищенного вождя. У орлов и ранее были с великаном-киммерийцем кровавые счеты, и его побег только добавил масла в огонь, ибо стоил жизни известному военному вождю. Потому-то они так неот-

ступно и следовали за ним через широкие реки, крутые холмы и бесконечные пространства темного леса, где ко всему прочему были охотничьи угодья недружественных племен.

И вот теперь уцелевшие в этой долгой и жестокой погоне повернули назад, причем когда их враг был обессилен и прижат к стенке!.. Непостижимо... Киммериец тряхнул головой, но ясности в мыслях это не прибавило.

Очень осторожно он поднялся на ноги, вымотанный и чумовой после чудовищной гонки, которая — он все никак не мог в это поверить — наконец завершилась, причем столь неожиданным образом. Он едва мог двигаться, раны болели... Хотел сплюнуть, но во рту совсем пересохло. Выругавшись, он потер воспаленные глаза тыльной стороной кисти, сморгнул и стал озираться. Внизу, точно волны, уходили вдаль зеленые, поросшие лесом холмы, а западный горизонт кутала сизо-стальная дымка — там раскинулся океан. Ветер, долетевший оттуда, растрепал черные волосы киммерийца, его отчетливая соленость придала новых сил беглецу. Воин жадно задышал во всю широченную грудь...

Восстановив дыхание, он повернулся — медленно и с трудом, морщась от боли в икре, которую разворотила стрела, — и присмотрелся к карнизу, что дал ему неожиданный приют. От скальной площадки до самой вершины кряжа тянулась отвесная каменная стена футов тридцать высотой. В ней было выбито нечто вроде лесенки — череда углублений для рук и ног, позволявших вскарабкаться. А еще здесь имелась расщелина, куда вполне мог протиснуться взрослый мужчина.

Хромая, киммериец приблизился к ней, заглянул внутрь и недоверчиво хмыкнул. Солнце, висевшее высоко над западными лесами, бросало косые лучи, позволяя рассмотреть пещеру, длинную, словно туннель. Завершала пещеру каменная арка, и свет достигал дубовой, окованной железом двери!

Вот уж чего не могло предвидеть даже очень смелое воображение! Места кругом были несусветная глушь. Киммериец знал: вдоль этого побережья на тысячи миль не имелось ника-

кого жилья, кроме захудалых деревушек, населенных свирепыми приморскими племенами, против которых их родственники, лесные пикты, и те сошли бы за цивилизованный народ.

Что же касается настоящей цивилизации — она осталась в сотнях миль к западу, в приграничных поселениях у Громовой реки. Киммериец был едва ли не единственным белым человеком, когда-либо сумевшим добраться оттуда до самого океана.

И тем не менее сработали эту дверь определенно не пикты...

Непонятное и необъяснимое всегда внушало ему очень большое подозрение. Он опасливо, с ножом наготове приблизился к странной двери... Когда же его глаза несколько привыкли к мягкому полумраку, царившему по ту сторону ярко освещенной расщелины, он заметил кое-что еще. Вдоль стен длинной пещеры стояли большие сундуки, окованные железными полосами. Вот тут у киммерийца загорелись глаза: он начал кое-что понимать. Он склонился над одним из сундуков, но крышка не спешила поддаваться его усилиям. Он уже взялся было за топор, но передумал и двинулся дальше — к двери под аркой. Сторонний наблюдатель заметил бы, что теперь он держался уверенней, а его оружие покоилось в ножнах. Вот он толкнул дверь, покрытую замысловатой резьбой, и та без малейшего сопротивления отошла внутрь.

И вновь поведение киммерийца разительно переменялось. У него вырвалось сдавленное проклятие, он стремительно шагахнулся прочь, а нож и топор, блеснув в полумраке, мгновенно оказались в руках... Некоторое время он стоял так, словно статуя, запечатлевшая свирепую угрозу... Потом вытянул шею, заглядывая через порог. В большой естественной полости по ту сторону двери было темней, чем в туннеле. Мрак нарушало лишь слабое свечение, испускавшееся огромным самоцветом, что покоился на маленькой подставке из слоновой кости в середине эбенового стола.

Кругом стола молча и неподвижно сидело несколько человек. Их-то темные силуэты и заставили киммерийца отшатнуться.

Он подождал, но никто не пошевелился, никто не повернул к нему голову...

— Эй! — окликнул он хрипло. — Вы что тут, перепились?

Ответа не последовало. Киммериец был вообще-то не робкого десятка, но тут ему стало очень не по себе.

— Хоть вином бы угостили, что ли, — проворчал он. Странная и неловкая ситуация, в которую он угодил, сердила его. — Видит Кром, не очень-то ласково вы встречаете человека, который когда-то принадлежал к вашему братству! А не думаете вы, что...

Его голос постепенно смолк. Он стоял и смотрел на странные темные фигуры, замершие кругом просторного эбенового стола.

— А они не пьяные, — пробормотал он затем. — И это не пирушка. Кром! Что же тут происходит?

И киммериец шагнул через порог... А в следующий миг он уже отчаянно сражался за свою жизнь, потому что его горло стиснули незримые, но убийственно сильные пальцы.

2

ЛЮДИ С МОРЯ

Изящным пальчиком ноги Белиза перевернула морскую раковину и про себя сравнила ее нежно-розовую изнанку с рассветом, что разгорается в тумане над побережьем... Сейчас, впрочем, был не рассвет, хотя солнце взошло не так уж давно, и легкие жемчужно-серые облака, скользившие по волнам, рассеялись еще не вполне.

Белиза подняла благородно вылепленную головку и огляделась. Все здесь было чужим ей до отвращения. И тоскливо-знакомым до последней детали. Оттуда, где она стояла, до тихо плескавшихся волн залегли буровато-желтые пески, а дальше до самого горизонта простирались океанские воды. Белиза стояла на южной стороне обширного лукоморья. К югу берег поднимался, и его венчал невысокий хребет, мысом вдававшийся в море. Белиза знала, что оттуда, с высоты, можно окинуть взглядом неизмеримый простор — на юг, на север, на запад...

Безучастно обернувшись в сторону суши, она еще раз оглядела крепость, весь этот последний год служившую ей обителью. На фоне жемчужно-лазурного утреннего неба реял ало-золотой флаг. Вид родового символа не пробудил в сердце девушки никаких чувств, притом что этому флагу доводилось

не единожды реять над полями кровопролитных битв далеко на юге. Белиза различала фигурки людей, трудившихся в садах и на полях, что теснились около крепости. Казалось, обработанные уголья жались к деревянному укреплению, всемерно сторонясь темной полосы леса, окаймлявшей расчищенное пространство. Лес тянулся на восток, север и юг так далеко, как мог охватить глаз. Белиза боялась его — как, впрочем, и все остальные в маленьком поселении. И это был отнюдь не беспочвенный страх. Под шепчущим лесным пологом таилась смерть. Смерть стремительная и внезапная, медленная и ужасная... таящаяся, раскрашенная, не ведающая ни усталости, ни милосердия.

Вздохнув, Белиза медленно и без внятной цели направилась к краю воды. Дни ее жизни тянулись один за другим, похожие, как близнецы. Большие города и придворное веселье — все это существовало где-то в другом мире, за тысячи миль отсюда, за тысячи лет... В который уже раз Белиза принялась тщетно гадать о причине, способной погнать зингарского графа с чадами и домочадцами на это дикое побережье, способной заставить его променять замок предков на бревенчатую развлекуху...

За спиной послышался мягкий топоток торопливых босых ног, и глаза девушки потеплели. К ней через невысокую дюну бежала голенькая девочка. С худого тела каплями стекала вода, льняные волосы облепили головку, глаза возбужденно округлились.

— Госпожа Белиза! — прокричала она по-зингарски с мягким офирским акцентом. — Ой, госпожа Белиза, там такое!..

Задыхаясь после быстрого бега, она тщетно пыталась выговорить нечто более вразумительное и лишь размахивала руками. Улыбнувшись, Белиза обняла девочку, нисколько не смущаясь, что ее шелковое платье может напитаться влагой от льющего к ней мокрого, теплого детского тельца. Здесь, в своем вынужденном отшельничестве, она обратила всю природную нежность и доброту души на это маленькое и жалкое существо, которое во время путешествия сюда с юга Белизе довелось

отнять у жестокого и бессердечного хозяина. Юная служаночка, ожившая в добрых руках, стала ее утешением.

— Что же там такое, Тина? — спросила она. — Отдышись, малышка, и говори толком!

— Корабль!.. — прокричала девочка, указывая на юг. — Я плавала в пруду, оставшемся после прилива, по ту сторону мыса, и вдруг увидела его! Он идет с юга прямо сюда!..

И, вся трепеща, она робко потянула госпожу за руку. У Белизы у самой сердце застучало быстрее при мысли о неведомом посетителе. Со дня прибытия на это безлюдное побережье они так редко видели новые лица...

Тина помчалась впереди хозяйки по желтым пескам, обегая лужи, оставленные отливом в низменных местах. Когда они поднялись на самый верх мыса, Тина остановилась и замерла — тоненькая фигурка, белевшая на фоне прояснившегося неба. Ветер бросал влажные льняные волосы ей в лицо, худенькая вытянутая рука указывала вдаль.

— Вон он! Вон он! Смотри, госпожа!

Белиза уже разглядела вдали белый парус, раздуваемый свежим южным ветром. Корабль шел вдоль берега, сейчас его отделяло от мыса несколько миль. Сердце девушки стукнуло невольно. В их бесцветном уединении любая мелочь приобретала черты значительного события, но сейчас Белиза предчувствовала странные и бурные перемены. Уж верно, не простая случайность привела этот парусник на глухое, никем не посещаемое побережье. К северу отсюда гаваней и городов не было — совсем не было, до самой страны вечных льдов. А ближайший южный порт находился за тысячу миль. Ну и что, спрашивается, кому-то делать здесь, в заливе Корвела?

Тина плотнее прижалась к доброй хозяйке, узкое личико, обращенное вверх, выражало нешуточную озабоченность.

— Кто бы это мог быть, госпожа? — заикаясь, выговорила она. Бледные щеки девочки покраснелись от ветра. — Не тот ли это человек, которого опасается господин граф?

Белиза нахмурилась.

— Почему ты говоришь так, дитя? С чего ты взяла, будто мой дядя кого-то боится?

— Так как же ему не бояться? — возразила Тина наивно. — А то стал бы он иначе прятаться в здешней дали! Смотри, госпожа, вот это да, как быстро идет!..

— Надо сообщить дяде, — пробормотала Белиза. — Рыбачьи лодки еще не ушли, никто из наших не видел этого паруса... Бери свою одежду, Тина, и поспешим!

Девочка бросилась вниз по склону, к пруду, где она купалась, когда появился корабль. Подхватила лежавшие там шлепанцы, платяице, поясok — и во всю прыть вернулась наверх, одеваясь прямо на бегу.

Тревожно оглядываясь на близившийся корабль, Белиза взяла девочку за руку и вместе с ней побежала в сторону укрепления. Еще несколько минут — и они миновали ворота в деревянном палисаде, окружавшем дом. Почти сразу пронзительный и скрипучий голос трубы всполошил садовников и остановил рыбаков, только-только открывших двери лодочных сараев и собиравшихся скатывать свои суденышки в воду.

Люди, находившиеся за стенами, тотчас оставили все дела, бросили инструменты и побежали внутрь крепости, ни на миг не задерживаясь в поисках причины, вызвавшей переполох. Ватаги бегущих втягивались в ворота, и все, не сговариваясь, со страхом оглядывались на восток, на темневшую там стену густого леса. В сторону моря не смотрела ни единая живая душа.

Столпившись на крепостном дворе, люди засыпали вопросами часовых, дежуривших на помостах для стрельбы с внутренней стороны стен.

— Что случилось?

— Почему нас собрали?

— Опять пикты идут?..

Вместо ответа молчаливый воин в потертой коже и ржавых латах указал рукой на юг. Место было возвышенное, парус отсюда был ясно виден. Люди полезли к дозорным на помосты, начали вглядываться.

Граф Валенсо стоял на сторожевой башенке, венчавшей большой хозяйский дом — бревенчатый, как и все остальные строения. И наблюдал за парусником, как раз обходившим южный мыс бухты. Граф был худощавым, жилистым челове-

ком средних лет и среднего роста. На смуглом лице застыло хмурое выражение. Камзол и панталоны вельможи были из простого черного шелка, лишь на рукояти меча переливались яркие самоцветы, да с плеч свисал небрежно откиннутый плащ красивого винного цвета. Валенсо нервно покручивал тонкий ус, угрюмо поглядывая на своего домоправителя — обветренного мужчину, облаченного в сталь и атлас.

— Что ты об этом скажешь, Гальбро?

— Скажу, что это карак,— ответил Гальбро.— Карак с парусным вооружением, какое в ходу у барахских пиратов... О! Смотри!..

Этому возгласу ответил целый хор криков, раздавшихся во дворе. Корабль обогнул мыс и вошел в бухту, держа курс к берегу. И все увидели флаг, неожиданно взвившийся на его мачте.

Это был черный флаг с алым черепом, вспыхивавшим на утреннем солнце...

Обитатели крепости во все глаза смотрели на этот наводящий страх символ... Потом взгляды обратились к сторожевой башне, где вился на ветру яркий плащ хозяина крепости.

— Действительно барахцы,— пробормотал Гальбро.— И если я еще не ослеп, это Стром на своей «Кровавой руке». Хотел бы я знать, что он делает на этом заброшенном берегу?..

— Что бы он тут ни делал, нам от него добра ждать нечего,— проворчал в ответ граф. Взгляд, брошенный вниз, убедил его, что крепостные ворота уже закрыты и должным образом заперты, а капитан стражи, сверкая сталью, расставлял людей по местам — кого на помосты, кого к нижним бойницам. Основные силы занимали позиции вдоль западной стены, где были ворота.

Графа Валенсо сопровождали в изгнании около сотни мужчин. Из этого числа около сорока были настоящими воинами в стальных шлемах и латах, вооруженные мечами, секирами и арбалетами. Остальные были работники в импровизированных бронях из жесткой кожи. Правда, эти мирные люди были отменные здоровяки, прекрасно владевшие дроворубными топорами, охотничьими луками и тяжелыми копьями. Они сноровисто занимали места, хмурясь при виде своих наследных

врагов. Ибо пираты с Барахских островов — архипелага у юго-западного побережья Зингары — вот уже больше ста лет чинили обиды жителям материка, и ненависть была обоюдной.

Стоя на стенах, вооруженные мужчины сжимали луки и копья, угрюмо наблюдая за тем, как пиратский карак, сияя начищенной медью, подходил к берегу. Уже можно было рассмотреть команду, кишевшую на палубе корабля. Ветер доносил воинственные крики пиратов, а вдоль фальшборта блестела сталь...

Спустившись с башни, граф первым делом велел племяннице и ее непоседливой воспитаннице укрыться в глубине дома, после чего, облачившись в кирасу и шлем, отправился руководить обороной.

Подданные встретили его взглядами, полными хмурого фатализма. Все они собирались как можно дороже продать свои жизни, поскольку не слишком надеялись выиграть бой, — невзирая на вроде бы выгодное положение крепости. Год жизни на этом пустынном берегу, под угрожающей сенью адского леса, истребил в них волю к победе, населив души самыми недобрыми предчувствиями.

Их женщины стояли у них за спиной, в дверях домиков, выстроенных внутри палисада, и утихомиривали гомонящих детей.

Белиза и Тина жадно следили за происходившим из верхнего окна хозяйского дома. Белиза обнимала девочку за плечи, словно пытаясь ее защитить, и чувствовала, как дрожала малышка.

— Наверно, они бросят якорь у лодочных сараев... — негромко пробормотала Белиза. — Точно! Так они и сделали, в сотне ярдов от берега... Не трясись так, маленькая! Им не взять крепость. Может, они пришли просто за припасами и пресной водой? Или их вовсе штормом сюда занесло?

— Они спустили шлюпки и гребут к берегу! — воскликнула девочка. — Ой, госпожа, мне страшно! Они такие большие... и все в латах... Как сверкает солнце на их пиках и саблях! Они нас съедят?..

Ее хозяйке было очень не по себе, но тут она рассмеялась.

— Да с чего ты взяла? Кто тебе такое сказал?

— Зингелито говорил, что барахцы женщин едят...

— Это он просто тебя дразнил, — сказала Белиза. — Верно, барахцы жестоки, но уж не хуже зингарских отщепенцев, имеющих себя буканьерами. Ты знаешь, что Зингелито когда-то сам был буканьером?

— Зингелито! Злой он был и жестокий, — пробормотала девочка. — Ну и хорошо, что пикты ему голову отрезали...

— Тихо, тихо, — содрогнулась Белиза. — Нельзя так говорить... Смотри-ка, пираты высаживаются на берег! Они выстроились у края воды, и один из них идет к крепости... Должно быть, это сам Стром!

— ...Эй там, в крепости!.. — долетел снизу голос, зычный, словно гудение ветра. — Я к вам с перемирием!

Над заостренными бревнами палисада возникло суровое лицо графа, обрамленное стальными нащечниками шлема. Стром остановился как раз на таком расстоянии, чтобы можно было докричаться. Здоровяк пират стоял с непокрытой головой, светло-русые волосы развеивал ветер. Из всех морских разбойников, которых породили Барахские острова, у Строма была самая жуткая слава.

— Говори! — отозвался Валенсо. — Правда, нет у меня особой охоты беседовать с подобным тебе...

Стром расхохотался. Смеялся только рот, глаза же — нет.

— Когда твой галеон ушел от меня во время шквала у Траллиба в прошлом году, я и думать не думал, Валенсо, что повстречаю тебя на пиктском побережье! — крикнул пират. — Другое дело, я все это время гадал: и куда бы это ты мог направляться? Митрой клянусь, — если б вовремя сообразил, я бы нипочем от тебя не отстал. Я аж подпрыгнул, когда рассмотрел твоего алого сокола на флаге над крепостью — да в таком месте, где не рассчитывал ни души встретить!.. Стало быть, ты это нашел?

— Нашел — что? — переспросил граф раздраженно.

— Только не пытайся меня провести! — рявкнул пират, являя в этой вспышке все буйство своего нрава. — А то я не знаю, ради чего ты явился сюда! Так вот, я прибыл за тем же, и ты мне не помешаешь! Где твой корабль?

— Не твое дело,— ответил Валенсо.

— У тебя нет корабля,— уверенно заявил пират.— Мачты твоего галеона стали частью стены, я же вижу. Должно быть, он разбился вскоре после того, как вы тут высадились. Будь у тебя судно, ты давным-давно уплыл бы отсюда с добычей...

— Да о чем ты вообще рассуждаешь, прах тебя побери? — закричал граф.— Какая добыча? Я что, барахский мародер, чтобы жечь и грабить все, что шевелится? Да и какая тут добыча, в этой глуши?..

— А та самая, за которой ты приплыл,— невозмутимо ответил пират.— За которой прибыл и я... и которую я намерен получить! Кстати, со мной нынче легко договориться. Если ты мне отдашь все добром, я, так и быть, уйду своей дорогой и никого здесь не трону...

— Ты, похоже, свихнулся,— зарычал со стены Валенсо.— Я всего лишь искал здесь уединения и покоя — и наслаждался ими, пока не появился ты, желтоволосый головорез! Поди прочь!.. Я не просил перемирия и переговоров, мне наскучила эта пустопорожняя болтовня. Забирай своих негодяев — и вон с моего берега!

— Может, я и уйду, но не прежде, чем эти лачуги обратятся в кучки золы! — с прорвавшейся яростью взревел пират.— Последний раз спрашиваю — может, отдашь добычу в обмен на ваши жалкие жизни? Или так и будете сидеть в своей мышеловке, пока полторы сотни моих молодцов не перережут вам глотки?

Вместо ответа граф сделал рукой знак, невидимый с той стороны стен, и сейчас же из амбразур с гудением вылетела стрела, чтобы расщепиться о латный нагрудник Строма. Пират с яростным криком отскочил прочь и побежал назад к берегу, сопровождаемый роем стрел. Его люди разом взревели и устремились вперед, размахивая сверкающими клинками.

— Мазила несчастный! — распекал граф неудачливого стрелка, колотя его рукой в кольчужной перчатке.— Чего ради ты целился ему в грудь вместо того, чтобы взять чуть повыше и поразить в горло?.. Готовьте луки, ребята,— вот они идут!..

Но Стром, поравнявшись со своими, удержал их от немедленного нападения на крепость. Пираты растянулись цепью — и эта цепь оказалась длиннее западной стены — и осторожно начали приближаться, постреливая на ходу. Они были вооружены длинными луками, превосходившими арбалеты зингарцев. Однако этих последних неплохо защищала стена. Длинные стрелы перелетали через палисад, падали вниз и почти вертикально втыкались в утоптанную землю двора. Одна угодила прямо в подоконник окошка, в которое выглядывала Белиза. Тина закричала и отпрянула, с ужасом глядя на трепещущее древко.

Зингарцы отвечали, прицеливаясь без лишней спешки и суеты. Женщины успели загнать ребятишек под кров и теперь стоически ожидали судьбу, которую уготовили им боги.

В сражениях бараксы славились неукротимой яростью лобовых атак, но их свирепость была помножена на осторожность. Что толку попусту растрачивать силы, бросаясь грудью на укрепления? И пираты продолжали надвигаться широкой растянутой цепью, стараясь использовать к своей выгоде каждую естественную ямку, каждый куст... Правду сказать, с этим им не очень везло, потому что кругом крепости пролегалла широкая просека, расчищенная из-за постоянной угрозы пиктских набегов.

На песке лежало уже несколько мертвых тел, латы на их спинах неподвижно поблескивали на солнце, стрелы, прилепившиеся из-за стены, торчали у кого из шеи, у кого из-под мышки. Остальные пираты двигались по-кошачьи быстро, все время меняя позицию и не давая неприятельским стрелкам взять верный прицел. Их собственная стрельба то и дело беспокоила людей за палисадом, но было ясно: доколе битва будет сводиться к обмену стрелами, преимущество так и останется за осажденными.

Те из пиратов, что остались у лодочных сараев, вовсю орудовали топорами, и граф ругался вполголоса, глядя, как они разоряют и крушат его маленький флот. В эти лодки было вложено столько труда! Каждую досочку вручную вытесывали из бревна, а бревна еще надо было добыть в лесу и притащить к берегу...

— Да никак они осадную башню строить хотят, чтоб им! — вырвалось наконец у Валенсо. — Ну-ка, сделаем вылазку и не дадим им закончить... Сейчас, пока они движутся врассыпную!

Но Гальбро покосился на работников в кожаных бронях и с неуклюжими копьями и отрицательно покачал головой.

— Пираты, — сказал он, — нас утыкают стрелами. Да и в рукопашной нам с ними не справиться. Лучше оставаться за стенами, и пусть стрелки делают свое дело!

— Ну ладно, — нехотя согласился Валенсо. — Только бы их внутрь не пустить!

Очень скоро намерения пиратов сделались очевидными. Человек тридцать двинулись к крепости, двигая перед собой здоровенный щит, сколоченный из лодочных досок и обломков разнесенных сараев. Разыскав где-то повозку на огромных сплошных дубовых колесах, предназначенную для бычьей запряжки, пираты взгромоздили на нее свой щит и покатали его вперед. Тяжеловесное сооружение медленно приближалось, двигавших его не удавалось ни рассмотреть, ни тем более подстрелить. Только ноги время от времени мелькали внизу.

Набирая скорость, импровизированная осадная башня катилась прямо к воротам, редкая цепь стрелков собралась позади нее и с криком побежала в атаку.

— Стреляйте! — белея, закричал граф Валенсо. — Остановите их, не дайте подобраться к воротам!

Со стены ударила целая буря стрел, но все они застряли в толстом дереве, не причинив большого вреда. Пираты ответили на залп зингарцев насмешливым криком. Теперь, когда они приблизились к стене, их стрелы начали находить амбразуры, и вот уже один из воинов, пошатнувшись, свалился во двор. Он судорожно хватался за горло, из которого торчало длинное оперенное древко.

— Бейте по ногам! — пронзительно завопил Валенсо. — Сорок человек — к воротам с топорами и пиками!

Арбалетные болты взрывали песок перед движущимся щитом. Кровожадный вой, раздавшийся из-за преграды, сообщил осажденным, что по крайней мере одна стрела добралась до цели. И точно: вот из-за щита, прыгая на одной ноге, показался

пират. Неистово ругаясь, он пытался выдрать стрелу, проткнувшую ему ступню... Вновь скрыться он не успел. Не менее дюжины метких охотничьих стрел разом достали барахца.

Его уцелевшие товарищи с гортанным ревом придвинули свою башню вплотную к воротам. Из отверстия посередине щита высунулся тяжелый брус, увенчанный железным наконечником, и принялся с грохотом молотить в створки. Его раскачивало множество мускулистых рук, разъяренные пираты подзадоривали себя криком. Крепкие ворота скрипели и стонали, с палисада непрерывным дождем сыпались стрелы, и далеко не все пролетали мимо, но в пылу боя морские головорезы уже мало что замечали.

С мерным уханьем пираты вновь и вновь посылали вперед таран, остальные со всех сторон подбегали на помощь. Стрелы со стен мало-помалу редели, а у пиратов колчаны казались бездонными...

Бешено ругаясь, граф Валенсо спрыгнул со стены и самостоятельно побежал к воротам, выхватывая меч. К нему присоединился маленький отряд готовых ко всему защитников крепости с копьями наперевес. Еще немного — и ворота развалятся, и тогда им останется только закрыть пролом своими собственными телами...

И в это время в беспорядочном шуме сражения возникла новая нота. С корабля истошно прокричала труба. Оглянувшиеся пираты увидели, как на рее их парусника возникла человеческая фигура. Кто-то махал им руками и отчаянно жестикулировал.

Стром, вместе со всеми трудившийся над тараном, не оставил случившееся без внимания. Уперевшись ногами и пустив в ход всю свою немалую силу, он удержал движение окованного бревна, как раз в это время откатнувшегося назад. После чего обратил залитое потом лицо в сторону корабля.

— Всем стоять! — взревел он. — Всем стоять, демоны вас побери!.. Слушайте!..

В тишине, которая последовала за этим буйволиным ревом, был явственно различим сигнал трубы. И человеческий голос, отдававший невнятные приказы защитникам крепости.

Стром был единственным, кто все понял правильно. Он проорал распоряжение пополам с ругательствами, и пираты, отпустив таран, покатали свою осадную башню назад так же проворно, как подтаскивали ее к воротам.

— Смотри, госпожа! — крикнула Тина. От возбуждения девочка так и прыгала у окошка. — Они бегут! Они все бегут! Они удирают на берег! И щит бросили, как только стрелы перестали до них долетать!.. А теперь прыгают в лодки и гребут к своему кораблю!.. Госпожа! Госпожа, мы их победили?

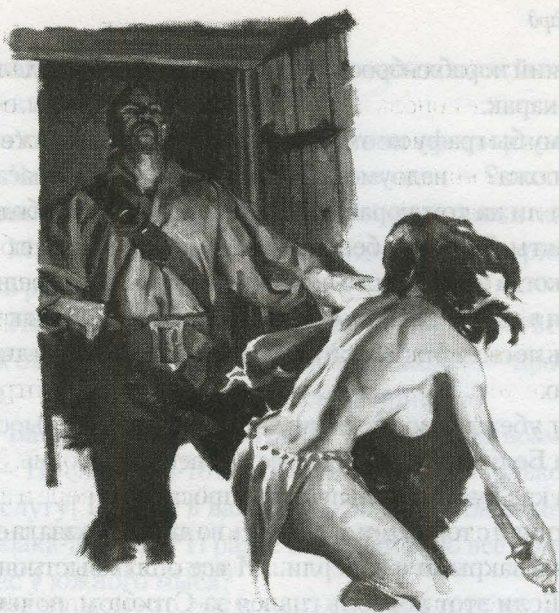
— Не похоже на это, — отозвалась Белиза. Она смотрела в сторону моря. — Глянь во-он туда...

Отодвинув занавески, она далеко высунулась из окна. Звонкий молодой голос прорезал нестройный гул во дворе и заставил все головы повернуться туда, куда указывала вытянутая рука Белизы. И вот тут у осажденных вырвался слитный крик. Они увидели еще один корабль, величаво огибавший южный мыс бухты.

И пока они смотрели, на мачте у новоприбывшего затрепетал королевский золотой флаг Зингары.

Пираты Строма один за другим лезли на палубу своего карака и торопливо поднимали якорь. Так что, прежде чем незнакомый корабль успел подойти к берегу, «Кровавая рука» уже скрывалась из виду за северным мысом...

3

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Быстро наружу! — распоряжался Валенсо, дергая запорный брус ворот. — Надо разбить их осадную башню, пока чужаки не высадились на берег!

— Но Стром бежал, — возразил Гальбро. — А этот корабль из Зингары!

— Делай, что тебе говорят! — взревел граф. — У меня не только в чужих странах враги!.. Наружу, каналы! Три десятка человек с топорами — и порубите мне этот щит на лучины!.. А колеса закатите во двор...

Тридцать работников с топорами в руках побежали в сторону берега. Это были крепкие ребята в кожаных безрукавках, отточенные лезвия так и блестели. Они смекнули, что господин опасается неизвестного корабля, так что их спешка отдавала паникой. Из крепости хорошо слышали треск дерева, разлетавшегося под проворными топорами, и вот уже работники помчались обратно, катя дубовые колеса по песку...

Зингарский корабль бросил якорь там же, где прежде стоял пиратский карак.

— Почему бы графу не открыть ворота и не выйти их встретить? А, госпожа? — недоумевала Тина. — Может, он опасается, не приплыл ли на том корабле человек, которого он боится?

— О чем ты, Тина? — беспокойно спросила Белиза.

Граф никогда не говорил с ней о причинах, вынудивших его отправиться в добровольную ссылку. И она знала его как человека, отнюдь не склонного бегать от врагов, — хотя их у него имелось немало.

Поэтому убежденность, звучавшая в словах Тины, очень беспокоила Белизу и казалась неестественной.

Девочка как будто не слышала вопроса.

— Работники с топорами вернулись во двор, — сказала она. — Ворота снова закрыли и заперли... И все опять выстроились по стенам. Если этот корабль гнался за Стромом, почему не стали его преследовать?.. Но это не военный корабль, это карак, как и тот, первый... Смотри, госпожа, шлюпка идет к берегу! На носу стоит человек в темном плаще...

Когда шлюпка причалила, этот человек ленивым шагом пошел прочь от воды, сопровождаемый троими. Предводителем был рослый, жилистый мужчина, облаченный в черный шелк и стальные доспехи.

— Остановитесь! — выкрикнул граф Валенсо. — Я буду говорить только с главным, наедине!

Рослый незнакомец снял с головы шлем-морион и взмахнул им, отдавая поклон. Его спутники остановились, заворачиваясь в широкие плащи. Гребцы за их спинами оперлись на весла. Они смотрели на флаг, что реял над крепостью.

Их предводитель шел вперед, пока не приблизился на расстояние спокойного оклика.

— Мне-то казалось, — проговорил он, — между двумя благородными вельможами, повстречавшимися в подобной глуши, не должно быть места подозрительности...

Тем не менее Валенсо разглядывал незнакомца без особого доверия. Человек был темноволосый, с худым хищным ли-

цом и тонкими черными усами. Его шею и запястья обрамляли кружева.

— А ведь я знаю тебя, — медленно выговорил Валенсо. — Ты — Черный Зароно, буканьер!

Пришелец снова отвесил царственно-элегантный поклон.

— Мне, — сказал он, — тоже трудно было не признать алого сокола рода Корзетта...

— Ни дать ни взять, мой берег стал местом встречи всех самых отъявленных негодяев южных морей, — пробурчал Валенсо. — Какая нелегкая тебя сюда привела?

— Ваша милость, что за речи! — наигранно возмутился Зароно. — Не слишком-то вы любезны с тем, кто только что оказал вам услугу! Или не в ваши ворота сейчас барабанил Стром, эта собака-аргосец? И разве он не удрал во все лопатки, завидев нас у южного мыса?

— Это верно, — нехотя согласился Валенсо. — Правда, что пират, что отщепенец-буканьер — велика ли разница...

Зароно рассмеялся с таким веселым негодованием и покрутил ус.

— Не привыкли вы, ваша милость, слова выбирать!.. Но что до меня, я всего лишь хочу отдохнуть здесь на стоянке, дать своим людям поискать в окрестных лесах дичи и пресной воды. Ну еще, может, опрокинуть за твоим столом стаканчик вина...

— Помешать тебе я все равно не могу, — проворчал граф. — Но запомни, Зароно: никто из твоей команды не войдет в эти ворота. Если кто-нибудь приблизится на сотню шагов, будет застрелен без предупреждения. И не вздумайте разорять скотные дворы и сады! Трех бычков я вам позволяю забить на мясо, но ни одним более! А если твоим разбойникам не по нраву эти условия, что ж, мы сумеем отстоять свою крепость!

Буканьер насмешливо улыбнулся.

— Против Строма вы не слишком-то успешно держались...

— Вторую осадную башню вам не построить, — угрюмо заметил граф. — Разве что нарубите деревьев в лесу. И твои стрелки — не чета барахским, меткость у вас примерно как у моих...

Да и стоит ли убогая добыча, которую вы можете здесь взять, столько трудов?

— А кто тут вообще говорит о сражениях и добыче? — возмущился Зароно. — Мои люди хотят размять ноги на сухом берегу, вот и все. Ну там, хорошо бы еще сунуть в рот что-нибудь, кроме свиной солонины... Я отвечаю за их доброе поведение. Так можно нам высадиться?

Валенсо очень неохотно ответил согласием. Зароно раскланялся — не без едва уловимой язвительности — и удалился все тем же размеренным, торжественным шагом, как если бы под его сапогами был не прибрежный песок, а полированный хрусталь дворцовых полов Кордавы, где, если верить слухам, Зароно когда-то был фигурой не из последних.

— Стену никому не покидать, — обращаясь к Гальбро, распорядился граф. — Не доверяю я этому ренегату! И то, что он прогнал Строма от наших ворот, еще вовсе не значит, что он сам при случае наши глотки не перережет!

Гальбро только молча кивнул. Ему ли было не знать о смертельной вражде между пиратами и зингарскими буканьерами. Пираты были в основном аргосскими моряками, оказавшимися по разным причинам объявленными вне закона. Вражда Аргоса и Зингары продолжалась уже много веков, и в случае морских разбойников к ней примешивался еще и, так сказать, спор за кусок. Те и другие флибустьеры жили нападениями на торговые корабли и прибрежные города — а стало быть, и между собой рубились без всякой пощады.

Соответственно, защитники крепости оставались настороже и очень бдительно следили за тем, как буканьеры высаживались на побережье. Это были темнолицые люди в ярких шелковых нарядах и блестящих доспехах, с цветными шарфами, повязанными на головах, и золотыми кольцами в мочках ушей. Они разбили лагерь на берегу; зингарцы насчитали примерно сто семьдесят человек, и Валенсо обратил внимание, что Зароно выставил дозорных на обоих мысах. Впрочем, никто не тронул садов и огородов, и только три бычка — причем Валенсо сам руководил выбором, крича со стены, — были отогнаны к бере-

гу на убой. Вскоре буканьеры зажгли на пляже костры, притащили с корабля оплетенный бочонок эля и выбили крышку...

В другие бочонки уже набирали пресную воду из родника, что бил немного южнее крепости, а в лес направились охотники с арбалетами. Видя это, Валенсо счел должным предупредить Зароно, прокричав ему:

— Не посылай своих людей в лес! Если не хватило мяса, лучше возьми из хлева еще бычка!.. Стоит охотникам углубиться в здешнюю чащу, как на них могут налететь пикты! Там, в дебрях, живут целые племена этих размалеванных дикарей. Нам пришлось отбиваться от них едва ли не сразу, как только мы высадились, и с тех пор еще шестеро наших погибли в лесу. Сейчас у нас с пиктами мир, но очень непрочный! Смотри, тревожишь их — не оберешься беды!

Предупреждение графа заставило Зароно беспокойно оглянуться на зеленую стену, предводитель буканьеров, ни дать ни взять, искал глазами воинственных дикарей...

Но там никого не было, и Зароно с поклоном ответил:

— Спасибо за предостережение, государь мой.

И отозвал своих людей, окликнув их резким и грубым голосом, вполне чуждым придворной учтивости, с которой он обращался к Валенсо.

Если бы ему удалось пробить взглядом плотную листву, его опасения возросли бы многократно — ибо там притаилась темная тень, наблюдавшая за пришельцем черными непроницаемыми глазами. Это был воин в жуткой раскраске, одетый лишь в ноговицы из кожи косули, с пером тукана, воткнутое в волосы чуть повыше левого уха...

Наступил вечер, и небо над океаном стала заволакивать едва заметная сероватая дымка. Солнце опустилось в ярко-алый расплав, бросая на гребни черных волн кровавые отблески. Потом с моря наполз туман. Он дотянулся до леса и невесомыми щупальцами обвил деревянные стены. Костры возле берега тускло светили сквозь мглу, хмельное пение буканьеров казалось очень далеким. Новоприбывшие доставили со своего карака старую парусину и на скорую руку соорудили из нее шатры.

В лагере по-прежнему жарилось свежее мясо и щедро лился эль, пожалованный капитаном.

Ворота крепости оставались запертыми. По стенам расхаживали воины. Они держали на плечах пики, стальные шлемы усеялись блестящими бусинками влаги. Дозорные беспокойно поглядывали в сторону прибрежных костров, но едва ли не чаще косились на лес, размытой темной полосой проступавший в тумане. Крепость молча затаилась во тьме, лишь кое-где между ставнями жилых домиков пробивались слабые блики свечей да лился свет из окон хозяйского дома. Тишину нарушали только шаги часовых, да капанье скопившейся влаги, да отдаленное пение буканьеров...

Слабое эхо этого пения достигало главного зала, где граф Валенсо сидел за бутылкой вина со своим не слишком-то желанным гостем.

— У твоих ребят, я смотрю, дым коромыслом, — сказал он Зароно.

— Они рады случаю побродить по песку, — был ответ. — Мы проделали долгий и утомительный путь... Да, эта погоня отнюдь не была легкой прогулкой!

Он галантно отсалютовал кубком молчаливой девушке, что сидела по правую руку хозяина дома, и церемонно пригубил вино.

Вдоль стен были выстроены солдаты при полном вооружении и бесстрастные слуги в атласных камзолах. Дом графа Валенсо, выстроенный на пустом берегу, был лишь бледным отражением того великолепного двора, что он держал когда-то в Кордаве.

Хозяйский дом, который ему нравилось называть особняком, был по меркам здешних мест истинным чудом. Сто человек долгие месяцы трудились на его строительстве буквально день и ночь. Снаружи бревенчатые стены были почти лишены каких-либо украшений, но что касается интерьера, то замок Корзетта был воспроизведен со всей мыслимой точностью. Деревянных стен главного зала было не видно за шелковыми шпалерами, затканными золотой нитью. Корабельные бимсы, за-

ботливо отполированные, стали его стропилами. Пол покрывали толстые ковры. Широкая лестница, уводившая из зала наверх, тоже была застлана коврами, ее обрамляли массивные перила, служившие некогда фальшбортом на галеоне...

Огонь, пылавший в обширном очаге, гнал прочь холодную сырость ночи. Свечи в огромном серебряном канделябре, красовавшемся посреди большого, сработанного из красного дерева пиршественного стола, бросали длинные тени на лестницу. Граф Валенсо сидел во главе этого стола, за которым, кроме него, присутствовали его племянница, сомнительный гость, домоправитель Гальбро и капитан стражи. Немногочисленное общество лишь подчеркивало громадность стола, за которым легко разместилось бы полсотни гостей.

— Так ты преследовал Строма? — спросил граф. — Значит, это ты загнал его в такую даль?

— О да, я шел за Стромом, но он не то чтобы бежал от меня, — рассмеялся Зароно. — Не таков Стром, чтобы от кого-нибудь бегать! Нет, он кое-что разыскивал... То, от чего я и сам не отказался бы!

— Знать бы, что за приз способен заманить пирата и бучаньера в эти пустынные края, — пробормотал Валенсо, глядя в бокал, где искрилось вино.

— Ну а кордавского графа что могло сюда привести? — парировал Зароно, и в его глазах сверкнули огоньки алчности.

Валенсо пожал плечами.

— При дворе нашего короля человеку чести рано или поздно становится тошно...

Зароно пошел напрямик.

— Вельможи из рода Корзетта, известные как люди чести, преспокойно терпели королевский разврат на протяжении нескольких поколений, — проговорил он. — Извини мое любопытство, господин граф, но с какой стати ты вдруг продал последние земли, нагрузил галеон обстановкой из фамильного замка, снялся с места да и уплыл в голубую даль? Король и придворные до сих пор знать не знают, куда это ты подевался. И почему решил поселиться именно здесь, в то время как твое имя,

я уже не говорю о мече, вполне могло завоевать тебе доброе место в любой цивилизованной стране?

Рука Валенсо перебирала золотую шейную цепь, на которой висела его печать.

— Причина, по которой я покинул Зингару, составляет мое сугубо частное дело, — сказал он. — А в здешних местах я оказался по воле случая, не более. Мы стали здесь лишь для временной передышки. Я велел людям высадиться на берег и сгрузить вещи, которые собирался использовать в своем походном жилище. Но случилось так, что с запада налетел неожиданный шторм. Он сорвал корабль с якоря и разбил о скалы на северном берегу. В определенное время года шторма здесь нередки... Так и вышло, что мы застряли. А раз двигаться дальше нам не было суждено, я решил по крайней мере расположиться со всем возможным удобством. Вот, собственно, и весь сказ...

— Так ты, — спросил буканьер, — вернулся бы в цивилизованный мир, будь у тебя такая возможность?

— В Кордаву — ни за что, — поморщился граф. — Вот в какую-нибудь отдаленную страну — в Кхитай, в Вендию — пожалуй что да...

Зароно повернулся к Белизе и впервые обратился прямо к ней:

— А тебе, госпожа моя, неужто здесь не тоскливо?

Девушку привела в большой зал именно тоска по новому лицу, по новому голосу. Теперь, однако, она очень жалела, что не осталась в своей комнате с Тиной. Взгляд, брошенный на нее буканьером, никаких сомнений не оставлял. Да, он изъяснялся точно на дворцовом приеме, держался почтительно и серьезно... но все это была маска, не способная толком скрыть мрачный и мятежный дух Зароно. Женщину не обманешь! Глядя на юную красавицу аристократку в атласном вечернем платье и расшитом самоцветами пояске, Зароно испытывал жгучую похоть.

— Верно, — тихо проговорила Белиза, — развлечений здесь небогато...

Буканьер снова обратился к хозяину дома.

— Так будь у тебя корабль, ты оставил бы место, где ныне живешь?

Граф согласился:

— Возможно.

— Что ж, корабль у меня есть,— сказал Зароно.— И если мы придем к соглашению, которое устроит обоих...

— Что за соглашение? — Валенсо поднял глаза, подозрительно глядя на гостя.

— Поделим все пополам,— ответил буканьер. И положил руку на стол, растопырив веером пальцы. Казалось, на скатерть запрыгнул огромный паук... Непонятное волнение заставляло подрагивать пальцы морского разбойника, в глазах мерцали странные огоньки.

— Поделить — что? — Валенсо смотрел на него с искренним недоумением.— Золото, которое я с собой захватил, потонуло вместе с кораблем. И, в отличие от деревянных обломков, на берег его так и не вынесло...

— Да не о нем речь! — Зароно нетерпеливо мотнул головой.— Давай уж, господин мой, начистоту! Этот берег тянется на сотню переходов, высаживайся где хочешь, но ты бросил якорь именно здесь! Так, может, хватит рассуждать о случайностях?

— Мне скрывать нечего,— холодно ответил Валенсо.— Моего шкипера звали Зингелито, и он сам когда-то был буканьером. Он неплохо знал побережье и убедил меня сделать временную остановку именно в этом месте, обещая объяснить причину попозже. Увы, ему так и не удалось этого сделать. На другой же день после высадки он отправился в лес... Охотники нашли Зингелито убитым и обезглавленным. Видимо, шкипер попал в засаду и пал от рук пиктов...

Некоторое время Зароно пристально вглядывался в лицо графа.

— Да чтоб мне потонуть,— проговорил он наконец.— Я верю тебе. Вельможи из рода Корзетта достигли многого, но они никогда не были искусны во лжи... И я все-таки сделаю тебе предложение. Сознаюсь: бросая здесь якорь, я другое держал

на уме... Предполагая, что ты уже завладел сокровищами, я думал хитростью взять эту крепость и вырезать всех, кто в ней живет. Однако обстоятельства вынудили меня отказаться от первоначального намерения...— Тут он устремил на Белизу взгляд, от которого ей кровь бросилась в лицо, и продолжал: — Так вот, у меня есть корабль, способный вывезти тебя из ссылки. Со всеми чадами и домочадцами, которых ты пожелаешь с собой захватить. На судно поместятся не все, но те, кого ты решишь оставить, небось не пропадут!

Слуги, стоявшие вдоль стен, невольно начали переглядываться. Зароно же продолжал, более не скрывая своих планов и подавно не считаясь с чувствами простолюдинов:

— Только сперва помоги мне овладеть кладом, ради которого я приплыл в такую несусветную даль!

— Во имя Митры, да что это за сокровище? — спросил Валенсо рассерженно. — Вот и Стром, разрази его, тоже все о каком-то кладе болтал...

Зароно осведомился:

— Неужели ты никогда не слышал о Траникосе Кровавом, величайшем из барахских пиратов?

— Слышал, конечно! Да есть ли человек, который о нем не слышал? Ведь это он взял штурмом островной замок Татмекри, ссыльного стигийского принца, предал мечу всех побежденных и забрал сокровища, которые принц привез с собой из самого Кеми...

— Вот именно! И распространившаяся молва об этом сокровище притягивает людей Червонного Братства, точно падаль стервятников: пиратов, буканьеров, даже черных корсаров с дальнего юга... Убоявшись измены своих капитанов, Траникос ушел на север с одним-единственным кораблем... И более никто ничего о нем не знает. А было это около ста лет тому назад.

Легенда, однако, гласит, будто некий человек вернулся живым из этого путешествия. Он пробирался обратно на Барахские острова, но был перехвачен боевым кораблем зингарцев.

Его, конечно, повесили, но не прежде, чем он рассказал о случившемся и нарисовал карту. Нарисовал собственной кровью на лоскутке пергамента, который ему удалось стащить у тюремщика... И вот что гласит его повесть: Траникос отошел далеко в сторону от обычных торговых путей и держал путь все дальше на север, пока не завидел пустынное побережье. Здесь он велел бросить якорь, а сам отправился на сушу, взяв с собой сокровище и одиннадцать самых преданных капитанов, которым полностью доверял и которые были с ним в этом плавании. Согласно его приказанию, корабль отбыл, чтобы возвратиться через неделю и подобрать главаря с его подручными. За это время Траникос рассчитывал выбрать удобное место и укрыть там награбленное. Корабль вернулся, как было велено, через неделю... Однако моряки не нашли ни единого следа Траникоса и одиннадцати капитанов. Только лачугу, которую те соорудили на берегу.

Эта лачуга, впрочем, уже была кем-то разрушена. Всюду кругом обнаружили отпечатки босых ног, но признаков борьбы найти не удалось... Сокровище также бесследно исчезло. Где, каким образом его спрятали? Пираты устремились в лес, чтобы разыскать там своего предводителя и остальных пропавших, но дикие пикты напали на них и вынудили отступить на корабль. Отчаявшись, мореплаватели подняли якорь, но на обратном пути свирепый шторм погубил судно, и в итоге выжил всего один человек.

Вот каким образом родилась легенда о кладе Траникоса... Его ищут уже почти сто лет, но не могут найти. Известно только о существовании карты, но где она? Все покрыто тайной...

Случилось так, что некогда мне довелось одним глазком взглянуть на нее. Я, видишь ли, плавал тогда вместе со Стромом и Зингелито, и с нами был еще один немедиец, примкнувший к барахским пиратам. Карта попалась нам в одной грязной хижине в некоем зингарском порту, который мы тайком посетили. Мы уже собрались выложить за нее денежки, но тут кто-то опрокинул лампу, мы услышали вой в темноте... А когда светильник удалось снова разжечь,— что ты думаешь? Старый

скряга, намеревавшийся продать нам карту, валялся мертвым с кинжалом в потрохах, сама карта подевалась неизвестно куда, а по улице прямо к нам с топотом неслась ночная стража, привлеченная шумом... Пришлось нам удирать кто куда. Так и разошлись наши пути...

Несколько лет с той поры мы со Стромом исподволь наблюдали один за другим. Каждый из нас подозревал, что карта находится у другого. Как выяснилось, оба были неправы. Но когда мне донесли, что Стром отправился на север, я тут же за ним последовал... Чем кончилась моя погоня, ты знаешь.

Карту, повторяю, я видел лишь мельком — на столе в хижине, и рассмотрел, если честно, очень немного. Но действия Строма свидетельствуют: ему известно, что Траникос высадился именно тут. Осмелюсь предполагать, что легендарный предводитель спрятал клад где-то в лесу, а на обратном пути он и его люди подверглись нападению пиктов и были убиты. Так что и пиктам клад не достался. С ними ведь потихоньку торгуют, — так вот, в прибрежных племенах никто ни разу не видел ни золотого украшения, ни редкого самоцвета...

А теперь, граф, вот мое предложение. Давай объединим наши силы! Стром вряд ли ушел далеко, он вполне может снова напасть. Сегодня отступил, опасаясь угодить меж двух огней, но непременно вернется. Если мы заключим союз, он ничего не сможет с нами поделать. Мы же будем совершать вылазки из крепости, всякий раз оставляя в ней достаточно воинов для обороны. Все говорит о том, что сокровище где-то совсем рядом! Двенадцать человек просто не могли унести его далеко!.. Когда мы заполучим клад, то погрузим его на корабль и отправимся в какой-нибудь иноземный порт, где золото поможет мне скрыть мое прошлое. Разбойничья вольница до смерти надоела... Я хочу снова жить в цивилизованной стране — жить как вельможа, в собственном замке, среди роскоши и слуг... И с женой благородных кровей!

— Ну и?.. — спросил граф, подозрительно сузив глаза.

Буканьер ответил без обиняков:

— Отдай мне в жены племянницу.

Белиза вскрикнула от неожиданности и вскочила на ноги. Побледневший Валенсо тоже поднялся, он так стискивал кубок, что казалось — граф вот-вот запустит им в своего гостя. Зароно остался сидеть, только пальцы руки, лежавшей на столе, скрючились подобно когтям. Глаза морского разбойника горели угрозой, жадностью и вожделением.

— Да как ты смеешь! — вырвалось у Валенсо.

— Не забывай, что ты давно пал с былых высот, граф, — проворчал Зароно. — Мы тут с тобой, сударь, не в Кордаве при королевском дворе. Родовитость на этом берегу измеряется силой и числом вооруженных людей, так что с некоторых пор я тебе ровня! В замке Корзетта живут чужие люди, богатства твоего рода лежат на морском дне. И если я не позволю воспользоваться моим кораблем, ты никогда не выберешься из этого медвежьего угла.

Уверяю, ты не пожалеешь, что породнился со мной! Увидишь, что с новым именем и с новыми возможностями Черный Зароно сумеет занять достойное место среди знатных мира сего. Даже тебе, Корзетта, не придется стыдиться подобного зятя!

— Ты с ума сошел, если строишь подобные планы! — с жаром вскричал граф. — Ты, который... Эй, что это еще там?

Его отвлек быстрый топоток. В зал влетела Тина. Сердитый взгляд графа заставил было ее остановиться, но потом она обогнула стол и сунула ручонки в ладони Белизе. Она задыхалась, легкие тапочки промокли, льняные волосы прилипли к голове.

— Тина, — встревоженно воскликнула молодая хозяйка. — Где ты была? Я-то думала, ты давным-давно спишь у себя...

— Я и спала, — силясь перевести дух, ответила девочка. — Но я недосчиталась кораллового ожерелья, которое ты мне подарила... — Тина держала в руках нитку бус, дешевую безделушку. Тем не менее Тина очень ею дорожила, ведь это был самый первый подарок Белизы. — Я знала, ты меня не отпустишь... Жена одного воина помогла мне выбраться за стену и вернуться назад... Ой, госпожа, только не заставляй меня ее выдавать, я обещала, что никому не скажу... Я подобрала ожере-

лье у пруда, где утром купалась... Накажи меня, если я сделала что-то не так!

— Тина, Тина,— простонала Белиза, обнимая воспитанницу.— Не буду я тебя наказывать. Но зачем же ты ходила наружу, ведь у берега стоят лагерем буканьеры, а из лесу могут напасть пикты! Дай-ка я отведу тебя в комнату и переодену, а то вся вымокла...

— Пойдем, госпожа,— ответила Тина.— Только можно я сначала расскажу про черного человека?

— Что?!!

Все обернулись на внезапный крик, вырвавшийся у Валенсо. Кубок покатился по полу — граф обеими руками схватился за край столешницы, чтобы не упасть. Поведение хозяина крепости не могло бы измениться разительней, даже попади в него молния! Лицо покрывала смертельная бледность, глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит...

— Что ты сказала?..— выдохнул он, дико глядя на Тину, прятавшуюся за спиной у Белизы.— Что ты сказала?

— Ч-черный ч-человек, госп-подин мой...— заикаясь, выговорила маленькая служанка.— Я увидела его, когда спускалась к пруду, чтобы забрать бусы... Ветер как-то странно застонал, а прибой заскулил, точно испуганное животное... И тогда он пришел. Мне стало страшно, я спряталась за кучей песка. Он приплыл с моря в такой странной черной лодке, окруженной сиянием голубого огня, только факела нигде не было видно. Он вытащил лодку на песок по ту сторону южного мыса и ушел в лес... Он показался мне великаном в тумане... такой большой... и черный-пречерный, точно чернокожий кушит...

Валенсо зашатался, как если бы ему нанесли смертельный удар. Его рука дернулась к горлу и разорвала золотую цепь с печатью. Grimаса безумия перекосила его лицо, он обежал стол и выхватил Тину из объятий Белизы.

— Маленькая дрянь! Ты все это придумала! — выкрикнул он.— Ты, верно, подслушала, как я разговаривал во сне, и сочинила эту ложь, чтобы мучить меня! Скажи, что это неправда, пока я шкуру с тебя не спустил!..

— Дядя!.. — воскликнула Белиза, ничего не понимая и все-таки пытаясь отнять Тину у графа. — Дядя, что с тобой? О чем ты говоришь?

Зарывав, Валенсо сбросил со своего плеча ее руку и отшвырнул девушку прямо на руки Гальбро. Тот подхватил ее, даже не пытаясь скрыть злорадной ухмылки.

— Пощади, господин! — рыдала бедная Тина. — Я правду сказала!

— А я говорю, что ты лжешь! — взревел граф. — Геббрело, ко мне!

Здоровенный слуга подхватил трепещущую Тину и одним движением сдернул с нее скучную одежку. После чего забросил девочку себе на спину, перекинув ее руки через свои плечи так, что она не могла достать ногами пол.

— Дядя!.. — вновь отчаянно закричала Белиза, сиюсь вырваться из крепких и неожиданно похотливых рук Гальбро. — Ты с ума сошел! Ты не можешь... Не можешь!

Ее голос сорвался — граф схватил хлыстик для верховой езды и с такой яростной силой вытянул им девочку, что поперек худенькой спины вздулся красный рубец.

Тина забилась и надсадно закричала, а у Белизы вырвался стон. Весь мир сошел с ума! Точно в кошмарном сне, она обшаривала глазами знакомые лица слуг и воинов, но видела перед собой какие-то звериные хари, тупые бычьи морды, лишенные жалости и сочувствия. Частью этого кошмара была и усмехающаяся физиономия Зароно. Все заволокло красным туманом, в котором было отчетливо видно лишь белое тело Тины, нагое, крест-накрест перечеркнутое багровыми полосами от плеч до самых колен. А единственными звуками остались ее болезненные вскрики да пыхтение Валенсо, который хлестал девочку снова и снова. У графа был остановившийся взгляд сумасшедшего.

— Лгунья! Лгунья! — выкрикивал он. — Будь ты проклята, лгунья! Признай свою ложь, пока я всю кожу с тебя заживо не содрал! Он никак не мог добраться сюда за мной...

— Пощади, господин, пощади! — кричала несчастная Тина. Она билась и извивалась на спине у Геббрело, боль и страх лишили ее сообразительности, и она даже не пыталась спасти себя ложью. По бедрам девочки алыми каплями сбегала кровь. — Я не лгу! Я его видела! Пощадите, пощадите, пожалуйста! А-а-а...

— Ты глупец, дядя! Ты глупец!.. — не помня себя, закричала Белиза. — Ты что, не видишь, что она правду говорит? Ах ты зверь! Зверь, зверь!..

Казалось, эти слова вернули графу Валенсо Корзетта некую толику здравомыслия. Бросив хлыст, он все-таки потерял равновесие и тяжело навалился на стол. Его трясло, как в лихорадке. Взмокшие волосы прилипли ко лбу, по лицу, напомиравшему гипсовую маску ужаса, стекал пот. Тина, наконец выпущенная Геббрело, поникла и, всхлипывая, осталась лежать на полу. Белиза вырвалась у Гальбро и с плачем подбежала к воспитаннице. Упав на колени, она заключила девочку в объятия. Найдя глазами своего дядю, приготовилась высказать ему все, что клокотало у нее в сердце... Но граф на нее не смотрел. Казалось, он полностью забыл и о ней, и о жертве своего внезапного гнева.

Не веря собственным ушам, Белиза услышала, как он проговорил, обращаясь к Зароно:

— Я принимаю твое предложение, буканьер. Во имя Митры! Давай отыщем треклятый клад и покинем это грешное побережье!

Вот тут весь гнев Белизы иссяк, как задутый огонь, оставляющий после себя лишь золу. Ее затошнило. Не сказав ни единого слова, она подхватила на руки всхлипывающую Тину и унесла ее наверх по ступеням. Последний взгляд, брошенный через плечо: Валенсо сгорбился у стола, жадно глотая вино из кубка, который ему приходилось держать обеими руками, чтобы не расплескать. Зароно возвышался над ним, похожий на черного стервятника... Чувствовалось, что он не особенно понял, что именно произошло за столом, но немедленно воспользовался преимуществом, которое дала ему внезапная переме-

на в душевном расположении графа. Он что-то говорил ему тихим решительным голосом, а Валенсо молча кивал, едва ли внимательно слушая... Гальбро отступил в тень, он задумчиво мял подбородок большим и указательным пальцами, слуги у стен обменивались озадаченными взглядами, потрясенные неожиданным срывом господина...

Добравшись до своей комнаты, Белиза уложила полуживую девочку на постель и принялась смазывать раны на ее нежной коже лекарственной мазью, унимающей боль. Тина доверчиво отдалась ее заботам и лишь слабо постанывала.

Сама Белиза чувствовала себя так, словно привычный мир вдруг рассыпался у нее под ногами. Ее мутило, голова шла кругом — потрясение, постигшее девушку, оказалось слишком сильным. Душу полнили ненависть и отвращение к дяде. Любить его она, собственно, особо никогда не любила. Это был жесткий и скупой человек, не питавший к ней естественной привязанности. Однако Белиза по крайней мере привыкла считать его бесстрашным и справедливым! Как после этого забыть безумные глаза графа, его белое лицо и руку с хлыстом?.. Белиза содрогалась от отвращения. Что за чудовищная затаенная боязнь помutilа сегодня его разум? Какой подспудный страх заставил его истязать единственное существо, которое она лелеяла и любила?.. Что за ужас понудил его продать ее, родную племянницу, лишенному чести разбойнику? Что крылось за его нынешним поведением?

И кто был тот черный человек, которого видела Тина?

— Я не лгала, госпожа... — в полубреду бормотала маленькая служанка. — Я правду сказала... Черный человек приплыл в лодке, которая бежала по воде, точно язык голубого огня... Высокий, сам черный весь и в черном плаще... Я так напугалась, что аж кровь в жилах застыла... Он оставил лодку на песке и ушел в лес... Я же не виновата, что видела его... За что граф побил меня, госпожа?..

— Тихо, маленькая, — ласково шептала Белиза. — Лежи смирно. Боль скоро пройдет...

У нее за спиной отворилась дверь. Девушка обернулась, хватывая драгоценный кинжал... Мурашки побежали у нее по спине — на пороге стоял граф. Он выглядел постаревшим на много лет. Серое осунувшееся лицо и взгляд, от которого у Белизы похолодело в груди. Да, они и прежде были не слишком близки, но теперь их разделяла сушая бездна. Не дядя стоял перед ней — это был незнакомец, и добра от него ждать не приходилось.

Она подняла кинжал...

— Еще раз тронешь ее... — прошептала она пересохшими губами, — Митрой клянусь, я тебя зарежу!

Он точно не слышал.

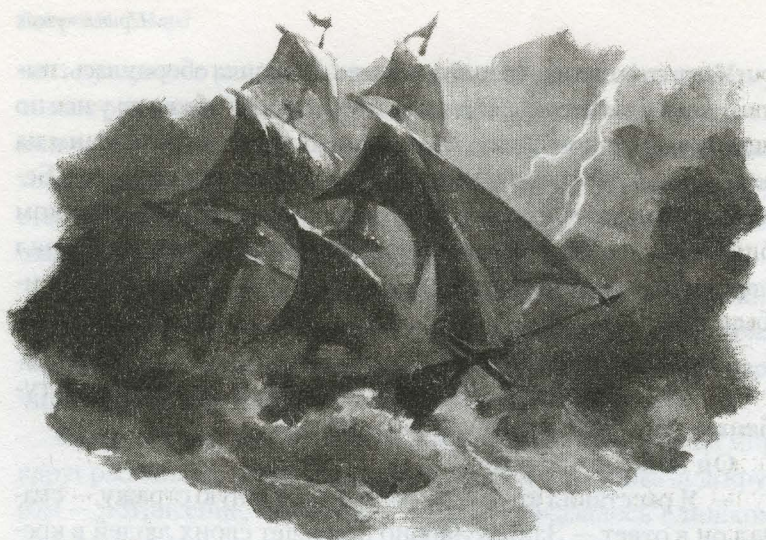
— Я расставил кругом особняка надежную стражу, — сказал он в ответ. — Завтра Зароно приведет своих людей в крепость. Он никуда отсюда не уплывет, пока не отыщет сокровище. Когда же найдет — мы вместе отправимся в какой-нибудь порт... Куда именно, еще не решили.

— А меня ты, значит, ему продаешь? — выдохнула она. — Клянусь Митрой, я...

Валенсо хмуро смотрел на нее, и по глазам было видно — в этот момент для него не существовало иных интересов, кроме его собственных. Белиза съежилась, ощутив, на какую жестокость подвигнул ее дядю овладевший им мистический ужас.

— Будешь делать, что я скажу, — вот и все, что он ей ответил, и в его голосе человеческого было не больше, чем в беспощадном лязге металла. Повернувшись, он вышел из комнаты.

У Белизы разом кончились силы. В глазах потемнело, и она рухнула на пол рядом с постелью, на которой распростерлась маленькая Тина...

4

РОКОТ ЧЕРНОГО БАРАБАНА

Бедная Белиза не знала, долго ли она пролежала без чувств, сломленная выпавшим ей испытанием... Ее привели в себя руки Тины, пытавшейся обнять любимую госпожу, и всхлипывания девочки, раздававшиеся у самого уха. Кое-как Белиза выпрямилась и притянула Тину к себе. Сама она плакать уже не могла. Так она и сидела с сухими глазами, неподвижно глядя на свечной фитилек...

В замке не раздавалось ни звука. Смолкло и хмельное пение буканьеров на морском берегу... В тишине Белиза принялась размышлять о создавшемся положении — сквозь онемение души, которое заменяло ей спокойствие и помогало смотреть на вещи отстраненно.

Итак, Валенсо свихнулся. Рассказ о таинственном черном человеке обернулся для него помрачением рассудка. До такой степени, что он готов покинуть с таким трудом воздвигнутое селение и бежать куда-то с Зароно. Таковы были факты. Другой столь же очевидный факт состоял в том, что ради возмож-

ности бегства он вознамерился принести в жертву собственную племянницу. Вот так — и никакого просвета во тьме, столь внезапно окружившей Белизу... А слуги! Она впервые увидела их в истинном свете. Тупые и черствые олухи, и жены им под стать, такие же бездеятельные и глупые. Они не посмеют прийти к ней на выручку, да и не захотят...

Никогда еще Белиза не чувствовала подобного одиночества и беспомощности. Ждать помощи было решительно неоткуда.

Тина приподняла залитое слезами личико, словно бы внимая некоему внутреннему голосу. Она удивительным образом умела подслушать самые сокровенные мысли хозяйки; точно так же безошибочно умела она распознавать неотвратимую поступь Судьбы — и единственный выход, который та оставляет слабым.

— Нужно идти, госпожа, — прошептала маленькая служанка. — Не надо, чтобы ты досталась Зароно! Давай убежим в лес... Мы будем идти все вперед, пока не кончатся силы. А тогда — ляжем наземь и вместе умрем...

Белизу глубоко растрогала ее трагическая решимость, свойственная бессильным. Со времени бегства из Зингары кругом девушки словно бы сгущались тени; похоже, ей действительно оставалось только одно...

— Идем, маленькая, — сказала она.

Поднявшись, Белиза уже нашаривала плащ, когда сдавленное восклицание Тины заставило ее оглянуться. Девочка стояла у постели, прижимая пальчик к губам, в округлившихся глазах горели искорки страха.

— Что там, Тина?

Явный испуг девочки заставил Белизу говорить еле слышно, сердце стиснула безымянная тревога...

— Там... в большом зале... там кто-то есть, — хватаясь за ее руку, выдохнула Тина. — Он остановился у нашей двери, а потом двинулся дальше, к покоям графа...

— Какие у тебя чуткие ушки, не чета моим, — так же тихо ответила Белиза. — Но что же тут странного? Это сам граф прошел, а может быть, Гальбро...

И она хотела приоткрыть дверь, чтобы в этом увериться, но Тина отчаянно повисла у нее на шее, и Белиза ощутила частый стук детского сердца.

— Не ходи, не ходи туда, госпожа! Не открывай дверь!.. Мне страшно!.. Я не знаю... Я просто чувствую, что рядом с нами бродит ужасное зло...

Вполне заразившись ее страхом, Белиза погладила девочку по голове, пытаясь ободрить. Сама же потянулась к золотому диску, прикрывавшему крохотный глазок посередине двери...

— Он возвращается! — дрожа, прошептала девочка. — Я его слышу!

Теперь и Белиза кое-что слышала. Тихие, крадущиеся шаги, которые, как она с ужасом поняла, не принадлежали ни одному из очень хорошо знакомых ей обитателей замка. И это шел не Зароно, — тот, кто таился за дверью, сапог не носил. Неужели буканьер босиком крался через зал, помышляя убить графа во сне?.. Белиза вспомнила о солдатах, наверняка стоявших на страже. Останься Зароно в особняке на ночь, у его двери точно поставили бы вооруженного караульщика... Но тогда кто же так тихо и таинственно пробирался по коридору? Тем более что здесь, наверху, ночевали только они с Тиной и граф... Да еще Гальбро...

Быстрым движением Белиза загасила свечу, чтобы свет не вырвался через смотровое отверстие двери и не выдал ее. Потом отвела в сторону золотой диск... В зале, где обычно до утра горели свечи, царила крошечная темнота. И в этой темноте что-то действительно двигалось по коридору. Белиза скорее ощутила, нежели увидела, как нечто огромное миновало дверь ее комнаты. Она не смогла бы сказать об этой тени ничего определенного, только то, что силуэт был человекообразным. Зато ее окатило такой ледяной волной ужаса, что девушка, не помня себя, съехала у двери, а с губ едва не сорвался крик. Этот ужас был совсем иного рода, нежели тот, что внушал ей дядя граф. Или Зароно. Или враждебный лес. Нет, Белизу охватила слепая, нерассуждающая жуть, от которой язык примерз к нёбу, а сердце едва не остановилось в груди...

А таинственный и страшный некто между тем добрался до лестницы, где его на мгновение обрисовал слабый свет снизу. И, присмотревшись к этому силуэту, черному на багровом, Белиза чуть было заново не лишилась сознания.

Скорчившись в темноте, она стала ждать неизбежного переполюха, — ведь воины в большом зале обязательно должны заметить пришельца. Однако в особняке сохранялась полная тишина. Только ветер посвистывал где-то на крыше — и все...

Белиза нашарила свечку. Руки дрожали, ладони были влажными от пота. Она все не могла отойти от пережитого страха, хотя разум отказывался уяснить, что же такого было в черном силуэте, выхваченном красноватым светом, что мгновенно скрутило ее душу столь несусветным отвращением и боязнью. Да, внешними обводами тень походила на человека, но... В облике существа сквозило нечто непередаваемо чуждое, запретное. Что именно — Белиза не взялась бы сказать, она просто знала со всей определенностью: прошедший мимо ее двери не был человеком. И это знание отнимало у нее всю решимость, вроде бы только что обретенную. Присутствие духа оставило ее, а с ним и способность к действию.

Свечка вспыхнула, облив золотистым сиянием бледное личико Тины.

— Это был черный человек! — шепнула девочка. — Я знаю! У меня кровь заохолодела, в точности как тогда, на мысу!.. Ой, госпожа, там, внизу, воины стоят, — как же они его не заметили? Может, надо графа предупредить?..

Белиза молча замотала головой. Еще не хватало добиться повторения той отвратительной сцены!

К тому же теперь Белиза ни за что не отважилась бы выйти в темный коридор, где разгуливала такая страшная тварь.

— Значит, мы не можем убежать в лес, — вздрогнула Тина. — Вдруг он где-нибудь там...

Белиза не стала спрашивать, с чего это она взяла, будто черный чужак решил отправиться в лес. Лес в ее представлении выглядел закономерным прибежищем всякого зла, будь то человек или демон... Тина в любом случае рассуждала пра-

вильно: бежать из крепости сделалось невозможно. Решимость Белизы, которую не могла поколебать перспектива неминуемой смерти, дала трещину при мысли о походе через темную чащу, где, вероятно, бродила эта жуткая тень.

Девушка беспомощно опустила на пол и спрятала в ладонях лицо...

Спустя некоторое время Тина задремала на кровати. Иногда она всхлипывала во сне, на длинных ресницах блестели слезы. Судя по всему, у нее болело все тело — девочка беспокойно и трудно ворочалась, пытаясь найти удобное положение...

Ближе к рассвету Белиза почувствовала удушающее сгущение воздуха и услышала, как где-то далеко над морем глухо пророкотал гром. Загасив огарок свечи, девушка подошла к окошку, из которого можно было видеть и лес позади крепости, и океан.

Оказалось, что туман рассеялся, но звезды на западе заслоняла громадная тень. Там сверкали молнии и раздавались громовые раскаты. Белиза прислушалась и распознала сходный рокот, только доносившийся с другой стороны, из непроглядной черноты леса. Она испуганно повернулась туда, где высилась темная стена деревьев... Она не ошиблась — ее слуха достигал странный пульсирующий ритм, монотонный рокот... совсем не похожий на переключку пиктских боевых барабанов.

— Барабан... — всхлипнула Тина, беспокойно сжимая во сне кулачки. — Черный человек... бьет в черный барабан... в черном лесу... Ой, спа-а-сите...

Белизу в который уже раз за последние сутки заколотила дрожь. Небо на востоке уже начинало мало-помалу сереть, предвещая рассвет, но на западе ворочалась и росла гигантская непроглядная туча. Белиза смотрела на нее в немом изумлении, ибо в это время года гроз на здешнем побережье практически не бывало. Да и не видала она никогда прежде таких облаков...

Казалось, из-за внешнего края мира выливалась кипящая масса сплошной черноты, пронизанная струями лилового пламени. Она перекачивалась и вздымалась, влекомая неистовым

вихрем. Самый воздух содрогался от грома, рожденного в ее недрах. К голосу грозы примешивалось жутковатое завывание ветра, сулившего бурю. Чернильную тьму на горизонте рвали и вспарывали огненные вспышки, далеко в море белели гребни высоких штормовых волн. Они бешено мчались на берег, и Белиза слышала, как близился их рев...

Но все это буйство происходило вдали. Жаркий, спертый воздух над берегом оставался неподвижным, ни единое дуновение не нарушало его. Природный контраст выглядел нереальным: где-то там — безумие шторма, сущий хаос, мчавшийся на сушу; а здесь — полный покой и душная тишина. Вот где-то внизу хлопнула ставня (даже этот звук показался удивительно громким), послышался женский голос, пронзительный и тревожный... Тем не менее большинство обитателей крепости, кажется, продолжали мирно спать, зная не зная о надвигавшемся урагане...

До слуха Белизы вновь достучался таинственный ритм барабана, и, заново холодея, она оглянулась на лес. Там по-прежнему ничего невозможно было разглядеть, но воображение, подстегнутое неведомым инстинктом, живо нарисовало ей то черное существо, как оно сидит на корточках в крошечной тени ветвей, выводя неведомое заклинание на чем-то вроде барабана...

Белиза затрясла головой, отгоняя жуткое наваждение, и опять посмотрела в сторону моря. Там расколола небеса громадная молния. На фоне ослепительной вспышки резкими тенями промелькнули мачты корабля Зароно, шатры буканьеров на берегу, песчаные дюны южного мыса и каменные скалы северного... На миг все это озарилось ярче, чем днем. А рев надвигавшегося ветра постепенно делался слышнее, и особняк начал просыпаться. Вот кто-то пробежал по лестнице, раздался голос Зароно, не лишенный испуга.

Захлопали двери, и Валенсо отозвался гостю, перекрикивая разошедшуюся стихию.

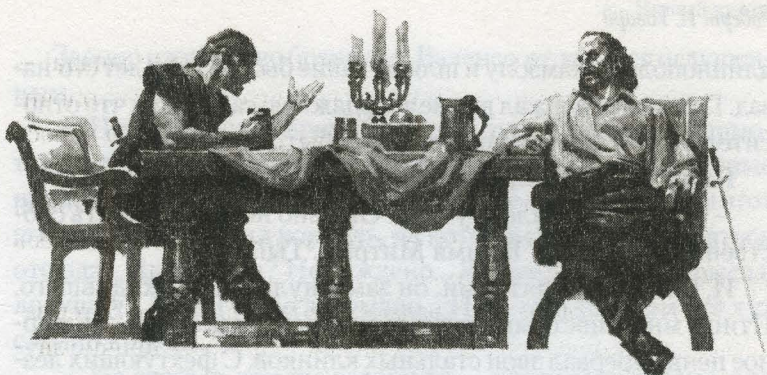
— Почему никто не предупредил меня, что буря идет? — отчаянно взывал буканьер. — Если якоря не удержат...

— В это время года мы никогда не видели бурь с запада! — прокричал Валенсо, в одной ночной рубашке выбегая из опочивальни. Он был бледен, волосы стояли дыбом. — Это небось дело рук...

Чьих именно, он не договорил. Прыгая через ступеньки, граф устремился на сторожевую башню, и за ним, кляня весь белый свет, помчался Зароно.

Белиза, благоговей и ужасаясь, съежилась у окна. Ветер завывал все громче, пока его вой не похоронил все прочие звуки — все, кроме сводящего с ума барабанного боя, казавшегося девушке победной песнью, полной нечеловеческого торжества. Ураган катился на берег, гоня перед собой полосу вспененных волн шириной в целую лигу... А потом на крепость обрушился форменный ад. Дождь принялся хлестать ужасающими потоками, словно стремясь смыть и унести сушу. Налетел ветер и ударил с такой бешеной силой, что деревянные стены затрещали и содрогнулись. Прибой с ревом обрушился на пляж, заливая угли костров. При свете очередной вспышки Белиза увидела сквозь пелену дождя, как рвались на ленточки непрочные шатры буканьеров, как их уносил ветер и поглощала вода, как люди, шатаясь, плелись в сторону крепости, а буря раз за разом пыталась сбить их с ног...

А еще Белиза увидела, как судно Зароно, сорванное с якорей, валилось прямо на острые, жадно оскаленные каменные клыки...

5

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДЕБРЕЙ

...Наконец шторм исчерпал свою ярость, и рассвет озарил чистое голубое небо, умытое ливнем. Утреннее солнце сияло начищенным золотом, и птицы в ярком оперении дружным хором приветствовали его с ветвей, каждый лист на которых украшали бриллианты влаги, игравшие от малейшего дуновения свежего утреннего ветерка.

Возле впадавшего в море ручейка, чье извилистое русло окаймляли кусты и деревья, умывался человек. Делал он это не торопясь и со вкусом, как было принято у его народа. Плескал, брызгал и при этом фыркал от удовольствия, точно буйвол. Однако бдительности он не терял. Вот что-то заставило его вскинуть мокрую русоволосую голову, да так внезапно, что по крепким плечам побежали струйки воды.

Мгновение он прислушивался, сидя на корточках, потом вскочил и обратился лицом в сторону суши, одновременно выхватывая меч.

Увиденное заставило его замереть с отвисшей челюстью, только взгляд разгорелся.

К нему, даже не пытаясь скрываться, шел через пески человек — такой же рослый и крупный, как и он сам. Глаза пирата невольно округлились, когда он присмотрелся к облегающим шелковым штанам, высоким сапогам с широкими голенищами,

длиннополому камзолу и шляпе, какие были в ходу лет сто назад. Пришелец держал в руке абордажную саблю, так что относительно его намерений сомнений быть не могло.

Пират побледнел, в его взгляде блеснуло узнавание.

— Ты!.. — вырвалось у него. Он явно не мог поверить собственным глазам. — Во имя Митры!.. Ты!..

И, сыпля проклятиями, он замахнулся на подходившего. Птицы многоцветными тучами снялись с деревьев — их мирное пение прервал звон стальных клинков. С фехтующих лезвий летели синие искры, песок скрипел и продавливался под каблуками ботфорт. А потом вместо очередного звонкого удара послышался тупой хруст, и один из противников, болезненно ахнув, упал на колени. Рукоять выпала из руки, клинок скользнул по песку, обогренному кровью. Предсмертным усилием человек вытащил что-то из поясного кармашка и поднес было ко рту... Но тут его тело свела последняя судорога, человек выгнулся — и обмяк на песке.

Победитель наклонился и самым хладнокровным образом выдернул из цепенеющей ладони убитого то, на чем она пыталась сомкнуться.

Зароно и Валенсо стояли на берегу, глядя, как их люди собирали обломки. Реи, куски обшивки, расщепленные мачты... Шторм с такой яростной силой расколотил корабль о скалы, что большая часть выловленной древесины годилась разве что на растопку. Неподалеку от двоих мужчин стояла Белиза. Она прислушивалась к их разговору, обнимая одной рукой Тину за плечи. Девушка была бледной и вялой, весь вид ее выражал безропотное принятие судьбы, пусть и не слишком веселой. Разговор дяди с «женихом» не вызывал у нее особого любопытства. Белизу морально раздавило осознание того факта, что эти люди сделали ее пешкой в своей игре. А коли так, не все ли равно — провести остаток дней на этом тоскливом берегу или со временем вернуться в какую-либо цивилизованную страну?

Ни счастья, ни свободы все равно теперь не будет...

Зароно изошренно бранился, Валенсо же казался оглушенным.

— Неподходящее время года для бурь с запада,— бормотал он, следя ввалившимися глазами за буканьерами, которые вытаскивали из воды плавник.— Вовсе не случайным был этот шторм... Он погубил корабль, на котором я думал вырваться отсюда... Вырваться? Не суждено... Я попался, точно крыса в ловушку... Как и было задумано... И не только я, мы все тут словно крысы...

— Не знаю, о чем ты говоришь,— прорычал Зароно, зло дергая себя за усы.— Я вообще от тебя толку добиться не могу с тех самых пор, как белобрысая малявка расстроила тебя бреднями о черных людях, явившихся с моря! Так вот, послушай меня: лично я не собираюсь всю оставшуюся жизнь коптить небо в этой проклятой бухте! Десяток моих людей отправил-ся в ад вместе с кораблем, но у меня осталось еще сто шестьдесят! Добавить сотню твоих... В крепости полно инструментов, а в лесу — уйма деревьев. Мы еще выстроим себе судно! Как только мои ребята кончат спасать все, что не потонуло, я отправлю их за бревнами в лес...

— Это займет месяцы,— отозвался Валенсо.

Зароно огрызнулся:

— А ты можешь предложить лучший способ занять свободное время? Так или иначе, мы оказались здесь. И застрянем здесь навеки, если не построим корабль, на котором и уплывем. Да, нам придется соорудить нечто вроде лесопилки... Но не было и нет такого препятствия, которое бы надолго задержало меня! Надеюсь только, что этот шторм и Строма, аргосскую собаку, на щепки разнес... А пока наш корабль будет строиться, займемся поисками клада, зарытого стариком Траником...

Валенсо мрачно проговорил:

— Нам не дадут построить корабль.

— Это ты пиктов имеешь в виду? У нас достаточно войска, чтобы дикари были не страшны.

— Я не о пиктах. Я говорю про черного человека...

Зароно разгневанно повернулся к нему.

— Да объясни же наконец толком! Кто такой этот черный человек, прах его побери?

— Воистину прах,— ответил Валенсо.— Кровавый прах моего собственного прошлого, тень, поднявшаяся из мрака, чтобы утащить меня в ад... Это из-за него я бежал из Зингары, думая затеряться в безбрежном океане... Следовало бы мне знать, что рано или поздно он снова встанет на след!

— Если кто-то явился сюда и вышел на берег, значит, теперь он отсиживается в лесу,— заметил Зароно.— Другого пути нет. Мы прочедем лес, отыщем его и убьем.

Валенсо хрипло рассмеялся.

— Попробуй поймать тень облака, прячущего луну. Нашарь в темноте кобру. Схвати туман, клубящийся над полночным болотом...

Судя по неуверенному взгляду, который бросил на него буканьер, Зароно сомневался в здравомыслии графа.

Он сказал:

— Может, хватит поэтических иносказаний? Кто это такой?

— Это тень моей собственной жестокости и непомерного честолюбия. Ужас, явившийся из глубины забытых веков. Это не смертный из плоти и крови, а...

— ...Парус!!! — долетел крик дозорного, стоявшего на северном мысу.

Зароно мигом повернулся и крикнул в ответ, напрягая голос:

— Узнаёшь, что за корабль?

— Да!..— послышалось издалека.— Это «Кровавая рука» идет!..

Зароно разразился отборной руганью.

— Стром!.. Эта скотина всегда умеет устроиться! Как он спасся от урагана?..— И зычный голос буканьера раскатился по всему пляжу: — Эй, каналы, быстро все в крепость!..

К тому времени, когда «Кровавая рука» — потрепанная, но явно дееспособная — высунула нос из-за мыса, возле воды не

осталось ни единого человека, зато над палисадом густо торчали головы в шлемах и пестрых платках. Буканьеры приняли это неожиданное союзничество с легкой приспособляемостью искателей приключений; подданные графа — с безразличием, свойственным подневольному люду.

Зароно только зубами заскрипел, когда к берегу без лишней спешки подошла шлюпка, на носу которой виднелась русая голова его соперника-аргосца. Вот суденышко причалило, и Стром в одиночку направился к укреплению.

Остановившись на некотором расстоянии, он проревел всю мощь голоса, так что его ясно слышали в крепости:

— Эгей, на стене! Поговорить надо!

— Ну так говори, черт бы тебя побрал! — рявкнул Зароно в ответ.

Стром возразил:

— Прошлый раз, когда я пришел сюда под флагом перемирия, о мой нагрудник сломалась стрела! Хорошо бы слово с вас взять, что на сей раз такого не будет!

— Даю слово! — насмешливо отозвался Зароно.

— Засунь свое слово сам знаешь куда, собака-зингарец! Мне нужно слово Валенсо!

Как выяснилось, граф еще сохранял остатки бывшего достоинства. Он ответил со всей властью в голосе:

— Подходи, но твои люди пусть остаются на месте. Никто не будет в тебя стрелять.

— Вот это я понимаю, — сказал Стром. — Корзетта есть Корзетта: какими бы они греховодниками ни были, а слово держат всегда!

И, выйдя вперед, он стал возле самых ворот, посмеиваясь при виде темной от ненависти физиономии Зароно, обращенной к нему сверху.

— Ну что, Зароно? — решил он подразнить недруга. — У тебя, я смотрю, стало с прошлого раза одним кораблем меньше. Впрочем, вы, зингарцы, никогда не были дельными моряками...

— Скажи лучше, как ты свой карак уберег, ты, порождение мессантийской помойки? — зарычал буканьер.

— В нескольких милях отсюда к северу есть бухточка, прикрытая высоким каменным мысом, — ответил Стром. — Этот мыс и заслонил нас от бури. Якоря хоть и протащило по дну, но на берег нас все же не выкинуло.

Зароно тихо зарычал, сдвинув брови. Валенсо промолчал. Об этой бухточке ему ничего не было известно: он не прилагал особых усилий к изучению своих здешних владений. Отсутствие любопытства и постоянный страх перед пиктами удерживали его людей возле крепости. Что поделать, зингарцы по своей натуре не были ни исследователями, ни колонистами.

— Я бы с вами кое-чем обменялся, — сказал между тем Стром.

— Нечем нам с тобой обмениваться, кроме как ударами мечей, — проворчал Зароно.

— А вот я так не думаю, — напряженно усмехнулся Стром. — Ты уже сделал свой ход, убив и ограбив Галака, моего ближайшего помощника. До нынешнего утра я предполагал, что сокровище Траникоса прибрал к рукам Валенсо. Но, будь оно у кого-то из вас, вряд ли ты решил бы последовать за мной и убить моего помощника, чтобы завладеть картой...

— Картой?! — напрягся Зароно.

— Ага, святая невинность, — рассмеялся Стром, но в глазах горел гнев. — Я знаю — карта здесь! Пикты не носят сапог!

— Но... — в замешательстве начал было граф, однако замолк, потому что Зароно толкнул его локтем.

— Ладно, — сказал буканьер. — Если все-таки предположить, что карта у нас, что ты за нее предложишь такого, что нам может понадобиться?

— Для начала пустите меня в крепость, — сказал Стром. — Там и поговорим.

Он не стал обводить взглядом воинство на стене, но все всё поняли. И предводители, и их люди. У Строма имелся корабль. И этот корабль станет весомым доводом при любых переговорах. Или в сражении. Но корабль — кто бы им ни командовал — не сможет забрать всех. Кому-то выпадет судьба остаться здесь. Люди в крепости напряженно переваривали эту мысль.

— Пусть твои не двигаются с места,— предупредил Зароно, указывая и на шлюпку, и на корабль.

— Договорились. Только не воображай, будто схватишь меня и используешь как заложника! — угрюмо рассмеялся Стром.— Пусть Валенсо даст слово, что через час я выйду из крепости живым и здоровым, вне зависимости, придем мы к соглашению или нет!

— Обещаю,— ответил граф.

— Вот и отлично. Открывайте ворота, да и поговорим на чистоту...

Створки приоткрылись и снова захлопнулись, трое главарей исчезли из виду, а простые бойцы остались наблюдать одни за другими — люди графа, буканьеры Зароно и пираты, отделенные от них широким пространством песка. А за полоской синей воды стоял карак, и вдоль его фальшборта шевелились головы в стальных шлемах...

Белиза и Тина сидели на широких ступенях лестницы, прямо над большим залом. Мужчины за столом — Валенсо, Гальбро, Зароно и Стром — не обращали на них внимания. А больше в зале никого не было.

Вот Стром отхлебнул вина и поставил пустой кубок на стол. Искренности, которой вроде бы дышала его открытая физиономия, противоречили огоньки жестокости и предательства, плясавшие в глазах. Однако речь пирата была довольно-таки откровенной.

— Все мы хотим заполучить сокровище, которое старик Траникос закопал где-то поблизости,— проговорил он без обиняков.— При этом у каждого из нас есть кое-что, что нужно другим. У Валенсо имеются работники, припасы и эта крепость, чтобы защищать нас от пиктов. У тебя, Зароно, моя карта. А у меня самого — корабль.

— Просветил бы ты меня, что ли,— сказал Зароно.— Если все эти годы карта была у тебя, что же ты раньше за добычей не приходил?

— А ее у меня не было,— ответил Стром.— Гаденыш Зингелито похитил ее, прирезав в темноте продавца. Но у него не

имелось ни корабля, ни команды. Ему потребовалось больше года, чтобы все это заполучить. Но когда он отправился за кладом, пикты не дали ему как следует высадиться, а команда взбунтовалась и вынудила его плыть обратно в Зингару. Один из моряков стибрил у него карту, а потом продал ее мне.

— Так вот почему Зингелито узнал этот берег... — пробормотал Валенсо.

— Так это он привел тебя сюда, граф?.. Мне следовало бы догадаться! Где этот пес?

— Без сомнения, в аду, а то где же еще оказаться бывшему буканьеру? Пикты убили его как раз когда он, по всей видимости, искал в лесу клад...

— Туда и дорога, — с чувством кивнул Стром. — Собственно, я понятия не имею, как вы прознали, что мой помощник носил карту при себе... Я доверял ему, и люди ему доверяли даже больше, чем мне, поэтому я отдал карту ему на хранение. Но сегодня он отправился в глубь суши с несколькими людьми, отделился от них, и... Мы нашли его у берега зарубленным, а карта пропала. Ребята уже начали было подозревать меня, но я показал дуракам следы, оставленные убийцей, и они убедились, что мои ноги к ним не подходят. Ну а я знал, что никто из команды тоже не мог этого сделать: ничьи сапоги не оставляют таких отпечатков. Пикты же вовсе ходят босиком... Я и рассудил, что тут не обошлось без зингарца.

Что ж! Теперь карта у вас. Но не сам клад. Иначе пустили бы вы меня к себе в крепость?! Вы заперты здесь, в этих стенах, и не сможете предпринять вылазку за сокровищем, если я вам не позволю. Но даже если прошмыгнете мимо меня, без моего судна отсюда вам не уплыть.

Так вот, слушайте, что я предлагаю. Ты, Зароно, отдаешь мне карту. Ты, Валенсо, снабжаешь меня свежим мясом и другими припасами, а то у моих людей после долгого плавания скоро зубы выпадать начнут. В обмен на это я заберу всех вас троих и еще госпожу Белизу со служаночкой — и высажу в Зингаре где-нибудь поблизости от портового города... Ну, За-

роно я могу отвезти туда, куда часто наведываются буканьеры, поскольку в Зингаре его ждет, скорее всего, петля... И чтобы скрепить договор, выделю каждому из вас пристойную долю сокровища!

Черный Зароно задумчиво мусолил пальцами ус... Он знал: даже заключив подобную сделку, Стром слова не сдержит. Зароно и не думал соглашаться на его условия. Однако прямой отказ неизбежно привел бы к военному столкновению, и изворотливый разум бывшего вельможи усердно искал способ перехитрить пирата. Ибо судно Строма было для него желанно не менее, чем пресловутый клад.

Для начала он спросил:

— А что нам помешает взять тебя в заложники и вынудить твоих людей обменять тебя на корабль?

Стром расхохотался ему в лицо.

— Ты что, за дурака меня держишь? Моим людям отдан приказ поднимать якорь и убираться отсюда, если я не появлюсь в течение часа... или если они заподозрят измену. Они не отдадут тебе судно, хоть ты кожу с меня живьем сдирай прямо на берегу... А кроме того, граф ведь дал слово!

— И оно не солома, которую ветром носит,— хмуро проговорил Валенсо.— Хватит угроз, Зароно.

Зароно не ответил. Он был слишком занят раздумьями о том, как бы завладеть кораблем Строма и довести переговоры до выгодного завершения, не позволив пирату догадаться, что карты здесь нет... «Видит Митра, хотел бы я знать, у кого она, эта проклятая карта, в действительности находится...»

— Я бы взял своих людей на корабль, когда отплывать будем,— сказал он вслух.— Они верно следовали за мной, я не могу их предать...

Стром фыркнул.

— Ты бы еще попросил, чтобы я собственной саблей глотку себе перерезал. Верных! Предать! Ха!.. Да ты брата родного покинешь у демона в лапах, если тебе будет с того хоть какая-то выгода!.. Нет уж. Ты не приведешь ко мне на борт достаточного числа людей, чтобы устроить бунт и захватить судно!

— Дай нам денек, чтобы все как следует обдумать,— сказал Зароно, стараясь выгадать время.

Тяжелый кулак Строма с силой обрушился на столешницу, так что подскочили кубки с вином.

— Именем Митры — нет! Ответ нужен сейчас!

Зароно вскочил на ноги. Всю его вкрадчивость смела черная злоба.

— Барахский пес! Будет тебе ответ... прямо в кишки...

И, распахнув плащ, он схватился за меч. Стром с ревом вылетел из-за стола, отшвырнув кресло, в котором сидел, и оно с треском перевернулось. Валенсо бросился между ними, распахивая руки. Двое морских разбойников обменивались свирепыми взглядами — челюсти угрожающе выставлены, клинки наполовину вытащены из ножен...

— Хватит, господа мои! — воззвал граф. — Зароно, я ему обещал...

— К демонам твое обещание! — прорычал буканьер.

— Не стой между нами, ваша милость,— отозвался пират голосом, хриплым от жажды немедленного убийства. — Ты обещал, что меня не схватят обманом. Равный поединок между мной и этим негодяем не нанесет твоей чести урона!

— Хорошо сказано, Стром,— прозвучал позади них еще один голос, низкий и мощный, полный хмурой усмешки. Все одновременно обернулись... и рты начали открываться. Даже у Белизы, притулившейся на ступеньках, вырвалось невнятное восклицание...

Отодвинулся занавес, скрывавший дверную нишу, и выпешедший оттуда мужчина приблизился к столу — неспешно и без малейшей опаски. Подошел — и сразу стало видно, кто тут на самом деле главный.

Вся атмосфера в зале моментально переменялась.

Незнакомец не уступал ростом ни одному из главарей, но среди них не было равного ему по мощи телосложения. Это, впрочем, отнюдь не мешало ему двигаться с небрежной грацией ленивой пантеры. На ногах у него были высокие сапоги с широкими раструбами голенищ, выше виднелись облегаю-

щие штаны из белого шелка, еще выше — распахнутый небесно-синий камзол с длинными полами, позволявший видеть белую шелковую рубашку и алый кушак. На камзоле блестели серебряные пуговицы в форме желудей, рукава и карманы украшало золотое шитье, а шейный платок был атласным. Дополняла костюм лакированная шляпа из тех, что вышли из моды сто лет назад.

А при бедре висела тяжелая абордажная сабля.

— Конан!.. — разом ахнули Зароно и Стром, а Валенсо и Гальбро при звуке этого имени невольно затаили дыхание.

— А вы кого ждали? — подходя к столу, ядовито усмехнулся гигант.

— Что... что ты тут делаешь? — запинаясь, выговорил владелец крепости. — И как... откуда ты здесь появился, без приглашения, без доклада...

— Да просто перелез через восточную стену, пока вы, бараны, переругивались у ворот, — хмыкнул Конан, — и все ваше воинство поголовно пялилось туда же, на запад. Стром вошел в ворота, ну а я — с другой стороны... Пробрался в комнатку и сидел там все это время. Подслушивал, знаете ли.

— А я думал, ты умер, — медленно проговорил Зароно. — Разбитый корпус твоего корабля видели на рифах три года назад... И о тебе самом не было ни слуху ни духу...

Конан пожал плечами.

— Команда потонула, а я — нет, — сказал он. — Океан мало-мало оказался, чтобы меня утопить.

Наверху лестницы Тина возбужденно дергала за руку Белизу.

— Госпожа, это Конан! Конан!.. Смотри, смотри!..

И то сказать, Белиза во все глаза разглядывала живую легенду. Кто из плававших по морю не слышал баек о Конане, былом предводителе барахских пиратов и, как говорили, величайшей грозе морей? Множество баллад воспевало его подвиги, исполненные ярости и отваги... Да уж, этот человек был не ровня собравшимся за столом, — поднимай выше. Белиза смотрела на него зачарованно и со страхом и в то же время по-

женски гадала про себя — как он к ней отнесется? Что это будет — животное безразличие Строма или неприкрытая похоть Зароно? Как знать?..

Валенсо между тем оправился от потрясения, вызванного появлением чужака прямо посреди его зала. Ему было известно, что Конан — киммериец, то есть вырос на диких пустошах далекого севера, и в том, что касалось силы и ловкости, его нельзя мерить убогими мерками цивилизованного человечества. Ничего удивительного, что он сумел пробраться в крепость незамеченным. А вот о чем следовало задуматься, так это о том, что подобное деяние и другие варвары вполне могут повторить. К примеру, молчаливые темнокожие пикты в боевой раскраске и перьях...

— Что тебе здесь нужно? — спросил граф. — Откуда ты пришел? С моря?

— Нет, из лесу. — И киммериец мотнул головой в восточную сторону.

Валенсо холодно поинтересовался:

— Ты жил там среди пиктов?

Синие глаза великана сверкнули гневом.

— Даже зингарцу, — сказал он, — следовало бы знать, что между пиктами и киммерийцами не водится дружбы. И не заведется до века! — Конан выругался. — Наша с ними вражда будет постарше этого мира! Скажи ты подобное кому-нибудь из моих соплеменников, тебе башку на месте бы проломили. Но я достаточно терся среди вас, цивилизованных людей, чтобы учитывать ваше невежество и отсутствие простейшего гостеприимства. Хамская натура побуждает вас спрашивать у человека, явившегося из бескрайних диких лесов, что ему здесь нужно... Ладно, прощаю на первый раз.

И он повернулся к двоим флибустьерам, мерившим его недобрыми взглядами.

— Итак, — сказал он, — насколько я понял, у вас тут легкие разногласия из-за некоей карты...

— Не твое дело! — буркнул Стром.

— Да неужто? — зло оскалился Конан и вытащил из кармана смятый клочок. Квадратик пергамента, разрисованный темно-красными линиями.

Стром вздрогнул и побледнел.

— Моя карта!.. — выкрикнул он. — Где ты ее взял?

— Отобрал у твоего подручного, Галака. Это я его убил, — ответил Конан вызывающе весело.

— Ах ты тварь!.. — зарычал Стром, но относилось это не к Конану, а к Зароно. — У тебя ее не было! Ты лгал...

— Я ни разу не говорил, что она у меня, — парировал Зароно. — Ты сам себе это внушил. Стром, хватит глупить! Конан здесь один! Будь у него при себе отряд, он бы уже глотки всем нам перерезал. Давай отберем у него карту...

Конан расхохотался.

— Ишь, разбежались. Ну, подите возьмите...

Двое главарей прыгнули к нему, неистово ругаясь. Проворно отступив, Конан смял пергамент и швырнул его в тлеющие угли очага. Стром взревел и сунулся было за картой, но мощнейший удар в ухо распластал его на полу и едва не лишил сознания. Зароно выхватил было меч, но еще прежде, чем он сделал выпад, абордажная сабля Конана вышибла клинок у него из руки.

Пошатнувшись, Зароно навалился на стол, в глазах у него была вся ярость ада. Стром кое-как поднялся, взгляд у него был мутный, расплющенное ухо кровоточило. Конан стоял у стола, кончик его сабли чуть касался груди графа Валенсо.

— Не вздумай воинов звать, граф, — тихо проговорил ким-мериец. — Ни звука, понял? Это и тебя касается, морда! — Так он поименовал Гальбро, не выдававшего никакого намерения противостоять его гневу. — Короче, карта сторела, и глупо было бы лить из-за нее кровь. Ну-ка, все быстро сели за стол!

Стром помедлил, наметил было движение к рукояти меча... Однако потом передернул плечами и мрачно опустил на стул. Остальные тоже не заставили дважды себя приглашать.

Конан остался стоять, возвышаясь над собеседниками, смотревшими на него с черной ненавистью во взглядах.

— Вы тут, помнится, торговались,— сказал он.— Ну, так и я с той же целью пришел.

— И что же у тебя имеется на продажу? — фыркнул Зароно. Ответ прозвучал как гром с ясного неба.

— Сокровище Траникоса!

— Что?!!

И вся четверка снова вскочила.

— Всем сидеть! — рявкнул Конан и для убедительности ша-рахнул по столу широким клинком. Его противники напряженно уселись, бледные от возбуждения.

Конан усмехнулся, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Вот именно,— сказал он.— Так уж вышло, что я отыскал его прежде, чем завладел картой. Поэтому, собственно, я ее сейчас и спалил. Мне она ни к чему, а никто другой сокровище не найдет, если я ему не покажу!

Судя по взглядам, четверо сидевших за столом рады были бы его убить, да только не получалось.

— Лжешь ты,— сказал наконец Зароно, впрочем, особой убежденности в его голосе не слышалось.— Лжешь, причем уже не в первый раз. Ты только что заявил, будто пришел из лесов, но сразу принялся отрицать, что жил среди пиктов. Однако все знают, что здешний край — непролазные дебри, населенные лишь дикарями! Ближайшие форпосты цивилизации — это аквилонские поселения на Громовой реке, расположенные в сотнях миль к востоку!

— Именно оттуда я и пришел,— ответил Конан невозмутимо.— Полагаю, я первый белый человек, сумевший пересечь Пиктские дебри... Я переправился через Громовую реку, преследуя банду налетчиков, беспокоившую пограничный люд. Погоня завела меня далеко в чашу, и я убил их вождя, но во время схватки эти скоты оглушили меня камнем из пращи и взяли живьем. Они были из племени Волка, но передали меня клану Орла в обмен на вождя, сидевшего в плену у орлов. Те увели меня далеко на запад, чтобы торжественно сжечь в своей главной деревне, но однажды ночью я вырвался, пристукнул их военного вождя и еще троих-четверых — и бежал.

Обратно повернуть я не мог. Они взяли след и погнали меня все дальше на запад. Лишь несколько дней назад я окончательно избавился от преследователей, и, видит Кром, место, где я укрылся от них, оказалось тайной сокровищницей старика Траникоса. Чего там только не было! Я нашел сундуки с оружием и одеждой... а то откуда, думаете, мой клинок и этот наряд? Кучи монет, драгоценных камней, золотых украшений... А посреди всего — сокровища Татмекри, мерцающие, точно замороженный звездный свет! Там и Траникос со своими одиннадцатью капитанами. Они сидят кругом стола и смотрят на сокровище. Сидят и смотрят вот уже сто лет...

— Это как?..

Конан рассмеялся.

— А вот так. Траникос умер над кладом, и с ним все его люди. Самое любопытное, что их тела не высохли и не сгнили. Так сто лет и сидят в своих долгополых камзолах, ботфортах и лакированных шляпах. И даже стаканы с вином в руках держат...

— Странное дело,— пробормотал Стром.— И явно опасное...

— Ну и что с того? — перебил Зароно.— Речь идет о сокровище, которое мы все желаем заполучить! Продолжай, Конан!

Киммериец уселся за стол, налил себе большой кубок вина и опустошил его, прежде чем продолжить рассказ.

— Кром свидетель — первое вино, попавшее мне в рот с тех пор, как я вышел из Каунаваги!.. Пикты, чтоб им пусто было, всю дорогу висели у меня на плечах, я еле успевал орешек с дерева ухватить или корешок выкопать... Лягушек и тех сырыми жрал — про то, чтоб костер развести, и речи быть не могло!

Нетерпеливые слушатели без обиняков и в весьма грубых выражениях уведомили киммерийца, что подробности его путешествия до момента, как он набрел на сокровище, их очень мало волнуют.

— После того как я наткнулся на клад, я просто провалился там несколько дней, ставя ловушки на кроликов, отдыхая и дожидаясь, пока заживут раны. Возле западного горизонта ку-

рился дымок, но я поначалу решил, что это какая-нибудь пиктская деревня у берега. Я хоронился недалеко от нее, но дело в том, что Траникос припрятал клад в таком месте, которое пикты стараются обходить... Так что если за мной кто и следил, то разве издали, не показываясь на глаза.

Прошлым вечером я наконец двинулся дальше на запад, предполагая выйти к берегу несколько севернее того места, где был виден дымок. Я почти достиг моря, когда налетел шторм. Спрятавшись за скалой, я стал ждать, пока буря иссякнет... Потом влез на дерево посмотреть, не видно ли пиктов, но вместо этого увидел твой карак, Стром. Он стоял на якоре, а люди высаживались на берег. Я как раз направлялся к вашему лагерю, когда мне попался Галак... Я его и проткнул, потому что между нами, видишь ли, имелась старинная рознь. О карте, которую он хранил у себя, я не знал, пока перед смертью он не попытался ее съесть.

Присмотревшись к ней, я сразу сообразил, что к чему, и принялся размышлять, как бы ее к делу приставить, но тут набежали твои ухари и обнаружили труп. Пока вы друг на друга орали и сыпали обвинениями, я прятался в чаще едва ли не в десятке шагов. Просто счел момент неподходящим, чтобы вам показаться...

Лицо Строма перекосила ярость. Она не укрылась от Конана, и киммериец расхохотался.

— Так вот,— продолжал он.— Лежа там и слушая ваши разговоры, я уяснил, как обстояли дела, и понял, что несколькими милями южнее находятся Валенсо с Зароно. Так что, когда в итоге ты обвинил Зароно в убийстве Галака и похищении карты и высказался в том духе, что надо бы пойти предпринять с ним переговоры, а там, чего доброго, подвернется возможность убить его и карту вернуть...

— Ах ты пес,— пробормотал Зароно.

Позеленевший Стром выдавил из себя смешок.

— А с чего,— сказал он,— ты вообразил, будто я собирался вести честную игру с продажным негодяем вроде тебя?.. Рассказывай, Конан.

Судя по ухмылке киммерийца, он только рад был подогреть их взаимную ненависть.

— А я уже почти все рассказал... Пока вы двигались вдоль берега, я рванул напрямик — лесом и первым добрался до крепости. Ты, Стром, верно угадал, что корабль Зароно, скорее всего, не выдержит шторма. Ну да, ты знал, чего ждать от этого берега...

Итак, что мы в итоге имеем? У меня — сокровище. У Строма — корабль. У Валенсо — припасы... Зароно, один ты оказываешься вроде как не при делах, но, чтобы раздоров не было, включим и тебя... Короче, предложение у меня очень простое.

Клад разделим на четверых. Мы со Стромом забираем наши доли и уплываем на «Кровавой руке». А Зароно с Валенсо берут свои четверти и остаются здесь — повелевать дикими чащами. Либо рубят лес и строят себе корабль... Так вы, кажется, поступить собирались?

Валенсо страшно побелел, Зароно выругался, и только Стром расплылся в улыбку.

— Ты, верно, спятил, — сказал Зароно. — Неужели ты впрямь собираешься в одиночку плыть со Стромом на «Кровавой руке»?.. Да вы отчалить не успеете, как он глотку тебе перережет!

Конан расхохотался — это предположение его искренне развеселило.

— У нас тут, — согласился он, — прямо головоломка про козу, капусту и волка. Помните? Как их всех перевезти через реку, чтобы волк не слопал козу, а коза — капусту?

— Киммерийские шуточки... — скривился Зароно.

— Я здесь не останусь! — выкрикнул Валенсо. Его темные глаза диковато блестели. — С сокровищем или без, но я должен уплыть!

Конан задумчиво прищурился.

— Хорошо, — сказал он. — А как вам такой расклад: делим добычу, и Стром уплывает с Зароно, Валенсо и частью людей графа по его выбору... А я остаюсь хозяйствовать в крепости с

остатком людей графа и командой Зароно. Я-то себе корабль выстрою...

У Зароно все поплыло перед глазами.

— Стало быть, вот какой у меня выбор? Либо застрять здесь, либо отправиться на «Кровавой руке» одному, без команды, чтобы меня там мигом убили?

Смех Конана эхом отразился от стен зала, и он весело огрел Зароно ладонью по спине, не обращая внимания на убийственно-яростный взгляд, которым наградил его буканьер.

— Именно так, Зароно! — кивнул киммериец. — Оставайся здесь, а мы со Стромом поплывем. Или плыви с ним сам, а я останусь тут с твоими людьми.

Стром проговорил со всей откровенностью:

— Я бы лучше взял Зароно! Ты, Конан, настроишь моих молодцов против меня, и я повисну на рее прежде, чем мы доберемся до Барахских островов!

В лице Зароно не было ни кровинки, только на лбу выступил пот.

— Ни мне, ни графу, ни его племяннице не выжить в плаваньи, если мы отправимся с этим демоном, — сказал он. — Но здесь, в этом зале, оба вы в моей власти. Кругом мои люди... Что мне помешает с вами разделаться?

— Ничто не помешает, — согласился Конан жизнерадостно. — Кроме того обстоятельства, что в этом случае люди Строма уплывут за горизонт, а тебя оставят сидеть на песочке, пока не явятся пикты и не вырежут всех. О том, что без меня тебе сокровища не видать как своих ушей, я уже вовсе молчу... Ну, есть еще кое-какие мелочи — например, то, что я голову тебе надвое раскрою прежде, чем ты успеешь кого-либо позвать!

Он говорил посмеиваясь, словно речь шла самое большее о какой-то веселой неразберихе... Но даже Белиза, притаившаяся наверху, понимала: все будет в точности так, как он сейчас описал. Кстати, его абордажная сабля лежала перед ним на столе, а меч Зароно пребывал под столом, там, где буканьер не мог с легкостью до него дотянуться. Гальбро был вообще не

боец, а Валенсо выглядел не слишком способным ни к принятию решений, ни к действию.

— Именно,— кивнул Стром и выругался.— Напади на нас, Зароно, и ты убедишься, что мы добыча не из легких... Лично я склонен согласиться на предложение Конана. А ты что скажешь, Валенсо?

— Мне надо убраться с этого побережья! — глядя в пустоту, прошептал граф.— Я должен уплыть... как можно дальше... и как можно быстрее!

Стром нахмурился, не понимая определенной странности в поведении графа, и с ядовитой ухмылкой повернулся к Зароно:

— А ты что скажешь?

— А что мне остается? — зарычал тот в ответ.— Позволь мне взять на «Кровавую руку» троих помощников и сорок человек экипажа.

— Помощников — и тридцать бойцов!

— Отлично!

— Тогда по рукам!

По рукам, впрочем, ударять не стали, равно как и пожимать их. Не было даже ритуального возлияния в честь заключения договора. Сделка не сделка — двое капитанов продолжали смотреть один на другого, как голодные волки. Граф Валенсо дрожащей рукой пощипывал усы,— ему вообще было ни до чего, ему хватало собственных мрачных раздумий. Конан потянулся, как сытый кот, отпил вина и с улыбкой обвел взглядом собравшихся. Правда, эта улыбка больше напоминала оскал тигра, вышедшего на охоту. Белиза всем существом осязала эманации предательства и убийства, витавшие в зале. Ни один из четверых не имел намерения держать слово, которое только что дал,— быть может, Валенсо составлял единственное исключение. Что же до флибустьеров, каждый собирался завладеть и сокровищем, и кораблем. И ни с кем делиться не намеревался... Знать бы, что творилось на уме у этих хитрых, умных и кровожадных людей!..

При этом Белиза видела, что киммериец, при всей его кажущейся открытости, был ничуть не простодушнее остальных, а что касается свирепости, равных ему и вовсе не наблюдалось. Явное главенство Конана за этим столом объяснялось отнюдь не только физической мощью, — хотя при появлении великана в огромном зале сразу сделалось тесновато. В нем, если можно так выразиться, сама жизнь пылала ярче и жарче. Яростная энергия двух других вожаков не шла ни в какое сравнение с этим горением.

— Что ж, веди нас к сокровищу! — сказал Зароно.

— погоди немножко, — отвечал киммериец. — Следует уравнивать наши силы, чтобы ни у кого не было преимущества. Вот как мы поступим... Люди Строма выйдут на берег — все, кроме полудюжины, — и разобьют лагерь. Буканьеры Зароно покинут крепость и тоже устроятся на берегу так, чтобы обе команды видели друг друга. Пусть наблюдают одни за другими и проследят, чтобы никто не пошел по нашим следам и не устроил засады. Матросы на «Кровавой руке» поставят ее на рейде вне досягаемости с берега... Люди Валенсо будут сидеть в крепости, но ворота оставят открытыми... Ты, граф, за кладом с нами пойдешь?

— Пойти? В лес?.. — Валенсо содрогнулся и невольным движением плотнее запахнул плащ. — Даже за все золото Траникоса — не пойду!..

— Ну и ладно. Чтобы нести добычу, нам понадобится человек тридцать. Возьмем по пятнадцати из обеих команд — и выступим, не откладывая.

Белиза, внимательно следившая за всеми поворотами и перипетиями, видела, как Зароно и Стром украдкой покосились друг на друга и сразу потупились, поднимая бокалы. Намерения у обоих явно были самые недобрые. Еще Белиза видела, что, излагая свой план, Конан допустил судьбоносную промашку, — и стала гадать, как же он мог так просчитаться. Быть может, киммериец слишком привык надеяться на свою силу и ловкость и это лишило его осторожности?.. Девушка пони-

мала, что живым из лесу он вернется навряд ли. Завладев кладом, Зароно и Стром тут же сговорятся у Конана за спиной. Как бы эти двое ни относились один к другому, общая ненависть к Конану сплотит их на время... Белиза содрогнулась, замороженно глядя на киммерийца. Этот могучий воин в полном расцвете силы и мужества так спокойно сидел за столом, смеясь и попивая вино... между тем как он был уже обречен смерти, скорой и кровавой...

Происходившее в зале несло в себе семена чего-то страшного, темного и непоправимого. Зароно обманет и убьет Строма, дай только возможность. И Стром про себя уже приговорил Зароно к смерти... а с ним, вне всякого сомнения, графа и ее саму. Если в последнем акте кровавой драмы верх одержит Зароно, Валенсо и Белизе вроде бы ничего не грозит... Но, глядя на буканьера, который сидел там, внизу, жуя ус, Белиза видела на его смуглом лице всю бездну присущей ему злобы и подлости и гадала про себя, какая участь на самом деле хуже. Смерть — или жизнь с Зароно?..

— Идти-то далеко? — спросил Стром.

— Если выступим в течение часа, будем на месте примерно к полуночи, — ответил Конан.

Осушив свой кубок, он поднялся, поправил пояс и оглянулся на графа.

— Валенсо, — проговорил он неожиданно. — Ты никак спятил? Убить пикта без охотничьей раскраски, это...

Граф вздрогнул.

— Ты о чем?

— Хочешь сказать, будто тебе неизвестно, что прошлой ночью в лесу твои люди убили охотника-пикта?..

Граф мотнул головой.

— Вчера ночью никто из моих людей в лес не ходил.

— Кто-то, значит, ходил, — проворчал киммериец, роясь в кармане. — И прибил его голову к дереву на самом краю чащи. На парне не было боевой раскраски... Отпечатков сапог я там не нашел — и рассудил, что голову приколотили еще до шторма. Но вот других следов вокруг было полно. Кто-то ходил в

мокалинах по влажной земле. Пикты побывали там и узнали, что случилось преступление. Это были люди из какого-то другого клана, иначе они сняли бы голову. Но если у них мир с родичами убитого, сейчас они уже спешат в их деревню, чтобы передать весть...

— Может, они сами и убили, — предположил Валенсо.

— Нет. Но наверняка догадались, как и я, кто это сделал... Вот эту цепочку я снял с обрубка его шеи. Я же и говорю — ты, верно, свихнулся, чтобы вот так «расписаться» в содеянном.

И, вытащив из кармана, он бросил свой трофей на стол перед графом. Тот ахнул, вскочил, его рука дернулась к шее... На столе лежала золотая цепь с печатью, которую он всегда носил.

— Печать рода Корзетта, — сказал Конан. — Я ее сразу узнал. Любой пикт, увидев ее, мигом сообразит, что убийство — дело рук чужестранца!

Валенсо молчал. Он смотрел на свою цепь, как на ядовитую гадину.

Некоторое время Конан хмуро глядел на него, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно ответил быстрым жестом, означавшим, что у графа не все дома.

Конан убрал саблю в ножны и нахлобучил свою старинную шляпу.

— Коли так, — сказал он, — пора в путь!

Капитаны допили вино и поднялись, подтягивая пояса. Зароно взял графа за плечо и легонько встряхнул. Валенсо вздрогнул и принялся озираться, словно не вполне понимая, где находится. Потом вяло двинулся следом за остальными. Цепь свисала с его кулака ...

Белиза и Тина, о которых все успели прочно забыть, видели, как Гальбро отстал от прочих и мешкал в зале, пока за вышедшими не закрылись тяжелые двери. Тогда он поспешил к камину и принялся осторожно шарить в еще теплившихся углях. Опустившись на колени, он долго и пристально вглядывался во что-то... Поднялся — и крадучись вышел из зала сквозь противоположную дверь.

— Гальбро... Что он нашел в очаге? — шепнула Тина.

Белиза пожала плечами, но и ей любопытство не давало покоя. Поднявшись со ступеней, она спустилась в пустой зал... Еще миг, и она стояла на коленях там же, где недавно стоял домоправитель, и увидела то же, что видел и он.

Это был пепел карты, брошенной киммерийцем в огонь. Он был готов при малейшем прикосновении рассыпаться в прах, но линии и обрывки надписей оставались еще различимы. Прочесть слова Белиза не сумела, но вполне рассмотрела картинку, где был изображен каменистый холм. Значки, расставленные вокруг, явно призваны были изображать густой лес. Что тут к чему — Белиза не особенно поняла, но, судя по поведению Гальбро, домоправитель распознал на рисунке урочище, показавшееся ему знакомым.

Девушка знала — Гальбро путешествовал в глубь страны куда дальше, чем кто-либо иной из обитателей крепости...

6

ОГРАБЛЕНИЕ МЕРТВЫХ

Спустившись с лестницы, Белиза остановилась при виде графа Валенсо — тот сидел в одиночестве и вертел в руках свою цепь. Белиза смотрела на дядю без любви, зато с немалой боязнью. Перемена, случившаяся с ним, потрясала. Казалось, граф полностью замкнулся в своем собственном мирке, где царили ужас и мрак, где не было места никаким человеческим чувствам...

Солнце, сменившее предрассветную бурю, лило полуденный жар на странно молчаливую крепость. Голоса внутри стен если и раздавались, то приглушенно, невнятно. Такая же дремотно-тягостная тишина царила и на берегу, где, разделенные несколькими сотнями ярдов песка, косились одна на другую две разбойные команды, вооруженные до зубов и исполненные взаимного подозрения. Далеко на рейде стояла «Кровавая рука», и горстка моряков на борту готова была немедленно поднять паруса при первом же признаке измены. Карак был козырной картой Строма, его лучшей гарантией от предательства подельников.

Конан проявил немалую дальновидность, сделав все, чтобы ни одна из сторон не устроила для другой засады в лесу. Но, по мнению Белизы, себя самого от вероломства спутников он совершенно не оградил. Он бодро ушел в лес, ведя с собой дво-

их капитанов и три десятка людей, и девушка мысленно с ним попрощалась. Снова увидеть его живым она не рассчитывала...

Когда Белиза обратилась к дяде, собственный голос показался ей напряженным и неестественно резким.

— Варвар повел капитанов в лес,— сказала она.— Они убьют его, когда дорвутся до золота. Но потом вернутся сюда, и что тогда будет с нами? Мы отправимся на корабль? Можно ли доверять Строму?..

Валенсо рассеянно покачал головой.

— Стром всех нас убьет, чтобы прикарманить нашу часть добычи... Однако Зароно шепнул мне на ухо: если мы поднимемся на борт «Кровавой руки», то лишь как ее хозяева. Он намерен позаботиться о том, чтобы отряд, который пошел за сокровищами, застигла в лесу ночь, так что им придется устроить стоянку. Тогда-то уж он найдет способ убить спящими людей Строма и его самого. После этого буканьеры прокрадутся обратно на берег. Перед самым рассветом я пошлю своих рыбаков вплавь к кораблю, и они захватят карак. Ни Стром, ни Конан о такой возможности не подумали. Зароно выйдет из леса со своими людьми и вместе с остальными буканьерами в темноте нападет на пиратов, а я выведу из крепости войско, чтобы довершить разгром. Без капитана пираты окажутся деморализованы, к тому же численность будет не на их стороне. Мы с Зароно легко их одолеем. И уплывем на корабле Строма, забрав все богатство...

У Белизы пересохло во рту.

— А я? — спросила она.

— Я обещал тебя Зароно,— резким тоном ответил граф.— Если бы не мое обещание, он не согласился бы забрать нас с собой.

— Я не пойду за него,— беспомощно выговорила Белиза.

— Пойдешь,— мрачно ответил Валенсо, и в его голосе не было ни тени сочувствия. Он поднял в руке золотую цепь так, что она блеснула в косом луче света, падавшего из окна.— Я, верно, обронил ее на песок,— пробормотал граф.— Вот, значит, как близко он подобрался... Он был на берегу...

— Ты не ронял цепь на песок, дядя,— сказала Белиза. Ее душа окаменела, утрачивая милосердие.— Ты ее нечаянным образом порвал прямо здесь, в этом зале. Вчера вечером, когда порол Тину. Уходя к себе, я видела, как она поблескивала на полу.

Валенсо вскинул глаза, посеревшее лицо перекосил страх.

Белиза верно истолковала немой вопрос в его расширенных глазах и горько рассмеялась.

— Да,— сказала она.— Твой черный человек. Он был здесь. В этом зале. Должно быть, нашел цепь на полу. Стража его не заметила, а ведь он подходил к самой твоей двери. Я видела, как он крался по верхнему коридору...

На какой-то миг ей показалось, что дядя вот сейчас упадет замертво, убитый нечеловеческим ужасом... Но он лишь откинулся в кресле, цепь со звоном упала на стол, вывалившись из безвольной руки.

— Прямо здесь!.. В моем доме!..— прошептал граф.— А я-то, дурак, думал отгородиться от него засовами и запорами! Надеюсь, что вооруженная стража остановит его!.. Ни защититься, ни бегством спастись... У двери!.. У самой моей двери!..— Эта мысль придала новое измерение страху, недавшему Валенсо.— Но почему он не вошел?! — завизжал граф и рванул кружева у горла, как будто они душили.— Почему не положил всему конец?.. Мне снилось, будто я просыпаюсь в темноте своей опочивальни — и вижу, как он сидит надо мной и голубой адский пламень играет кругом его рогатой головы... Почему он...

Но вспышка миновала, оставив трясущегося Валенсо совершенно без сил.

— Я понял,— выдохнул граф.— Он играет со мной, как кот с мышью... Убить меня прошлой ночью в моей комнате было бы слишком просто и милосердно. Он предпочел уничтожить корабль, на котором я думал спастись от него. Он убил жалкого пикта и украсил труп моей цепью, чтобы дикари возложили вину на меня... они ведь много раз видели эту цепь на моей шее...

Что у него на уме? Какая адская хитрость, какое порочное намерение, непостижимое для человеческого рассудка?..

— Кто он, этот черный человек? — напрямую спросила Белиза. По спине у нее весьма ощутимо гулял холодок.

— Демон, вызванный моей жадностью и вожделением! Демон, чье предназначение — вечно мучить меня!.. — прошептал Валенсо.

Он положил руки на стол, распластав длинные тонкие пальцы, и устался на племянницу глубоко запавшими, странно светящимися глазами, которые, казалось, были устремлены вовсе не на нее, но увидели впереди призрак ужасной и неотвратимой судьбы.

— В юности у меня был при дворе недруг, — начал Валенсо, больше про себя, нежели обращаясь к Белизе. — Могущественный человек, вставший между мной и предметом моих честолюбивых желаний... Неудержимо стремясь к богатству и власти, я призвал на помощь людей, прикосновенных к черным искусствам... Я обратился к темному магу, который по моей просьбе призвал демона из внешних бездн мироздания и придал ему человекоподобную материальность. Этот демон сокрушил и уничтожил моего недруга, я же стал велик и богат, и никто не смел заступить мне дорогу... Оставалось лишь обмануть моего демона и не воздать ему платы, назначаемой смертным, решившим поставить себе на службу кого-либо из черных.

Вновь пустив в ход свои тайные знания, маг перехитрил бездушное порождение тьмы и заточил моего демона в ад, где тот и остался бессильно выть, — навеки, как я полагал... Но, однажды придав демону человеческий облик, чародей уже не мог до конца разорвать его связь с вещественным миром и полностью перекрыть червоточину мироздания, допустившую его в эту вселенную.

Около года назад в Кордаве моих ушей достиг слух, будто темный маг, успевший превратиться в дряхлого старца, был убит в своем замке, причем на горле у него нашли отметины, оставленные пятерней демона. Тогда я понял, что черный вы-

рвался из преисподней, где был заточен, а стало быть, мне тоже следует ждать его мести. И точно: однажды вечером я увидел его физиономию, ухмылявшуюся мне из потемок в большом зале моего родового замка...

Там присутствовало не его материальное тело, меня мучил лишь бесплотный дух, неспособный последовать за мной по бурным водам. Я понял это — и прежде, чем он мог во плоти явиться в Кордаву, спешно отплыл, думая отгородиться от него морской ширью. Он ведь не всемогущ... Чтобы последовать за мной через море, он должен пребывать в своей человеческой форме. Его плоть похожа на нашу, но она другая... Его можно убить — полагаю, посредством огня, правда, магу, который вызвал его, это почему-то не удалось... Волшебники тоже не всемогущи, их могуществу положен предел...

Увы, черный слишком хитер и искусен, чтобы можно было заманить его в ловушку или убить... Когда он прячется, найти его — не в человеческих силах. Он крадется тенью во мраке, и ни замки, ни засовы ему не помеха. Он смежит веки стражникам, опутав их сном. Он способен призвать шторм, он повелевает змеями в норах и нечистью в ночи. Я надеялся, что сильные волны моря смоют мой след... Однако он меня отыскал — и намерен востребовать свою ужасную плату... — Глаза графа светились бледным потусторонним огнем и словно бы пронизали увешанные шпалерами стены, вглядываясь куда-то за неведомые горизонты. — И все же я проведу его, — шепнул Валенсо наконец. — Только бы он не пришел нынешней ночью... А с рассветом я поднимусь на корабль — и опять океан отгородит меня от его мести!..

— Во имя всех костров преисподней!..

Конан замер на месте, пристально глядя вверх. Позади него остановились моряки. Они шли двумя раздельными группками, держа в руках луки и подозрительно озираясь. Флибустьеры следовали по древней тропе, проложенной пиктскими охотниками. Тропа вела прямо на восток; стоило пройти по ней всего каких-то сорок шагов, и морской берег пропал из виду.

— Что такое? — подозрительно спросил Стром. — Почему остановка?

— Ты что, ослеп? Посмотри во-он туда...

Прямо над тропой скалилась мертвая голова, подвешенная на толстом древесном суку. Темная кожа, раскраска на лбу и щеках... И густые черные волосы, в которых над левым ухом еще держалось перо тукана.

— Я же снял эту голову и спрятал в кустах, — проворчал Конан. Он зорко оглядывал лес. — Какой недоумок ее снова подвесил? Похоже, кто-то лезет из шкуры вон, чтобы натравить пиктов на крепость!

Пираты и буканьеры стали мрачней прежнего коситься друг на друга. В тлеющий огонь их взаимной вражды подлилась еще толика масла.

Конан же взобрался на дерево, снял голову, унес ее в кусты и не просто выбросил, а закинул в речушку и убедился, что она потонула.

— Пикты, чьи следы я видел около дерева, были не из рода Тукана, — ворчал он, пробиваясь сквозь чащу назад на тропу. — Я довольно плавал у здешних берегов и до некоторой степени знаком с приморскими племенами. Если я правильно истолковал отпечатки их мокасин, здесь побывали бакланы. Остается надеяться, что у них с туканами война... Если же вдруг у них мир, значит, они сейчас со всех ног бегут в деревню туканов... и тогда мало никому не покажется. Я не знаю, далеко ли отсюда до их поселения, но стоит родичам убитого прознать об убийстве, они помчатся через лес, как оголодавшие волки. По мнению пиктов, нет худшего преступления, чем убить человека, раскрашенного не для войны, да еще и вывесить его голову стервятникам на поживу... Видит Кром, дурные вещи творятся в этих местах!.. А впрочем, так всегда происходит, когда цивилизованные люди вторгаются в дебри и принимаются хозяйничать, никакого толку не зная... Ладно, пошли!

И морские разбойники углубились в лес, на каждом шагу невольно проверяя клинки в ножнах и стрелы в колчанах. Привычные к беспредельным океанским просторам, к серым вол-

нам, катящимся за горизонт, они чувствовали себя тяжело в зеленом сумраке леса, среди громадных, увитых лианами деревьев. К тому же тропа так петляла, что многие скоро утратили всякое чувство направления и даже не смогли бы уверенно показать, в какой стороне остался берег.

Конану тоже было изрядно не по себе, хотя и по совершенно другой причине. Он все приглядывался к тропе и наконец проворчал:

— Кто-то прошел здесь совсем недавно... Не более часа назад. Кто-то, обутый в сапоги и не слишком привычный к лесам... Уж не тот ли мерзавец, который отыскал голову пикта и повесил ее обратно на ветку?.. Да нет, вряд ли, его следов я под тем деревом не видал... Только следы пиктов, которые были и раньше... Кто же этот малый, который перед нами тут пробежал?.. — И он повернулся к Строму с Зароно: — Сознавайтесь, каналы, кто из вас своего человека вперед выслал?

Но и пират, и буканьер принялись яростно отрицать подобное предположение. К тому же никто не мог различить отметин, на которые указывал Конан. Тропа была плотно утоптана, да и какие из моряков следопыты?

Киммериец прибавил шаг, и они торопливо устремились за ним, очень недоверчиво косясь на соперников. Потом тропа повернула на север, и Конан сошел с нее, начав торить путь сквозь чащу на юго-восток. Стром украдкой посмотрел на Зароно... Кажется, обстоятельства вынуждали их решительно переменить облюбованный план. Жалкие несколько сот шагов в сторону от тропы — и все, оба почувствовали, что заблудились. Какое там к берегу, они теперь и к тропке-то обратно не вышли бы...

А что, если у киммерийца все-таки есть в распоряжении вооруженный отряд? И сейчас он ведет их прямым ходом в ловушку?..

По мере продвижения вперед подозрения все усиливались. Флибустьеры были уже близки к панике, когда лес неожиданно кончился, и они увидели впереди голый каменистый холм, вздымавшийся над окрестными чащобами. С востока к нему

подходила едва заметная тропка. Она вилась между грудями валунов и, прыгая по каменным карнизам, достигала площадки у самой вершины.

Конан остановился.

— Вон по той дорожке, — сказал он, — я сюда прибежал, когда удирал от орлов. С площадки наверху — видите ее? — можно попасть в пещеру, где находятся тела Траникоса и его капитанов, а также награбленные ими сокровища Татмекри... И вот что я вам скажу, прежде чем мы полезем туда. Если надумаете меня здесь убить, вы в жизни своей не найдете тропу и не доберетесь до берега. Я же вас знаю... Вы — люди моря, а здесь, в лесу, вы беспомощны. Да, берег отсюда к западу, но что с того? Идти-то придется сквозь густой лес да еще добычу на себе нести... Дорога займет не часы, а целые дни. К тому же здешние леса будут не очень-то безопасны для прогулок белых людей, ведь тулканы скоро узнают о судьбе своего охотника... — И он расхохотался, глядя на кривые улыбки двоих флибустьеров, свидетельствовавшие, что он верно угадал их намерения в отношении своей персоны. А еще он внятно распознал мысль, осенившую обоих главарей: «Ладно, пусть киммериец поможет взять сокровище и выведет нас на тропу, тогда его и убьем...»

— Давайте так: все, кроме Строма и Зароно, останутся здесь, — сказал Конан. — Чтобы извлечь сокровище из пещеры и спустить его вниз, вполне хватит и нас троих!

Стром оскалился в улыбке.

— Пойти туда одному с тобой и Зароно?.. Да ты что, за дурака меня держишь? Нет уж, по крайней мере одного человека я с собой возьму!

И он указал на своего боцмана — мускулистого великана с суровым, обветренным лицом. Тот стоял голый по пояс, в ушах покачивались золотые кольца, а голову украшал алый платок.

— Тогда я возьму своего палача! — буркнул Зароно.

И подозвал тощую личность с лицом как обтянутый пергаментом череп. Палач нес на плече двуручный ятаган без ножен.

Конан пожал плечами.

— Ну хорошо... Следуйте за мной!

Они держались вплотную за ним, пока он лез с карниза на карниз, до самой площадки у вершины холма. Толкаясь и то-ропясь, протиснулись следом за киммерийцем в расщелину... И принялись шипеть и ахать от жадности, когда перед ними открылась пещера-туннель и Конан продемонстрировал око-ванные железом сундуки вдоль стен.

— Тут,— пояснил он небрежно,— богатый груз, взятый где-то в южных морях. Всякие шелка, кружева, наряды, побрякуш-ки, оружие... А настоящие сокровища — вон там, за той дверью!

Тяжелая дверь была слегка приоткрыта... Конан нахмурил-ся. Он ведь помнил, что плотно ее затворил, покидая пещеру... Но об этом он своим нетерпеливым спутникам не сказал. Про-сто посторонился, давая им заглянуть внутрь.

И они увидели подземный чертог, озаренный голубоватым сиянием, лившимся как бы сквозь дымку. Посередине стоял огромный стол черного дерева, а в резном кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками, не иначе украшавшем в давние времена замок какого-нибудь зингарского барона, сидела легенда морей — Кровавый Траникос. Голова великана поникла на грудь, могучая рука еще держала кубок, и в кубке по-прежнему искрилось вино... Лакированная шляпа, шитый золотом камзол с драгоценными пуговицами, самоцветы в ко-торых переливались и вспыхивали, отражая голубой свет... Бот-форты, парчовая перевязь и меч в золотых ножнах, с рукоятью, усыпанной дорогими камнями.

А кругом стола, уткнувшись подбородками в нагрудные кружева, расположились его одиннадцать приближенных. Го-лубой огонь, изливавшийся из огромного кристалла на малень-кой костяной подставке, странно освещал капитанов и их вели-кана-предводителя. Мертвенные блики высекали морозное пламя в грудах самоцветов невиданной огранки, что кучами лежали на столе перед Траникосом.

Вот оно, сокровище Кеми, баснословные камни Татмекри!.. Камни, чья цена превосходила совокупную цену всех прочих драгоценностей мира!..

Синие отсветы залили неживой бледностью лица Зароно и Строма. Их подручные заглядывали главарям через плечо, туповато разинув рты.

— Идите и возьмите...— пригласил их Конан, отступая в сторонку.

Зароно и Стром алчно бросились через порог, отпихивая друг дружку. Боцман и палач только что не наступали им на пятки. Зароно пинком распахнул дверь во всю ширину... И замер с одной ногой на пороге. Теперь, когда дверь не мешала ему, он увидел тело, распростертое на полу.

Это был человек, замерший в судорожном усилии, с головой, вывернутой назад между плеч. Он стискивал руками собственное горло, на лице застыла гримаса немыслимого страдания, но его еще можно было узнать.

— Гальбро!..— ахнул Зароно.— Мертвый! Какого...

Исполнившись внезапного подозрения, он сунул голову через порог, в голубоватую дымку, наполнявшую подземный чертог... И тотчас раздался его истошный крик:

— В тумане смерть!..

Одновременно с этим криком Конан пустил в ход всю силу и весь свой вес, чтобы могучим толчком отправить четверку супостатов прямо в смертоносный голубоватый туман... Однако у него не получилось. Все четверо как раз отшатнулись назад, и, вместо того чтобы закинуть их внутрь, он лишь снес разбойников с ног. Стром и Зароно упали на колени непосредственно на пороге, боцман споткнулся об их сапоги, палача швырнуло на стену. Не ведая жалости, Конан закинул бы упавших внутрь и преградил бы им выход дверью, дожидаясь, чтобы сделал свое дело туман, но почти сразу пришлось отбиваться от палача. Тот первым обрел равновесие, сообразил, что случилось, и с пеной у рта накинудся на киммерийца.

Первым делом буканьер нанес чудовищный удар своим ятаганом, предполагая срубить Конану голову, но тот успел пригнуться, и громадное лезвие лязгнуло о стену, породив сноп искр. В следующий миг череполицы уже катился по каменному полу пещеры, сраженный абордажной саблей киммерийца.

Весь бой занял доли мгновения, но иххватило боцману, чтобы вскочить и броситься на Конана. У него была в руках такая же сабля, и более слабый человек неминуемо пал бы под ее ударами. Два клинка встретились с лязгом, оглушительно прозвучавшим под сводами узкой пещеры... Капитаны тем временем откатились прочь от порога. Оба — с лилово-синими лицами, полузадохшиеся и не способные даже кричать. Конан удвоил усилия, стремясь зарубить соперников, пока они не оправились от яда, которого наглотались. Скоро он уже гнал боцмана, и тот отступал, заливаясь кровью на каждом шагу. В какой-то момент он отчаянно взревел, призывая своих товарищей, и, прежде чем Конан успел заткнуть ему глотку, двое главарей кое-как поднялись на ноги, задыхаясь, но желая убить, и хриплыми голосами тоже принялись звать своих.

Киммериец отпрыгнул назад и выскочил на площадку. Он чувствовал в себе силы справиться со всеми троими (хотя каждый слыл знаменитым фехтовальщиком), но вот оказаться на пути сдвоенного отряда, который при звуках схватки наверняка устремился навстречу, ему не слишком хотелось...

Впрочем, он тут же увидел, что оставшиеся внизу особого проворства и решимости не проявляли. Да, сдавленные вопли, несшиеся из пещеры, привели матросов в замешательство, но никто не решался первым броситься вверх, опасаясь удара в спину. Два враждебных отряда смотрели друг на дружку, сжимая оружие, но перейти к решительным действиям не осмеливались. Когда на площадке над ними возник киммериец, они еще колебались и соображали, как же быть. Пока они празднично держали руки на тетивах с приготовленными стрелами, Конан взбежал по стене с выдолбленными ямками для рук и ног, устроенными рядом с расщелиной, и залег на вершине кряжа, став недосягаемым для нападающих.

Двое капитанов в бешенстве вылетели на площадку, размахивая саблями и исторгая проклятия. Поняв, что они по крайней мере не дерутся между собой, их люди покончили с взаимными угрозами и стали ждать, что будет дальше.

— Собака, предатель! — визгливо прокричал Зароно. — Ты хотел нас отравить!

Конан ответил с насмешкой:

— А ты чего ждал? Вы двое намеревались глотку мне перерезать, как только я вам добуду сокровище. Если бы не труп глупца Гальбро, у меня бы все получилось, и сейчас я рассказывал бы вашим ребятам, как вы лихо вбежали внутрь и встретили свою участь!

— Убив нас, — затопал ногами Стром, — ты получил бы и мой корабль, и весь клад...

— Именно, — подтвердил Конан. — И лучших матросов из обеих команд. Много месяцев я подумывал вернуться в море, а тут — такой случай!.. Там, на тропе, я видел отпечатки ног Гальбро. Остается только гадать, откуда он прознал о пещере. И как думал скрыться с награбленным...

— Если бы не его труп на полу, мы бы так и шагнули прямо в ловушку, — пробормотал Зароно. Смуглое лицо буканьера все еще отливало пепельно-серым. — Тот голубой туман... Он был как незримые пальцы, стиснувшие мое горло!

— Ладно, а что теперь-то вы намерены делать? — ядовито поинтересовался с вершины скалы их мучитель.

— Что будем делать? — повторил Зароно, обращаясь к Строму. — Пещера, где клад, заполнена ядовитым туманом. Правда, за ее пределы он почему-то не распространяется...

— Не добраться вам до сокровища, — удовлетворенно подтвердил Конан со своего недосягаемого насеста. — Этот дымок кого угодно придушит. Я сам едва ему не попался, когда попробовал туда зайти... Хотите, поведаю легенду, которую пикты рассказывают у своих очагов, когда догорает огонь? Так вот. Очень давно, много лет назад, с моря пришли двенадцать человек. Найдя пещеру, они доверху набили ее самоцветами и золотом... Но пиктский шаман сотворил волшебство, и земля дрогнула. Из трещины в камне вытек дымок и удушил всех чужаков, пока они пили вино. Это был дым от адских огней, поднявшийся на поверхность. Чары шамана заключили его в

пределах пещеры, он не выходит наружу, но и внутрь никого не пускает... Эта легенда передавалась от очага к очагу, пока не обошла каждое племя, и теперь все пикты сторонятся проклятого места.

Когда я забрался сюда, ища спасения от пиктов-орлов, я понял, что древнее сказание не лжет. Его сложили о Траникосе и его людях. Похоже, он со своими капитанами сидел за вином, когда случилось землетрясение. Пол в пещере раскололся, и сквозь трещину проник туман, порожденный земными глубинами... Может, пикты не так уж и зря связывают его с преисподней. В общем, клад Траникоса стережет сама Смерть!

— Погнали людей наверх! — с пеной ярости на губах предложил Стром. — Залезем туда, изрубим его на куски!

— Не дури, — рявкнул в ответ Зароно. — Кто, по-твоему, способен влезть по этим ямкам, когда сверху размахивают саблями?.. Ясное дело, мы утыкаем его стрелами, пускай только покажется... Но сперва надо все-таки завладеть камешками! Он ведь собирался как-то вытащить их, зря ли потребовал три десятка носильщиков? Если он сообразил, как достать клад, значит, и у нас это получится. Смотри, можно согнуть одну из сабель, чтобы получился крюк. Привяжем к веревке, зацепим за ножку стола — и подтащим к двери вместе с сокровищем...

— Отличная мысль, Зароно! — издевательски похвалил сверху киммериец. — Именно то, что пришло на ум и мне. Вот только каким образом вы обратно к берегу доберетесь? Тропку-то сумеете разыскать?.. Может, конечно, и разыщете, но темнота накроет вас гораздо раньше, чем вы достигнете крепости. А пока вы будете ощупью пробираться по лесу, я пойду следом и стану резать по одному...

— А ведь это не пустое бахвальство, — пробормотал Стром. — Он умеет бесшумно двигаться ночью и нападать из темноты, точно дух бесплотный... Если откроет на нас охоту в лесу, живыми на берег выйдут немногие!

— Значит, надо убить его прямо здесь, — ответил Зароно. — Пусть несколько стрелков держат вершину на прицеле, пока

остальные полезут наверх. Если он встанет, его собьют стрелами, а если не встанет — его зарубят саблями... Эй! Чему это он смеется?

— Два мертвеца строят планы,— долетел хохот киммерийца.— Ой, не могу...

— Не будем слушать его,— оскалился Зароно.

И, возвысив голос, он велел флибустьерам из обоих отрядов присоединиться к ним со Стромом на скальной площадке.

Моряки полезли наверх по крутому уклону. Один из них задрал голову, собираясь что-то спросить... Но тут в воздухе прогудела словно бы рассерженная пчела, буканьер ахнул от боли и изумления, и изо рта у него хлынула кровь. Он рухнул на колени, хватаясь за черное древко, торчавшее из груди.

Его товарищи разразились тревожными криками.

— Что случилось? — спросил Стром.

— Пикты!!! — завопил кто-то из пиратов, вскидывая лук и стреляя вслепую.

Рядом с ним еще кто-то простонал и поник со стрелой в горле...

— Прячьтесь, олухи!..— завизжал Зароно. Со своего места он заметил, как мелькают в кустах смуглые раскрашенные тела.

Очередной пират, получивший смертельную рану, закувыркался с крутизны...

Остальные припустили что было духу и спрятались в россыпях валунов у подножия холма. Получилось это довольно неуклюже, ведь они совсем не привыкли к такому способу ведения войны. Стрелы летели из кустов, ломаясь о камни. Стром и Зароно лежали на площадке, не смея поднять головы.

— Мы в ловушке,— проговорил побледневший Стром. Он никого не боялся, пока под ногами была палуба корабля, но такая вот молчаливая лесная война грозила лишить мужества даже его.

— Конан говорил, они избегают этого кряжа,— ответил Зароно.— Наступит ночь, и наши люди смогут вскарабкаться к нам. Здесь пикты штурмом нас не возьмут, отсидимся...

— О да,— насмешливо подтвердил сверху киммериец.— Ты прав, штурмовать холм пикты не будут. Они просто расположатся кругом и подождут, пока вы сами не перемрете от жажды и голода!

— А ведь он прав,— беспомощно скрипнул зубами Зароно.— Что же делать?

— Заключить с ним перемирие,— пробормотал Стром.— Мы в западне, и если кто-то может нас вытащить, так только он... Успеет еще глотку ему перерезать! — И уже в полный голос окликнул: — Эй, Конан! Может, отложим наши распри до более подходящего времени? Ты ведь тоже попался, как и мы! Спускайся, будем вместе спасаться!

— Еще чего,— откликнулся киммериец.— Что до меня, я просто подожду, пока не стемнеет как следует. Потом тихонько спущусь с другой стороны холма и затеряюсь в лесу. Я ведь сумею просочиться между пиктами, они меня не увидят и не услышат... Вернусь в крепость и расскажу, как дикари вас всех перерезали. Что, кстати, очень скоро станет святой правдой...

Зароно и Стром переглянулись, ощущая полную безнадежность.

— Только я этого не сделаю! — неожиданно взревел Конан.— Да не из любви к вам, негодяям... Просто потому, что белому человеку негоже бросать соплеменника в лапах у дикарей. Даже врага!

И всклокоченная голова киммерийца возникла над краем его лежбища.

— Слушайте внимательно,— проговорил он негромко.— Пиктский отряд внизу очень немногочислен. Будь их побольше, ваших людей бы уже перестреляли, как кур. Полагаю, здесь всего лишь несколько быстроногих юнцов, высланных вперед основного войска, чтобы отрезать нас от берега. Главные силы, по-моему, еще на подходе.

Они выставили дозорных с западной стороны холма, но с восточной все чисто. Я доберусь до леса и зайду им в тыл. Вы тем временем спускайтесь вниз и ползите к своим. Велите им

спрятать луки и приготовить сабли. Услышите мой крик — бегите со всех ног к лесу, на западную сторону поляны...

— А сокровище?

— Плевать на сокровище!.. Головы бы на плечах унести!..

И Конан снова исчез.

Капитаны вслушивались, надеясь уловить хоть звук, свидетельствующий, что киммериец переполз на другую сторону и начал спускаться по практически отвесному склону... Им так и не удалось ничего услышать. В лесу тоже царила тишина. Стрелы больше не отскакивали от валунов, за которыми прятались моряки. Однако не подлежало сомнению, что из чащи продолжали следить черные безжалостные глаза дикарей, наделенных звериным терпением...

Очень осторожно Стром, Зароно и боцман спускались по крутой извилистой тропке... Они одолели почти полпути, когда рядом снова засвистели черные стрелы. Боцман застонал, ахнул — и безвольным мешком полетел с обрыва, пораженный прямо в сердце. Два главаря вскочили на ноги и во весь дух рванули к своим. Стрелы били то в шлемы, то в латные нагрудники... Все же капитаны достигли подошвы холма и плащмя рухнули за валуны. Дыхания не хватало даже на то, чтобы ругаться.

— Это что, еще одна хитрость Конана?.. — отдышавшись наконец, спросил Зароно.

— Пожалуй, в этот раз ему можно верить, — сказал Стром. — У варваров вроде него имеется своеобразный кодекс чести, так что Конан в самом деле не отдаст людей одного с ним цвета кожи на расправу дикарям иной расы. Хотя бы он и подумывал самолично убить нас, но против пиктов он нам поможет... О! Слушай!..

Тишину вспорол вопль, от которого кровь застыла в жилах. Он раздался из леса в западной стороне... И тотчас же что-то вылетело из-за деревьев, прочертило в воздухе дугу и, упав, покатилося прямо к камням. Это была отсеченная человеческая голова. На лице, пестром от боевой раскраски, застыл предсмертный оскал...

— Сигнал Конана!..— взревел Стром.

Отчаявшиеся пираты взвились на ноги и со всей мыслимой прытью кинулись к лесу.

Из кустов немедленно полетели стрелы. Однако их пускали торопливо и почти наугад, и они поразили только троих. А потом морские дикари ворвались на опушку и накинулись на голых, раскрашенных лесных дикарей, что поднялись навстречу из потемок.

Схватка была мгновенной и страшной... Яростное дыхание, отчаянные усилия... Абордажные сабли против боевых топов, ноги в сапогах, попирающие поверженные тела...

И вот засверкали босые пятки — уцелевшие в короткой резне бросились наутек, оставив в окровавленной листве семерых мертвецов.

Но там, куда унеслись беглецы, в чащобе вдруг поднялась бешеная возня, а когда она стихла, глазам моряков предстал Конан. Потерявший столетнюю лакированную шляпу, в располосованном камзоле — однако абордажная сабля в его руке капала кровью.

— Теперь что?..— задыхаясь, выговорил Зароно. Он понимал: атака удалась только благодаря Конану, неожиданно напавшему с тыла на пиктов, чем те были окончательно сбиты с толку.

Конан вместо ответа проткнул саблей одного из буканьеров — тот корчился на земле с перебитым бедром.

Зароно разразился площадной бранью.

— Нам его не унести! — рявкнул киммериец. — А живым его пиктам оставлять... нет уж! За мной!

И он рысью побежал через лес. Флибустьеры плотной группой держались у него за спиной, опасаясь отстать. Без него они много часов бродили бы в чащах, прежде чем отыскали тропинку к берегу... если бы это вообще им удалось. Киммериец же вел их так уверенно, как если бы на каждом дереве были хорошо заметные знаки.

Выскочив наконец на заветную тропку, морские разбойники от облегчения разразились почти истерическим хохотом.

— Дурачьё! — Конан сгреб за плечо какого-то пирата, бросившегося было бежать во все лопатки, и отшвырнул его себе за спину. — Так вы через тысячу шагов выдохнетесь, а до берега еще далеко! Нет уж, сейчас — только трусцой.

И он пустился по тропе ровной, неторопливой и неутомимой рысцой. Моряки двинулись следом, приноравливаясь к его шагу...

Солнце уже коснулось волн западного океана. Тина стояла у окна — того самого, из которого Белиза наблюдала за приближением шторма.

— Солнце садится, обращая океан в кровь, — сказала она. — Парус карака — белое пятнышко среди алых вод... А в лесу собираются непроглядные тени...

— А моряки на берегу что делают? — без особого интереса спросила Белиза.

Она лежала на диване, прикрыв глаза и закинув руки за голову.

— В обоих лагерях ужин готовят, — ответила Тина. — Собирают плавник, разжигают костры... Кричат что-то друг другу... Ой! Что это?!

Внезапная перемена ее тона заставила Белизу резко сесть. Тина вцепилась в подоконник, лицо у девочки было белое.

— Слышишь, госпожа? Вой вдали! Как будто воют разом много-много волков...

— Волков?.. — Белиза вскочила на ноги, в сердце которых раз шевельнулся ужас. — Но в это время года волки не охотятся стаями...

— Смотри, смотри! — заверещала девочка, указывая рукой. — Из леса люди бегут!..

Белиза мигом подросла к ней и напрягла зрение, высматривая уменьшенные расстоянием фигурки на опушке.

— Это моряки! — ахнула она. — С пустыми руками! Я вижу Зароно... Строма...

Тина прошептала:

— А где Конан?

Белиза покачала головой. Киммерийца не было видно.

— Слушай! Слушай! — прижимаясь к ней, всхлипывала девочка. — Пикты идут...

Теперь вся крепость слышала то же, что и они. Из глубин темного леса неслось многоголосое завывание, исполненное жажды крови и бешеного восторга.

Этот звук так и подстегивал беглецов, которые, задыхаясь, неслись к палисаду.

— Быстрее!.. — пыхтел Стром. На осунувшемся лице застыла гримаса предельного напряжения. — Они висят у нас на плечах! Мой корабль...

— Твой корабль далековато, нам до него не добраться, — на бегу ответил Зароно. — Скорей в крепость... Вон, ребята в лагерьх увидели нас!

И он принялся размахивать руками, отчаянно и невнятно жестикулируя, но смотревшие с берега его поняли. Им сразу стал ясен смысл дикарского завывания, достигшего между тем неистовой силы. Забыв о своих кострах, о котлах, где булькал ужин, моряки бросились в сторону крепостных ворот. Бегущая толпа уже втягивалась внутрь, когда примчавшиеся из леса обогнули южный угол и тоже ворвались в ворота — сходящие с ума и полуживые от невероятной усталости.

Ворота за их спинами сомкнулись со всей возможной поспешностью. Моряки сразу полезли на стены, чтобы присоединиться к воинам, уже стоявшим на помостах для стрельбы.

Белиза отыскала Зароно и прямо спросила его:

— Где Конан?

Буканьер ткнул большим пальцем в сторону сумрачного леса. Он все никак не мог отдышаться, по лицу катился пот.

— Их передовые разведчики догнали нас еще прежде, чем мы достигли опушки... Киммериец остался, чтобы убить нескольких и дать нам время спастись...

И, шатаясь, Зароно двинулся прочь, чтобы занять место на стене, куда уже успел подняться Стром. Там стоял и Валенсо — угрюмый, плотно запахнувший в плащ, странно молча-

ливый и отчужденный. Казалось, он пребывал под властью каких-то чар.

— Смотрите!.. — заорал, перекрывая близившееся завывание, один из пиратов.

Из леса выскочил человек и с удивительной скоростью понесся в сторону крепости.

— Это Конан!..

Зароно оскалился в волчьей улыбке.

— Мы в безопасности за стеной, — сказал он. — И теперь знаем, где сокровище. Не вижу причины, почему бы нам стрелами его не утыкать...

— Нет! — Стром схватил буканьера за руку. — Сабля киммерийца пригодится в бою... Гляди!..

Вслед за быстроногим варваром из лесу вывалилась раскрашенная орда. Голые пикты, многие сотни пиктов, завывающих на бегу. Их стрелы дождем сыпались кругом киммерийца... Еще несколько шагов — и он достиг восточной стены. Могучим прыжком взлетел вверх, схватился за верхушки бревен, подтянулся и спрыгнул внутрь, держа в зубах абордажную саблю. Стрелы с ядовитым шипением впились в бревна там, где мгновением раньше мелькнуло его тело. Великолепный камзол Конана подевался неизвестно куда, белая шелковая рубашка была порвана и вся перепачкана кровью...

— Остановите их! — взревел он, едва его пятки коснулись земли. — Не дайте достигнуть стены! Если влезут, нам конец!

Пираты, буканьеры и графское воинство отозвались без промедления. Навстречу подбегающим пиктам рванулась целая буря стрел и арбалетных болтов.

Конан же заметил Белизу и Тину, вцепившуюся в руку хозяйки, — и разразился красочным потоком цветистой и изобретательной ругани.

— Брысь в дом! — рявкнул он в заключение. — Их стрелы сейчас полетят через стену навесом... Ну! Что я сказал!

Черная стрела воткнулась в землю у самых ног Белизы и задрожала, точно готовая ужалить змея. Конан схватил длинный лук и вспрыгнул на помост для стрелков.

— Кто-нибудь, тащите факелы! — принялся он распоряжаться, и шум начавшейся битвы не мог заглушить его голос. — В темноте нам не отбиться!

Солнце погрузилось в океан бушующей крови. Люди на борту карака спешно обрубали якорную цепь, и «Кровавая рука» стала быстро удаляться в сторону горизонта...

7

ЛЮДИ ЛЕСОВ

Сгустилась ночь, но на взморье метались факелы, зловеще озаряя безумную сцену боя. На берегу кишели нагие люди в боевой раскраске. Волна за волной налетали они на палисад, и тогда в свете факелов сверкали ощеренные зубы и горящие глаза. В черных гривах развевались перья тукана, баклана и приморского сокола. Было даже несколько воинов, несших вплетенные в волосы зубы акулы, и эти выглядели самыми свирепыми и дикими среди всех. Береговые племена объединились, чтобы раз и навсегда изгнать со своей земли белокожих пришельцев.

У стен волновалось живое море и бушевал целый ураган стрел. Неприятельские стрелы и арбалетные болты наносили пиктам ощутимый урон, но временами дикари подбирались к стенам до того близко, что им удавалось всадить в ворота топор или ткнуть копьём в амбразуру. Однако прилив всякий раз откатывался прочь, не в силах перехлестнуть частокол и оставляя после себя немало убитых. В такого рода боях фли-

бустьеры чувствовали себя в своей стихии, их меткие стрелы пробивали брешы в рядах пиктов, abordажные сабли сносили головы дикарям, пытавшимся вскарабкаться на частокол.

И все равно люди леса волна за волной шли на приступ с яростным упорством, свойственным свирепому племени пиктов.

— Дерутся, точно бешеные псы!.. — прохрипел Зароно, целясь саблей по смутным рукам, пытавшимся схватиться за верх палисада, по темнокожим оскаленным физиономиям, надвигавшимся снизу.

— Если выстоим до рассвета, они утратят решимость, — ответил Конан, многоопытной рукой рассекая украшенную перьями голову, возникшую над стеной. — Не смогут удержать долгой осады... Смотри, отходят!

Приступ действительно захлебнулся. Люди на стене смахнули с лиц пот, начали подсчитывать своих павших и протирать скользкие от крови рукояти мечей. Пикты перебегали с места на место за кругом света, отбрасываемого факелами, точно голодные волки, которых отогнали от зажатой в угол добычи. Только мертвые лежали на земле у стен.

— Ушли?.. — Стром пятерней убрал с лица насквозь мокрые русые пряди. Окровавленная сабля в его руке была вся иззубрена, а сама рука — сплошь заляпана красным.

— Нет, они еще там. — Конан указал в темноту за пределами факельного света, который лишь подчеркивал ее непроглядность. Зоркие глаза киммерийца подмечали в потемках движение, блеск глаз, тусклое мерцание стали.

— Немного отступили, и все, — сказал он. — Выставьте на стенах караульных, а остальные пусть отдохнут, напьются и перекусят. Уже за полночь... Мы несколько часов дрались без отдыха!

Главари спустились с помоста и отзывали своих бойцов. Посередине каждой стены — восточной, южной, северной и западной — поставили по часовому, да еще несколько воинов — у ворот. Чтобы добраться до стены, пиктам пришлось бы пере-

сечь широкое пространство, залитое факельным светом. Защитники стен успеют вернуться на места задолго до того, как пикты окажутся у их подножия.

— Не вижу Валенсо,— сказал Конан, обгладывая говяжью кость у костра, разведенного в центре двора.

Пираты, буканьеры, люди графа давно перемешались и теперь жадно поглощали принесенное женщинами съестное, а те перевязывали им раны.

— Пропал около часа назад,— проворчал Стром.— Он рубился на стене рядом со мной, а потом вдруг оцепенел и уставился в темноту, как будто призрака увидел... И хрипит мне: «Смотри!.. Черный демон! Я вижу его! Вон там, правее...» Ну, я посмотрел, куда он указывал,— и правда увидел кого-то, показавшегося мне слишком долговязым для пикта. Моргнул — и все, никого нету. Но Валенсо спрыгнул с помоста и поплелся в дом, словно смертельную рану получив... С тех пор я его больше не видел!

— Не удивлюсь, если ему лесной демон явился,— без особого волнения проговорил Конан.— Пикты говорят, они в здешних местах нередко встречаются... Я вот чего гораздо больше боюсь, так это зажигательных стрел. Пикты в любой момент могут взяться за луки... Э, а это еще что? Никак на помощь кто-то зовет?..

Когда в битве наступило затишье и можно было чуть меньше опасаться шальной стрелы, Белиза и Тина подкрались к своему окошку. Некоторое время они молча смотрели на мужчин, собравшихся у костра во дворе.

— На стене стражи мало,— заметила Тина.

Как ни мутило Белизу от вида валявшихся под стеной мертвецов, эти слова заставили ее рассмеяться.

— Ты полагаешь, что лучше разбираешься в войне и осадах, чем пираты и буканьеры? — мягко укорила она девочку.

— Лучше бы они больше часовых выставили,— содрогнулась малышка.— Представь, госпожа, а если черный вернется?..

Белизу немедленно пробрала дрожь.

— Мне страшно...— прошептала Тина.— Надеюсь, Строма и Зароно уже убили...

— А Конана? — с любопытством спросила молодая хозяйка.

— Конан не причинит нам зла,— уверенно ответила девочка.— Он варвар, но нипочем не поступится честью. А те двое давно утратили всякую честь...

— Ты мудра не по годам, Тина,— проговорила Белиза.

От удивительно взрослых суждений маленькой девочки ей временами становилось не по себе.

— Смотри! — внезапно напряглась Тина.— Дозорный исчез с южной стены! Только что ходил по помосту, а теперь пропал без следа!

Из окошка как раз были видны макушки бревен палисада над крышами меньших построек, тянувшихся параллельно стене. В домиках, плотно примыкавших один к другому, обитала графская челядь. Задние стены лачуг от палисада отделял проход в три-четыре ярда шириной.

— Куда же часовой делся? — испуганно шептала маленькая служанка.

Белиза наблюдала за ближним концом ряда построек, расположенным возле бокового входа в особняк. Она могла бы поклясться, что видела некую тень, скользнувшую из-за домиков и скрывшуюся в двери. Кто там пробежал? Тот часовой?.. Чего ради он оставил свой пост, да еще и решил украдкой проникнуть в хозяйский дом?..

Белиза поняла, что, скорее всего, это был не дозорный, и безотчетный ужас облил холодом сердце.

— Где граф, Тина? — спросила она.

— Он в большом зале, госпожа. Сидит один у стола, закутался в плащ и вино пьет. А лицо — восковое, как у покойника...

— Беги к нему и расскажи, что мы сейчас видели,— велела Белиза.— А я буду в окошко смотреть, чтобы пикты не полезли через стену, оставленную без охраны!

Тина умчалась во всю прыть. Белиза слышала, как ее ножки в мягких тапочках протоптали по коридору, как шаги стихли

на лестнице... А потом — без всякого предупреждения — прозвучал крик, полный такого безумного ужаса, что у Белизы сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она кинулась за дверь и промчалась по коридору к лестнице едва ли не прежде, чем ее ум родил мысль о движении. Одолев коридор, Белиза устремилась было вниз по ступеням... И тут застыла, точно окаменев.

В отличие от Тины, она не стала кричать. Просто потому, что была не в состоянии ни звука издать, ни сдвинуться с места. Она увидела рядом с собой Тину, ощутила отчаянное объятие маленьких рук... Но это были единственные здоровые и привычные детали в целой вселенной кошмара, запредельного ужаса и безумия.

И главным в этой вселенной была громадная человекообразная фигура, черная на фоне неестественного голубоватого света. Черный чужак стоял во весь рост, раскинув громадные лапищи. Он торжествовал...

...Снаружи, во дворе, Стром на вопрос Конана только головой покачал.

— Я ничего не слышал...

— А я слышал! — возразил киммериец. Инстинкты варвара били тревогу, он вскинул голову, синие глаза горели. — У южной стены, там, за домиками прислуги!

И, выдернув из ножен абордажную саблю, он зашагал к палисаду. Оттуда, где горел костер, ни стену, ни часового нельзя было рассмотреть, — все заслоняли крыши строений. Стром, которому невольно передалось беспокойство Конана, пошел следом за ним.

У входа в промежуток между домиками и палисадом Конан настороженно остановился. Проход был смутно освещен факелами, торчавшими по углам стены.

И посередине лежало скомканное, смятое тело.

— Бракус!.. — Стром с руганью устремился вперед и припал на колено подле убитого часового. — Видит Митра, ему горло от уха до уха располосовали!..

Конан мгновенно осмотрел проход, но, кроме них со Стромом да убитого дозорного, здесь больше никого не было. Он выглянул в амбразуру... В круге факельного света не двигалась ни единая живая душа.

— Кто мог это сделать? — вслух спросил киммериец.

— Зароно!.. — Стром взвился на ноги, шипя и плюясь, точно дикий кот, его лицо перекосила судорога, волосы и те, кажется, поднялись дыбом. — Это он послал своих негодяев бить моих людей в спину! Он хочет предательством покончить со мной!.. О демоны, да что ж это такое! Со всех сторон обложили...

— погоди. — Конан протянул руку, желая его удержать. — Я тоже не доверяю Зароно, однако...

Но взбешенный пират вырвался и побежал вдоль ряда домишек, изрыгая жуткие богохульства. Конан, ругаясь, погнался за ним. Стром мчался прямо к костру, где виднелась высокая фигура Зароно — буканьер большими глотками осушал кружку эля.

Он изумился сверх всякой меры, когда кружку вдруг вышибли у него из руки, да так, что пена разлилась по латному нагруднику, а его самого схватили за плечи и развернули, и перед ним возникла перекошенная яростью физиономия пиратского капитана.

— Ах ты, предатель! — бушевал Стром. — Значит, ты намерен бить моих людей в спину, пока они сражаются не только за меня, но и за твою вонючую шкуру?!

К ним уже спешил Конан, а воинство, собравшееся у огня, перестало есть и пить, не понимая, в чем дело.

— О чем ты? — брызгая слюной от негодования, осведомился Зароно.

— Мой человек стоял на посту, а ты подослал пырнуть его в спину! — орал взбешенный барахский пират.

Подспудно тлевшая вражда взвилась яростными пламенами.

— Лжешь! — рявкнул в ответ Зароно.

С невнятным воплем Стром выхватил абордажную саблю и махнул, целя Зароно в голову. Буканьер успел поймать удар

окованной сталью левой рукой. Брызнули искры, Зароно шарахнулся назад и запнулся о собственный меч...

А в следующий миг двое капитанов схлестнулись в бешеной дуэли — только клинки вспыхивали и играли в свете костра. Команды отреагировали без промедления и не особенно разбираясь, в чем дело. Поднялся несусветный рев — пираты и буканьеры выхватили оружие и накинулись одни на других. Дозорные, оставленные сторожить стену, забыли о своих обязанностях и попрыгали вниз — участвовать во всеобщей резне. Крепостной двор стал сплошным полем сражения. Дерущиеся сплетались в клубки, катились кувырком, рубили и резали в каком-то безумном неистовстве. Постепенно в свалку втянули кого-то из графских людей, а солдаты, стоявшие у ворот, изумленно обернулись, забыв о внешних врагах, таившихся за стеной...

Все произошло настолько стремительно, тлеющие угли породили такое бешеное и внезапное пламя, что резня пошла по всей крепости еще прежде, чем Конан успел добраться до зачинщиков. Но уж когда добрался, то, не обращая особого внимания на мелькающее оружие, отшвырнул их друг от друга с такой силой, что Стром еле устоял на ногах, а Зароно вовсе растянулся на земле.

— Проклятые недоумки! — взревел киммериец. — Вы что, все наши жизни псу под хвост бросить готовы?

Его не услышали. Стром бешено брызгал пеной. Зароно звал своих на подмогу. Какой-то буканьер подбежал к Конану сзади и замахнулся, целя в голову. Полуобернувшись, киммериец перехватил и остановил его руку на середине удара.

— Смотрите, дурачье! — закричал он, указывая саблей.

И на сей раз было в его голосе что-то такое, что привлекло внимание осатаневшей толпы. Люди замерли буквально с занесенными мечами, а поднимавшийся Зароно — на одном колене... Все повернули головы и посмотрели туда, куда показывал киммериец. На воина, что стоял на стрелковом помосте. Бедный малый шатался, хватая руками воздух и силясь закри-

чать. Но вот силы оставили его, и безжизненное тело свалилось во двор. Между лопаток у солдата торчало черное древко.

Вот тут в крепости раздались крики тревоги. И почти одновременно — хор жутких воплей, сопровождаемый грохотом боевых топоров, молотивших в ворота. А над стеной взвились пылающие стрелы, чтобы миг спустя вонзиться в бревна построек, и очень скоро тут и там появились синеватые змейки дыма. И наконец из-за ряда домишек, что примыкал к злополучной южной стене, ринулись стремительные человеческие силуэты.

— Пикты в крепости!.. — проревел Конан.

После чего началось уже форменное сумасшествие. Оставив междоусобицу, пираты и буканьеры кинулись кто к стенам, кто наперерез прорвавшимся пиктам. Из-за лачуг выбегали все новые дикари, их боевые секиры вовсю лязгали о сабли моряков...

Зароно как раз поднимался на ноги, когда сзади к нему подскочил раскрашенный пикт — и ударом топора вышиб буканьеру мозги.

Конан с кучкой моряков, прикрывавших ему спину, рубился с пиктами во дворе. Стром с большинством своих людей взобрался на стрелковый помост, пытаясь противостоять волне атакующих, захлестнувших внешнюю стену... Но пикты, подкравшиеся незамеченными, пока осажденные резались между собой, успели окружить укрепление и теперь лезли со всех сторон. Люди Валенсо сгрудились возле ворот, силясь удерживать их против целого роя восторженно завывающих демонов...

Все большее число пиктов преодолевало оставленную без присмотра южную стену и оказывалось во дворе. Строму с его пиратами не удалось удержать оставшуюся часть палисада, так что вскоре по всей территории укрепления кишели голые раскрашенные дикари. Они накидывались на уцелевших защитников крепости и валили их, точно волки добычу. Битва распалась на отдельные вихри, в центре которых были разрозненные

группы белых людей, отбивавшихся уже без особой надежды спастись. Весь двор был завален трупами пиктов, пиратов, бу-каньеров и людей графа. Упавших сразу затаптывало множество ног... Лесные воины врывались в домишки прислуги, и скоро поднялся жалобный крик, слышный даже сквозь гул сражения,— это женщины и дети умирали под ударами топоров. Внимая их голосам, люди Валенсо покинули свое место возле ворот, и пикты немедленно этим воспользовались. Ворота распахнулись, дикари рекой хлынули внутрь. Строения начали вспыхивать одно за другим...

— Скорей в особняк! — закричал Конан и принялся рубаться в том направлении, сопровождаемый дюжиной бойцов.

Стром присоединился к нему, отмахиваясь направо и налево бордажной саблей, точно хлыстом.

— Не удержать нам особняк...— выговорил он, задыхаясь.

— Почему? — спросил Конан, даже не поворачивая головы. Кровавый труд боя не давал ему такой возможности.

— Потому что... А-а-а!..— Смуглокожая рука глубоко всадила нож в спину барахцу.— Демон тебя сожри, мерзавец...

С этим последним проклятием, уже шатаясь, Стром обернулся и разрубил пикту череп по самые зубы. Потерял равновесие и упал на колени, изо рта побежала кровь.

— Потому что,— все же договорил он, а вернее, прокаркал,— особняк... горит...

И, обмякнув, завалился в пыль.

Конан улучил момент быстро оглядеться кругом... Все, кто пытался за ним следовать, уже валялись в крови. Но и умирающий пикт, которого киммериец придавил к земле ногой, был последним из тех, что преграждали ему дорогу к графскому дому. Всюду во дворе бушевала яростная резня, но непосредственно вокруг Конана образовался островок временного затишья. И от места, где он стоял, было рукой подать до той самой южной стены. Несколько быстрых шагов, прыжок — и он беспрепятственно исчезнет в ночи...

Однако киммериец не позабыл о беспомощной девушке в доме. И ноги понесли его не к спасительной стене, а к особняку — над крышей которого, кстати, действительно поднимались густые клубы дыма.

У самой двери ему попался разукрашенный перьями вождь, видимо тоже желавший проникнуть туда. Он крутанулся навстречу киммерийцу, занося топор, а за спиной Конана уже слышался топот проворных босых ног, — его настигали. Сабля Конана обрушилась сверху вниз, отмела секиру пикта и раскроила голову ее обладателю. В следующее мгновение Конан прыгнул через порог и, без промедления захлопнув за собой дверь, заложил ее тяжелым засовом. С той стороны в нее грянуло разом несколько топоров, но некоторое время дверь должна была продержаться...

В большом зале бревенчатого замка слоями плавал дым, и Конан, мало что видя перед собой, двинулся вперед ощупью. Он слышал, как где-то всхлипывала женщина. Нет, она не то чтобы задыхалась в дыму, — такие короткие, стонущие всхлипы мог породить только не передаваемый никакими словами ужас... Конан вырвался из едкой мглы, увлекая за собой дымные клочки...

И замер на месте, созерцая открывшуюся картину.

Большой зал был весьма скудно освещен. Серебряный канделябр валялся на полу, свечи в нем потухли. Единственным источником света оставался громадный камин и стена, в которую он был вделан; дрова в камине горели так жарко, что пламя успело перекинуться на бревна стены и уже достигало стропил. На фоне этого жуткого и тревожного света Конан увидел человеческое тело — оно раскачивалось на веревке, перекинутой через стропилину. Тело понемногу вращалось и вскоре повернулось к киммерийцу лицом. Черты были до неузнаваемости искажены смертной гримасой, но сомнений быть не могло — Конан смотрел на графа Валенсо, повешенного в собственном зале.

Но кроме мертвого графа в чертоге присутствовал еще кое-кто. В клубящемся дыму Конан различил чудовищный силуэт,

окутанный аурой голубоватого адского пламени. Дымная муть придавала ему человекоподобие, но вот тень, которую существо отбрасывало на горящую стену, человеческой отнюдь не была...

— Кром! — вырвалось у киммерийца.

Он сообразил, что встретил противника, к которому с абордажной саблей не подступиться.

А еще он увидел Белизу и Тину, судорожно прильнувших друг к дружке на нижних ступенях лестницы.

Вот черное чудище выпрямилось, не то поднялось на дыбы — гигантский силуэт на фоне огня. Оно распахнуло страшные лапищи, его не то лицо, не то морда смутно просматривалась сквозь плывущий дым... Получеловеческие, полузвериные черты, жуткие до невозможности... Конан подметил близко расположенные рога, разинутую пасть, остроконечные уши...

Тварь повернулась и тяжеловесно двинулась к нему сквозь завихрения дыма.

Как совладать с подобным врагом?..

Перед лицом ужасной опасности в памяти киммерийца вспыхнуло одно давнее воспоминание. Он быстро огляделся, и на глаза попала увесистая скамеечка, некогда входившая в роскошную обстановку замка рода Корзетта, — отлитая из серебра и покрытая резным узором. Конан мигом схватил ее и замахнулся на демона.

— Серебро и огонь!.. — взревел он громовым голосом и метнул свой снаряд, вложив в бросок всю силу железных мышц. Скамеечка мелькнула и врезалась прямо в широкую черную грудь... добрых сто фунтов серебра, запущенные в воздух с сумасшедшей силой и скоростью. Против подобного удара не смог устоять даже черный чужак. Его попросту снесло с ног — и спиной вперед швырнуло в ревущую огненную глотку камина.

Зал содрогнулся от страшного крика. Это кричало иномирное существо, внезапно застигнутое вполне земной смертью. Вот треснула каминная полка, из громадной трубы посыпались камни, заваливая бьющееся черное тело, уже охваченное ярост-

ным пламенем. Потом из-под потолка начали падать горящие бревна, и вся груда превратилась в один гигантский костер.

Огонь быстро подбирался к лестнице, но Конан успел раньше. Он схватил под мышку потерявшую сознание Тину, а Белизу рывком поставил на ноги и поволок за собой. Кругом царил крошечный ад, все рушилось и горело, а сквозь рев пламени доносился треск двери, сокрушаемой ударами пиктских боевых топоров.

Стремительно оглядевшись в поисках спасения, Конан подметил дверь против лестницы и кинулся туда, неся Тину и силой таща ослепшую от дыма, ничего не понимающую Белизу. Как только они выскочили за порог, сзади послышался тяжелый грохот и весь дом содрогнулся. Кровля большого зала рухнула внутрь. Беглецов догнала плотная волна удушающего дыма, но Конан успел заметить на другом конце комнаты открытую дверь, выводившую наружу. Вытаскивая сквозь эту дверь своих беспомощных подопечных, Конан обратил внимание, что створка еле держалась на сломанных петлях, а запор вообще лопнул, ни дать ни взять, под напором чудовищной силы.

— В эту дверь... в эту дверь черный вошел, — отчаянно всхлипывала Белиза. — Я... я видела его... но я же не знала...

Они вывалились в освещенный пламенем двор и оказались совсем рядом с домиками, выстроившимися вдоль южной стены. К двери уже подбирался пикт с занесенной секирой, в его глазах играли кровавые блики. Первым долгом киммериец убрал из-под удара девочку, висевшую у него на руке, и без промедления всадил пикту в грудь абордажную саблю. Потом подхватил Белизу, поскольку ноги у нее все равно заплетались, и, неся обеих, побежал к южной стене.

Вся внутренность крепости была заполнена дымом. Муть отчасти скрывала еще длившуюся резню, однако беглецов заметили. Из клубящихся туч за ними ринулись голые силуэты, черные против тускло-багрового света. Конан бросился в проход между домиками и стеной. Часть дикарей неслась следом за ним, другие бежали лачуги и с воем рванулись навстречу,

пытаясь отрезать киммерийцу дорогу к спасению. Остановившись, Конан закинул Белизу на помост для стрельбы и сам запрыгнул туда. Спустив девушку с палисада, он дал ей соскочить на песок под стеной и отправил следом Тину. Брошенный топор воткнулся в бревно у самого его плеча, но киммериец уже прыгнул сам. Вновь подхватил обеих своих подопечных — и кинулся прочь...

Когда пикты взобрались на помост и выглянули наружу, перед стеной уже никого не было видно — кроме убитых...

8

ПИРАТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОРЕ

Рассвет окрашивал серые океанские волны в лилово-розовые тона. Далеко-далеко в утреннем море просматривалась сквозь туман белая крапинка. Парус будто висел в перламутровом небе, не касаясь воды... Стоя на лесистом мысу, Конан-киммериец растягивал рваный плащ над костром из зеленых веток. Взмахи плаща отправляли вверх плотные облачка дыма. Они поднимались в рассветное небо, трепетали в воздухе и затем исчезали.

Белиза сидела подле него на земле, обняв одной рукой Тину.

— Полагаешь, они увидят и поймут?..— спросила она.

— Непременно увидят,— заверил ее Конан.— Они всю ночь болтались в виду берега, надеясь обнаружить уцелевших. Напуганы они, конечно, до полусмерти... Их там всего полдюжины, и ни один не умеет управляться с кораблем достаточно хорошо, чтобы довести «Кровавую руку» до Баракских островов.

Но мои сигналы они поймут: я пользуюсь системой, принятой у пиратов. Я уже сообщил, что их капитаны погибли вместе с командами, а теперь зову подойти и забрать нас отсюда. Они знают, что я умею водить корабль, и рады будут ходить под моим началом... Да и куда им деваться? Я единственный из капитанов, кто уцелел.

— А если дым заметят пикты? — содрогнулась Белиза.

И невольно оглянулась на затянутые туманом пески и дальний лес, над которым в нескольких милях к северу поднимался тяжелый столб дыма.

— Вот уж не думаю, — хмыкнул Конан. — Спрятав вас в лесу, я вернулся и увидел, как пикты вытаскивали из кладовых бочонки с вином и пивом. Уже тогда многих порядком «штормило», а теперь, полагаю, они глаз открыть не в состоянии. Эх, мне бы сотню бойцов, я бы всю орду вывел под корень... Смотри! С «Кровавой руки» отвечают! Сейчас за нами подойдут!

Конан затоптал огонь, вернул плащ Белизе и потянулся, точно большой ленивый кот. Белиза наблюдала за ним в немом изумлении... Она видела, что его невозмутимая манера была ненаигранной; киммерийца ничуть не вывела из душевного равновесия безумная ночь огня, крови и смерти, не говоря уже об отчаянном беге по мглистым лесам. Он вел себя так, словно со вчерашнего дня веселился и пировал... Вот такой человек — и Белиза почему-то совершенно не боялась его. Напротив, сейчас она чувствовала себя в большей безопасности, чем когда-либо с момента их с графом высадки на этом взморье. Конан ничем не напоминал других флибустьеров — цивилизованных людей, отрекшихся от любых правил чести и ведомых только жаждой наживы. В отличие от них, киммериец свято соблюдал кодекс своего народа — пусть варварский и кровавый, но в вопросах чести непререкаемый.

— Как ты полагаешь, — спросила Белиза, — он... он умер?

Конану не понадобилось уточнять, о ком именно шла речь.

— Думаю, да, — ответил он девушке. — Серебро и огонь несут гибель порождениям зла, а я от души накормил его тем и другим!

Больше они к этой теме не возвращались. Белизе слишком тяжело было вспоминать жуткую сцену, когда черный чужак вошел в большой зал — и так долго чаемая месть обрела свое чудовищное завершение.

Немного погодя Конан спросил:

— А чем ты думаешь заняться, когда вернешься в Зингару? Белиза беспомощно покачала головой.

— Не знаю,— проговорила она.— У меня нет ни денег, ни друзей, а зарабатывать на жизнь я не обучена... Может, и зря какая-нибудь из этих стрел меня не достала!..

— Не говори так, госпожа! — взмолилась преданная маленькая служанка.— Я буду работать и прокормлю нас обеих!..

Конан пошарил у пояса и вытащил небольшой кожаный мешочек.

— До сокровищ Татмекри,— проворчал он,— я не добрался. Но в сундуке, где я откопал себе одежонку, нашлось несколько побрякушек...— И киммериец высыпал себе на ладонь пригоршню пламенеющих рубинов.— Тут на самом деле целое состояние!

Страхнул камни обратно в мешочек и сунул его в руки Белизе.

— Но я не могу их принять, потому что...— начала было она.

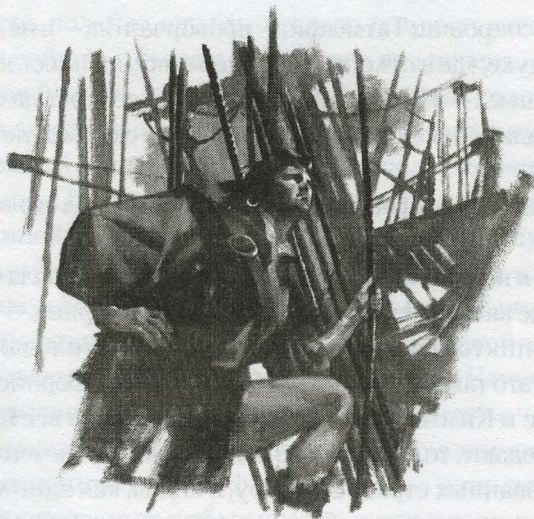
— Еще как можешь,— отмахнулся киммериец.— Не затем я тебя от пиктов спасал, чтобы ты в Зингаре голодала. Я ведь знаю, что это такое — оказаться без гроша в хайборийской стране... У нас в Киммерии тоже бывает недород и все прочее, но люди голодают, только если во всех уделах уже нечего есть! А в цивилизованных странах — тьфу, я видел, как одни мучились брюхом от ненасытного обжорства, тогда как другие помирали от истощения. Представь, падали и ноги протягивали прямо под стенами лавок и амбаров, ломившихся от снеди!..

Мне тоже бывало нечего есть, но я всегда мечом мог взять что хотел! А ты?... Короче, бери эти рубины и не переживай ни о чем. Замок себе купишь, рабов, нарядные тряпки, что там еще... Тут небось и мужа сразу найдешь, ведь цивилизованные мужчины предпочитают состоятельных жен...

— Ну а ты? Что будет с тобой?

Конан усмехнулся и кивнул на «Кровавую руку», быстро подходившую к берегу.

— Мне, — сказал он, — нужно немного: корабль да команду! Корабль у меня будет прямо сейчас, а доберусь до Барахских островов — появится и команда. Ребята из Червонного Братства рады плавать со мной, потому что я всегда веду своих людей к богатой добыче. И как только благополучно ссажу вас с девочкой на берег где-нибудь в Зингаре, — уж я не разочарую своих молодцов! И не благодари меня, даже слушать не хочу! Что мне горстка каких-то камешков, когда передо мной все богатства южных морей — только бери!..

Людоеды Замбулы

1

БАРАБАНЫ В НОЧИ

— Опасность таится в доме Арама Бакша!..

Голос прокаркавшего это предупреждение так и дрожал от напряжения, тощие пальцы с черными ногтями возбужденно когтили могучую руку Конана. Это был жилистый, прокаленный солнцем мужчина с черной бородой венником и в оборванных одеждах кочевника; невеликий статью, рядом с гигантом-киммерийцем он смотрелся сущей дворняжкой. Они стояли на углу Базара Оружейников, а мимо них разноголосыми и пестрыми реками текли улицы города Замбулы — яркого, шумного, многоязычного.

Конан, как раз засмотревшийся было на проходившую девушку: алые губы, смелые глаза и юбка с высоким разрезом, то и дело открывавшая соблазнительную смуглую ножку, — неохотно оторвался от созерцания веселой красавицы и хмуро уставился сверху вниз на докучливого собеседника.

— Какая еще опасность? — спросил он недовольно.

Прежде чем отвечать, человек из пустыни опасливо оглянулся через плечо, затем проговорил, понизив голос:

— Откуда нам знать?.. Только заезжие путешественники действительно останавливались в доме Арама Бакша на ночлег — и кое-кого из них после этого никто больше не видел! Люди просто исчезали, и что с ними случалось — неведомо никому. Сам он клянется, будто они как ни в чем не бывало уезжали дальше с рассветом... Правда и то, что из его дома ни разу не пропадали жители города. А вот чужестранцы... Кстати, кое-кто утверждает, будто видел потом на базарах товары и вещи, несомненно им принадлежавшие. Если Арам не убивал своих постояльцев и не сбывал их имущество, то, спрашивается, каким образом оно могло угодить на прилавки?

— Ну, у меня особого имущества нет, не говоря уже о товарах, — проворчал киммериец, касаясь ладонью обтянутой шагреновой кожей рукояти меча, висевшего у него при бедре. — Я даже коня продал...

— Но со двора Арама Бакша исчезают не только зажиточные купцы! — торопливо уточнил зуагир. — Нет, у него останавливались и небогатые странники из пустыни, ведь Арам берет за ночлег заметно дешевле, чем другие кабатчики... И эти бедные люди тоже без вести пропадали! Однажды зуагирский вождь потерял таким образом своего сына. Он пожаловался сатрапу Джунгир Хану. Правитель города велел солдатам обыскать дом...

Конан продолжил с добродушной подначкой:

— И те нашли там подвал, набитый скелетами...

— Нет! В том-то и дело, что они совсем ничего не нашли! И несчастный вождь был с позором изгнан из города! Но... — Тут кочевник вплотную придвинулся к Конану, его трясло. — Знай же, что было обнаружено нечто другое... За окраиной города, там, где кончаются дома, есть пальмовая рощица... Так вот, там нашли яму, а в ней — кости! Человеческие кости, почерневшие от огня! И видно было, что костер горел там много-много раз...

— Ну и что из этого следует? — буркнул Конан.

— А то, что Арам Бакш — демон!.. Этот город выстроили стигийцы, управляют им гирканцы, здесь белые, желтые и черные люди собираются вместе, безбожно плодя ублюдков всяческих цветов и мастей... Быть может, в этом смешении не обошлось и без демонов? Почем знать, кто из этих прохожих — действительно человек, а кто — нечистый дух, похитивший человеческое обличье?.. Точно тебе говорю, Конан: Арам Бакш — демон, прикинувшийся человеком! Ночами он обретает свой истинный вид и уносит спящих в пустыню, где подобные ему собираются на дьявольскую пирушку!..

— Почему же, — спросил Конан недоверчиво, — он утаскивает только чужестранцев?

— Потому что, вздумай он покушаться на местных, горожане недолго стали бы его терпеть. А заезжие — да кому тут есть до них дело?.. Послушай меня, Конан, ты ведь родился на Западе, откуда тебе знать все тайны этой древней земли!.. Вот что я тебе скажу: с начала времен демоны пустыни поклонялись Йогу, Властелину Пустых Жилищ, и приносили ему человеческие жертвы, сжигая их на огне... Итак, я тебя предупредил! Много лун прожил ты в шатрах зуагиров, ты наш побратим... Не ходи к Араму Бакшу, не ходи к нему в дом!

— Прячься, быстро, — неожиданно перебил Конан. — Сюда стража идет! Попадешься им на глаза — кабы не вспомнили о лошади, пропавшей недавно из сатрапских конюшен...

Зуагир ахнул и мигом юркнул в неприметную щель между торговым ларьком и каменным водопоем для лошадей. Но прежде чем исчезнуть, шепнул еще раз:

— Я тебя предупредил, брат. В доме Арама Бакша водятся демоны! Демоны!..

И скрылся в узком загаженном переулке.

Конан же поправил пояс с мечом и весьма спокойно обменялся взглядами с городскими стражниками, шагавшими мимо. Надобно сказать, те смотрели на него любопытно и не без подозрительности, ибо Конан имел свойство выделяться в любой толпе, даже в том смешении языцев, что царило на улицах Замбулы. Синие глаза, черты лица, выдававшие далеко не мест-

ное происхождение... Не говоря уже о длинном прямом мече у бедра...

Как бы то ни было, стражники предпочли не задирать киммерийца. Они вразвалочку удалились по улице, и народ перед ними предусмотрительно расступался. Эти воины были из племени Пелиштима, приземистые, крючконосые, с иссиня-черными бородами, мотавшимися по кольчужным нагрудникам, — наемники, исполнявшие черную работу для туранцев-правителей... и от души ненавидимые всеми расами и племенами, обитавшими в Замбуле.

Конан оглянулся на солнце, как раз начинавшее соскальзывать за плоские крыши домов в западной стороне горизонта. И, подтянув пояс, зашагал в направлении таверны Арама Бакша.

У него была походка горца, размашистая и неутомимая. Он быстро двигался пестрым хитросплетением улиц, где драные рубища канючащих попрошайек, бывало, задевали подбитые горностаем полы халатов важных купцов и расшитые жемчугами атласные платья богатых куртизанок. Черные гиганты-рабы сутулились под тяжелой поклажей, азартно толкались синевородые пришельцы из городов Шема, проходили оборванные кочевники из близлежащих пустынь, встречались торговцы и искатели приключений из всех пределов Востока...

Что до местного населения — природные замбулийцы являли собой картину не менее разнообразную. История города началась много веков назад, когда сюда явилась стигийская армия, чтобы посреди пустыни положить начало империи. Замбула тогда была захудалым торговым поселением, окруженным вереницей зеленых оазисов, а населяли ее потомки кочевников. Стигийцы построили укрепления и остались жить, сопровождаемые невольниками из Шема и Куша. Вскоре через пустыню потянулись караваны, которые привезли с востока и запада бесчисленные богатства и... множество чужеплеменников. Далее с востока нагрянули туранские завоеватели. Они отодвинули границу Стигии прочь — и вот уже целое поколение город считался самой западной заставой Турана, и правил им туранский сатрап.

В ушах у киммерийца так и звенел разноязыкий говор. Он все пробирался запруженными улицами сквозь толпы, время от времени рассекаемые лишь отрядами всадников-туранцев — рослых и гибких, с темными ястребиными лицами. Звякали доспехи, мотались в ножнах изогнутые мечи... Народ спешил уступить им дорогу, ведь это ехали хозяева города. Лишь долговязые, угрюмые стигийцы нехорошо поглядывали на конных из тени под навесами: верно, вспоминали свою прежнюю славу. Остальным замбулийцам, в чьих жилах текла смесь всевозможных кровей, было в общем-то глубоко безразлично, где сидел повелевавший ими король — в мрачной Кемии или в блистательном Аграпуре. Они жили под рукой Джунгир Хана, а тот, как гласила молва, пребывал под каблуком своей возлюбленной по имени Нефертари, и горожанам этого было довольно. А впрочем, повседневная жизнь замбулийцев шла своим чередом вот уже много столетий. Кто бы ими ни правил, люди все так же выходили на улицы, чтобы торговать, спорить, жульничать в играх, пить в кабаках и предаваться любви, — с тех самых пор, как над песками Харамуна впервые поднялись башни и минареты Замбулы...

...Конану пришлось идти долго. Пока он добирался до заведения Арама Бакша, в городе успели зажечься бронзовые фонари, отлитые в виде оскаленных драконьих голов. Таверна оказалась крайним домом на улице, уводившей на запад. От прочих домов таверну отделял еще и сад, окруженный стеной, — там густо росли финиковые пальмы. Западнее гостиницы тоже виднелась рощица пальм, и сквозь нее тянулась улица, превращавшаяся в этом месте в дорогу. Напротив таверны, под сенью разросшихся деревьев, стояли необитаемые лачуги, служившие убежищем летучим мышам и шакалам... Подходя к своей цели, Конан мимолетно посмотрел на эти хижинки и удивился про себя, почему в брошенные дома не вселились нищие, которыми так изобиловала Замбула. Здесь было, кстати, и темно. Все фонари остались далеко за спиной, лишь один светил прямо над дверью.

Только звезды на небе, да мягкая дорожная пыль под ногами, да шорох пальмовых листьев на ветру, долетающем из пустыни...

Дверь Арамова заведения открывалась не на улицу, а в переулок между гостиницей и пальмовым садиком. Конан без лишней деликатности подергал веревку, свисавшую подле фонаря, и дополнил звяканье колокольчика гулким стуком эфеса по тиковым, окованным железом створкам. Наконец открылось крохотное окошечко, и киммериец увидел черную физиономию.

— Открывай, лежебока! — потребовал Конан. — Я постоялец! Я заплатил Араму за комнату, и, во имя Крома, я намерен ее получить!

Чернокожий вывернул шею, высматривая что-то на освещенной звездами дороге у Конана за спиной, но ворота распахнул беспрекословно, а когда киммериец вошел — снова запер их и заложил брусом. Стена, окружавшая двор, выглядела необычно высокой; что ж, ворья в Замбуле хватало, а дом у самого края пустыни мог подвергнуться еще и ночному налету кочевников. Конан прошел через садик, где ночной ветер покачивал головки громадных бледных цветов, и вступил в общую комнату. Там он увидел одинокого стигийца — судя по бритой голове, начинающего ученого, — который размышлял о чем-то, сидя в углу, и довольно сомнительную компанию, шумно резавшуюся в кости.

Навстречу позднему гостю вышел сам хозяин, Арам Бакш. Это был тучный мужчина с пышной черной бородой, разметавшейся по груди, торчащим крючковатым носом и маленькими бегающими глазками.

— Есть будешь? — спросил он. — Или, может быть, выпьешь?

— Я сыт, — буркнул Конан. — Зашел в *сук*, поел хлеба с говядиной... А вот от кружки газанского вина, пожалуй, не откажусь. Все равно у меня денег ни на что больше нет...

И он бросил на липкую от вина стойку последний медяк.

— Проигрался? — осведомился хозяин. — Не повезло?

— Когда в кармане всего-то горсть серебра, ждать обогащения трудно, — сказал киммериец. — Думаешь, почему я еще с утра тебе заплатил? Потому что знал, что, скорей всего, промоتاюсь, а кров над головой — дело вовсе не лишнее. Я смотрю,

у вас в Замбуле не принято на улицах ночевать... Самые последние бродяги и те ищут хоть какую-нибудь дыру, чтобы заползти туда и загородить вход! У вас тут что, какие-то особо кровожадные головорезы по ночам рыщут?

Он с наслаждением проглотил дешевое пойло, которое подал ему Арам, и отправился следом за хозяином в жилые комнаты.

У него за спиной игроки оставили кости, чтобы посмотреть Конану вслед, ни дать ни взять что-то обдумывая... Никто из них ничего не сказал, лишь стигиец вдруг рассмеялся. Жуткий это был смех, полный не вполне человеческой циничной насмешки... Остальные потупились, почему-то избегая смотреть один на другого. Известное дело: науки, которые изучают такие вот стигийские школяры, не слишком способствуют развитию обычных людских чувств, они нацелены на другое...

Конан прошел за Арамом по коридору, озаренному медными светильниками. От него не укрылось, что хозяин гостиницы шел вполне бесшумно. Это не слишком понравилось киммерийцу. Верно, Арам был обут в мягкие шлепанцы, на полу раскинулся толстый туранский ковер, но не в том дело. Конана раздражала некая хитроватость, явно свойственная замбулийцу. Они миновали длинный извилистый коридор, и Арам остановился у двери, запертой на тяжелую железную полосу, уложенную в мощные проушины. Подняв ее, Арам ввел Конана в неплохо обставленную комнату. Киммерийцу сразу бросилось в глаза, что окошки здесь были маленькие, а решетки в них — из толстых витых прутков, железных, хоть и не без изящества позолоченных. Ковры на полу, ложе по восточному образцу, резные деревянные табуреты... Снять за свои деньги подобный покой где-нибудь ближе к центру города Конан бы уж точно не смог. Собственно, это его сюда и привело, когда нынче утром он обнаружил, до какой степени опустошили его кошелек бесшабашные кутежи последних нескольких дней. Он приехал в Замбулу всего неделю назад — и вот результат!

Арам затеплил бронзовый светильник и указал Конану на две двери, обе — очень надежно запертые.

— Чувствуй себя в безопасности, киммериец,— подмигнул он, стоя на пороге.

Конан хмыкнул, вытащил из ножен меч и бросил его на кровать.

— Твои решетки и запоры хороши,— сказал он,— но я предпочитаю спать, положив под руку добрый клинок!

Арам не ответил. Он чуть-чуть задержался в дверях, поглаживая бороду и рассматривая внушительное боевое оружие. Потом молча удалился и прикрыл за собой дверь.

Задвинув тяжелый засов, Конан пересек комнату, открыл внешнюю дверь и выглянул наружу. Его комната была в западном крыле здания, она выходила как раз на дорогу, что вела в пустыню. Конан увидел за дверью небольшой дворик, окруженный отдельной стеной. Та ее часть, что отъединяла дворик от остальной территории таверны, выглядела сплошной и высокой; та же, что сообщалась с дорогой, была явно ниже, в ней имелись ворота, и на них Конан не заметил замков.

Киммериец постоял на пороге, отвернувшись от светильника и глядя туда, где дорога терялась среди густых пальм... Перистые листья шелестели на легком ночном ветру, а за рощицей раскинулась нагая пустыня. С противоположной стороны мерцали городские огни, слышался отдаленный уличный шум... Над головой Конана горели звезды, шептала листва, а за низкой стеной лежала дорожная пыль и торчали во тьме брошенные дома. И где-то за пальмами, с той стороны рощи, начал глухо бить барабан.

Вот когда Конан невольно припомнил туманные предупреждения зуагира... От них легко было отмахиваться солнечным днем, посреди людной улицы. Сейчас эти бредни показались киммерийцу куда более похожими на правду. Ко всему прочему, ему не давали покоя опустевшие лачуги напротив. Что за таинственная причина отбавляла от них нищих?..

Конан вернулся в комнату, закрыл дверь и вдвинул запор.

Светильник почти сразу начал мигать. Киммериец заглянул в него и ругнулся: пальмовое масло, которым была заправлена лампа, плескалось на самом дне. Он даже хотел заорать,

призывая нерадивого Арама, но потом махнул рукой и задул еле живой фитилек.

Оставшись в темноте, киммериец одетым вытянулся на постели, привычно найдя и стиснув ладонью рукоять длинного меча. Последний раз покосился на звезды, глядевшие в маленькое окно, прислушался к шепоту листьев — и погрузился в чуткий сон, сквозь который все наплывал негромкий бой далекого барабана. Барабана, обтянутого кожей, ритмично и глухо звучавшего под неторопливой черной рукой...

2

ПРЯЧУЩИЕСЯ В НОЧИ

Киммерийца разбудил звук тихо-тихо приоткрывшейся двери... Варвар проснулся — но не так, как какой-нибудь цивилизованный человек, который еще некоторое время валяется в полусне, с трудом продирая глаза и не особенно понимая, на каком свете находится. Конан пробудился сразу и полностью и столь же мгновенно распознал потревоживший его звук. Уже готовый к немедленному действию, он увидел, как начала медленно открываться внешняя дверь... Щель, сквозь которую виднелось звездное небо, постепенно расширялась, а потом звезды заслонила громадная черная тень. Покатые плечи, уродливая шишковатая голова...

Конан невольно ощутил пробежавший по спине холодок. Он ведь отлично помнил, как запирал эту самую дверь! Ну и каким, интересно, образом она теперь отворялась, если не при посредстве магической силы? И откуда у человеческого существа могла оказаться на плечах безобразная башка вроде той, что угадывалась в двери?... Киммериец разом припомнил все рассказы о проделках нечистой силы, которых успел наслушаться в зуагирских шатрах, и его пробило холодным потом.

И вот чудище неслышно проскользнуло вовнутрь. Оно двигалось на полусогнутых ногах, неуклюжей обезьяньей поход-

кой... И вдруг ноздрей киммерийца коснулся очень знакомый запах. Именно тот запах, что описывали ему зуагиры, по словам которых от нечисти еще и разило.

Незаметно и медленно Конан подобрал под себя ноги, удобнее передвинул меч... И когда он нанес удар, это был смертоносный удар тигра, охотящегося в ночи. Никакой демон не сумел бы опередить пружинно-стремительного броска... Клинок мелькнул и воткнулся в живую плоть, рассекая мышцы и кости. Раздался сдавленный вскрик, на пол тяжело рухнуло тело. Конан нагнулся над упавшим, держа в руке окровавленный меч... Дьявол, животное или человек — вторгшийся к нему совершенно точно был мертв. Конан это чувствовал, как чувствуют варвары и дикие звери... Потом киммериец выглянул во дворик сквозь полуоткрытую дверь. Там никого не было. Зато уличные ворота стояли распахнутые.

Конан прикрыл дверь, но не стал ее запирать. Пошарив в потьмах, он отыскал и зажег лампу. Масла в ней было мало, но на минуту-другую, уж верно, хватит! Не теряя времени даром, Конан склонился над телом, что распростерлось на полу в луже густеющей крови.

Это был чернокожий гигант, совсем обнаженный, если не считать набедренной повязки. В одной руке он еще сжимал сучковатую дубинку. Курчавые волосы были оттянуты во все стороны наподобие рожек и укреплены засохшей глиной. Вот, значит, отчего маячившая в дверях голова показалась Конану такой чудовищно безобразной! Начиная кое-что понимать, киммериец раздвинул толстые красные губы убитого — и хмыкнул, увидев, что зубы чернокожего были искусственно заострены.

Так вот куда таинственным образом пропадали из дома Арама Бакша несчастные чужестранцы... Вот что связывало черный барабан, гудевший за пальмовой рощей, и яму, полную обгорелых костей...

Человечина с тех костей была изжарена над костром, и звероподобные чернокожие утолили ею свой противоестествен-

ный голод. Лежавший на полу был рабом из племени людоедов, обитавшего в Дарфаре.

И таких, как он, в городе было полным-полно...

Нет, не то чтобы в Замбуле открыто приветствовали канныбализм. Однако теперь Конан понимал, почему горожане так прочно запирали на ночь свои жилища и даже бездомные нищие после наступления темноты избегали открытых улиц и руин, лишенных дверей. Конан содрогнулся от отвращения, ясно вообразив себе черные тени, крадущиеся в тишине ночных улиц... Они рыскали в поисках двуногих жертв, и такие, как Арам Бакш, услужливо открывали им двери.

Хозяин гостиницы не был демоном. Он был существенно хуже. Рабы-дарфарцы помимо людоедских наклонностей славились неистребимой тягой к воровству. Уж верно, Араму перепала «малая доля» от их бесчестной добычи...

И за это он с ними расплачивался человеческой плотью.

...Задув светильник, Конан снова открыл дверь и ощупал резные украшения на внешней стороне. Одно из них сдвинулось у него под рукой: оно и управляло засовом. Комната представляла собой ловушку для ничего не подозревающих странников. Только на сей раз в нее попался не беспомощный кролик, а саблезубый тигр.

Подойдя к двери, что вела в коридор, Конан отодвинул засов и попытался открыть ее. Ничего не получилось, и он вспомнил о железной полосе с другой стороны. Арам действовал наверняка, надежно отгораживаясь и от обреченных жертв, и от тех, кто за ними приходил. Никакие неожиданности ему были не нужны... Конан застегнул пояс с мечом и вышел во дворик, притворив за собой дверь. Он не видел никаких оснований откладывать окончательный расчет с хозяином этой таверны. Сколько бедолаг здесь оглушили во сне ударом дубинки и оттащили по пыльной дороге за рощу, к пиршественной яме? Пора было положить этому конец...

Во дворике киммериец помедлил. Барабан еще бормотал, и между стволами пальм нет-нет да и проникали багровые от-

светы. Конану было известно, что поедание человечины не просто удовлетворяло извращенные аппетиты черных дарфарцев, на нем не в последней степени зиждилась их темная вера...

Судя по всему, стервятники уже собрались на пирушку.

«Ну уж нет,— сказал себе Конан.— Меня вы на вертел не насадите!»

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему предстояло перелезть одну из внутренних стен. Их высота была предназначена защищать гостиницу от людоедов, но Конан был не каким-нибудь дарфарцем, выросшим среди болот, его мышцы еще в мальчишестве закалялись на отвесных обрывах и скалах суровой Киммерии... Он уже примеривался к стене, когда снаружи донеслось эхо отчаянного крика.

В следующий миг Конан уже стоял возле ворот и, прячась за створкой, вглядывался в уличные потемки. Крик донесся из глубокой тени, окутавшей лачуги на той стороне. Конан распознал сдавленное дыхание и безуспешную попытку закричать снова, как если бы чей-то рот зажимала широкая черная лапа... И наконец из темноты возникла тесная группа людей — трое здоровенных чернокожих тащили тоненькую, белую, извивающуюся фигурку. Киммерийцу хватило звездного света, чтобы различить светлую кожу, — особенно когда девушка каким-то судорожным усилием умудрилась вывернуться из неуклюжих лап похитителей и в чем мать родила бросилась по дороге назад к городу. Мгновением позже она свернула в темноту между домами. Преследователи неслись за ней по пятам. Вот все они исчезли во мраке, и вскоре оттуда вновь прозвучал крик невыносимой муки и ужаса...

Выведенный из себя этой откровенно зверской расправой, Конан кинулся через улицу.

Ни жертва, ни похитители не догадывались о его приближении, пока шуршание пыли под ногами варвара не заставило их обернуться, — и тут он налетел на них со всей свирепостью горного вихря. Двое чернокожих попытались было встретить его дубинками, но, как выяснилось, весьма недооценили ско-

рость, с которой он надвигался. Один, едва успев замахнуться, полетел наземь с выпущенными кишками. Крутанувшись, как кот, Конан увернулся от дубинки второго, меч варвара свистнул в мгновенном ударе наотмашь. Голова людоеда завертелась в воздухе, обезглавленное тело, шатаясь, прошло еще три шага, заливаясь кровью и жутко шаря в воздухе расставленными руками... И наконец обмякло и распростерлось в пыли.

Уцелевший дарфарец закричал и попятился. При этом он отшвырнул от себя жертву, та, споткнувшись, покатилась по земле, а чернокожий в нерассуждающем ужасе ринулся прочь, в сторону города. Конан не отставал... Страх придал людоеду проворства, но, когда они уже подбегали к ближним домам, он ощутил за спиной близкое дыхание смерти и заревел, точно бык на бойне.

— Ах ты, адская тварь... — Конан всадил меч между смуглых лопаток с такой мстительной силой, что половина клинка вышла наружу из груди. Чернокожий издал последний крик и повалился лицом вниз, невольно помогая киммерийцу высвободить меч.

Стало тихо, только шелестела под ветром листва... Конан тряхнул головой, точно лев гривой, и зарычал сквозь зубы. Сейчас он с удовольствием убил бы кого-нибудь еще, но никакие зловещие тени более не таились в потемках, и дорога под звездами оставалась пустой. Топоток за спиной заставил его стремительно обернуться, но это была всего лишь спасенная девушка. Бросившись к нему, она обхватила его руками за шею, сама не своя от пережитого ужаса.

— Тихо, тихо, милая, — проворчал он. — Все в порядке. Как это ты угодила им в лапы?

Она только всхлипывала, тщетно пытаясь выговорить нечто внятное, а Конан между тем, присмотревшись к спасенной, начал быстро забывать про Арама Бакиша и все с ним связанное. Девчонка была белокожей и черноволосой — явно дитя смешанной крови, как водилось в Замбуле. Рослая, гибкая, прекрасно сложенная... Звездный свет давал Конану отличную возможность должным образом оценить высокую грудь и строй-

ные ножки, норотившие подкоситься от изнеможения и страха. В свирепых синих глазах разгорелся огонек восхищения, Конан приобнял девушку за талию и попытался ободрить:

— Хватит трястись, малышка, больше тебя никто не обидит.

Прикосновение его крепкой руки подействовало успокаивающе. Девушка убрала с лица роскошные растрепавшиеся волосы и пугливо оглянулась через плечо, прижимаясь к киммерийцу в поисках утешения и защиты.

— Меня... меня схватили на улице, — кое-как выговорила она наконец. — Подкараулили... сидели в засаде... под темной аркой... такие черные, словно огромные хищные обезьяны!.. Помилуй меня, Сет, — думаю, долго они мне будут по ночам сниться...

— А что, собственно, ты в такой поздний час на улице делаешь? — поинтересовался Конан, думая больше о шелковистой коже под его осторожными пальцами.

Девушка провела ладонью по волосам и подняла на него недоумевающие глаза. Кажется, она и не замечала, чем там занята его рука.

— Мой любовник, — сказала она. — Мой любовник выгнал меня на улицу посреди ночи. Он сошел с ума и решил меня убить. Я убежала от него, и тогда меня схватило это зверье...

— Красотка вроде тебя запросто сведет кого угодно с ума, — заметил Конан, пропуская между пальцами блестящие локоны.

Девушка тряхнула головой, словно прогоняя дурной сон. Она более не дрожала, ее голос окреп.

— Меня едва не погубил гнев жреца... Тотразмек, высший жрец Ханумана, пожелал назвать меня своей... пес!

— Ну и стоит ли его за это ругать? — усмехнулся киммериец. — Я бы даже сказал, вкус у старой гиены отменный...

Она пропустила неуклюжий комплимент мимо ушей. Самообладание быстро к ней возвращалось.

— Мой любовник, он... это молодой старшина туранских солдат. Гневаясь на меня, Тотразмек опоил его отравой, помутившей рассудок. Когда несчастный схватил меч и попытался

меня зарубить, я выскочила на улицу. Чернокожие схватили меня и потащили в... Ой, что это?!

Но Конан не только успел услышать то же, что и она, он еще и начал действовать. Бесшумно, как тень, он скользнул вместе с девушкой за ближайшую лачугу, в тень разросшихся пальм. Там они и стояли в напряженном молчании, слушая, как делается громче насторожившее их бормотание. Вскоре сделались различимы отдельные голоса: по дороге со стороны города двигалась вереница примерно из десяти чернокожих. Девушка вцепилась в руку Конана и всем телом прижалась к нему, он почувствовал, что ее снова начало трясти.

Теперь гортанные голоса людоедов стали не только различимы, но и понятны.

— Наши братья уже собрались около ямы, — говорил один. — Нам нынче не повезло; одна надежда, что с нами поделятся...

— Арам обещал нам человека, — отозвался другой, и Конан вновь мысленно пообещал этому самому Араму кое-что весьма нехорошее.

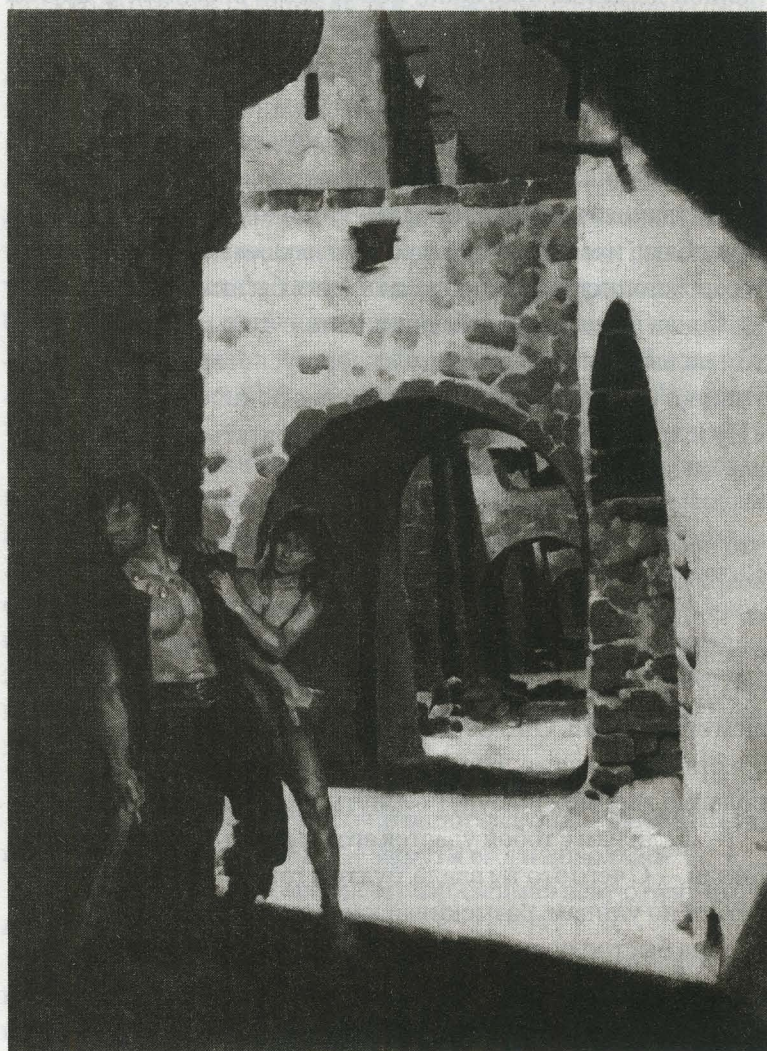
— Арам всегда держит слово, — подал голос третий. — Мы многих заполучили из его таверны... Что ж, мы хорошо ему платим! Я сам отнес ему десять штук шелка, которые утащил у хозяина... Клянусь Сетом — добрый был шелк!

Шаркая плоскими ступнями, дарфарцы миновали спрятавшихся, и их голоса постепенно стихли вдаль.

— Нам повезло! Трупы тех троих валяются не на виду, — проворчал Конан. — Если они вздумают проверить Арамову особую комнатку, они там еще одного собрата найдут... Пошли-ка отсюда!

— Да, да, пошли отсюда скорей! — взмолилась девушка. Кажется, она снова была недалеко от истерики. — Мой бедный возлюбленный где-то бродит по улицам совершенно один... Его тоже могут схватить!

— Ну тут у вас и обычаи, — буркнул Конан, ведя девушку к городу задворками, где было потемней. — Почему бы горожанам не взять да не прекратить эту чуму?

— Дарфарцы — ценные рабы,— ответила девушка.— К тому же их так много, что, если запретить им охоту за столь желанной добычей, восстание может стать опасным. С другой стороны, замбулийцам отлично известно, насколько опасны улицы ночью, и они стараются не покидать хорошо запертых домов... если только не происходит чего-нибудь неожиданно, вот как со мной сегодня. Чернокожим все равно, кого пожирать, но обычно им попадают только чужестранцы... а судьба чужестранцев жителей города не слишком волнует. Поэтому Арам Бакш и ему подобные продают людоедам только заезжих. С горожанином такое проделать Арам бы никогда не посмел!

Конан не нашел подобающих слов — только плюнул. А потом он вывел свою спутницу на дорогу, которая успела стать улицей. По сторонам тянулись дома с погашенными огнями. «Ну и хорошо,— подумалось ему.— Прятаться в потемках — как-то это не по мне...»

— Куда тебя проводить? — спросил он, отмечая про себя, что против его руки на своей талии девушка по-прежнему не возражала.

— Ко мне домой,— ответила она.— Я тотчас подниму слуг и велю им искать моего любовника. Я совсем не хочу, чтобы город... жрецы... чтобы вообще кто-нибудь проведал о постигшем его безумии. Он... Это молодой полководец, которого ждет блестящее будущее. Если нам с тобой удастся его отыскать, полагаю, ему можно будет вернуть здравый рассудок...

— Если нам с тобой удастся его отыскать? — переспросил Конан.— С чего это ты взяла, будто я готов ночь напролет носиться по улицам, разыскивая какого-то лунатика?

Она быстро подняла на него глаза — и верно истолковала огонек, горевший в синих глазах. Ясно было: он пойдет за ней, куда бы она его ни повела. Любая женщина угадывает это мгновенно. Но обязательно притворится, будто не поняла!

— Ну пожалуйста... — со слезами в голосе взмолилась она.— Мне больше не к кому обратиться за помощью... А ты был так добр ко мне...

— Ну ладно, — пробурчал он наконец. — Ладно, что с тобой делать! Как хоть его зовут, негодяя-то твоего?

— Его? Э-э-э... Алафдаль. А я — Забиби, танцовщица. Мне приходилось танцевать перед правителем города, сатрапом Джунгир Ханом, перед его возлюбленной Нефертари и всей высшей городской знатью. А потом меня возжелал Тотразмек... и сделал невинным орудием своей ненависти к Алафдалю. Дело в том, что я попросила у него любовное зелье... Могла ли я постигнуть всю бездну его низости и коварства! Он дал мне зелье и велел подлить его Алафдалю в вино, он клялся, что стоит Алафдалю выпить его, как он крепче прежнего полюбит меня и станет исполнять всякую мою прихоть... Я все сделала, как он мне сказал, но под действием напитка мой возлюбленный впал в безумие... Я уже рассказывала тебе... Проклятие Тотразмеку, этому поганому отродью змеи и... А-а-ах!

Она судорожно вцепилась в руку киммерийца. Оба остановились. Они как раз добрались до квартала лавочек и магазинов — час стоял очень поздний, нигде не горело ни огонька. Зато на выходе из одного переулка угадывался человеческий силуэт. Мужчина стоял молча и неподвижно, опустив голову, но Конан поймал немигающий взгляд исподлобья, и ему стало жутковато. Не то чтобы он испугался оружия в руках у безумца. Безумие имеет свойство внушать страх само по себе. Даже храбрейшим...

Он заслонил собой девушку и вытащил меч.

— Только не убивай его!.. — взмолилась она. — Во имя Сета, не убивай! Ты же сильный — скрути его, и довольно!

— Попробую, — отозвался варвар, сжимая левую руку в путовый кулак.

Стоило ему сделать шаг в направлении переулка, как тураец разразился жутким стонущим смехом и сам бросился на него. Он бешено размахивал мечом и подпрыгивал, всем телом вкладываясь в удары. Полетели синие искры — Конан парировал его выпады. Еще миг, и сумасшедший без чувств растянулся в пыли, сраженный, точно молнией, ударом страшного кулака.

Девушка тотчас бросилась к нему.

— Он не... Ты ведь его не...

Конан быстро перевернул поверженного и сноровисто ошупал.

— Я его не... — сообщил он девушке. — Кровь из носу течет, ну а чего ты хотела? Погоди немножко, очнется... Может, заодно и мозги встанут на место. Дай-ка на всякий случай я руки ему свяжу... вот так... его же поясом. Ладно, куда прикажешь тащить?

— Погоди! — Она присела на корточки подле мужчины, схватила и жадно ошупала его связанные руки. Мотнула головой — разочарованно и с недоумением... Потом снова подошла к гиганту-киммерийцу и положила ладошки на его могучую грудь. Ее глаза показались ему двумя влажными черными самоцветами.

— Ты ведь мужчина, ты воин! Помоги же мне! Тотразмек должен умереть! Убей его ради меня!

— Ага, сейчас, — проворчал Конан. — Чтобы туранцы меня за это повесили?

— Ни в коем случае! — Нежные руки, оказавшиеся неожиданно сильными, обвили его шею, он ощутил напряжение и трепет стройного тела. — Гирканцам не за что любить Тотразмека. Его и жрецы Сета боятся... Власть этого ублюдка держится на суеверии и страхе. Я вот молюсь Сету, туранцы почитают Эрлика, Тотразмек же приносит жертвы Хануману Проклятому! Туранская знать опасается его темного могущества, его власти над людьми смешанной крови... опасается и ненавидит! Даже Джунгир Хан и его возлюбленная Нефертари! Если убить его ночью в храме, я уверена, сделавшего это не будут очень уж усердно искать...

Конан спросил недоверчиво:

— А магия?

— Ты боец, — был ответ. — Рисковать жизнью для тебя не впервой!

Киммериец кивнул.

— Ну... За подходящую плату...

— Ты получишь награду! — выдохнула она, приподнимаясь на носках, чтобы заглянуть ему в глаза.

От близости ее влекущего тела у него пробежал по жилам огонь, аромат ее дыхания кружил голову... Конан уже заключил было красавицу в объятия, но девушка гибко ускользнула, предупредив:

— Сперва просьбу мою исполни.

Ему понадобилось усилие, чтобы выговорить:

— Назови цену!

— Подними моего любовника, — велела она, и Конан, нагнувшись, без натуги закинул рослого туранца себе на плечо.

В этот момент ему казалось, что он бы и дворец Джунгир Хана с такой же легкостью перевернул. Девушка между тем нашептывала бесчувственному какие-то ласковые слова и, судя по всему, не лицемерила. Она явно любила своего Алафдаля, любила искренне и преданно. Может, они с Конаном и придут к некоей деловой договоренности, но на ее отношение к Алафдалю это ни малейшим образом не повлияет... Женщины — практичный народ, куда практичней мужчин. Алафдаль никогда ни о чем не проведает, а стало быть, и не будет страдать...

— За мной!

И девушка устремилась по улице. Киммериец размеренным шагом поспевал следом, безвольное тело, обвисшее на плече, ничуть не отягощало его. Он еще успевал поглядывать по сторонам — не таятся ли там, в глубоких дверных арках, какие-нибудь нехорошие тени? Ничего подозрительного им, однако, не встретилось. Скорее всего, дарфарские людоеды уже собрались у костровой ямы...

Наконец девушка свернула в узкую боковую улочку и осторожно постучала в высокую дверь.

Почти тотчас же в верхней филенке двери открылось смотровое окошечко, мелькнула черная физиономия. Девушка приблизилась к окошку лицо, что-то зашептала... Было слышно, как отодвигался тяжелый засов, и дверь отворилась. Масляная лампа, горевшая позади, озарила фигуру чернокожего гиганта. Конан невольно напрягся, но только на миг. Этот слуга был не из

Дарфара. Нормальные зубы, коротко остриженное курчавое руно — Конан узнал облик племени вадаи.

По слову Забиби киммериец передал ему по-прежнему бесчувственного Алафдаля, и скоро юный полководец был бережно уложен на бархатный диван. Сознание не спешило возвращаться к нему. И то сказать, — удар, которым наградил его Конан, мог бы свалить с ног быка. Забиби склонилась над любимым, беспокойно сплетая и расплетая пальцы... Потом выпрямилась и поманила Конана за собой обратно наружу.

Дверь за их спинами закрылась, замки щелкнули... Закрылось смотровое окошечко, отсекая свет масляных ламп. Снова только звезды горели над головой. Забиби взяла Конана за руку, и от него не укрылось, что ее ладошка дрожала.

— Так ты не подведешь меня? — спросила она.

Конан тряхнул вороной гривой. Наверное, девушке он казался каменной глыбой, заслонявшей звездное небо.

— Тогда поспешим в храм Ханумана, — сказала она. — И да сжальтся над нашими душами боги!..

Двумя неслышными тенями заскользили они вдоль спящих городских улиц... Никто не произносил ни слова. Должно быть, девушка беспокоилась о возлюбленном и все представляла себе, как он лежит там без чувств в сиянии медных светильников; а может, в ужасе гадала о том, что могло ждать их впереди, в посещаемом нечистью святилище Ханумана. Мысли варвара были существенно приземленней. Он думал только о девушке, легко шагавшей с ним рядом. Одного запаха ее душистых волос с избытком хватало, чтобы сделать ее центром его размышлений и отогнать прочь все остальное!

Один раз впереди послышалось лязганье по камням подкованной обуви. Конан и девушка тотчас же укрылись в глубокой сумрачной дверной нише, пережидая, пока мимо них пройдут ночные дозорные-пелиштимцы. Воинов было десятка полтора, они шагали в плотном строю, держа копья наготове, и шедшие последними несли щиты за спиной — от предательского удара ножом сзади. Видно, даже им приходилось опасаться ночных охотников на людей!

Когда кланянье сандалий затихло в уличной дали, Конан с девушкой покинули свое укрытие и поспешили вперед. Еще немного, и они увидели перед собой приземистое здание с плоской крышей. Это и была их цель.

Храм Ханумана уединенно стоял посреди широкой площади. Сейчас эта площадь была тиха и безлюдна, лишь звезды смотрели на нее с небес. Святилище окружала мраморная стена, в которой как раз против входного портика зиял широкий разрыв. В проеме не было ни ворот, ни иного барьера.

— Стало быть, тут не отгораживаются от людоедов, — заметил Конан. — Как я погляжу, жрецы их не боятся!

Прижавшуюся к нему Забиби так и трясло.

— Людоеды сами боятся, — сказала девушка. — Все в Замбуле боятся Тотразмека. Даже Джунгир Хан с Нефертари... Идем же! Идем скорей, пока я остатков мужества не лишилась!..

Видно было, что она очень боялась, но не теряла решимости. Конан вытащил меч и первым двинулся ко входу. Он помнил веселенькие обычаи восточных жрецов и вполне представлял себе, что незваный гость, дерзнувший проникнуть среди ночи в храм Ханумана, в любой миг мог встретиться с каким угодно чудовищным ужасом. А стало быть, их с Забиби шансы выбраться отсюда живыми были не особенно велики. И все же он шел вперед. Сколько раз прежде он рисковал жизнью? Подумаешь, еще раз...

Они вошли во внутренний двор. Беломраморные плиты мостовой чуть заметно мерцали под звездами. Широкие мраморные ступени вели наверх, к колоннаде портика. Громадные бронзовые двери стояли распахнутыми — их не запирали вот уже много столетий. Вот только сейчас никто не молился внутри, не воскурял благовоний. В дневное время мужчины и женщины еще отваживались робко заходить сюда, чтобы возложить свои приношения на черный алтарь обезьяньего бога. Но вот ночью... Ночью местные жители далеко обходили храм Ханумана, как зайцы — логово хищной змеи!

Бронзовые курильницы распространяли внутри храма мягкий и таинственный свет. У тыльной стены, за черным камен-

ным алтарем, сидел истукан Ханумана. Его взгляд был направлен на входную дверь, сквозь которую много веков подряд входили его жертвы — их втаскивали сюда на увитых розами цепях. От самого порога к алтарю тянулась по каменному полу длинная, еле заметная канавка... Ощутив ее под ногой, Конан резко прынул в сторону, ни дать ни взять наступив на змею. Углубление в полу было вытерто бесчисленными ногами тех, чьи судьбы завершились в мучениях на том страшном алтаре...

Неверный свет заставлял резную маску Ханумана кривиться в звериной усмешке. Идол сидел не по-обезьяньи, а подобно человеку — скрестив ноги, вот только сходства с человеком ему это не прибавляло. Он был изваян из черного мрамора, в глазах пламенели рубины — казалось, это рдели угли адских жаровен. Огромные лапы истукана лежали на коленях, ладонями вверх, растопыренные когтистые пальцы, казалось, готовились хватать и терзать. Ухмыляющаяся рожа, преувеличенные признаки пола — все отражало чудовищный цинизм извращенного, упадочнического темного культа.

Девушка обошла изваяние, направляясь к дальней стене. Нечаянно задев боком выставленное каменное колено, она содрогнулась и отскочила, словно ядовитая рептилия коснулась ее. Широкую спину идола отделяло от мраморной стены с вырезанными на ней золотыми листьями расстояние в несколько футов. За его левым и правым плечами виднелось по двери. Обе — из слоновой кости, перекрытые золотыми арками.

— Эти двери,— торопливо объяснила девушка,— ведут в два конца подковообразного коридора. Видишь ли, однажды я побывала внутри храма...— Судя по тому, какая дрожь потрясла ее тело, воспоминания были и жуткими, и непристойными.— В вершине «подковы» находится вход в покои Тот-размека. Но где-то тут, в этой стене, есть еще тайная дверь, позволяющая проникнуть во внутренние помещения...

Ее пальцы проворно забегали по гладкой поверхности, на которой нельзя было различить ни щели, ни трещинки. Конан с мечом в руке стоял рядом и настороженно озирался. Тишина

пустого храма давила на него, воображение в ярких красках рисовало все то, что могло ждать их за стеной... Конан чувствовал себя диким зверем, изготовившимся сунуть нос в ловушку...

— Ага!.. — Девушка наконец-то нащупала тайную пружину, и в стене разверзся черный прямоугольный провал. Но буквально тут же раздался отчаянный визг: — Сет!!!

Конан мгновенно рванулся на выручку... И увидел, что его спутницу сгребла за волосы громадная уродливая лапа. Девушку, сбитую с ног, уже утаскивали в темноту. Конан хотел перехватить ее, но не успел. Его пальцы лишь скользнули по гладкой девичьей коже. Забиби исчезла в отверстии, и потайная дверь мгновенно захлопнулась. Стена снова казалась сплошной.

Лишь откуда-то из ее недр донесся приглушенный шум короткой борьбы, потом женский вопль... И наконец — смешок, негромкий, но такой, что у Конана кровь в жилах заледенела.

3

ХВАТКА ЧЕРНЫХ РУК

Вырутавшись, киммериец так шарахнул по стене эфесом меча, что мрамор потрескался и раскрошился. Однако тайная дверь не поддалась; здравый смысл подсказывал, что ее, верно, успели накрепко запереть с той стороны. Повернувшись, он без промедления устремился к одной из двух дверей под золотыми арками.

Он хотел было уже разнести створку мечом, но в последний миг передумал и решил попробовать просто рукой. К его удивлению, дверь легко подалась, отойдя внутрь, и горящему взгляду Конана предстал длинный коридор, таявший в отдалении в неверном мерцании таких же курильниц, что и в самом храме.

На дверном косяке виднелся тяжелый золотой засов. Конан легонько пробежался по нему кончиками пальцев... и почувствовал легкое, едва уловимое тепло. Чтобы ощутить его, надо было иметь органы чувств столь же тонкие, как у дикого зверя.

Конан понял, что к засову прикасались — открыли его — буквально секунды назад. Итак, дельце, в которое он по глупости впутался, все больше приобретало черты ловушки, только теперь в ней появилась еще и приманка. Уж верно, от Тотразмека не укрылось постороннее проникновение в его храм, и жрец принял меры...

Было вполне очевидно: войти в коридор значило шагнуть напрямик в капкан. Однако Конан медлить не стал. Где-то там, в скудно освещенных покоех, удерживали Забиби, и если известное Конану о жрецах Ханумана было правдой хоть наполовину — девушку следовало выручать, и чем скорее, тем лучше. Конан вошел в коридор, осторожный, точно пантера на охоте, с мечом наголо, готовый мгновенно разить хоть вправо, хоть влево.

По левую руку от него в коридор выходила вереница все таких же дверей из слоновой кости; Конан перепробовал все по очереди — заперто. Он прошел футов семьдесят пять, когда коридор резко ушел влево, — похоже, Забиби не ошиблась, описывая его форму как подковообразную. Внутри изгиба тоже обнаружила дверь, и она подалась под его рукой.

Перед киммерийцем был просторный квадратный чертог, освещенный несколько лучше, чем коридор. Стены — белый мрамор, пол — слоновая кость, потолок — фигурное серебро. Роскошные атласные диваны, костяные табуреточки для ног, овальный стол, тяжелый на вид, из не вполне понятного материала, смахивающего на металл. На одном из диванов, откинувшись на подушки, полулежал человек. Он смотрел прямо на дверь и, перехватив изумленный взгляд Конана, рассмеялся.

Он был почти наг, если не считать набедренной повязки и высоко зашнурованных сандалий. Коричневая кожа, коротко стриженные черные волосы, живые черные глаза на широкой самоуверенной физиономии... В груди и в поясе человек был поистине необъятен, мышцы на руках и ногах так и играли. Ладони же... нет, таких широченных ладоней Конан точно никогда в жизни не видел. Сидевший на диване явно обладал

чудовищной физической силой, и она удивительным образом являла себя в каждом самомалейшем движении.

— Заходи, варвар, не стесняйся,— насмешливо проговорил силач, сопроводив свои слова преувеличенным жестом гостеприимства. В глазах Конана затлели опасные огоньки, но все же он шагнул через порог, держа меч наготове.

— Сам ты кто такой? — поинтересовался он неприветливо.

— Я — Баал-птеор,— был ответ. — Некогда, очень давно и в другой стране, меня звали по-другому, но не в том суть... Баал-птеор — хорошее имя, а почему Тотразмек дал его мне, тебе может объяснить любая храмовая блудница...

— Ага, так ты его пес,— проворчал Конан. — Ладно, Баал-птеор, или как тебя там, чтоб с тебя слезла твоя смуглая шкура! Где девушка, которую вы утащили в тайную дверь?

— Мой хозяин следит, чтобы она не скучала,— рассмеялся человек на диване. — Прислушайся!

Из-за двери напротив той, в которую вошел Конан, раздался девичий вопль, заглушенный расстоянием и стенами.

— Да чтоб ты сдох,— вырвалось у Конана.

Он уже сделал шаг вперед, но тотчас обернулся, а всю кожу изнутри словно закололи иголки. Баал-птеор смеялся. И такая угроза слышалась в его смехе, что волосы на шее у Конана попытались подняться дыбом, словно щетина, а глаза начала застилать кровавая пелена, сулившая смертоубийство.

Он двинулся к Баал-птеору, так стиснув меч, что побелели костяшки... И тут супостат что-то метнул в него очень быстрым движением. Неверный свет отразился в хрустальном шаре, взвившемся в воздух...

Конан инстинктивно шарахнулся, уворачиваясь, но шар чудесным образом остановился и повис в воздухе в нескольких футах от его лица. Он не упал на пол — так, словно невидимые нити подвешивали его к потолку. Пока киммериец соображал, что к чему, шар начал вертеться со все возрастающей скоростью. Вращаясь, он еще и рос, пока не заполнил всю комнату и не поглотил самого Конана. Не стало видно ни мебели, ни стен,

ни улыбающейся коричневой рожи Баал-птеора. Конан затерялся в синеватом, бешено несшемся вихре. Невероятные ветры со свистом мчались мимо него, силились подхватить, оторвать от пола и унести... прямо в крутящуюся воронку...

Издав придушенный крик, Конан что было силы рванулся назад, чуть не потерял равновесие, но потом ударился спиной о твердую стену. От удара иллюзия рассеялась без следа. Пропала титаническая сфера, исчезла втягивающая воронка. Все лопнуло, точно мыльный пузырь. Конан по-прежнему стоял в комнате под серебряным потолком, лишь у ног перетекал серый туман да на диване корчился от беззвучного смеха Баал-птеор.

— Ах ты, сын шлюхи...— Конан перехватил меч и бросился на врага, но туман взвился между ними непроницаемой завесой. Пока киммериец пытался ощупью добраться до противника, его постигло непостижимое чувство перемещения... а потом исчезло сразу все: и комната, и туман, и Баал-птеор. Конан стоял в полном одиночестве среди топкого болота, в зарослях тростника, а на него, грозно опустив голову, несся буйвол. Варвар увернулся от острых рогов, изогнутых, как ятаганы, и всадил меч буйволу под лопатку. Клинок прошел между ребрами, поразив сердце... И Конан увидел, что не бык умирает перед ним в болотной жиже, а темнокожий Баал-птеор. С проклятием Конан снес ему голову, и отсеченная голова... внезапно взлетела, чтобы вцепиться звериными клыками ему в горло. При всей своей силе, Конан оказался неспособен оторвать ее от себя. Он задыхался... он совсем не мог дышать... а потом все кругом понеслось неизвестно куда и с чудовищным толчком встало на место. Конан опять оказался все в той же комнате и увидел Баал-птеора, изнемогавшего на диване от смеха. И голова силача по-прежнему благополучно сидела у него на плечах.

— А наловчился ты глаза отводить...— пробормотал Конан, пригибаясь и сясь вцепиться в твердый мрамор пальцами ног.

Его глаза горели убийственной яростью. Скотина Баал-птеор играл с ним, выставлял его на посмеище! Все его колдовство по сути было детской игрой с туманами и тенями сознания, оно не могло причинить вреда. Один прыжок вперед, один удар доброго меча — и приспешник темного культа окровавленным трупом свалится к его ногам. «Ну уж на сей раз ты меня никакими иллюзиями не проведешь...»

Конан ошибался. Позади прозвучал жуткий рык, и киммериец, вертанувшись, ударом меча встретил пантеру, прыгнувшую на него с овального стола. В тот же миг видение исчезло, а клинок с оглушительным звоном обрушился на столешницу, сделанную из неведомого материала... Конан сразу почуял неладное, и точно. Лезвие намертво прилипло к столу! Он яростно дернул — без толку. И это был уже не отвод глаз. Стол представлял собой гигантский магнит! Конан обеими руками схватился за рукоять... когда голос за плечом заставил его оглянуться, и он увидел, что Баал-птеор наконец покинул диван.

Он несколько превосходил киммерийца ростом и был гораздо тяжелее. Выпрямившись, он навис над Конаном — такая живая гора непомерно развитых мышц. Могучие руки обладали удивительной длиной, огромные ладони то расправлялись, то сжимались в кулаки... Конан оставил бесполезные попытки освободить плененный меч и, прищурившись, стал наблюдать за приближением исполина.

— Я сейчас тебе голову откручу, киммериец, — насмешливо сулил между тем Баал-птеор. — Я голыми руками тебе шею сверну, точно цыпленку. Так сыны Козалы приносят жертвы Яджуру! Варвар, ты видишь перед собой Душителя Йота-понга! Еще во младенчестве я был избран жрецами Яджура и провел все детство и юность, совершенствуясь в искусстве удушения голыми руками, ибо только так у нас приносятся жертвы. Яджур любит кровь, и мы не растрачиваем впустую ни капли у жертвы из жил! Когда я был ребенком, мне давали душить младенцев, подростком я лишал жизни маленьких девочек, когда же стал юношей, мне доверяли женщин, стариков и маль-

чишек. И лишь когда я вполне возмужал, мне позволили удавить на алтаре Йота-понга взрослого мужчину.

— Многие годы я приносил жертвы Яджуру... Сотни шей хрустнули вот под этими пальцами! — И Баал-птеор пошевелил ими у Конана перед глазами. — А почему я бежал из Йота-понга и стал служить Тотразмеку, тебя не касается. Еще миг, и тебе станет не до любопытства... Жрецы Козалы, Душителы Яджура, непредставимо могучи, но даже среди них не было равного мне по силе! Готовься, варвар, сейчас я тебе шею сломаю!..

Его руки метнулись вперед, точно две кобры, и сомкнулись у Конана на горле. Киммериец даже не попытался увернуться, не попробовал их разжать... Нет! Он сам стиснул пальцами бычью шею козаланца!

Глаза Баал-птеора округлились от изумления. Сколько шей перебивало в его руках, однако таких жилистых мышц, как те, что защищали горло киммерийца, осязать ему еще не приходилось! Зарывав, он пустил в ход всю свою поистине сверхчеловеческую мощь, так что мышцы чудовищными буграми вздулись на его длинных руках... Но вот у него самого вырвался судорожный вздох — это пальцы Конана нащупали его глотку!

На какое-то мгновение противники замерли, точно две статуи, с лицами, искаженными страшным напряжением, синие жилы вздулись на висках у обоих... Конан, ощерив зубы, рычал по-звериному. У Баал-птеора глаза лезли из орбит, удивление в них постепенно сменялось начатками испуга.

Это была сила против силы. Коса нашла на камень! Совокупная мощь двух исполинов могла бы выворачивать с корнями деревья, сокрушать черепа быкам. Обычному человеку такой поединок трудно даже представить...

Дыхание начало со свистом вырываться изо рта Баал-птеора, его лицо медленно, но верно синело, во взгляде стоял открытый страх. Мускулы Душителя от напряжения были готовы сорваться с костей, но сплющить Конану шею по-прежнему не удавалось. Под его руками были какие-то железные канаты,

а не смертная плоть!.. Зато пальцы Конана все глубже вминались в его собственные шейные мышцы, и те мало-помалу уступали нажиму, сдавливая сонную артерию и гортань...

Каменная неподвижность «скульптурной группы» внезапно сменилась лихорадочным движением. Козаланец забился, пытаясь отклониться назад. Выпустив горло Конана, он принялся отдирать от себя его руки...

Неожиданно подавшись вперед, киммериец начал теснить Душителя, пока тот не уперся поясницей в магнитный стол. А Конан все давил и давил, заставляя Баал-птеора выгибаться назад, так что вскоре хребет жреца был готов затрещать.

Вот тогда Конан рассмеялся, и в негромком смехе прозвучал безжалостный звон стали.

— Дурак, — прошептал он. — Не видал ты, похоже, до сих пор ни одного жителя Запада! Ты сворачивал шеи цивилизованным людям, несчастным слабакам с киселем вместо мышц, и считал себя силачом? Ха!.. Ты попробуй-ка придуши для начала дикого киммерийского быка, тогда и поговорим... Я сделал это, еще не вступив в возраст мужества, — вот так!..

И яростным усилием он принялся выворачивать Баал-птеору шею, пока искаженное ужасом лицо не склонилось над левым плечом, а позвоночник не лопнул, точно подгнившая ветка.

Отшвырнув бездыханное тело, Конан снова повернулся к удерживаемому магнитом мечу. Двумя руками взялся за рукоять, расставил ноги крепче... По его груди текла кровь — ногти Баал-птеора расцарапали-таки ему шею. Он тяжело переводил дух, черная грива слиплась от пота. И хоть он на словах и посмеялся над силой жреца, в действительности пришлось ему нелегко. Сверхчеловеческая мощь козаланца оказалась почти равна его собственной.

Впрочем, размышлять об этом ему было некогда. Не дав себе даже как следует отдышаться, Конан вложил все силы в один могучий рывок, оторвав наконец меч от стола. Еще миг — и, толкнув дверь, из-за которой некоторое время назад донесся крик Забиби, Конан увидел перед собой еще один коридор,

длинный, прямой, с множеством дверей по сторонам. Дальний конец коридора был перекрыт тяжелым бархатным занавесом, а из-за него доносились звуки поистине самой дьявольской музыки, какую Конан когда-либо слышал... Да нет, подобное ему и в самом страшном сне ни разу не снилось! У него опять волосы зашевелились — и не в последнюю очередь оттого, что к жуткой мелодии примешивались задыхающиеся, стонущие женские всхлипы.

Держа верный клинок наготове, Конан скользнул за порог...

4

УДАР СКВОЗЬ ЗАВЕСУ

...Когда спутницу киммерийца схватили за волосы и уволокли в потайную дверь, открывшуюся позади идола, она едва успела только смутно подумать: «Вот оно. Настал мой смертный час...»

Инстинктивно зажмурившись, Забиби стала ждать удара... Однако вместо этого ее бесцеремонно швырнули на мраморный пол. Ахнув от боли в ушибленных коленках и бедре, девушка открыла глаза и испуганно огляделась. Сквозь сомкнувшуюся стену глухо донесся тяжелый удар — это Конан тщетно пытался сокрушить дверь. Над собою же Забиби увидела смуглокожего великана в набедренной повязке, а по другую сторону комнаты, в которой она оказалась, на диване сидел еще один человек. Он сидел, обратившись спиной к плотному занавесу из черного бархата. Это был мясистый толстяк с белыми пухлыми ручками и глазами змеи.

Забиви стало непередаваемо жутко. Перед нею был не кто иной, как сам Тотразмек, жрец Ханумана, много лет оплетававший Замбулу липкой паутиной интриг...

— Варвар силится проломить стену, — язвительно усмехнулся Тотразмек. — Ничего! Запор выдержит...

Девушка оглянулась. С этой стороны толстый золотой засов был виден очень хорошо. И сам запор, и его крепления явно были предназначены устоять, даже навались на них слон.

— Иди открой ему одну из тех дверей, Баал-птеор, — велел Тотразмек. — А когда он войдет — убей его в квадратном покое в конце коридора.

Козаланец ответил «салаам» и вышел сквозь боковую дверь комнаты. Забиви поднялась... Она с ужасом смотрела на жреца, а тот плотоядным взглядом окидывал ее великолепное тело. Не то чтобы его похотливое внимание так уж беспокоило ее: замбулийским танцовщицам не привыкать было плясать обнаженными... Но вот лютая жестокость, светившаяся в глазах жреца, вгоняла Забиви в дрожь!

— И вновь я вижу тебя в моем скромном убежище, о прекрасная, — промурлыкал он с лицемерным восторгом. — Сколь неожиданная и приятная честь!.. Признаться, прошлый раз ты была не в восторге от своего посещения, так что я и не надеялся на повторение... Впрочем, я постарался сделать все от меня зависящее, дабы ты приобрела новый и... э-э-э... волнующий опыт!

Стыдливый румянец для танцовщицы из Замбулы — дело решительно невозможное, и поэтому Забиви не покраснела. К смертельному ужасу, тлевшему в ее расширенных зрачках, примешался огонек гнева.

— Жирный боров! — вырвалось у нее. — Ты прекрасно знаешь, что я пришла сюда не ради твоей любви...

— О, на сей счет заблуждений у меня нет, — рассмеялся жрец. — Я знаю: ты по наивности вздумала прокрасться сюда среди ночи, взяв с собой тупого здоровенного варвара в надежде перерезать мне горло. Чем же я тебе так помешал?

— Ты знаешь чем! — выкрикнула она, понимая, что скрытность ей навряд ли поможет.

— А-а, так дело в твоём возлюбленном, — продолжал посмеиваться Тотразмек. — Теперь я вижу, что он вправду выхлебал питье, которым я тебя снабдил. погоди, но не сама ли ты ко мне за ним обратилась? И я снабдил тебя заказанным зельем, ибо ты мне так дорога...

— Я всего лишь просила дать мне средство, которое на несколько часов погрузило бы его в мирный спокойный сон, — с горечью проговорила она. — А ты... твой гонец принес отраву, от которой он утратил рассудок! Будь проклята моя доверчивость!.. Я, дура, должна была давно догадаться, что все твои дружеские заверения суть бессердечная ложь, скрывавшая бездну ненависти и зла...

— А на что, интересно, тебе понадобилось усыплять своего сердечного друга? — парировал жрец. — Не затем ли, чтобы позаимствовать у него единственную вещь, которую он тебе никогда бы не отдал по доброй воле... Верно ведь? Ты хотела заполучить перстень с драгоценным камнем, который люди зовут Звездой Хоралы. Когда-то Звезду украли у королевы Офира, и я слышал, что прежняя хозяйка колечка готова заплатить целую комнату золота тому, кто его вернет. Этот перстень наделен магией и при умелом использовании способен навеки поработать сердца противоположного пола. Поэтому твой любовник и не хотел тебе его отдавать. Ты же пыталась стащить Звезду из опаски, что его колдуны подберут ключик к ее магии и твой возлюбленный пустится завоевывать окрестных королей, а тебя позабудет. Ты предполагала отдать камень за выкуп правительнице Офира, которая понимает свойства Звезды и стала бы с ее помощью привязывать к себе мужчин, как делала до покражи...

— Ну а тебе она зачем? — спросила Забиби мрачно.

— О, я-то легко найду со Звездой общий язык. Я стану изменять ее для усиления своих чар...

— Что ж, — сквозь зубы выдавила Забиби, — ты ее получил...

— Я? Звезду Хоралы? Ошибаешься. У меня ее нет.

— Зачем лгать? — с горечью отозвалась девушка. — Когда действовало питье и я выбежала на улицу, спасаясь от смерти, кольцо было при нем. А когда я вновь его разыскала — Звезды не было. Уж верно, твой слуга следил за домом и после моего бегства забрал у него перстень... А впрочем, плевать на Звезду! Я хочу своего возлюбленного назад — живым и здоровым! Ты получил кольцо и довольно поиздевался над нами обоими... Почему бы тебе не вернуть ему разум? Или ты не можешь этого сделать?

— Отчего же, могу, — явно наслаждаясь ее горем, отвечивал Тотразмек. Сунув руку в складки одежд, он вытащил небольшой пузырек. — Вот, здесь сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, он станет прежним. Я, видишь ли, не злопамятен... Сколько раз вы оба совали мне палки в колеса! Сколько планов разрушили!.. И все же я милосерден. Иди сюда, прими из моей руки этот фиал...

Некоторое время Забиби лишь молча смотрела на Тотразмека, разрываясь между желанием немедленно схватить заветную склянку — и опасением, что слугитель Ханумана лишь затевал очередную жестокую шутку... Потом она робко приблизилась и потянулась за пузырьком... Жрец с бессердечным смешком отдернул руку с фиалом. Забиби уже открывала рот для проклятия, когда некий инстинкт предостерег ее, и она вскинула глаза.

С потолка прямо на нее падали четыре сосуда цвета нефрита.

Забиби шарахнулась прочь, и сосуды разбились об пол у ее ног — со всех четырех сторон. Вот тут она завизжала — и продолжала визжать, пока хватало дыхания. Из каждой кучки осколков высунулось по кобре. Первая же тварь немедленно раздула капюшон и метнулась к ее голой ноге. Судорожный прыжок — и увернувшаяся девушка едва не угодила в зубы к другой змее. Снова бросок разинутой пасти, снова Забиби едва успела избегнуть ядовитых клыков...

Она попала в ловушку. Змеи раскачивались и шипели, пытаясь достать то лодыжку, то икру, то бедро, то колено, — смотря какая часть нежного девичьего тела им подворачивалась, а перепрыгнуть их и вырваться из кольца Забиби не могла. Ей оставалось только вертеться, прыгать и выгибаться, и каждое движение, спасавшее ее от зубов одной змеи, позволяло дотянуться до нее другой, так что единственным спасением оставалась скорость. Забиби металась в узком квадрате, где смерть грозила ей со всех четырех сторон. Лишь замбулийская танцовщица была способна здесь выжить, но как долго она продержится?..

Она двигалась так быстро, что едва успевал уследить глаз. Змеиные головы промахивались всего на волосок, однако все же промахивались. Легкие ножки, верный глаз, гибкие руки — против хищной стремительности свирепых чешуйчатых тварей, которых ее недруг создал своим волшебством прямо из воздуха...

Потом где-то зародилась музыка, к шипению змей примешалась высокая стонущая нота. Так недобрый ночной ветер мог бы посвистывать в пустых глазницах черепа. Вскоре несчастная Забиби поняла, что движения змей подчинялись ритму этого странного и жуткого пения — и волей-неволей в том же ритме пошла и ее смертельная пляска. О-о, что это был за танец!.. Змеи заставляли ее выделять коленца, по сравнению с которыми самая разнузданная заморийская тарантелла показалась бы образцом чопорной сдержанности. Едва не сходя с ума от дурнотного ужаса и стыда, Забиби расслышала смех своего мучителя, полный безжалостного веселья.

— Это Танец Кобр, радость моя! — самодовольно пояснил Тотразмек. — Много столетий назад его плясали девственницы, приносимые в жертву Хануману. Им, правда, недоставало твоей гибкости и красоты, так что танцуй, моя девочка, танцуй!.. Посмотрим, долго ли ты сможешь уворачиваться от клыков Ядовитого Народца! Несколько минут? А может, несколько часов?.. Рано или поздно ты устанешь. Твои проворные ножки

начнут запинаться, колени задрожат, а бедра уже не смогут так проворно вертеться... Тогда-то ядовитые зубы и начнут раз за разом вонзаться в эту нежную белую плоть...

Надо полагать, он с удовольствием поговорил бы еще, но тут занавес у него за спиной дрогнул, словно подхваченный внезапным порывом ветра, и Тотразмек пронзительно завопил. Вытаращив глаза, он хватался пухлыми ручками за длинный стальной клинок, неожиданно выскочивший у него из груди.

Музыка мгновенно умолкла. Потеряв ритм, девушка пошатнулась и тоже закричала, с ужасом ожидая, что вот сейчас на нее со всех четырех сторон накинутся змеи... Но нет — с пола взвились лишь четыре струйки безобидного синеватого дыма. А Тотразмек лицом вперед завалился с дивана и остался лежать.

Конан отдернул занавес и шагнул в комнату, вытирая о черный бархат свой меч. Он видел сквозь шелку, как бедная девушка отчаянно вертелась между четырьмя дымками, но догадался, что ей они казались чем-то совершенно другим. И еще он знал, что мгновение назад убил Тотразмека.

Забиби осела на пол, судорожно дыша. Конан хотел было ее подхватить, но она встала сама — хоть ноги у нее и подгибались.

— Фиал! — еле выговорила она. — Фиал!..

Тотразмек еще сжимал в немеющей ладони драгоценную скляночку. Забиби мигом выхватила ее — и принялась лихорадочно обшаривать одежды жреца.

— Что ты там ищешь? — спросил киммериец.

— Кольцо... Он украл у Алафдаля дорогой перстень... Украл, пока тот без памяти скитался по улицам... О, дьяволы Сета!..

С сожалением убедившись, что у жреца не было при себе Звезды, Забиби принялась обыскивать комнату, отдирая обшивку диванов, разбивая и переворачивая посуду...

Вот она на мгновение оставила это занятие и убрала с лица влажную от пота прядь.

— Баал-птеор!..— спохватилась она.— Я забыла про Баал-птеора...

— Он в аду,— заверил ее Конан.— Со сломанной шеей.

Ее глаза вспыхнули мстительным торжеством, но с уст тотчас слетело очередное проклятие.

— Нам нельзя тут оставаться,— сказала она.— Скоро рассвет. Младшие жрецы с минуты на минуту могут прийти в храм... Если нас обнаружат здесь над его телом, верные Ханумана нас на куски разорвут! И даже туранцы не поспеют на выручку...

Она подняла запор тайной двери, и очень скоро они уже спешили городскими улицами прочь. Подальше от молчаливой площади, подальше от зловещего храма!

Проходя кривым переулком, Конан придержал свою спутницу, опустив тяжелую ладонь ей на плечо.

— Помнится,— сказал он,— ты мне обещала награду...

— Обещала! — Забиби вывернулась из-под его руки.— Но сперва мы должны... надо провести Алафдаля!

Еще несколько минут, и молчаливый раб впустил их в дом с черного хода. Молодой туранец лежал на диване, связанный по рукам и ногам толстыми бархатными веревками. Его глаза были открыты и совершенно безумны, они бешено вращались, изо рта текла пена. Забиби невольно содрогнулась...

— Разожми ему челюсти,— велела она, и железные пальцы Конана живо исполнили требуемое. Забиби без промедления вылила содержимое пузырька прямо в глотку одержимому...

Действие противоядия оказалось в буквальном смысле волшебным. Несчастный мгновенно перестал биться. Безумный блеск ушел из его глаз, и вот уже он озадаченно смотрел на девушку, явно узнавая ее, и во взгляде светился недоужинный ум. Потом молодой человек улыбнулся и заснул. Это был самый обычный, здоровый, исцеляющий сон.

— Когда ты проснешься, ты снова будешь как прежде...— прошептала Забиби и сделала знак рабу. Тот с низким поклоном вручил ей кожаный мешочек и накинул на плечи хозяйки

шелковый плащ. Забиби поманила за собой Конана обратно на улицу, и он отметил про себя, как разительно изменились ее поведение и осанка. Девушка-танцовщица на глазах превратилась в знатную даму.

Стоя под аркой, что открывалась наружу, она с настоящей царственностью обратилась к нему.

— Теперь я должна открыть тебе правду,— проговорила она.— На самом деле я никакая не Забиби. Я — Нефертари. А тот, кого ты знал под именем Алафдаля, молодого старшины городской стражи,— не кто иной, как сам Джунгир Хан, сатрап Замбулы!

Конан промолчал. На темном, покрытом шрамами лице не отражалось никаких чувств.

— Я солгала тебе, потому что не смела никому открыть правды,— продолжала она.— Когда Джунгир Хан повредился в рассудке, мы были наедине. Никто не знал о случившемся, кроме меня. Узнай люди, что сатрапа Замбулы постигло безумие, в городе начались бы страшные беспорядки — к чему и стремился Тотразмек, желавший нас погубить... Теперь ты понимаешь, что не сможешь получить награду, о которой мечтал?... Любовница сатрапа, она... она не для тебя. Но ты не уйдешь отсюда с пустыми руками! Вот, возьми! — И она передала Конану мешочек золота, что принес ей слуга.— Ступай теперь... Когда же рассветет, приходи во дворец. Я уговорю Джунгир Хана сделать тебя предводителем его стражи, но первые приказы, которые ты тайно получишь, будут от меня. Я велю тебе отправиться с отрядом в храм Ханумана под предлогом поиска следов убийцы жреца. На самом деле ты должен будешь перевернуть там все, но отыскать мне Звезду Хоралы. Я знаю, она спрятана где-нибудь в храме! Ты найдешь ее и принесешь мне... А пока — разрешаю удалиться.

Конан кивнул, так и не произнеся ни слова, и зашагал прочь. Девушка проводила глазами его широкую мускулистую спину... То, что он не выказал ни огорчения, ни смущения, слегка задело ее...

Конан же, свернув за угол, оглянулся, а потом резко сменил направление и почти бегом рванул в ту часть города, где торговали лошадьми. Там он принялся колотить в одну из дверей, пока из окошечка наверху не высунулась бородастая голова и грубый голос не осведомился о причине беспокойства посреди ночи.

— Продай коня! — отозвался Конан. — Самого быстрого, какой есть!

— По ночам не торгуем, — буркнул лошадиник.

Киммериец позвенел монетами.

— Открывай, собачий сын! Неужели не видишь, что я один и кожа у меня белая? Спускайся, негодяй, пока я твои двери не высадил!..

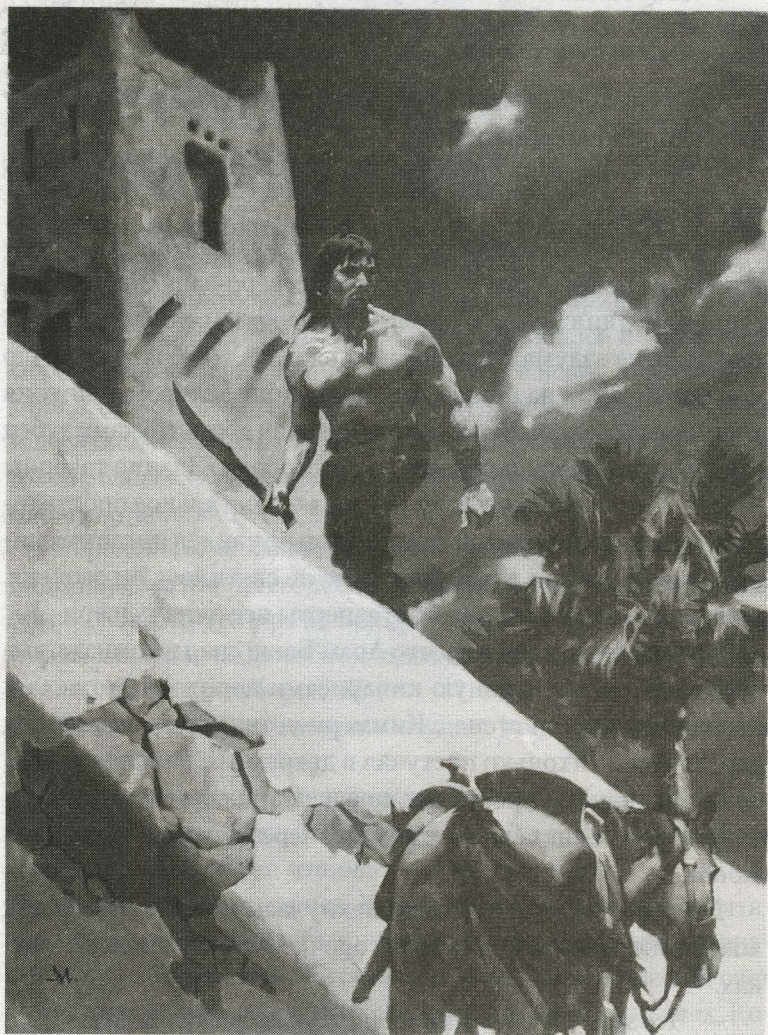
Это подействовало, и скоро он уже ехал на чалом жеребце обратно к дому Арама Бакша.

Добравшись туда, он свернул в переулок между таверной и садиком финиковых пальм, но не стал задерживаться у ворот. Свернув у северо-восточного угла, он проехал вдоль северной стены и остановился в нескольких шагах от северо-западного угла. Здесь возле стены не было деревьев, лишь невысокие кусты. К одному из них он привязал коня и хотел было снова забраться в седло, когда из-за угла донеслись голоса.

Вынув ногу из стремени, Конан прокрался в том направлении и осторожно выглянул. По дороге к пальмовой роще шли трое мужчин. Чернокожие, характерно ссутуленные... дарфарцы. Конан негромко окликнул их, и они сбились в кучку от неожиданности. Киммериец пошел к ним, держа меч наготове. Он видел, как посверкивали в потемках белки их глаз, видел на черных физиономиях плотоядную жадность... Однако три деревянные дубинки были ничто против его меча, и обе стороны это понимали одинаково хорошо.

— Куда идете? — спросил Конан.

— За рощу, к нашим братьям, гасить пиршественный костер, — мрачно ответил кто-то из людоедов. — Арам Бакш обещал нам человека, однако солгал. Мы нашли в комнате одного из

Крепкое, жилистое, покрытое рубцами тело, длинные, тонкие, как проволока, пальцы. Он смотрит в глаза, и в них
блестит сталь. Он знает, что это не просто человек, а нечто большее. Он знает, что это не просто человек, а нечто большее.

наших братьев убитым... Значит, судьба наша такая — остаться сегодня ночью голодными!

— А вот я так не думаю, — улыбнулся Конан. — Арам Бакш выполнит свое обещание. Он даст вам человека... Вон ту дверь видите?

И он указал на небольшую, обрамленную железом дверцу в середине западной стены.

— Ждите здесь, — велел киммериец. — Арам Бакш пришлет вам человека.

Он отступил, пятясь, на случай неожиданного удара дубинки, потом повернулся и скрылся за северо-западным углом. Чуть помедлил рядом с привязанным конем, убеждаясь, что людоеды не вздумали за ним последовать... Забрался в седло и наконец встал на нем во весь рост, тихим словом успокоив топтавшегося коня. Вытянувшись, Конан достал руками зубец стены, подтянулся и перелез на ту сторону. Здание таверны стояло в юго-западном углу участка, все остальное пространство занимали рощицы и сады. Конан не увидел нигде ни единой живой души, а в самой таверне не светилося ни огонька. Наверняка там были надежно заперты все окна и двери...

Конану было известно, что Арам Бакш спал в комнате, выходившей на обсаженную кипарисами дорожку, что вела к дверце в западной стене... Киммериец тенью скользнул под деревьями и тихонько постучал в дверь хозяйского покоя.

— Кто там? — прогудел голос изнутри.

— Арам Бакш, чернокожие лезут через стену!.. — прошипел Конан.

Дверь почти мгновенно распахнулась, и на пороге возник хозяин гостиницы — в ночной сорочке, зато с кинжалом в руках.

— Что за... — начал было он... и тут узнал киммерийца. — Ты!..

Крепкие пальцы, сомкнувшиеся на шее, лишили его возможности закричать. Они вместе свалились на пол, и Конан быстро обезоружил противника. Звезды на миг отразились в стали клинка, хлынула кровь... Арам Бакш что-то неразборчи-

во булькал, задыхаясь и плюясь с полным ртом крови. Конан рывком поднял его на ноги, и кинжал мелькнул снова, на сей раз снеся большую часть пышной вьющейся бороды.

По-прежнему держа свою жертву за горло — ибо человек способен громко орать и без языка, — Конан протаскил его между темными кипарисами и свободной рукой распахнул окованную железом дверь во внешней стене. Там, словно стервятники, дожидались три черные сутулые тени... Конан швырнул sostenителя таверны прямо в их жадные руки.

В этот момент замбулиец смог наконец закричать, и он закричал, издав жуткий захлебывающийся вопль... Из таверны никто не откликнулся. Здешний народ был привычен к ночным крикам из-за стены. Арам Бакш отбивался с упорством обреченного, взгляд выпученных глаз все искал лицо киммерийца, но Конан был далек от жалости и милосердия. Он думал о десятках несчастных, павших жертвами гнусной жадности этого человека. Ужасная судьба, предстоявшая Араму Бакшу, была ему воистину поделом!..

Обрадованные людоеды уже тащили его по дороге, на все лады передразнивая его бессвязные вопли. Могли ли они признать своего друга Арама Бакша в полуголом, растерзанном, окровавленном, неспособном внятно говорить человеку со срезанной под корень бородой?..

Конан стоял возле двери и слушал, как затихали вдалеке звуки неравной борьбы...

Когда все смолкло, он вернулся к своему жеребцу, сел в седло и поехал на запад, в сторону открытой пустыни. Вереницу пальмовых рощиц он миновал далеко стороной...

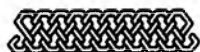
Отдалившись от города, Конан сунул руку за пояс и вытащил кольцо с дорогим самоцветом, неожиданно ярко сверкнувшим под звездами. Казалось, камень вбирал слабый свет и выбрасывал его чередой крохотных радужных вспышек. Конан повертел кольцо так и этак, любуясь игрой камня и заодно слушая, как в мешочке у седла негромко звякало золото. Деньги к деньгам! Не иначе, это звяканье сулило ему новые богатства!

— Сказал бы ей кто, что я с первого взгляда узнал и ее, и Джунгир Хана,— пробормотал киммериец задумчиво.— И мне ли было не признать Звезду Хоралы!.. Вот сцена будет, если девчонка смекнет, что я стянул брюлик с пальца ее разлюбезного, когда руки ему вязал... А впрочем, им меня все равно не поймать — я к тому времени далековато уеду!

И он последний раз оглянулся на рощи тенистых пальм, где среди стволов уже разгоралось багровое зарево. Оттуда в ночи разносилось пение, полное дикарского восторга. И, почти заглушаемый этим пением, неся отчаянный, лишенный слов крик...

Конан ехал на запад, и звезды постепенно бледнели над его головой.

**Гвозди
с красными шляпками**

1

ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт — ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен.

Местность не выглядела гостеприимной. Маленькое озерко, из которого только что напился конь, обступали огромные деревья. Густой подлесок ограничивал видимость: взгляд тщетно пытался пробиться сквозь мрачные сумерки под величественными кронами. Женщина едва заметно передернула великолепно очерченными плечами и тихо выругалась.

Она была высокого роста, с развитой грудью, а длинные ноги и тяжелые бедра идеально сочетались с узкими плечами. Ее фигура говорила о необыкновенной силе, в то же время каждой своей линией подчеркивая принадлежность к прекрасному полу. Она была женщиной во всем — с головы до пят, и это несмотря на манеры и одежду. Последняя в силу обстоятельств мало чем напоминала изящный наряд. Вместо юбки на ней были короткие широкие штаны из шелка, которые, не доходя до колен, резко сужались; обмотанный вокруг талии шелковый пояс на застежке не давал им сползти вниз. Сапоги мягкой кожи с ярко окрашенным верхом закрывали ноги почти до колен, а рубашка с глубоким вырезом, широким воротником и рукавами завершала костюм. У одного бедра висел прямой обоюдоострый меч, у другого — длинный кинжал. Густые непослушные волосы цвета золота, грубо обрезанные у плеч, были схвачены алой лентой.

Естественная грация тела и яркий наряд в этом мрачном, первобытном лесу казались неуместными, почти нереальными. Ей скорее подошло бы окружение из морского простора, белых облаков и парящих чаек. Дерзкие, жадные глаза словно отражали морскую синеву. Иначе и быть не могло, ибо это была Валерия — воительница из Ватаги Красных Братьев, чьи дела и походы повсюду прославляют в своих песнях и балладах морские бродяги, стоит им только собраться где-нибудь теплой компанией.

Она попыталась отыскать в плотном лесном покрове брешь, чтобы увидеть хоть краешек неба, но в конце концов отказалась от этой затеи. С прекрасных губ сорвалось проклятие.

Оставив коня, женщина зашагала на восток, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы выдержать направление. Тишина леса действовала угнетающе. Ни пения птиц в сплетенных высоко над головой ветвях, ни шороха в кустах — спутника хлопотливой жизни мелких зверушек. Она прошла уже несколько миль в этом царстве тишины, и ничто, кроме мягкой поступи ее ног, не нарушало векового покоя.

Валерия предусмотрительно утолила жажду у озера, но сейчас проснулся голод, и она стала высматривать знакомые

плоды, которыми питалась с тех пор, как иссякли запасы пищи в седельных сумках.

Но вот впереди показалась темная скала — будто чудовищный каменный зуб с поверхностью, изъеденной временем, она высилась посреди деревьев-исполинов. Ее вершина терялась в сплошной завесе листвы. Валерия на миг задумалась: судя по виду, скала насквозь прорезала зеленый покров, и, значит, взобравшись на нее, можно будет узнать, далеко ли край этого леса... если только у него действительно есть хоть какой-нибудь предел; после стольких дней путешествия под темным сводом надежды выбраться на открытую местность почти не осталось.

Узкий кряж, протянувшийся по крутому склону, позволял без особых хлопот подняться к вершине. Одолев около пятидесяти ярдов, Валерия вплотную приблизилась к зеленому поясу. Мощные стволы высились чуть поодаль, но их нижние ветви, дотянувшись до склонов, оплетали скалу густой листвой. Валерия поднималась все выше, пробираясь среди ветвей и листьев, уже потеряв из виду землю и не подозревая о том, что может ожидать ее через фут, как вдруг увидела голубой лоскуток неба; еще минута — и ее залили жаркие лучи солнца.

Она стояла на широком уступе, от ее ног убегали вдаль волны зеленого моря. С уступа кверху взметнулся острый шпиль, венчавший скалу, на которую она взобралась. Глядя на солнце, она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг опустила голову: в сухих листьях, толстым ковром устилавших площадку, ее носок задел что-то твердое. Она быстро расшвыряла ногами листья, и ее глазам открылся человеческий скелет. Опытным взглядом женщина пробежала по выбеленным костям, но не нашла ни переломов, ни прочих признаков насилия. Выходит, человек умер естественной смертью, правда, оставалось неясным, зачем за этим надо было лезть на высокую скалу.

Валерия поднялась к вершине шпиля и, примостившись на крохотном козырьке, прижавшись к камню, окинула взглядом горизонт. Тесные ряды крон, напоминавшие с ее наблюдательного пункта неровный зеленый пол, сверху были так же непроницаемы, как и снизу. Даже озерко, возле которого она оставила коня, отсюда не было видно. Она посмотрела на север,

откуда пришла, но увидела все тот же океан растительности, лишь у самого горизонта голубела размытая линия — напоминание о горной гряде, пройденной несколько дней назад еще до того, как ее поглотила эта зеленая пустыня.

За исключением полосы гор, на востоке и на западе — картина та же. Но стоило ей перевести взгляд на юг, как ее тело застыло в напряжении, дыхание перехватило. Уже через милью лес в той стороне начинал быстро редеть и, резко обрываясь, сменялся голой равниной, густо поросшей кактусами. А посреди ее высились стены и башни города. Не в силах сдержать изумления, Валерия вычурно выругалась. Увиденное превзошло самые смелые расчеты. Она не удивилась бы, окажись тут поселение людей: что-нибудь вроде скопления хижин — обычное стойбище чернокожих или похожие на груды каменных обломков жилища смуглых аборигенов, принадлежавших к неведомой расе, по преданиям в незапамятные времена заселившей этот край. Но обнаружить город здесь, за многие недели пути до ближайшей окраины цивилизации, — этого она ожидала меньше всего.

Валерия с трудом оторвала взгляд от неожиданного зрелища. Все еще хмурясь в нерешительности, она проворно спустилась на уступ. Пожалуй, в своем бегстве она зашла слишком далеко — далеко от лагеря наемников, расположенного посреди саванны у пограничного города Сухмет, где пестрое сборище отчаянных головорезов охраняло стигийские рубежи от набегов дикарей, красными волнами накатывавшихся из Дар-фара. Ее бегство в совершенно незнакомую страну походило на бегство слепца. И сейчас она колебалась между сильным желанием, вернувшись к коню, отправиться прямо в город и инстинктом самосохранения, который подсказывал, что самое разумное — незаметно обогнуть его и в одиночестве продолжить путь.

Ход рассуждений прервал шорох сухих листьев за спиной. Она круто обернулась — в глазах блеск дикой кошки, рука на рукояти меча — и застыла, пораженная, уставившись на стоявшего перед ней воина.

Ростом едва ли не с великана, он обладал железными мускулами, буграми вздувшимися под гладкой, потемневшей под лучами солнца кожей. На нем была почти та же одежда, с той лишь разницей, что вместо пояса талию стягивал широкий кожаный ремень. Палаш и кинжал дополняли картину.

— Конан-киммериец! — воскликнула женщина. — Ты здесь откуда? Преследуешь меня?

Он грубо усмехнулся; голубые глаза варвара жадным взглядом окинули идеальные формы, задержавшись на прекрасных округлостях груди под легкой рубашкой и на полосе обнаженного тела между штанами и мягкими голенищами сапог; в его темных зрачках вспыхнул огонь, понятный любой женщине.

— Не догадываешься? — Он рассмеялся. — Или я недостаточно намекал на свои чувства с самой нашей первой встречи?

— Куда уж яснее — жеребцы все одинаковы! — Она презрительно передернула плечами. — Но я никак не ожидала встретить тебя здесь, вдали от мисок и пивных бочек Сухмета. Ты что же, в самом деле покинул ради меня лагерь Заралло? А может быть, тебя просто вышвырнули за воровство?

Он лишь расхохотался на ее оскорбительный тон и согнул руки — под кожей заходили бугры мускулов.

— У Заралло не хватило бы людей, чтобы выставить меня из лагеря. — Он широко ухмыльнулся. — Разумеется, я ушел сам. Ты, кстати, тоже не промах! Ты хотя бы знаешь, что, поцарапав стигийского начальника, ты потеряла расположение Заралло, а в Стигии тебя объявили вне закона?

— Знаю, — мрачно ответила она. — А что мне оставалось? Я ему повода не давала, так что нечего было на меня набрасываться.

— Ну да, — согласился Конан. — Будь я поблизости, сам перерезал бы ему горло. Но когда женщина живет в лагере воинов-мужчин, она должна быть готова к подобным наскокам.

Валерия в ярости топнула ногой и выругалась.

— Почему мужчины не оставят меня в покое, не дадут жить свободной — так, как живут сами?

— Ну, это как раз понятно! — И вновь его глаза жадно прощались по ее телу. — Хорошо, что у тебя хватило ума сбежать

из лагеря, иначе стигийцы содрали бы с тебя живой кожу. Брат убитого погнался за тобой и, я уверен, догнал бы. Он почти настиг тебя, когда мы встретились. У него была хорошая лошадь — гораздо лучше твоей. Еще несколько миль — и он перерезал бы тебе горло. — Киммериец умолк.

— Ну?

— Что ну? — Он сделал изумленное лицо.

— Что с ним случилось?

— Не догадываешься? — Он пожал плечами. — Конечно, я убил его: надо же и грифов подкармливать. Из-за этой заминки я едва не потерял твой след, пока ты переваливала через горы. А иначе догнал бы много раньше.

— И что думаешь делать? Потщишь меня в лагерь к Заралло? — Она недобро усмехнулась.

— Не мели ерунды! — отрезал он. — Уймись, девочка, и не гляди злючкой. Разве я похож на того стигийца, которого ты так неосторожно пощекотала ножичком? По-моему, нет.

— Бродяга с дырявыми карманами! — Она хотела уколоть его, но варвар только расхохотался.

— Ты бы на себя глянула со стороны! У самой не хватит денег даже на заплату на заднице. Кривись на здоровье, но меня не проведешь. Тебе прекрасно известно, что совсем недавно под моим началом было больше кораблей и людей, чем ты имела за всю свою жизнь. А что до пустых карманов... так где ты видела морского бродягу, который дрожал бы над монетами? Того золота, что я просадил в портовых тавернах, хватило бы, чтобы набить им галеру. Да что я говорю — сама знаешь.

— И где же они, те грозные корабли и отважные корсары, которыми ты командовал? — усмехнулась Валерия.

— Большей частью — на дне моря! — беспечно ответил он. — Последний корабль потопили зингарцы недалеко от побережья Шема — вот почему я оказался в Вольнице у Заралло. Но, притопав в лагерь на границе с Дарфаром, я убедился, что меня подло надули. Жалованье — нищенское, вино — кислятина, о чернокожих красотках я вообще не говорю: какую ни возьми, так обязательно зубы подпилены, в носу — кольцо! Бррр! А ты

как очутилась у Заралло? Ведь от соленой воды до Сухмета путь не близкий!

— Красному Орто взбрело в голову затащить меня к себе в постель,— угрюмо ответила она, опуская глаза.— Вот я и прыгнула как-то ночью за борт, когда мы стояли на якоре неподалеку от кушского берега. А на берегу повстречала купца-шемита, который и сказал, что Заралло увел своих вольных братьев на юг к границе с Дарфаром. Ничего лучшего не предвиделось, вот я и примкнула к каравану, идущему на восток, и в конце концов добралась до Сухмета.

— Надо было совсем рехнуться, чтобы искать спасения на юге,— задумчиво сказал киммериец.— А с другой стороны, ты поступила весьма благоразумно: никому и в голову не придет искать тебя здесь. Один брат убитого взял верный след, и то благодаря лишь случаю.

— Ну хорошо, что дальше? — решительным тоном потребовала ответа Валерия.

— Повернем на запад. Мне приходилось забираться так далеко на юг, но чтобы еще и к востоку — такого пока не случилось. Через много дней пути мы выйдем в открытую саванну, где племена чернокожих пасут свои стада. У меня среди них есть друзья. Оттуда доберемся до побережья и найдем подходящий корабль. Я уже по горло сыт джунглями.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она.— Счастливого пути! А у меня на этот счет свои соображения!

— Не будь душой! — Впервые Конан повысил голос.— Мало ты плутала по этому лесу, хочешь еще?

— Почему бы и нет?

— Что-то задумала?

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ошибаешься,— уже ровным тоном ответил он.— Не для того я забрался в такую глушь, чтобы возвращаться с пустыми руками. Подумай хорошенько, девочка. Я не желаю тебе зла.

Он сделал шаг вперед — она отпрыгнула и выхватила меч.

— Не прикасайся ко мне, пес! А то насажу на меч, как поросенка на вертел!

Он нехотя подчинился.

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя игрушку и отшлепал непослушную по попке?

— Слова! Одни слова! — Девушка в открытую издевалась над ним, в дерзких глазах солнечными лучиками по голубой воде плясали огоньки.

Она была права. Никто из живущих не смог бы разоружить Валерию из Братства голыми руками. Варвар нахмурился: его одолевали противоречивые чувства. Глупое упрямство девушки вызывало раздражение, в то же время присутствие духа восхищало его. Он сгорал от страсти: хотелось крепко прижать, стиснуть в своих железных объятиях ее соблазнительное тело, но больше всего он боялся причинить ей боль. Варвар буквально разрывался между грубым желанием и нежностью к ней. Он знал: еще один шаг — и ее меч пронзит его сердце. Слишком часто он наблюдал, с какой легкостью Валерия расправляется в пограничных стычках с врагами, чтобы иметь на этот счет какие-то сомнения. В бою она была стремительна и беспощадна, как тигрица. Конечно, можно вытащить клинок и выбить меч из ее рук, но сама мысль поднять оружие на женщину, пусть и без худых намерений, вызывала в его душе крайнее отвращение.

— Чтoб ты пропала со своим упрямством! — взорвался он. — Ну да я доберусь до тебя!

Не помня себя от ярости и страсти, он рванулся вперед, девушка изготовилась для смертельного удара, но вдруг развязка — неожиданная, страшная — прервала эту трагикомическую сцену.

— Что это?!

Голос принадлежал Валерии, но содрогнулись оба. Конан круто повернулся: огромный меч в руке, тело — комок мускулов и нервов. Внезапно тишину леса разорвали жуткие вопли смертной муки, ужаса, агонии — это ржали их лошади. К этим звукам примешивался еще один — громкий хруст, словно кто-то перемалывал кости мощными челюстями.

— Львы пожирают наших лошадей! — воскликнула Валерия.

— Какие там львы! — Конан сверкнул глазами. — Или ты слышала львиное рычание?! Нет? Я тоже нет! И потом, лев не стал бы поднимать такой шум из-за какой-то лошади. Да еще этот хруст...

Киммериец начал быстро спускаться по естественному кряжу, Валерия — следом. Вражда была забыта, перед лицом таинственной опасности оба искателя приключений из противников моментально превратились в союзников. Едва они миновали лиственную завесу, как отчаянное ржание стихло.

— Я обнаружил твою лошадь у пруда, привязанную к дереву, — говорил он, ступая без малейшего шума, — неудивительно, что его появление там, на скале, застало девушку врасплох. — Я привязал свою рядом и пошел по следу твоих сапог... Тихо! Замри и слушай!

Они спустились чуть ниже зеленого пояса и сейчас, прильнув к скале, напряженно вглядывались в густой подлесок. Над их головами раскинулся сумрачный шатер из ветвей и листьев. Под ними скудный свет, пробившийся сквозь сплетенные заросли, окрашивал все в приглушенные зеленые тона. Стволы гигантских деревьев, высившихся менее чем в ста ярдах от скалы, призрачно темнели в полумраке.

— Лошади там, за молодым подлеском, — прошептал Конан, и в неподвижной тишине его голос ветерком прошелся среди ветвей. — Вот, слышишь?

И Валерия услышала. По ее спине пробежал холодок; не сознавая того, она положила свою белую руку на мускулистое загорелое плечо варвара. Со стороны зарослей вместе с хрустом костей и треском раздираемой плоти доносилось громкое чавканье — звуки ужасного пиршества.

— Лев не наделал бы столько шума, — прошептал Конан. — Кто-то пожирает наших лошадей, но только не лев... Великий Кром!

Внезапно чавканье смолкло. Конан выругался: нехстати поднявшийся ветерок дул прямо в сторону невидимого убийцы.

— Идет! — едва слышно сказал Конан, приподнимая меч.

Молодые деревца дрожали, некоторые бешено раскачивались. Валерия, прижавшись к варвару, вцепилась в его руку. Незнакомая с обитателями джунглей, она все же понимала, что ни одно из известных животных не смогло бы раскачивать крепкий подлесок так, точно оно пробиралось по тростниковым зарослям.

— Должно быть, не меньше слона, — пробормотал Конан, как бы отвечая на ее мысли. — Пусть только эта тварь... — Он вдруг осекся, пораженный.

Из чащи высунулась голова — настоящее порождение безумия и ночного кошмара! Оскаленная пасть открывала два ряда острых желтых клыков, отвратительная морда древнего ящера была вся изборождена морщинами. Глаза — как у питона, но в тысячу раз больше — не мигая смотрели на двух оцепеневших от ужаса людей на скале. С отвислого, в чешуйках, края огромной пасти на землю вперемешку со слюной стекала кровь.

Голова, намного больше, чем у аллигатора, была насажена на длинную чешуйчатую шею, из которой в несколько рядов торчали зазубренные шипы, а дальше, ломая ветки и деревья, неуклюже переваливалось туловище твари — исполинская туша с выпяченным, словно бочонок, брюхом на нелепо коротких ножках. Белесое брюхо едва не стлалось по земле, в то время как острия шипов на хребте торчали так высоко, что до них не дотянулся бы и самый рослый из людей. Длинный, усеянный шипами хвост волочился по земле.

— Вверх, живо! — крикнул Конан, толкнув девушку себе за спину. — Вряд ли оно лазает по скалам, но если встанет на задние лапы, то запросто до нас дотянется!

Круша деревья и кустарник, чудовище двинулось к скале — к людям. Оба взлетели по откосу, точно гонимые ветром сухие листья. Уже на границе с зеленым поясом Валерия решила оглянуться — их опасения оправдались: встав на дыбы, огромная тварь тянулась к ним раскрытой пастью. Сердце отважной женщины захлестнул ужас, кровь в жилах обратилась в лед.

На задних лапах чудовище казалось еще огромное, его плоская голова подпирала лиственный свод. Вдруг ей в запястье железными клещами впились пальцы Конана, она почувствовала, как ее тащат вверх, в спасительный покров и дальше — на солнечный свет. И вовремя! Не успели они взобраться на уступ, как чудовище с такой силой обрушилось передними лапами на скалу, что каменная глыба под их ногами задрожала.

За спинами беглецов раздался страшный треск. Не останавливаясь, они быстро оглянулись, и Валерия едва не закричала: словно в ночном кошмаре среди листвы торчала голова чудовища — в глазах безжалостный огонь, пасть широко раскрыта! Не помня себя, они взлетели на уступ. Гигантские челюсти с клацаньем сомкнулись чуть ниже их ног, и голова, погрузившись в зеленые волны, скрылась с глаз.

Заглянув в образовавшуюся брешь с обломанными по краям ветвями, царапавшими о скалу, они увидели зверя — тот сидел на задних лапах у подошвы склона, его глаза не мигая смотрели на людей.

Валерия содрогнулась.

— Как ты думаешь, долго он там будет торчать?

Конан легонько пнул выбеленный череп, шурша сухими листьями, тот откатился в сторону.

— Этот парень, как видно, взобрался сюда, чтобы укрыться от него... или от другого такого же. Похоже, он просто умер с голоду. Все кости целы. Скорее всего, это дракон, о них упоминается в легендах чернокожих. И если это так, — что очень похоже на правду, — то он не уйдет, пока мы оба не умрем.

Валерия в растерянности посмотрела на киммерийца — от ее прежней ярости не осталось и следа. Всеми силами она пыталась справиться с охватившим ее отчаянием. Ей незачем было доказывать свою храбрость, нередко доходившую до безрассудства: тысячу раз в самых беспощадных схватках на суше и на море, на скользких от крови палубах горящих кораблей, при штурме городских укреплений, на прибрежных пляжах, где головорезы из Ватаги Красных Братьев отстаивали свое

право на лидерство зубами, ножами и мечами, — везде она была не из последних. Но от неизбежной страшной участи стыла кровь. Глубокая рана от абордажной сабли по сравнению с этим представлялась царапиной: вот так сидеть на голой скале, сложа руки, не в силах что-либо изменить, и покорно ждать, пока не сгинешь от голода, а внизу эта ископаемая тварь, каким-то чудом сохранившаяся с допотопных времен, — от одной мысли об этом рыдания подкатывали к горлу.

— Ведь должен же он пить и есть — может, тогда уйдет? — высказала робкое предположение девушка.

— Для этого не надо уходить далеко, — отозвался Конан. — Он только что сожрал лошадей и теперь, как и все змеи, еще долго сможет обходиться без еды и питья. Спать после еды ему тоже не обязательно. Единственное, что нам на руку, так это то, что сюда ему нипочем не забраться.

Речь Конана звучала спокойно, без надрыва. Он был варваром, и невероятная выносливость дикаря, унаследованная от предков, органично сочеталась в нем и с низменной страстью к женщине, и с бешеной яростью к врагам. Загнанный в угол, он проявлял хладнокровие, немыслимое с точки зрения цивилизованного человека.

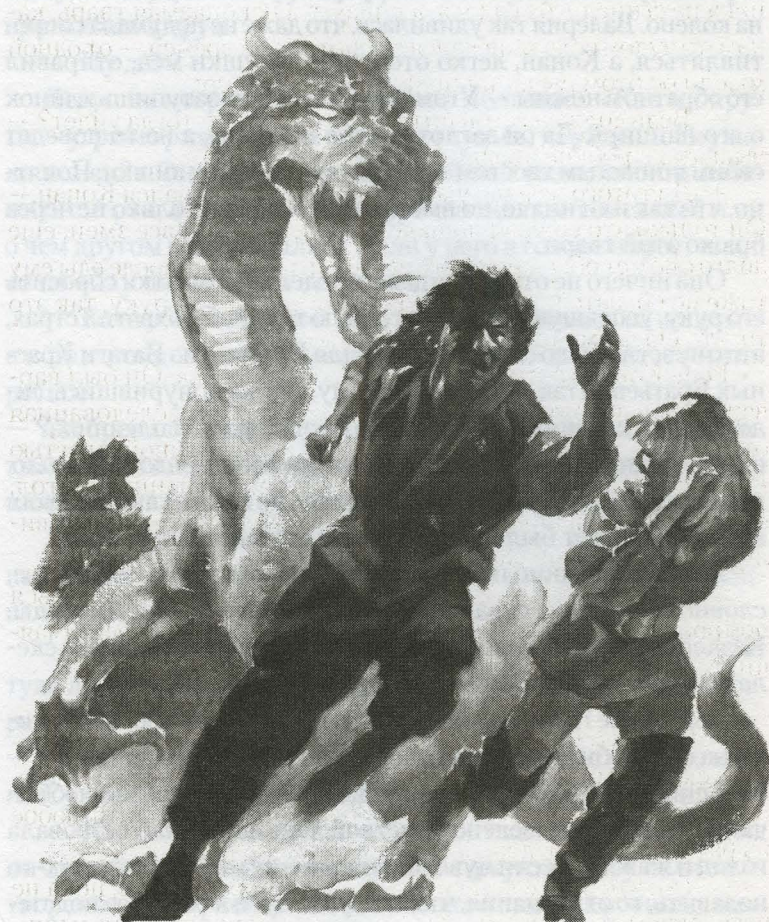
— Может быть, нам перелезть на дерево и передвигаться по кронам, вроде обезьян? — В ее голосе уже слышалось отчаяние.

Он покачал головой:

— Я уже думал об этом. В том месте, где ветки подступают к скале, они слишком тонкие и не выдержат нашего веса. А кроме того, сдается мне, что эта тварь может повалить любое из растущих здесь деревьев.

— Так что же, будем сидеть на задницах и ждать, пока не передохнем с голоду, как этот? — в ярости крикнула она и пнула по черепу — стуча по камням, тот улетел вниз. — Лично я против. Вот спущусь сейчас и отрублю башку этой гадине!

Конан уселся на каменный зуб, торчащий у основания шпилья. Глядя снизу вверх, он залюбовался на морщинку гнева, на

блеск в голубых глазах и на все ее сильное, жаждущее действия тело; однако он понимал, что в таком состоянии она способна на любое безрассудство, и, когда заговорил, его голос звучал ровно, даже чуть пренебрежительно.

— А ну сядь! — Схватив за руку, он рывком усадил ее себе на колено. Валерия так удивилась, что даже не подумала сопротивляться, а Конан, легко отобрав у девушки меч, отправил его обратно в ножны. — Угомонись! Ты лишь затупишь клинок о его панцирь. Да он заглотит тебя целиком, а не то поведет своим шипастым хвостом — и выпустит наружу кишки. Понятно, что так или иначе, но выбираться надо, но только не через брюхо этой твари.

Она ничего не ответила, даже не сделала попытки сбросить его руку, успевшую обвить ее тонкую талию. Ее охватил страх, а это чувство было слишком ново для Валерии из Ватаги Красных Братьев. Итак, она по-прежнему, слегка понурившись, сидела на его коленях — товарищ по несчастью или пленница? — сидела с таким покорным видом, что, окажись рядом Заралло, по мнению которого Валерия явилась не иначе как из сераля князя Тьмы, тот был бы повержен в глубокий шок.

Конан рассеянно поигрывал локонами золотистых волос, словно без остатка отдавшись наслаждению от своей победы. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия: ни скелет у его ног, ни страшное чудовище внизу.

Пытливые глаза девушки, скользящие по листве, приметили на фоне общей зелени какие-то пятна. Это были плоды — большие пурпурные шары, висящие на ветках дерева с необычайно густой ярко-зеленой листвой. Она вдруг почувствовала голод и жажду, и если чувство голода еще можно было как-то подавить, то от сознания, что внизу, на пути к озеру, ее подстерегает смерть, жажда только усиливалась.

— Пожалуй, голод нам пока что не грозит, — сказала Валерия. — Я вижу фрукты, и до них нетрудно дотянуться. — Она указала на пурпурные шары.

Конан тоже взглянул на дерево.

— Точно, и после такой закуски нам уже будут не страшны зубы дракона, — проворчал он в ответ. — Чернокожие из Куша называют их яблоками Деркетто. Деркетто у них — королева мертвецов. Если хлебнешь глоток сока или прольешь его на кожу, то не успеешь спуститься к нашему приятелю, как превратишься в труп.

— Ну да!

Девушка погрузилась в мрачное молчание. «Как ни крути, — угрюмо размышляла она, — а от судьбы не уйдешь. Неужели конец?» Она не видела ни малейшей возможности избежать смерти, а Конан, похоже, прочно завладел ее талией и ни о чем другом не помышляет. Если у него в голове и зреет план, то по виду никак этого не скажешь.

— Если уберешь с меня свои лапы и заберешься на шпиль, — в конце концов не выдержала она, — то увидишь нечто интересное.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, затем, пожав лопаты плечами, нехотя последовал ее совету. Обхватив руками заостренную вершину, он посмотрел поверх деревьев.

Долгое время он молчал — неподвижный, весь устремленный вдаль, загорелое мускулистое тело в лучах солнца отличало бронзой.

— Город, и весьма приличный, — наконец сказал он. — Не туда ли ты собиралась отправиться, спровадив меня на побеге?

— Я знала о нем еще до твоего появления. Но когда бежала из Сухмета, то и понятия не имела о его существовании.

— Кто бы мог подумать, что здесь окажется город? Вряд ли стигийцы забрались так глубоко в джунгли. Неужели он — творение рук чернокожих? И ни одного стада на равнине, земля не возделана, да и людей не видно.

— Да разве на таком расстоянии что-то увидишь!

В ответ он только пожал плечами и прыгнул на уступ.

— В любом случае горожане нам помочь не смогут. А если бы и могли, то вряд ли захотели бы. Жители Черных королевств

враждебно относятся к чужестранцам. Как правило, все их гостеприимство умещается на острие копья.

Он осекся, точно вдруг потерял нить разговора. Сдвинув брови, Конан молча уставился на пурпурные шарики, слабо мерцающие на солнце среди листвы.

— Копье! — пробормотал он. — Ну и осел же я, что не додумался до этого раньше! Вот вам наглядный пример того, как хорошенькая женщина превращает нормального мужчину в последнего дурака!

— Ты это о чем? — оживилась Валерия.

Не удостоив ее ответом, Конан спустился до зеленого пояса и заглянул в брешь. Огромный зверь все в той же позе неподвижно сидел у подножия скалы, его тупое упрямство рептилии нагоняло тоску и страх. Вот так же, может быть, один из его предков десятки, сотни тысяч лет назад следил немигающим взглядом за первобытными людьми, загнанными на высокую скалу. Конан деловито выругался и принялся срезать ветки, стараясь дотянуться ножом как можно дальше. Волнение и шорох листвы пробудили чудовище от апатии. Оно встало на четыре лапы, ужасный хвост пришел в движение, ломая молодые деревца, словно сухой тростник. Конан настороженно следил за ним краем глаза, и, как только Валерия вскрикнула, увидев, что дракон готовится встать на дыбы, варвар быстро вскарабкался на уступ вместе со своим трофеем. Всего веток было три — упругие, каждая длиной около семи футов и толщиной с его большой палец. Вместе с ними он срезал несколько нитей гибких, тонких лиан.

— Для древков копий эти ветки слишком легкие, а лианы не толще бечевы, — пояснил он, кивнув на растительность внизу. — Ни те ни другие не выдержат нашего веса, но сила — в единстве. Так говорили нам, киммерийцам, отступники из Аквилонии, когда явились в наши горы с намерением собрать войско, чтобы вторгнуться и покорить свою же родину. Но мы привыкли драться кланами и племенами.

— Может, объяснишь, что общего между твоей болтовней и этими палками? — спросила она.

— Имей терпение.

Собрав прутья в плотный пучок, он вставил с одного конца свой кинжал острием наружу и туго перевязал пучок в нескольких местах нитями лиан. Когда он закончил, перед ним лежало копье не менее грозное, чем настоящее, с таким же длинным и прочным древком.

— Нам-то в нем что за польза? — Она по-прежнему ничего не понимала и потому говорила раздраженно. — Сам же говорил, что его чешую не пробьешь.

— Ну, не везде же у него чешуя, — ответил Конан. — Есть много способов освежевать пантеру.

Снова спустившись к лиственному поясу, он приподнял копье и, как можно осторожнее проткнув острием одно из яблок Деркетто, сразу отступил назад, чтобы пурпурные капли из сочащегося соком плода не попали на кожу. Подержав так некоторое время копье, он вынул острие и показал девушке голубую сталь — всю в темно-красных пятнах.

— Не знаю, поможет это или нет, — сказал он, — но на этом лезвии сейчас столько яда, что хватило бы свалить слона. Что ж, сейчас увидим.

Киммериец начал спуск. Валерия не отставала от него ни на шаг. Вот они уже недалеко от нижней границы зеленого пояса. Отведя острие подальше от себя и девушки, Конан высунул голову в брешь, проделанную в листве чудовищем, и обратился к тому с такой речью:

— Какого рожна ты еще дожидаясь, ты, полоумный недоносок бессильных родителей? — Для начала он выбрал одно из самых мягких своих обращений. — А ну живо подними свою уродливую башку, длинношеяя тварь, если не хочешь, чтобы я спустился и выкосил мечом колючки у тебя на спине!

Он добавил еще кое-что. От его красноречия глаза Валерии полезли на лоб, лицо залила краска — и это несмотря на то, что по части ругани эта женщина прошла превосходную школу на палубе морского корсара. Чудовище тоже не осталось безучастным. Подобно тому как непрерывное, надоедливое тья-

канье шавки сначала беспокоит, потом раздражает и в конечном счете приводит в бешенство солидных толстокожих молчунов, точно так же крикливые, резкие интонации человеческого голоса в одних животных будят страх, в других же — слепую ярость. Совершенно неожиданно с немыслимым для такой туши проворством зверь поднялся на задние лапы и жуткой мордой потянулся к человеку; крохотный мозг захватило одно желание: достать и уничтожить этого горластого пигмея, нарушившего вековечный покой древнего царства.

Однако Конан точно рассчитал расстояние: мощная голова зверя, с треском войдя в сплетение ветвей и листьев, остановилась за пять футов от людей. Чудовище разинуло огромную змеиную пасть, и в этот миг Конан вонзил копьё в угол пасти, прямо в челюстной сустав! Удар был нанесен сверху, обеими руками и со всей силы; длинное лезвие кинжала по самую рукоятку вошло в мякоть, сухожилия и кость.

Челюсти конвульсивно сомкнулись, и, потеряв равновесие, с огрызком древка в руках Конан начал заваливаться на бок. Его спасла Валерия: в самый последний момент она успела ухватить варвара за ремень. Вцепившись в каменный выступ и вновь обретая устойчивость, он с ухмылкой пробормотал слова благодарности.

А внизу, будто пес с запорошенными перцем глазами, ползало по земле чудовище. Широко разевая клыкастую пасть, оно то раскачивало головой, то обхватывало ее передними лапами, то принималось возить ею по земле. Наконец, сумев каким-то образом зацепить лапой за обломок древка, оно выдернуло застрявший клинок. Затем чудовище подняло голову — пасть широко раскрыта, из раны потоком кровь — и уставилось на скалу с выражением такой осмысленной, такой лютой ненависти в глазах, что Валерия вся задрожала и схватилась за меч. Чешуйки на боках и на спине из ржаво-коричневых стали темно-красными, но что самое ужасное — чудовище подало голос! Того, что изрыгала эта окровавленная пасть, ни Конан, ни Валерия никогда в жизни не слышали.

С диким, режущим слух ревом дракон бросил свое тело на скалу — цитадель врагов. Снова и снова ужасная голова устремлялась вверх, пытаясь пробиться за зеленый свод, хватая пастью ветви, листья, воздух. От мощных ударов исполинской туши скала содрогалась до самого основания. Встав на дыбы, чудовище обхватило ее передними лапами, пытаясь, словно дерево, выдернуть каменный зуб из земли.

При виде необузданной животной ярости кровь стыла в жилах Валерии, однако Конан оставался спокоен: варвар не испытывал ничего, кроме всепоглощающего интереса. С точки зрения варвара, пропасть, отделявшая его и других людей от животных, была не так велика, как она представлялась Валерии. Для Конана беснующееся внизу чудовище являлось не более чем одной из форм жизни, лишь внешне отличавшейся от него самого. Наделяя зверя человеческими чертами характера, он видел в его ярости свой гнев, в рычании и вое — подобие той ругани и тех проклятий, которыми он осыпал его недавно. Благодаря смутному ощущению близкого родства со всеми дикими тварями, включая драконов, ему было неведомо чувство расслабляющего ужаса, захлестнувшее Валерию, впервые столкнувшуюся с первобытной свирепостью.

Конан невозмутимо сидел на камне, не сводя глаз со зверя, время от времени отмечая едва заметные перемены в голосе, движениях и цвете чешуи.

— Яд начинает действовать! — наконец убежденно сказал он.

— Я ничего не вижу.— Валерии казалась нелепой сама мысль, что какой-то плод, пусть и ядовитый для всего живого, может хоть как-то подействовать на эту гору беснующихся мускулов.

— Я слышу в голосе боль,— пояснил Конан.— Сначала была просто ярость от занозы в пасти. Сейчас его грызет яд, и зверь это чувствует. Видишь? Он споткнулся. Еще несколько минут — и он ослепнет... Ну, что я говорил?

Внезапно дракон опустил на все четыре лапы и, пошатываясь, с треском ломая подлесок, стал удаляться от скалы.

— Он вернется? — с тревогой спросила Валерия.

— Он пошел к озеру! — Конан вскочил на ноги — весь энергия и решимость. — Яд пробудил жажду. Быстро! Тварь скоро ослепнет, но сможет найти дорогу обратно по запаху, и если снова нас здесь учует, то будет сидеть под скалой, пока не издохнет. А на вопли одной могут сойтись и другие. Идем!

— Как, вниз?! — У Валерии аж подкосились ноги.

— Куда ж еще? Надо бежать в город. Там нам, может статься, отрубят головы, но это единственный шанс на спасение. Конечно, на пути могут попасться и другие драконы, но оставаться здесь — верная смерть! Если будем ждать, пока подойдет этот, то как бы потом не пришлось иметь дела с дюжиной его сородичей. За мной, да пошевеливайся!

Он заскользил вниз по откосу — легко и быстро, как обезьяна, останавливаясь лишь затем, чтобы помочь своей менее ловкой спутнице. И вновь Валерия была уязвлена, на этот раз той уверенностью, с какой варвар чувствовал себя на почти отвесном склоне, — а ведь она-то воображала, что ни среди корабельных вантов, ни на скалах она ни в чем не уступает мужчинам!

Они спустились в полумрак под лиственным покровом и скоро бесшумно скользнули на землю, хотя Валерия была убеждена, что удары ее сердца слышны едва ли не на милю. Со стороны озера из-за густых зарослей доносились лакание вперемежку с бульканьем: дракон утолял жажду.

— Он вернется, как только зальет в брюхо достаточно воды, — прошептал Конан. — Могут пройти часы, прежде чем яд убьет его... если вообще убьет.

Где-то далеко за лесом садилось солнце. Весь в таинственных сумерках, в пятнах черных теней и размытых прогалин, лес словно затаился, готовя людям страшную участь. Сжав за пояс Валерии, Конан заскользил прочь от подножия скалы. Он поднимал не больше шума, чем ветерок, овевающий стволы деревьев, но Валерии казалось, что топот ее сапог из мягкой кожи разносится по всему лесу.

— Не думаю, чтобы он мог идти по следу, — на бегу прошептал Конан, — но если ветер донесет наш запах, он нас обнаружит.

— О милосердный Митра, не дай ветру подняться! — выдохнула Валерия.

Лицо девушки смертельно-бледным овалом выделялось на фоне мрака. Свободной рукой она схватилась за меч, но прикосновение к рукоятке в шагреневой коже вызвало в ней лишь ощущение беспомощности.

Они все еще находились довольно далеко от кромки леса, как вдруг услышали за собой грозный топот и треск ломающихся деревьев. Валерия закусила губу, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Он все-таки взял след! — в отчаянии прошептала она. Конан покачал головой.

— Зверь не учуял нас у скалы и сейчас вслепую тычется по лесу в поисках запаха. Быстрее! Теперь одно спасение — город! На дереве не спрячешься: он легко повалит любое. Только бы не поднялся ветер...

Не сбавляя шага, они крались вперед, и наконец лес впереди немного поредел. Позади остался непроглядный океан теней, и откуда-то из его глубин доносился зловещий шум: дракон не оставлял попыток набрести на запах своих врагов.

— Равнина... уже близко! — Она ловила воздух широко раскрытым ртом. — Еще немного — и мы будем...

— Великий Кром! — прорычал Конан.

— О милосердный Митра! — Голос Валерии дрогнул.

С юга, быстро усиливаясь, поднимался ветер. Обтекая людей, он дул прямо в черные дебри за их спинами. И тут же лес содрогнулся от мощного рычания. Беспорядочное топанье и треск сменились непрерывным, все нарастающим грохотом: круша деревья и кустарник, дракон приближался к источнику ненавистного запаха.

— Бежим! — рывкнул Конан, глаза его сверкнули, как у загнанного волка. — Вдруг успеем!

Моряцкая обувь не очень-то пригодна для быстрого бега, а пиратский образ жизни не располагает к карьере бегуна. Уже через сотню ярдов Валерия начала задыхаться, она то и дело спотыкалась о торчащие из земли корни, а за их спинами глухой топот и треск перешел в громовые раскаты: чудовище из плотных зарослей вырвалось на прореженное пространство.

Железная рука Конана обхватила талию женщины, изящные ноги в кожаных сапогах едва касались земли. Влекомая своим гигантским спутником, она словно парила с такой скоростью, какую никогда не сумела бы развить сама. Если бы хоть на минуту пропал запах — скажем, утих бы ветер, но нет, тот упорно дул с юга, и, быстро оглянувшись, Конан увидел, как чудовище неотвратно приближается, подобно боевой галере впереди урагана. Тогда варвар отбросил Валерию с такой силой, что та, нелепо размахивая руками, улетела не меньше чем на дюжину шагов в сторону, где приземлилась на кучу сухих листьев у подножия мощного ствола. Избавившись от девушки, киммериец круто обернулся навстречу рычащему титану.

Уверенный, что смерть уже неминуема, варвар поступил так, как подсказала ему мать-природа: с мечом в руке он бросился прямо к нависшей над ним жуткой пасти! Подпрыгнув, он со страшной силой опустил свой меч на морду чудовища, тонкие пластинки не выдержали, из рассеченного мяса хлынула кровь. И в тот же миг он получил такой удар, что пролетел кувырком пятьдесят ярдов — без многих чувств, с душой, чудом удержавшейся в теле.

Как он сумел подняться — то навсегда осталось тайной, непостижимой и для самого киммерийца. В мозгу занозой сидела одна мысль: как там Валерия, беспомощная, возможно без сознания, в считанных ярдах в стороне от протопавшего мимо зверя; и не успел воздух со свистом ворваться в его глотку, как он уже стоял над ней, сжимая в руке верный меч.

Девушка лежала там же, куда он ее отбросил, делая лишь слабые попытки сесть. Ни острые шипы хвоста, ни всесокру-

шающие лапы ее не коснулись. Самому Конану, судя по всему, досталось от предплечья или передней лапы чудовища. От резкой боли наступающей агонии слепой зверь потерял интерес к жертвам, чей запах он до сего момента вынюхивал огромными ноздрями, и с треском протопал дальше. Подобно лавине, сметая все на своем пути, он мчался по прямой, пока его опущенная к земле голова не врезалась в ствол гигантского дерева. От страшного удара дерево с грохотом повалилось на землю, одновременно раздался жуткий треск — то лопнул череп зверя. Исполинское чудовище и дерево упали рядом, а люди, пораженные ужасным зрелищем, молча взирали, как дрожат листья, под которыми билась в предсмертной агонии доисторическая тварь. Затем все стихло.

Конан помог Валерии подняться, и оба, шатаясь, побежали прочь от страшного места. Через несколько минут лес кончился: перед ними, залитая сумрачным светом, лежала открытая равнина.

На мгновение прервав бег, Конан бросил взгляд назад, на непроницаемую чащу леса. Ни щебета птиц, ни дрожания листьев. Угрюмый и молчаливый, лес стоял, как он стоял сотни тысяч лет назад, задолго до появления человека.

— Вперед! — прохрипел Конан, хватая девушку за руку. — Еще не кончено! Что, если другая тварь выйдет из леса и...

Продолжать было незачем...

Казалось, город слишком далеко, гораздо дальше, чем представлялось со скалы. Сердце Валерии молотом стучало в груди, еще минута — и она задохнется! Каждый миг она ждала, что вот сейчас раздастся треск и другое чудовище — само воплощение ночного ужаса — нависнет над ними громадной тушей. Но ничто не нарушало тишины зеленых зарослей.

Когда между беглецами и лесом пролегла первая миля, Валерия задыхалась ровнее. К ней стала возвращаться прежняя уверенность. Солнце село, и над равниной собиралась тьма; лишь звезды мерцали на небе, и в их неверном свете одинокие кактусы стояли причудливыми привидениями.

— Ни скота, ни возделанных полей,— пробормотал Конан.— Интересно, чем они тут живут?

— Может быть, скот развели на ночь по загонам? — высказала предположение Валерия.— А поля расположены по ту сторону города.

— Может быть,— проворчал он.— Хотя со скалы я ничего такого не заметил.

За городом взошла луна и залила окрестности своим желтоватым светом, четкой границей проступили зубчатые стены и башни. Девушку охватила дрожь. Протянувшийся черной ломаной полосой загадочный город выглядел мрачным и зловещим.

Похоже, нечто подобное испытывал и Конан. Варвар остановился и, оглядевшись, сказал:

— Дальше не пойдем. Ни к чему заявляться к их воротам ночью. Нас могут не впустить. К тому же нам не мешает отдохнуть — кто знает, как там встречают чужаков. А несколько часов хорошего сна — и опять можно будет хоть удирать, хоть драться.

Он направился к группе кактусов, росших по окружности, — обычное явление в южных пустынях. Прорубив в колючих зарослях узкий проход, он жестом пригласил Валерию войти.

— По крайней мере, змеи нас здесь не достанут.

Она со страхом посмотрела назад — туда, где милях в шести глухой стеной встал лес.

— Что, если драконы по ночам выходят из леса?

— Будем сторожить по очереди,— успокоил он ее, хотя из ответа неясно было, что же все-таки делать, окажись это правдой.

Взгляд варвара был прикован к городу в нескольких милях от лагеря. Ни единого огонька на башнях, безмолвное, таинственное пятно черной громадой высилось в лунном сиянии на фоне иссиня-черного неба.

— Ложись и спи,— сказал Конан.— Я посторожу первым.

Она замялась, украдкой взглянула на него, но варвар уже сидел, скрестив ноги, у бреши в живой ограде, положив меч на

колени и обратившись лицом к равнине, спиной — к девушке. Не сказав более ни слова, она легла на песок.

— Разбуди меня, когда луна будет в зените, — привычным повелительным тоном сказала она.

Он ничего не ответил, даже не обернулся. Последнее, что видела Валерия, прежде чем провалиться в сон, была его мускулистая фигура — неподвижная, словно отлитая из бронзы статуя в обрамлении из россыпи звезд.

2

В МЕРЦАНИИ ЗЕЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Валерия проснулась внезапно, как от толчка; над равниной занимался бледный рассвет.

Она села, потирая кулаками глаза. Конан, сидя на корточках над срезанным кактусом, со знанием дела выдергивал из зеленой мякоти колючки.

— Ты так и не разбудил меня! — В голосе сквозило возмущение. — Из-за тебя я проспала всю ночь!

— Вчера ты сильно устала, — отвечал он. — Да и заду твоему порядком досталось за время путешествия: вы, пираты, непривычны к верховой езде.

— А сам-то ты кто?

— Ну, прежде чем стать пиратом, я был козаком, а вся жизнь козака проходит в седле. Я сплю вполуха, как пантера, которая в ожидании добычи затаилась у тропы на водопой. Пока глаза спят, мои уши видят все вокруг.

И в самом деле, огромный варвар выглядел таким же свежим, как если бы он всю ночь провел на мягком золоченом ло-

же. Удалив колючки, он срезал грубую кожицу и протянул девушке толстый сочный лист.

— Попробуй-ка, язык проглотишь. Для жителей пустынь кактус — это и еда, и питье. Одно время мне довелось быть начальником в отряде пустынников-зуагиров, живущих разбоем на караванных путях,— от них и научился.

— И кем ты только не был! — воскликнула она с насмешкой, плохо скрывавшей неподдельное восхищение.

— Пожалуй, королем хайборийского королевства,— усмехнулся Конан, запихивая в рот огромный кусок кактуса. — Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?

Она не нашлась что ответить, лишь покачала головой на невиданное нахальство варвара и занялась своей долей кактуса. К ее удивлению, вкус этой еды не был лишен приятности, а прохладный сок превосходно утолял жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер о песок руки, встал, расчесал пальцами гриву черных волос и наконец, застегнув ремень с ножнами, сказал:

— Ну что ж, пошли. Если жители этого города намерены перерезать нам глотки, пусть сделают это сейчас, пока не наступила дневная жара.

Мрачная шутка сорвалась с языка неосознанно, но Валерии подумалось, что его слова вполне могут оказаться пророческими. Поднявшись, она в свою очередь надела пояс. Ночные страхи прошли. Ревущие драконы из сиющего в отдалении леса уже казались полубытым сном. И когда она бок о бок с киммерийцем покидала стоянку, ее походку отличала самоуверенность и грация. Какие бы испытания ни ждали впереди, врагами, несомненно, окажутся мужчины. А за свою жизнь Валерия из Ватаги Красных Братьев еще не сталкивалась ни с одним мужчиной, чей вид поверг бы ее в смятение.

Конан сверху вниз посмотрел на шагавшую рядом девушку — ее свободная, широкая поступь почти не отличалась от его энергичного шага.

— Ты скорее ходишь как горец, чем как моряк, — одобрительно заметил он. — Ты родом случайно не из Аквилонии? Даже солнце Дарфара не сожгло твою кожу. Ее белизне позавидовала бы не одна принцесса.

— Ты прав, Аквилония — моя родина.

Странно, но его комплименты уже не раздражали, наоборот — неподдельное восхищение варвара доставляло ей удовольствие. Если бы ее смену этой ночью отстоял кто другой, Валерия возмутилась бы: она всегда с яростью отвергала любые поползновения мужчин встать на ее защиту или покровительствовать ей — и все из-за того, что она, видите ли, всего лишь слабая женщина. Но вот с ней точно так же обошелся этот мужчина, а Валерии почему-то было приятно. А кроме того, он не воспользовался случаем в минуту, когда она была испугана, слаба и, значит, не смогла бы дать отпор его желаниям. В конце концов морская воительница пришла к выводу, что ее спутник — личность во всех отношениях необычная.

Над городом вставало солнце, окрашивая башни в зловещий темно-красный свет.

— Ночью при луне они черные, — глухо проговорил Конан, по его лицу пробежало облачко, в глазах отразилось крайнее суеверие, присущее варварам. — А утром на солнце они почему-то красные, будто кровь. Не нравится мне этот город.

Однако они не сбавили шага, и тут Конан вдруг обнаружил еще кое-что: ни одна дорога не вела к городу с севера.

— Я не вижу на земле следов от копыт, — снова заговорил он. — Многие годы, если не века, ее не касался плуг, но посмотри, — он указал на полузасыпанную, полужаросшую кактусами канавку, — было время, когда здесь занимались земледелием.

Валерия и сама уже обратила внимание на следы древней оросительной системы. В недоумении она окинула взглядом равнину и нахмурилась: открытое пространство окружало город со всех сторон и, в свою очередь, упиралось в кромку леса, протянувшегося высоким плотным кольцом. Что скрывалось в лесной чаще, как далеко она еще простиралась — о том можно было только догадываться.

Валерия с тревогой посмотрела на город. Ни блеска шлемов или наконечников копий на укреплениях, ни призывных звуков труб, ни оклика стражи. Тишина — глухая и гнетущая, как и в лесу, — висела над башнями и минаретами.

Солнце стояло уже высоко, когда они подошли к воротам в северной стене и остановились в тени высокого вала. Бурые пятна ржавчины покрывали железные части массивного бронзового портала. Карнизы бойниц, створы ворот, шарниры — все густо заросло паутиной.

— Да их уже несколько лет не открывали! — воскликнула Валерия.

— Мертвый город! — глухо отозвался Конан. — Так вот почему заросли каналы, а земля не вспахана.

— Но кто его построил? Кто жил здесь? И куда они подевались? Почему все бросили?

— Кто знает? Возможно, здесь осел какой-нибудь опальный род, высланный из Стигии. Хотя... по виду стены и башни не походят на стигийские. Может быть, жителей вытеснили враги или выкосила чума.

— В таком случае их богатства по-прежнему должны пылиться в городской сокровищнице, — высказала предположение Валерия: в ней пробудился инстинкт стяжательства, свойственный ее профессии, усиленный к тому же женским любопытством. — Нельзя ли как-нибудь открыть ворота? Тогда можно было бы войти в город и поискать их.

Конан с сомнением окинул взглядом тяжелые створы, однако вышел на середину и, упершись в один из них своим мощным плечом, нажал. Мускулы на икрах и бедрах вздулись буграми, по телу заструился пот. Варвар удвоил усилия — раздался жуткий скрежет ржавых шарниров, и ворота нехотя подались вовнутрь. Шумно дыша, Конан выпрямился и обнажил меч. Проворная Валерия первой заглянула в образовавшуюся щель и не смогла сдержать возгласа удивления.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота, точнее, двери открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Испо-

линских пропорций зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут шемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я пощипал довольно караванов, шедших из Кхитая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены гроздь больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен. — Так называют их антийцы. Существует поверье, что это окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь, — попросила Валерия. — У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на разорванный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех пор, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом

потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрытые полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Под ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Мертвых под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом, — пробурчал Конан. — В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза поострее моих, хотя, должна признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат: пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом, — из того же зеленого жадеита, мрамора, реже из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные проемы вставали непроницаемо-черным пятном, словно брешы в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных плитах, сиденьях не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из кхитайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия. — Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума здесь ни при чем, — размышляя о своем, медленно проговорил Конан. — Иначе были бы скелеты. Что, если их одолели частые набеги и вот они собрались и ушли? Или...

— Что, если тебе бросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия. — Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризы. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — Насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющего Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козалы. Но для чего козалийцам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей цвета оливок, — были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, пронизательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусных украшений из драгоценных камней и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока, — уже решительней сказал Конан, — только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отвращения гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; толчки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери; заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустилась на скамью из жадеита. — Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала: бродишь, бродишь — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше. — Холодный, размеренный тон варвара действовал на нее успокаивающе. — Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай, — слабо огрызнулась девушка. — А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в проеме двери — напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас хотелось, — это поскорее выбраться из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно, — рассеянно думала Валерия, — что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла перевидели за сотни лет загадочно мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся обратившись в слух: для Конана слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как кошка, ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце сразило девушку: на миг захолонуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием — нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голым, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с мужское запястье, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид ди-каря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отгалкивающий.

И все-таки больше всего воительницу поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясся в тисках животного ужаса, и, когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, обтекающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы под галереей.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка вгляделась в ковер под неподвижной фигурой — и глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — алым.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за ограждением, ее глаза пытливо изучали тени под галереей. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!» — но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к коври, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха его лицо стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь со страшного места, он застыл, превратился в камень, как замороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа — человеческого, но страшной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова, — возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом, — не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп качнулся от

стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и обрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвеца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обреченной на заклятие силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присутствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она пусть и слегка, но поддалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она, как на подушечках, опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликования и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно очнувшись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча, — казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла: слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но ты же друг, богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо. — Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала высвободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — Он запнулся. — Ну, те, из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — От нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал. — Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техултли!

— Где это?

— Кварталы у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блеснули.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей. — Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техултли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в зал тишины, надеясь подстеречь и убить кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но увидел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал, если бы ты его не убила. Но думаю, он здесь не один. Наверняка из Ксоталана явятся другие. Боги — и те бледнеют при виде участи несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным налетом. Нахмутив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет — и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксухотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку. — Ты не из здешних. Не знаю, как ты сюда попала, но, будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техултли.

Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупа. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забежали живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее будто издалека, через пространство резкий голос Техотла. Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксоталанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. Быстро!

— Но я не могу, — возразила она. — У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же тощие, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксоталанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Трое оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с раскрытым черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией — воительницей из Ватаги Красных Братьев, и шелест длинного прямого меча звучал ей слаще свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и, вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выждать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожидаясь случая для решающего выпада. Все равно этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет, ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую

хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот сомкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева. Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись зубами до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза воззрились на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, исторгнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпанули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура и молнией сверкнула сталь. Крик воина оборвался, и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее сильная рука по-прежнему сжимала пучок его волос. — Умри, собака! — Стихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла заблестели от восторга. — Целых пять мертвецов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плюнул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это дикое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты, — из враждующего клана, который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака, склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую речь, его отталкивающие черты отражали происходящую в душе борь-

бу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идите! — зашептал он. — Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техуттли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали зеленые мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Кромю известно! — ответил Конан. — Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлазитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техутлинец непрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то поблизости опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техултли! — предупредил Техотл. — Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу? — раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц, — ответил проводник, — нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу, — это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя... — он замялся, — вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техултли тридцать пять лет назад и ни разу не выходил за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все вам расскажет.

И в полной тишине, шагая по пылающему полу под мерное мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Теней, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, пусть и отточенный в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техултли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья. Мы называем ее залами тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко сжать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать, — выдохнул он. С поразительной быстротой техултинец свернул в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в крошечный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошелестел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота. — Нас могут подстергать и там. Может быть, все это построено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растаяли во мраке. Уже через несколько шагов у Валерии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Кошка, ступающая на бархатные подушечки своих лап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попало что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без

его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног; и вдруг Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора; его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то, извиваясь, ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть, — глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ноги словно коснулись льдины, затем послышались тяжелые удары, похожие на удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добравшегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь поверг его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на бегу варвар.

— Люди из Ксоталана,— не оглядываясь, быстро ответил проводник.— Я говорил: залы прямо кишат ими.

— То был не человек,— возразил варвар.— Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего, она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад, лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета, поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техултли!

— Наверяд ли,— проворчал Конан.— Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрей! Быстрей! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техултли!

3

НАРОД, ЖИВУЩИЙ НЕНАВИСТЬЮ

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности, — сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око, — ответил Техотл. — Должно быть, их смущает ваш вид. — И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я, Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться, — мрачно изрек Конан. — Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он. — Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как вдруг дверь бесшумно отворилась вовнутрь и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ошетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали неожиданных гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерзкой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил сложное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не счел нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, что нас преследовали? Что, если они надумают взломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксоталан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техулли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали гляцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены бархатные подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться, как чело-век тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и кушеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденье, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем движении переливалась всеми оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх

мускулов. Лента, вся в сверкающих камнях, стягивала пряди густых волос.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза с жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобравшись, сжав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — В низком поклоне, ладонями вверх, Техотл простер к трону руки. — Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Тецоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техутлинцев судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг, откуда ни возьмись, появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался ксоталанский пес! Белой краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего

колдуна! Сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове, — уже мертвец!

Лицо рассказчика покраснело, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздались приглушенные проклятия и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл. — Это еще не все! Только я успел переброситься с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одного я убил, и рана в бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар, когда нам приходилось особенно туго, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — подходил на отдаленный рев быка. Никто из жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось, они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец, — отрывисто бросил варвар. — Со мной — Валерия из Ватаги Красных Братьев, пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу, и трон. — Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли,— вмешался Ольмек.— Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать вас против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он бросил на девушку взгляд — быстрый как молния — и тут же опустил глаза.

— Мою женщину зовут Тасцела,— продолжал он.— Она — принцесса Техуттли. Но довольно вопросов. Пусть нашим гостям принесут еду и напитки. Я думаю, за время длинного путешествия они порядком устали и проголодались.

Жестом он пригласил обоих искателей приключений за стол цвета слоновой кости. Обменявшись многозначительными взглядами, те сели. Киммериец подозревал подвох. Его голубые глаза перебегали с человека на человека, с предмета на предмет; кисть правой руки не поднималась выше пояса, держась поближе к ножнам. Предложение насытиться и выпить не уменьшило его подозрений. Время от времени его взгляд задерживался на Тасцеле, но принцесса, похоже, не замечала ничего, кроме его белокожей спутницы.

Техотл, перевязав рану на бедре шелковой лентой, тоже присел за стол — он с готовностью взял на себя обязанность прислуживать своим друзьям, как видно, считая за честь для себя удовлетворять малейшие их пожелания. Он тщательно осматривал еду и напитки, приносимые на золотых блюдах и в золотых сосудах, и, прежде чем передать их гостям, пробовал сам. Пока те насыщались, Ольмек молча сидел на троне, пристально наблюдая за чужаками из-под густых черных бровей. Принцесса сидела рядом, обхватив лицо руками, локтями упершись в колени. Взгляд ее темных загадочных глаз был прикован к сильному, гибкому телу Валерии. За ее спиной мрачноватая, но не лишенная красоты девушка размеренно поднимала и опускала роскошное опахало из страусовых перьев.

Еда состояла из незнакомых фруктов экзотического вида, однако очень приятных на вкус; крепкое, красного цвета вино веселило кровь.

— Вы пришли издалека,— наконец вымолвил Ольмек.— Я читал книги отцов. Аквилония лежит за землями стигийцев и шемитов, за Аргосом и Зингарой, а Киммерия — еще дальше.

— Нам обоим не сидится на месте,— легкомысленно ответил Конан.

— Для меня загадка, как вы прошли через лес,— продолжал Ольмек.— В давние времена не больше половины от тысячи храбрых воинов смогли пробиться через его гиблые чащи.

— Мы натолкнулись там на жуткое чудовище размером с мастодонта,— небрежно обронил Конан, держа в руке кубок, в который Техотл с видимым удовольствием лил вино из кувшина.— Но после того, как мы с ним покончили, нас уже никто не тревожил.

Сосуд выскользнул из пальцев Техотла и со стуком, расплескивая красное вино, упал на пол. Смуглая кожа проводника в который уже раз превратилась в пепельно-серую. Ольмек вскочил на ноги — пораженный, он уставился на этих непонятных чужестранцев; толпа замерла в благоговейном ужасе. Некоторые опустили на колени, точно ноги отказывались им служить. Конан озадаченно посмотрел вокруг.

— Что это с вами? С чего вы вдруг поразевали рты?

— Ты... ты убил божественного дракона?!

— Божественного? Я убил чудовище, только и всего. А что прикажете делать, если вас хотят сожрать?

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек.— Случалось, правда, что они убивали друг друга, но из людей еще ни один не убивал дракона. Наши предки были в той тысяче воинов, что пробивались через лес, и они не смогли одолеть чудовищ! Об их чешую мечи ломаются как палки!

— Если бы ваши предки догадались вымазать острия копий в ядовитом соке яблок Деркетто,— проговорил Конан с полным ртом,— а потом ткнуть ими в глаза, рот или еще куда, где помягче, они бы увидели, что драконы не более бессмертны, чем телячья отбивная. Труп твари валяется у самой кромки леса. Если не верите, можете сходить и убедиться.

Ольмек тряхнул головой — без тени недоверия, все больше поражаясь отваге чужаков.

— Именно из-за драконов наши предки не пошли дальше Ксухотла, — сказал он. — Они не осмелились, миновав открытую равнину, снова углубиться в лес. Прежде чем они достигли города, чудовища пожрали множество людей.

— Так значит, Ксухотл построили не они? — спросила Валерия.

— Ксухотл — древний город. Сколько он простоял до нас, не знал никто, даже его полувыродившееся коренное население.

— Ваш народ пришел с озера Эвад? — Конан окинул толпу быстрым взглядом.

— Да. Более полувека назад племя тлазитланцев восстало против владычества короля Стигии. Потерпев в решающем бою поражение, наши предки бежали на юг. Много недель они шли по прериям, пустыне, пробирались через горные хребты, пока наконец не попали в величественный лес — тысяча воинов и с ними женщины и дети.

И там, в лесу, на них обрушились драконы. Те, кого не разодрали в куски, кто спасся от клыков и когтей, в безумном страхе перед чудовищами бежали прочь. Скоро остатки людей уже были у кромки леса, и там их глазам, прямо посередине голой равнины, предстал город Ксухотл.

Они разбили лагерь у стен города, не решаясь покинуть открытое место: в наступившей ночи из леса доносился ужасный рев и треск ломаемых деревьев. Упустив остатки добычи, чудовища накинулись друг на друга. К счастью для людей, звери не осмелились выйти на равнину.

Жители города закрыли ворота, со стен в наших полетели стрелы. Тлазитланцев как бы заперли в огромную тюрьму: со всех сторон равнину окружала стена густого леса, углубиться в который посмел бы разве что сумасшедший.

Той ночью в лагерь из города прокрался раб — одной с нами крови. Он с отрядом других искателей приключений прошел лес еще будучи молодым, за много лет до того, как им про-

шли наши предки. Драконы сожрали всех его товарищей, а его горожане впустили и сделали своим рабом. Его звали Толкемек.

При звуках этого имени в десятках темных глаз вспыхнул огонь, с губ сорвались еле слышные грязные ругательства, кое-кто даже презрительно плюнул.

— Он обещал открыть воинам ворота. Взамен просил об одном: чтобы всех пленных отдали ему в руки.

На рассвете раб открыл ворота. Воины устремились вовнутрь, и залы Ксухотла окрасились кровью. В живых осталось лишь несколько сот горожан — жалкие остатки некогда могущественного народа. По словам Толкемека, они пришли с Востока, из древней Козалы, очень давно, когда предки тех, что сейчас населяют Козалу, ворвались в страну с юга и вытеснили коренное население с их исконных земель. Они долго скитались, пока не оказались однажды на этой голой, опоясанной лесом равнине с единственными в ту пору обитателями — племенем чернокожих.

Они обратили аборигенов в рабство и начали строить город. Все нужное привозили с гор на востоке: жадеит и мрамор, лазурит и золото, серебро и медь. Стада слонов давали слоновую кость. Когда город был построен, всех черных рабов убили. Колдуны выставили вокруг города страшную охрану: по найденным в лесу огромным костям они с помощью колдовства воссоздали драконов — облекли кости плотью, вдохнули в свои творения жизнь, и огромные твари, как и в древности, стали бродить по земле. А чтобы они не вышли из леса и не напали на город, колдуны наложили на них особое заклятие.

В течение многих веков после того жизнь в Ксухотле текла без изменений: люди возделывали плодородную землю, всю равнину избороздила сеть ирригационных каналов. Так шло до тех пор, пока их мудрецы не додумались, как можно выращивать фрукты внутри города, при этом растения получали питание не из почвы, а прямо из воздуха. Поля забросили, вода из каналов ушла, а люди, все больше предаваясь праздности, постепенно превратились в вымирающую расу. Когда наши

предки, прорвавшись сквозь лес, вступили на равнину, этот народ был уже обречен. К тому времени их колдуны давно умерли, искусство волшебства было забыто, а сами горожане в бою уже не владели толком ни мечом, ни колдовством.

Наши отцы перерезали всех жителей Ксухотла — всех, кроме последней сотни, которую отдали Толкемеку, их бывшему рабу; и еще немало дней и ночей по залам прокатывалось это отчаянных воплей — то кричали под изощренными пытками пленники бывшего раба.

Итак, тлазитланцы зажили на новом месте. Городом правили два брата — Техултли и Ксоталан, а с ними — Толкемек. Толкемек взял в жены девушку из нашего племени, а поскольку он открыл ворота и знал много ремесел ксухотланцев, то разделил бремя власти с обоими братьями — вожаками восстания.

Жизнь наладилась, и все шло своим чередом. В течение нескольких лет ничто не нарушало покоя новых горожан. Все только и делали, что ели, пили, занимались любовью и растили детей. За ворота не выходили: Толкемек научил их, как выращивать плоды, не выходя из города, поэтому можно было не ковыряться в земле. Кроме того, с убийством последнего ксухотланца пало заклятие, наложенное колдунами на лесных чудовищ, и чуть ли не каждую ночь твари подбирались к воротам и оглашали окрестности своим жутким ревом. От их бесконечных поединков земля становилась красной, потоки крови наполняли сухие каналы. Вот тогда-то...

Король вдруг оборвал себя, не dokonчив фразы, помолчал немного, а когда снова заговорил, Конан и Валерия почувствовали, что, прежде чем сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Пять лет прошли в мире. Затем... — Ольмек метнул взгляд на женщину рядом, — затем Ксоталан взял в жены девушку, любви которой добивались и Техултли, и престарелый Толкемек. Обезумев от страсти, Техултли похитил ее у законного супруга. К слову сказать, девушка не особенно и возражала. Толкемек назло Ксоталану помогал его брату в этом грязном

деле. Ксоталан потребовал вернуть ему жену, а совет племени оставил последнее слово за женщиной. Та решила остаться с Техултли. В неопишуемой ярости Ксоталан вознамерился забрать ее силой, и сторонники обоих братьев сошлись в Большом зале на бой.

То был день великой скорби. С обеих сторон пролилась кровь. Так ссора переросла в непримиримую вражду, вражда — в открытую войну. Обозначились три группы: часть воинов возглавил Техултли, еще одну — Ксоталан, остальные примкнули к Толкемеку. Еще в мирное время они поделили между собой весь город. Техултли поселился в западных кварталах, Ксоталан — в восточных, а Толкемек вместе с многочисленным семейством обосновался у Южных ворот.

На почве ненависти, зависти и презрения пышным цветом расцвело насилие. Раз обнажив меч, очень трудно вложить его обратно в ножны, а поскольку за кровь нет иной платы, кроме крови, то за каждое убийство неминуемо наступало отмщение. Техултли дрался с Ксоталаном, а Толкемек брал сторону то одного, то другого, то предавал обоих сразу, во всех случаях преследуя только собственную выгоду. В конце концов Техултли со своими людьми отступил в кварталы у Западных ворот, где мы сейчас и находимся. Ксухотл имеет форму овала. Замок Техултли, получивший название в честь своего принца, расположен в западной части этого овала. Все двери, соединяющие его с остальным городом, были заблокированы, оставили лишь по одной на каждом этаже, которые надежно укрепили, чтобы можно было без труда обороняться от возможного нападения. Потом наши предки спустились в катакомбы и возвели глухую стену, отделив западную часть подземелья, где захоронены останки коренных ксухотланцев и глазитланцев, погибших в междоусобице. Они обустроились как в осажденном замке, постоянно тревожа неприятеля дерзкими вылазками.

Сторонники Ксоталана точно так же укрепились в восточной части города, а Толкемек сделал нечто подобное с кварта-

лами, примыкающими к Южным воротам. Таким образом, центральная часть города осталась незаселенной. Ее пустынные залы и комнаты превратились в поле боя, в место постоянной охоты за людьми и страха смерти.

Толкемек воевал на стороне обоих кланов попеременно. Это был сам демон в образе человека, в десять раз хуже и опаснее Ксоталана. Ему были известны многие тайны города, о которых он никому никогда не рассказывал. Разгадав надписи в подземных склепах, он выкрал у мертвецов их тайны — тайны давно ушедших королей и колдунов, забытые обессилевшими от праздности ксухотланцами, которых перебили наши предки. Но даже магия не спасла его, когда однажды ночью мы, соратники Техултли, штурмом овладели его замком и перерезали всех, кого там нашли. Самого Толкемека пытали много дней...

Жесткий голос рассказчика упал до мягкого шепота, лицо приняло отрешенное выражение, взгляд устремился вдаль, словно перед его глазами проходили сцены далекого прошлого, вид которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Ах да,— снова обычным голосом заговорил Ольмек. — Мы не давали ему умереть, пока он не начал молить о смерти, как иные молят о встрече с любимой. Тогда мы вынесли его из комнаты пыток и живого швырнули в темницу на съедение крысам. Но ему каким-то чудом удалось выбраться из темницы, и он убрался в катакомбы. Там, полагаю, и подох, потому как из подземелья замка Техултли есть только один выход — в замок Техултли, а здесь он не объявлялся. Его скелета тоже не нашли. Подверженные суевериям, однако, готовы поклясться, что призрак Толкемека до сих пор разгуливает по подземелью, завывая посреди разбросанных костей. Вот уже двенадцать лет как мы покончили с Толкемекем, а вражда между Техултли и Ксоталаном не затухает, и она не погаснет, пока в живых будет оставаться хотя бы один воин, одна женщина.

Минуло пятьдесят лет с того дня, когда Техултли похитил жену Ксоталана. И все полвека идет вражда. С этой враждой я родился. Все в этом зале, за исключением Тасцелы, родились с этой враждой. С ней, надеюсь, мы и умрем.

Мы — раса обреченных, совсем как те ксухотланцы, которых убили наши предки. Когда началась война, то в каждом лагере было по несколько сот воинов. Сейчас же все жители Техуттли — перед вами, вместе с четырьмя воинами у главных дверей нас всего сорок два человека. Сколько осталось ксоталанцев, я не знаю, но вряд ли больше. За последние пятнадцать лет у нас не родился ни один ребенок, и мы не видели ни одного у ксоталанцев.

Мы вымираем, но, прежде чем умрет последний воин, мы сделаем все, чтобы выпустить из ксоталанцев как можно больше крови — столько, сколько позволит нам милость богов.

Глаза Ольмека зажглись ненавистью, и он еще долго говорил об их бесконечной вражде, о стычках в безмолвных комнатах и сумеречных залах, когда под потолком разливают свой пульсирующий свет зеленые камни, а под ногами адским пламенем полыхает пол — весь в темных пятнах крови из рассеченных вен. В этой бойне сгинуло целое поколение. Самого Ксоталана не было в живых: вот уже много лет как он пал в ужасной схватке на лестнице из слоновой кости. Техуттли тоже умер: он попал в плен, и обезумевшие от ярости ксоталанцы содрали с него живого кожу.

Бесстрастным голосом Ольмек повествовал об ужасных схватках в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, входил в подробности кровавой резни. Огонь в его темных, глубоко посаженных глазах разгорался все сильнее по мере того, как он рассказывал о мучениях мужчин и женщин, с которых живьем сдирали кожу, которым ломали кости, разрывали на части их обнаженные тела; о жутких воплях истязаемых пленников и о предсмертных проклятиях, вырывавшихся из окровавленных глоток. пытки были настолько бесчеловечны, что даже варварскую душу киммерийца охватило отвращение. Неудивительно, что Техотл весь трясся при одной мысли о плене! И все-таки в надежде убить врага он отважился на вылазку — ненависть оказалась сильнее страха. Ольмек говорил еще и еще: о черной магии и колдовстве, о темных, загадочных силах, проникших в верхние этажи из ночного мрака катакомб, о

сверхъестественных тварях, вызванных людьми из небытия для борьбы с врагами. В подобных делах ксоталанцы имели значительное преимущество, поскольку именно в восточной части подземелья были захоронены останки наиболее могущественных колдунов из прежних ксухотланцев, постигших все тонкости своего древнего ремесла.

Валерия с каким-то нездоровым интересом ловила каждое слово.

Наконец жажда мести превратилась в смысл жизни обоих кланов, в животную, непреодолимую потребность убивать. Вражда вытеснила все. Во вражде люди рождались и во вражде умирали. Они никогда не покидали своих укрепленных замков, за исключением тех случаев, когда с замирающим сердцем крались по залам тишины, лежащим между противоборствующими крепостями, и все затем, чтобы убить или быть убитыми. Иногда лазутчики возвращались с обезумевшими от страха пленниками, иногда лишь приносили ужасные свидетельства одержанной победы. Случалось, что они не возвращались вовсе, и тогда их рассеченные на куски, обезглавленные тела находили сваленными в кучу у бронзовых дверей. Во все это верилось с трудом: чтобы живые люди по собственной воле превратили свою жизнь в настоящий кошмар... Отрезанные от остального мира, загнанные в одну ловушку, они, как бешеные крысы, кидались друг на друга, крались по темным коридорам, куда не проникал луч солнца, гонимые одной мыслью: калечить, мучить, убивать!

Все время, пока говорил Ольмек, Валерия чувствовала на себе жгучий взгляд Тасцелы. Похоже, принцесса вообще не слушала Ольмека. Ее лицо оставалось неподвижным: шла ли речь о славных победах или горечи поражений, на нем не отражалась ни дикая ярость, ни жестокое ликование, от которого лица остальных техултлинцев теряли человеческие черты. Великая вражда, которой было одержимо это племя, для нее, похоже, не имела никакого значения. Ее полное безразличие к жизни племени показалось Валерии едва ли не более отвратительным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— Нам уже не уйти из города, — слышался Валерии его голос. — За последние пятьдесят лет ни один человек не выходил за его стены, кроме тех, кто... — Он снова оборвал себя на полуслове. — Даже оставив риск угодить в пасти драконов, тот, кто родился здесь, кто вырос среди стен, никогда не отважится покинуть город. Мы ни разу не ступали по голой земле, нам было бы не по себе под бескрайним небом, под палящими лучами солнца. Нет, мы родились в Ксухотле, и в Ксухотле мы умрем.

— Что ж, вольному воля, — сказал Конан. — Однако, с вашего разрешения, мы попытаемся управиться с драконами. Ваша вражда нас никоим образом не касается. Вы просто проводите нас до Западных ворот — там и расстанемся.

Пальцы Тасцелы сжались, она горячо заговорила, но вмешался Ольмек:

— Уже почти стемнело. Если вы в такое время выйдете на равнину, то наверняка падете жертвой драконов.

— Мы спали эту ночь на равнине под открытым небом, и твари нас не потревожили, — возразил киммериец.

Тасцела загадочно улыбнулась:

— У вас не хватит мужества, чтобы выйти из Ксухотла!

Глаза варвара сверкнули, в нем шевельнулась неприязнь к этой женщине, а та так и впилась взглядом в его спутницу.

— Да нет, пожалуй, хватит, — сказал Ольмек. — Не в этом дело. Выслушайте меня, Конан и Валерия. Мне думается, вас послали боги, чтобы мы наконец раз и навсегда смогли покончить с Ксоталаном. Вы оба — искусные воины. Почему бы вам не взять нашу сторону? Мы обладаем огромными богатствами: драгоценные камни в Ксухотле попадаются на глаза чаще, чем в иных городах булыжники. Кое-что ксухотланцы принесли с собой из Козалы. Кое-что, например огненные камни, нашли в горах на востоке. Помогите нам истребить ксоталанцев, и мы отсыпем вам столько камней, сколько сможете унести.

— А вы поможете нам победить драконов? — спросила Валерия. — С луками и отравленными стрелами хватит и тридцати человек, чтобы очистить от них лес.

— Согласен! — с готовностью воскликнул Ольмек. — Правда, мы в основном учились ближнему бою и подзабыли, как владеть луком, но не беда — научимся заново.

— Что скажешь? — взглянула на Конана Валерия.

— А что тут говорить? — с недоброй усмешкой ответил тот. — Мы ведь бродяги, у которых не отыщется за душой и стертой монеты. Какая разница, кого убивать. Ну, пусть это будут ксоталанцы.

— Так вы согласны? — Ольмек даже привстал, а Техотл едва не закричал от радости.

— Да. А сейчас не худо бы найти пару лежанок, чтобы поспать и отдохнуть, а завтра со свежими силами приступим к работе.

Ольмек кивнул и махнул рукой. Техотл и одна из женщин направились к двери слева от жадеитового пьедестала. У двери Техотл сделал знак следовать за собой, и оба искателя приключений вошли в проем. Прежде чем раствориться в сумраке коридора, Валерия быстро оглянулась: опустив подбородок на сплетенные пальцы, принц Ольмек неподвижно сидел на троне, глядя им вслед. В его глазах пылал огонь жестокости и мести. Тасцела, откинувшись на спинку, нашептывала что-то своей угрюмой служанке Язале. Губы принцессы едва не касались уха девушки, склонившейся к плечу своей госпожи.

Этот ход оказался не таким широким, как прочие, зато довольно длинным. Но вот женщина остановилась, открыла дверь и шагнула в сторону, приглашая Валерию войти.

— Обожди-ка. — Конан обернулся к проводнику. — А где буду спать я?

Техотл указал на дверь в противоположной стене — следующую от той, что выходила в коридор напротив двери в комнату Валерии. Конан заколебался, словно у него были свои соображения на этот счет, но Валерия, ядовито улыбнувшись, захлопнула дверь перед его носом. Пробормотав нечто весьма неучтивое по адресу всей женской породы, варвар зашагал вслед за Техотлом дальше по коридору.

В богато украшенной комнате, отведенной киммерийцу на ночлег, сквозь окна и щели в потолке пробивался тусклый свет. Некоторые окна были шире других — достаточно широкие, чтобы в них пролез худощавый воин, конечно, при условии, что он разобьет стекло.

— Почему бы ксоталанцам не пройти по крышам и не проникнуть в замок через окна?

— Кристаллы небьющиеся, — ответил Техотл. — Кроме того, поверхность крыши очень неровная: в основном это шпильи, купола и крутые коньки с гладкими стенами.

Он тут же выложил варвару немало полезного об устройстве «замка Техултли». В частности, выяснилось, что, как и весь город, замок имеет четыре этажа, или яруса, с комнатами, залами и башнями, мощными столбами, торчащими над крышей. У каждого яруса — свое название, а вообще-то жители Ксухотла дали имена каждой комнате, лестнице, каждому залу — точно так же, как люди в обычных городах присваивают названия улицам и кварталам. Этажи в Техултли назывались так: ярус Орла, ярус Обезьяны, ярус Тигра и ярус Змеи — в перечисленном порядке. Ярус Орла — самый верхний из них, то есть четвертый.

— Кто такая Тасцела? — спросил Конан. — Супруга Ольмека?

Техотл вздрогнул и, прежде чем ответить, опасливо оглянулся.

— Она не супруга. Она — Тасцела! Она была женой Ксоталана — той самой женщиной, которую похитил Техултли, из-за чего и разгорелась вражда.

— Что ты болтаешь?! — возмутился Конан. — Да ведь она красива и выглядит молодо. Не хочешь ли сказать, что пятьдесят лет назад эта женщина была уже замужем?

— Ну да! Клянусь, когда глазитланцы бежали с озера Эвад, она была уже вполне сформировавшейся женщиной. Лишь потому, что король Стигии захотел иметь ее своей наложницей, и взбунтовались Ксоталан с братом, потому им и пришлось бе-

жать из родных мест. Она — колдунья и знает секрет вечной молодости.

— Как так?

Техотл снова вздрогнул.

— Не спрашивай! Я не смею. Все это слишком страшно даже для Ксухотла! — И, прижав палец к губам, он выскользнул из комнаты.

4

АРОМАТ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия расстегнула пояс и, не доставая меча из ножен, положила оружие на кушетку. Увидев, что двери снабжены засовами, она спросила, куда они выходят.

— Те, что справа и слева, открываются в соседние комнаты, — ответила служанка. — А та, — она указала на обшитую медными полосами дверь напротив входной, — та дверь открывается в коридор, ведущий к лестнице, которая спускается в катакомбы. Ты не бойся — здесь вполне безопасно.

— А кто боится? — Валерия презрительно фыркнула. — Просто я должна кое-что знать о бухте, в которой довелось бросить якорь. Надеюсь, у тебя нет в мыслях улечься на полу у моей кушетки? Я не терплю, когда мне навязывают свое общество, по крайней мере — женщины. Разрешаю тебе удалиться.

Оставшись одна, отважная воительница первым делом закрыла на засовы все двери, затем, стянув кожаные сапоги, с наслаждением растянулась на мягком ложе. Она представила

себе, как в эту минуту Конан у себя в комнате устраивается на ночлег, и тут же женское тщеславие дорисовало недостающие детали: хмурый вид, глухое рычание и мускулистое, разгоряченное мужское тело на широкой кушетке... в полном одиночестве! Она злорадно усмехнулась и сомкнула веки.

За городскими стенами на равнину спустилась ночь. В залах Ксухотла зеленые камни светились подобно глазам доисторических зверей. Где-то среди темных башен, точно неприкаянный дух, завывал ветер. А по сумрачным проходам ночными призраками крались неясные тени.

Валерия проснулась внезапно, как от толчка. В неверном свете зеленых камней она различила склонившегося над ней человека. На краткий миг ей показалось, что видение это — всего лишь продолжение сна. Ей снилось, что она лежит на той же кушетке в той же комнате, а над ней медленно шевелил своими лепестками черный цветок — такой огромный, что закрывал собою потолок. Терпкий аромат цветка охватил Валерию, проник в каждую клеточку мозга, погружая тело в чувственную, восхитительную истому — слишком сладостную, чтобы быть сном. Вот волны аромата, несущего неизъяснимое блаженство, накрыли ее с головой... и вдруг что-то коснулось ее лица. Все чувства под воздействием дурмана были настолько обострены, что легкое касание показалось ударом хлыста. Вместе с пробуждением пришло ощущение реальности, и тогда вместо огромного уродливого цветка она увидела темнокожую женщину, стоящую у изголовья кушетки.

К Валерии вернулись чувства, и первым — гнев. Тень быстро повернулась, но, прежде чем та успела сделать хотя бы шаг, воительница вскочила на ноги и сомкнула пальцы вокруг смуглой руки. Женщина рванулась с яростью дикой кошки, но тут же затихла, побежденная, почувствовав превосходство в силе. Валерия повернула пленницу к себе лицом и, свободной рукой схватив за подбородок, подняла голову и заглянула той прямо в глаза. Перед ней стояла мрачная Язала, служанка Тасцелы.

— Признавайся, что ты выделявала надо мной? Что у тебя в руке, покажи!

Язала ничего не ответила, лишь шарила по сторонам глазами, выискивая, куда бы забросить предмет. Тогда Валерия вывернула руку, и на пол упало что-то черное — большой, необычного вида цветок на темно-зеленом стебле; размером с человеческую голову, он, однако, не шел ни в какое сравнение с огромным видением наркотических грез.

— Черный лотос! — чуть слышно вскрикнула Валерия. — Цветок, чей запах навевает глубокий сон. Ты хотела меня одурманить! И не коснись лепестков моего лица... Зачем ты это сделала? Чего ты хочешь?

Язала не произнесла ни звука. Валерия с проклятием повернула ее спиной, заставила встать на колени и, вывернув руку, стала загибать ее кверху.

— Говори, не то я за себя не ручаюсь!

По мере того как загибалась рука, тело служанки все сильнее извивалось от нестерпимой боли, но в ответ она только отчаянно мотала головой.

— Дрянь! — Валерия оттолкнула от себя служанку, и та распростерлась на каменных плитах.

Взглядом, полным ненависти, воительница окинула слабо шевелящееся тело. Она вспомнила горящие глаза Тасцелы, и в душу отважной женщины закрался страх, пробуждая к жизни тигриные инстинкты самосохранения. Этот народ переживал период упадка, а при таких обстоятельствах от них можно было ожидать чего угодно — любой низости или коварства, возведенных в ранг добродетели. Но сейчас Валерии уже казалось, что этими людьми управляют какие-то потусторонние силы, что-нибудь более ужасное и мерзкое, чем просто осознание обреченности своего народа. Чувство страха и гадливости по отношению к этому зловещему городу охватило воительницу. Его жителей никак нельзя было назвать нормальными, весьма сомнительно, можно ли их вообще назвать людьми. Во всех глазах полыхает огонь сумасшествия — во всех, кроме жестоких, скрытных глаз Тасцелы, владевшей знанием более ужасным, чем само сумасшествие.

Валерия подняла голову, прислушалась. Залы Ксухотла хранили молчание, город словно вымер. Зеленые камни заливали комнату призрачным светом, в котором обращенные к воительнице глаза женщины на полу сверкали жутковатым блеском. Волна животного ужаса прокатилась по сильному телу Валерии, остатки жалости исчезли — осталась ярость.

— Зачем ты хотела меня одурманить? — Она схватила в пучок черные волосы на затылке и, откинув назад голову служанки, впиалась взглядом в темные глаза, опущенные длинными ресницами. — Тебя подослала Тасцела?

Молчание. Валерия грязно выругалась и что было сил ударила служанку ладонью по одной щеке, по другой. Звуки ударов, отразившись от стен, прокатились по комнате. Язала даже не вскрикнула.

— Почему ты не кричишь? — Голос Валерии вздрагивал от ярости. — Боишься, что тебя услышат? Кого боишься? Тасцелы? Ольмека? Конана?

Язала не ответила. Стоя на коленях, злобными, как у василиска, глазами она смотрела на свою мучительницу. Упрямство неизбежно вызывает гнев. Повернувшись, Валерия оторвала от ближайшей портьеры пучок веревок.

— Грязная тварь! — процедила она сквозь зубы. — Я привяжу тебя голую поперек кушетки и буду сечь, пока не скажешь, чем ты здесь занималась и кто тебя подослал!

Ни слова мольбы, ни малейшей попытки сопротивления за то время, пока Валерия выполняла первую часть угрозы; упрямство жертвы только усиливало ее ярость. Затем некоторое время не было слышно ничего, кроме свиста и ударов шелковой плети по обнаженному телу. Язала не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой — так туго она была привязана к кушетке. Ее тело выгибалось и вздрагивало, голова моталась из стороны в сторону в такт ударам плети. Чтобы сдержать рвущийся наружу крик, она закусил губу, из которой уже стекала струйка крови.

Скрученные вместе нити впиались в тело почти бесшумно, лишь резкие, отрывистые звуки отсчитывали удары, но каж-

дая нить оставляла на смуглой коже узкую красную полоску. Валерия трудилась со знанием дела, вкладывая в удары немалую силу своей тренированной руки; она истязала жертву с жестокостью, воспитанной за время жизни среди пиратов, где боль и пытка были явлением обыденным, и с той циничной изобретательностью, которую способна проявить только женщина по отношению к женщине. Язале не пришлось бы так страдать — и физически и душевно, если бы ее палачом был мужчина, пусть даже гораздо сильнее этой разъяренной воительницы.

Именно женская изощренность в конце концов сломила волю темнокожей служанки.

С окровавленных губ сорвалось рыдание. Валерия, замерев с поднятой рукой, убрала со лба влажный светлый локон.

— Хочешь что-то сказать? — Она недобро усмехнулась. — А то смотри, я не устала. Могу трудиться над тобой хоть до утра.

— Пощады! — прошептала женщина. — Я все скажу.

Валерия разрежала веревки у запястий и лодыжек, рывком поставила женщину на ноги. Язала безвольно опустилась на кушетку, вздрогнув от боли, когда иссеченное тело коснулось мягкого ложа. Согнув ногу, она склонилась к обнаженному бедру, левой рукой опершись о кушетку. Все члены ее била дрожь.

— Вина! — еле слышно прошептала она пересохшими губами, дрожащей рукой указав на золотой кувшин на столе. — Дай мне пить. Я совсем ослабела от боли. Потом скажу все.

Валерия взяла сосуд. Язала с трудом поднялась, чтобы принять его, медленно поднесла кувшин к губам — и вдруг плеснула содержимое прямо в лицо аквилонки! Валерия отпрянула, замотала головой, натирая кулаками веки, лишь бы избавиться от жалящей боли в глазах. Словно сквозь туман она увидела, как Язала метнулась через комнату к обитой медными полосами двери, отомкнула засов и, распахнув дверь, исчезла в темном коридоре. Воительница бросилась следом — с мечом в руке и жаждой мести в сердце.

Но у Язалы было преимущество во времени, к тому же ее гнал животный ужас человека, которого едва не засекли до потери разума. Она свернула за угол — считанные ярды впереди Валерии; когда же угол миновала аквилонка, ее глазам открылся пустой зал и в дальнем конце — черный провал дверного проема. Внезапно оттуда потянуло влажными гнилостными испарениями. Валерия содрогнулась. Должно быть, эта дверь вела в катакомбы. Так значит, Язала нашла убежище среди мертвых!

Валерия приблизилась к проему. Она увидела каменные ступени, уходящие вниз, в крошечную тьму. Судя по запаху, эта лестница не имела выхода в нижние ярусы, а вела напрямую в подземелье под городом. Она поежилась при мысли о тысячах и тысячах трупов, лежащих в саванах в бесчисленных склепах там, внизу. У нее не было никакого желания пробираться на ощупь по этим каменным ступеням, в то время как Язале наверняка был известен каждый поворот, каждый закоулок в подземных туннелях.

Раздраженная неудачей, Валерия повернула было обратно, как вдруг снизу до нее донесся отчаянный крик. Казалось, он исходил из глубин тьмы, но слова можно было разобрать. Голос был женский — срывающийся на визг, страшный:

— Помогите! Помогите! Во имя Сета! А-а-а!..

Все стихло, но через миг Валерии почудились отголоски демонского хихиканья.

По спине воительницы пробежал холодный ручеек. Что могло случиться с Язалой там, внизу, во мраке катакомб? Ведь наверняка это кричала она. Но что за опасность подстерегла ее? Или это уловка, чтобы отвязаться от погони? Ольмек заверил их, что катакомбы под Техултли отгорожены от остального подземелья стеной, слишком прочной, чтоб сквозь нее мог прорваться враг. А кроме того, это мерзкое хихиканье — оно вообще мало похоже на смех человека.

Даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на лестницу, Валерия поспешила обратно по коридору. Скользнув в свою

Роберт И Говард

комнату, она сразу закрыла дверь на засов. Затем натянула сапоги и застегнула на талии пояс с ножнами. Решение было принято: прорваться в комнату Конана и, если тот еще жив, вдвоем — пусть с помощью оружия — выбираться из этого проклятого богами города.

Но только она подбежала к двери, как по коридорам и залам прокатился длинный вопль предсмертной муки и вместе с ним — топот бегущих ног и звон мечей!

5

ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульном помещении, примыкавшем к главной двери этажа, известного под именем «ярус Орла», два воина вели неторопливый разговор. Они давно уже относились к службе с прохладцей, но в силу привычки постоянно были настороже. Несмотря на то что вот уже много лет ни одна сторона не отваживалась нападать на замки друг друга, вероятность такого приступа сохранялась.

— Эти чужаки — сильные союзники, — сказал один. — Думаю, Ольмек двинется на врага завтра.

Он говорил так, как говорил бы иной воин на обычной войне. В крошечном мирке Ксухотла и горстка бойцов считалась армией, а пустынные залы между замками — обширным пространством, на котором велись военные действия.

Второй помолчал, размышляя.

— Допустим, мы сокрушим с их помощью Ксоталан, — наконец сказал он. — А что потом, Хатмек?

— Ну, вобьем за всех красные гвозди. Пленных четвертуем, сожжем или сдерем с них кожу.

— Это понятно. Дальше-то что? — настаивал тот, другой. — Когда всех перебьем? Ведь это страшно — жить, не имея врагов! Всю свою жизнь я ненавидел ксоталанцев и боролся с ними. И если исчезнет вражда, то что останется?

Хатмек пожал плечами. В своих мыслях он никогда не заходил дальше победы над врагом. Он просто не был способен заглядывать так далеко.

Внезапно оба застыли: за дверью послышался подозрительный шум.

— К двери, Хатмек! — шепнул воин товарищу. — Я загляну в Око.

С мечом в руке Хатмек приложил ухо к бронзовой двери в надежде что-нибудь услышать. Его товарищ посмотрел в зеркало — и содрогнулся. По ту сторону дверей плотной кучкой сбились враги — мрачные, темнолицые, они сжимали мечи в зубах. Но не это повергло воина в ужас: пальцами враги затыкали себе уши! Один из них, с разукрашенным перьями убором, имел при себе инструмент из нескольких дудочек. Вот он поднес его к губам, и только стражник открыл рот, чтобы поднять тревогу, как из отверстий полились резкие, режущие ухо звуки.

Крик замер в глотке техултлинца. Зловещая, визгливая мелодия, проникнув за металлическую дверь, заполнила уши стражников. Хатмек оцепенел, не в силах шевельнуться. Лицо воина омертвело: на нем отразился ужас. Другой стражник, находящийся дальше от источника звука, кожей ощутил надвигавшуюся опасность — угрозу разуму, которую несла с собой эта демоническая музыка. Словно где-то под черепом невидимая паутина оплела мягкую ткань его мозга и на волне сумасшествия подняли голову звериные инстинкты. Сжимая ладонями виски, воин рухнул на колени, но отчаянным усилием воли прорвался сквозь пелену чар и закричал истошно и дико, предупреждая своих об опасности.

Не успел затихнуть его крик, как мелодия изменилась: переросла в однотонный невыносимый вопль, острым ножом врезавшийся в барабанные перепонки. Страшная боль пронзила тело Хатмека; точно чья-то рука смахнула с его лица последние признаки разума — так порыв ветра задувает теплившийся огонек. В припадке безумия он сбросил на пол массивную цепь, рывком распахнул дверь и, прежде чем его товарищ успел его остановить, выбежал в зал. Не меньше дюжины лезвий ударили в жилистую плоть, и, топча мертвое тело, ксоталанцы валом повалили в комнату стражи; по коридорам и залам прокатилось эхо их торжествующего рева.

Голова звенела, перед глазами все плыло, но оставшийся в живых стражник вскочил, чтобы с копьем в руке встретить врага. Ужас перед колдовством, свидетелем которого он только что был, вытеснило осознание смертельной опасности: враг проник в Техуттли! Это была его последняя мысль, ибо в тот миг, когда зазубренный наконечник его копья вошел в обтянутый смуглой кожей живот, меч ксоталанца раскроил его череп. И он уже не увидел, как поднятые по тревоге воины с глазами, одичавшими от ярости, бурным потоком вливались в смежные комнаты.

Эти вопли людей и звон стали и сбросили Конана с кушетки — голова ясна, в руке привычный меч. В три прыжка он очутился у двери, распахнул ее и только выглянул в коридор, как на него с безумным блеском в глазах, задыхаясь, налетел Техотл.

— Ксоталанцы! — выпалил тот. — Прорвались через ворота!

Конан помчался по коридору, и тут в дверях своей комнаты показалась Валерия.

— Что тут стряслось? — крикнула она.

— Техотл говорит, что ксоталанцы в замке, — торопливо ответил варвар. — Судя по шуму, так оно и есть.

Вместе с техуттлинцем, следующим по пятам, они ворвались в тронный зал, где их глазам предстало зрелище, по своему безумию превосходившее самый жестокий и кровавый кош-

мар. Два десятка мужчин и женщин с взлохмаченными черными волосами и намалеванными на груди белыми черепами схватились в смертельной схватке с жителями Техултли. Женщины сражались наравне с мужчинами, и на полу уже повсюду валялись трупы.

Ольмек в одной набедренной повязке дрался перед троном; и только в зале появились чужаки, как откуда-то из внутренней комнаты с мечом в руке выскользнула Тасцела.

Хатмек с товарищем были мертвы, и некому было сообщить техултлинцам, каким способом враг проник в их цитадель. Также никто не мог сказать, что заставило ксоталанцев отважиться на этот дерзкий штурм. Соратники Ольмека и не догадывались, что потери ксоталанцев были гораздо более ощутимыми, чем казалось со стороны — из Техултли. Глубокая рана их чешуйчатого союзника, гибель Пылающего Черепа и главное — новость, слетевшая с губ умирающего воина, о появлении загадочных белокожих, вставших на сторону противника, — все это повергло ксоталанцев в тягчайшее уныние, из которого в конце концов и выросла густо замешанная на отчаянии решимость: пусть в безнадежном, пусть в последнем бою, но унести с собой во Мрак как можно больше жизней своих извечных врагов.

Для техултлинцев нападение явилось полной неожиданностью — вот отчего бой кипел уже в тронном зале среди трупов их соратников. Но, оправившись от первого страшного потрясения, они с не меньшей яростью пошли в атаку, к тому же на подмогу уже спешила стража с нижних этажей. Это была смертельная схватка бешеных волков — задыхающихся, ослепленных яростью, безжалостных. Волна нападавших то подкатывалась к возвышению с троном, то вновь отступала; клинки сверкали, в податливую плоть входила сталь, из перерезанных артерий била кровь, ноги топтали красный пол, на который повсюду натекали алые липкие лужи. Изящные столы слоновой кости валялись перевернутыми, стулья — разбиты в щепки, сорванные портьеры тяжелого бархата — все в красных

пятнах. Настал решающий миг кровавой вражды длиной в полвека, и каждый в зале это понимал.

Однако конец был предreshен. По численности техултлины превосходили врагов едва ли не вдвое; это придавало им уверенности, а кроме того, разве не рядом с ними их несокрушимые белокожие союзники?

Последние ворвались в гущу свалки и прошлись по ней, как торнадо по зеленому молодняку. По силе с Конаном могли сравниться разве что три ксоталанца вместе, и, несмотря на вес, он был проворнее любого из них. Он прокладывал дорогу сквозь ураганы и смерчи толпы с хладнокровием матерого волка, окруженного сворой твякающих дворняжек, оставляя за собой след из корчащихся полутрупов.

Валерия сражалась бок о бок с варваром, губы ее кривила жесткая усмешка, глаза горели. Она была сильнее среднего мужчины, быстрее любого из них и более жестока в схватке. В ее руке меч словно оживал. Там, где Конан сокрушал противника своим весом и мощью удара, ломая копыя, разрубая черепа и панцири, Валерия брала хитростью. Прежде чем убить, она игрой меча ослепляла врага, сбивала его с толку, и тот в конечном счете становился легкой добычей. Уже который воин, взмахнув тяжелой сталью, чтобы рассечь надвое эту изящную фигурку, вдруг ощущал на своей шее прикосновение самого кончика ее клинка. Конан, возвышаясь неприступной башней, двигался среди сражающихся, рубя направо и налево; Валерия же легким призраком вилась поблизости: появляясь и исчезая, нападала и отступала, мастерски выполняя свою часть дела. Раз за разом мечи свистели мимо, а их владельцы, вспоров воздух, умирали со сталью в сердце, кровью в горле и с издевательским смешком в ушах.

Ни пол, ни раны не принимались во внимание. Пять ксоталанских женщин пали с перерезанным горлом, прежде чем Конан и Валерия вступили в бой. Когда же женщина или мужчина падали на пол, всегда находился нож, чтобы полоснуть по горлу беззащитной жертвы, или обутая в тяжелую сандалию нога, готовая разmozжить удачно подвернувшуюся голову.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны схватки, временами выплескиваясь в смежные комнаты. И наконец в большом тронном зале остались одни техултлинцы да их светлокожие союзники. Словно чудом уцелевшие после Судного дня или кончины мира, стояли они с бледными лицами, тяжело дыша, мрачно глядя друг на друга поверх искромсанных трупов своих соратников и врагов. На широко расставленных ногах, на руках, сжимавших рукояти мечей, на разгоряченных телах — всюду виднелись алые струйки крови. Не хватало дыхания, чтобы воспеть победу, и лишь безумный, звериный вой вырывался из пересохших глоток. Так не кричат люди в минуты торжества. Так воет стая бешеных волков, гордо стоящих посреди растерзанных недругов.

Поймав руку Валерии, Конан повернул девушку лицом к себе.

— У тебя нога в крови, — глухим голосом сказал он.

Она глянула вниз, лишь сейчас почувствовав жалящую боль. Должно быть, какой-нибудь умирающий в последнем усилии всадил нож ей в мякоть ноги.

— Ты тоже смотришься не краше мясника, — рассмеялась в ответ воительница.

Он смахнул с рук красные капли.

— Не мое. Ого! Смотри-ка ты, царапина — и здесь, и тут. Ну да ладно, ерунда. А вот твою лапку надо бы перевязать.

Твердо ступая среди хаоса из сломанной мебели, мертвецов и оружия, по направлению к ним шел Ольмек; его широкие обнаженные плечи были забрызганы кровью, иссиня-черная борода заляпана алым. Глаза принца полыхали красным огнем — так в черной воде отражается пламя.

— Мы победили! — прохрипел он с изумлением, точно не веря сам себе. — Вражде — конец! Ксоталанские собаки сдохли!.. Ах да, кроме пленников, с которых предстоит еще снять шкуру. Все-таки до чего приятно смотреть на их застывшие морды! Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черный столб!

— Позаботились бы лучше о раненых,— проворчал Конан, отворачиваясь.— Давай, кошечка, посмотрим твою лапку.

— Да подожди ты! — Она резко оттолкнула его от себя: в ее душе еще не стих огонь сражения.— Что, если это не все? Может быть, это лишь часть и они по собственной воле сделали вылазку?

Ольмек покачал головой:

— Они не стали бы дробить силы ради обычного набега.— Он прямо на глазах обретал прежнее царственное величие, однако без своей роскошной пурпурной мантии этот человек походил на принца не более, чем какой-нибудь отвратительного вида хищник.— Нет, голову даю на отсечение — мы перебили всех! Их оказалось меньше, чем я думал, и похоже, это был шаг отчаяния. Но как они проникли в Техутли?

Подошла Тасцела, на ходу вытирая меч об обнаженное плечо; в другой руке она держала предмет, который нашла рядом с трупом вождя ксоталанцев.

— Это флейты безумия,— сказала она.— Один из воинов сказал мне, что Хатмек сам открыл дверь перед ксоталанцами и что его зарезали на месте при штурме караульной комнаты. Тот воин выбежал из внутреннего зала и видел все своими глазами. Еще он слышал затухающие звуки непонятной, жуткой мелодии, от которой, по его словам, стыла душа. Толкемек много раз говорил мне об этих дудках; коренные ксухотланцы клялись, что инструмент спрятан где-то в катакомбах рядом с останками древнего колдуна, владевшего им при жизни. Очевидно, ксоталанские псы нашли его и узнали, как с ним обращаться.

— Вместо пустых разговоров лучше бы кто-нибудь сходил в Ксоталан да посмотрел бы на месте, не остался ли там кто еще,— сказал Конан.— Я бы пошел, если дадите людей.

Ольмек с сомнением окинул взглядом остатки своей армии. В живых осталось человек двадцать, из них некоторые, поставившаяся, лежали на полу. Все техутлинцы были в большей или меньшей степени изранены, одна Тасцела вышла из схватки

без единой царапины. Вражеские мечи не коснулись ее, хотя принцесса сражалась с не меньшей отвагой, чем остальные воины.

— Кто хочет пойти с Конаном в Ксоталан? — громко спросил Ольмек.

Прихрамывая, вперед выступил Техотл. Глубокая рана у него на бедре сочилась кровью, грудь рассекала красная полоса.

— Я пойду!

— Тебе нельзя, — решительно возразил Конан. — Ты тоже не пойдешь, Валерия. Еще немного — и у тебя онемееет нога.

— Я пойду! — подал голос воин, зубами стягивающий узел повязки вокруг запястья.

— Хорошо, Янат. Отправляйся с киммерийцем. Ты тоже пойдешь, Топал. — Ольмек указал на другого воина, раны которого были незначительны. — Но прежде помогите перенести раненых на ложа — их надо побыстрее перевязать.

С этим делом управились быстро. В то время как они склонились над женщиной, оглушенной ударом булавы, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конану почудилось, будто принц что-то прошептал, однако он не мог бы утверждать наверняка. Спустя минуту он уже шел к выходу, оба воина — следом.

В дверях Конан оглянулся на следы недавней бойни: на тускло краснеющем полу валялись мертвецы, в кровавых пятнах ноги и руки скрючились в предсмертной агонии, на смуглых лицах застыла маска ненависти, остекленевшие глаза впились в потолок, с которого огненные камни заливали желтую сцену сумеречным, колдовским светом. Среди мертвых живые двигались бесцельно, неуверенно, точно в тумане. Конан услышал, как Ольмек подозвал женщину и приказал ей перевязать ногу Валерии. Воительница нехотя прошла за той в смежную комнату — она уже начала прихрамывать.

Соблюдая осторожность, два техултлинца вели Конана — сначала по залу за бронзовой дверью и дальше бесчисленными

комнатами под мерцающим зеленым сиянием. И за весь путь — ни единой души, ни даже звука, кроме гулких шагов по каменным плитам. Миновали Большой зал, протянувшийся с севера на юг через весь город, и сразу от близости вражеской территории чувства воинов предельно обострились. Но напрасно настороженные взгляды обыскивали каждый закоулок, каждый сгусток тени: комнаты и залы были пусты. Наконец они вошли в широкий сумрачный зал и остановились перед бронзовой дверью — точной копией двери на ярусе Орла при входе в Техултли. От первого же легкого прикосновения пальцев дверь бесшумно ушла вовнутрь. С трепетным страхом смотрели воины на открывшуюся их глазам анфиладу комнат. Вот уже пятьдесят лет ни один техултлинец не входил под этот свод... конечно, кроме тех несчастных, чья незавидная участь была предрешена. Попасть в Ксоталан — более ужасной кары богов жители западного замка не знали. Страх перед этим заставлял сжиматься их сердца с раннего детства. Для Яната и Топала ступить под этот портал было все равно что добровольно шагнуть в царство Тьмы.

Оба во власти инстинкта, они разом отшатнулись от страшной двери. Тогда Конан, плечом раздвинув проводников, вошел в Ксоталан.

Робко, едва не дрожа, техултлинцы шагнули следом. Каждый, коснувшись пола по ту сторону порога, на миг замирал, дико озираясь по сторонам. Но ничто, кроме их частого дыхания, не нарушало гнетущей тишины.

Они вошли в квадратную караульную комнату вроде той, что была за входной дверью на ярусе Орла в Техултли; оттуда, как и в западном замке, широкий коридор вел в просторную комнату, по форме и размерам напоминавшую тронный зал Ольмека.

В начале коридора Конан остановился. Напряженно вслушиваясь, он в то же время перебегал взглядом с ковров на диваны, с диванов на портьеры, с портьер на черные проемы в стенах по сторонам. Вокруг — ни звука. Похоже, смежные ком-

наты также пусты. Сомнений нет: в Ксухотле больше не осталось ни одного ксоталанца.

— Пошли! — Он двинулся вперед. Но не успел пройти и дюжины шагов, как понял, что вместо двух с ним только один воин — Янат. Варвар круто обернулся и увидел Топала: обьятый ужасом, тот словно прирос к месту; растопыренными руками он как бы пытался защитить себя от неминуемой страшной опасности; взгляд его расширенных глаз был устремлен на диван, стоявший ярдов за двадцать в глубине коридора.

— Ну что там еще? — И вдруг Конан увидел то, что остановило техултлинца, и легкий озноб пробежал по могучей спине варвара. Из-за дивана торчала голова чудовища, судя по всему, рептилии: широкая, как у крокодила, с острыми изогнутыми клыками в верхней челюсти, выступавшими над нижней. Однако тварь была подозрительно неподвижна, в ее немигающих, остекленевших глазах зелеными точками отражались огненные гроздьи под потолком.

Конан заглянул за кушетку. Там лежало уже окоченевшее тело огромной змеи. За всю свою богатую на приключения жизнь бродяги не видел он такого чудища. Казалось, тварь вобрала в себя самую отвратительную вонь, самый пронизывающий холод, какие только нашлись во чреве земли. Кожа не имела определенного цвета: он менялся в зависимости от того, под каким углом Конан смотрел на змею. Глубокая рана у головы указывала на причину смерти.

— Ледяной Змей! — в благоговейном ужасе прошептал Янат.

— Это та тварь, которую я рубанул на лестнице,— сказал Конан.— Она преследовала нас до самых бронзовых дверей, а потом, видимо, уползла сюда подыхать. И как только ксоталанцы управлялись с эдаким зверем?

Вздрогнув, техултлинец покачал головой.

— Его вызвали заклинаниями из черных туннелей, расположенных еще ниже катакомб. Они знали многое из того, чего не знали мы.

— В любом случае тварь мертва, а будь у ксоталанцев еще такие же, они наверняка прихватили бы их с собой в Техултли. Вперед!

Оба воина едва не наступали Конану на пятки, пока тот шел по коридору и потом, когда налег плечом на массивную дверь в серебряной чеканке.

— Если на этом этаже никто не попадется,— говорил он своим спутникам,— спустимся на нижние. Надо облазить Ксоталан с катакомб до крыши. Если Ксоталан ничем не отличается от Техултли, то на этом ярусе должно быть светло от... Великий Асура, что это?!

Они вошли в просторную тронную комнату, во всем похожую на тронный зал в Техултли. Такое же возвышение из жадеита, с таким же сиденьем цвета слоновой кости, точно такие же диваны, ковры и гобелены на стенах. Не было только черного, в красных точках столба за тронным возвышением, однако зловещие свидетельства вражды были на месте.

Вдоль стены за тронном, от края до края, сверху донизу, протянулись застекленные полки. А на полках, прекрасно сохранившиеся, рядами стояли сотни человеческих голов — бесстрастными глазами они смотрели на вошедших, как смотрели одним богам ведомо сколько лет и месяцев.

Топал глухо пробормотал слова проклятия, но Янат стоял молча, в его расширенных зрачках разгорался огонь сумасшествия. Конан нахмурился: он знал, что разум любого техултлинца и так постоянно висит на волоске, а тут еще это зрелище.

Внезапно, выбросив вперед дрожащую руку, Янат указал на ужасные останки.

— Там голова моего брата! — прошептал он непослушными губами.— Рядом — младшего брата моего отца! А там дальше — старшего сына моей сестры!

Он вдруг заплакал, как плачут мужчины — без слез; низкие громкие рыдания сотрясали его сильное тело. Янат не прятал лица, напротив: не отрывая глаз, смотрел на выставленные рядами головы. Но вот рыдания стали резче, сменились жут-

ким, визгливым хохотом, который в свою очередь перерос в нескончаемый невыносимый вопль. Последние искорки разума погасли — Янат сошел с ума!

Конан положил руку ему на плечо, и от этого дружеского прикосновения словно все злые силы, до той поры таившиеся в смутной душе техултлинца, разом вырвались на свободу. Круто повернувшись, Янат с пронзительным криком замахнулся на киммерийца мечом! Конан парировал удар. Топал схватил безумца за руку, но тот каким-то чудом вывернулся и глубоко вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном повалился на пол, а Янат — с выступившей в уголках рта пеной — завертелся в безумном танце; затем, подскочив к полкам, принялся крушить стекла стальным клинком.

Конан прыгнул на него со спины, думая застать врасплох и обезоружить, но маньяк вдруг повернулся и, вопя, как неприкаянная душа, набросился на варвара. Увидев, что разум уже не вернуть, киммериец отступил в сторону и, когда воин оказался рядом, взмахнул мечом. Разрубив ключицу, сталь глубоко ушла в грудь, и бедняга распростерся на плитах рядом со своей жертвой.

Конан склонился над Топалом — тот был при последнем издыхании. Из ужасной раны в боку толчками вытекала кровь. Воин был обречен.

— Топал, ты умираешь, — глухо сказал Конан. — Хочешь что-нибудь передать своим?

— Нагнись ко мне, — прохрипел техултлинец. Конан склонился ниже — и едва успел перехватить руку с ножом, нацеленным в его сердце!

— Кром! — выругался варвар. — Ты тоже спятил?!

— По приказу Ольмека! — выдохнул умирающий. — Не знаю почему. Когда переносили раненого, он прошептал, чтоб я убил тебя, когда пойдем обратно в Техултли... — И с именем своего клана на губах Топал испустил дух.

Конан сдвинул брови — он был явно озадачен. Все это отдавало каким-то массовым психозом. Или Ольмек тоже сошел с

ума? А что, если все техултлинцы гораздо более безумны, чем ему казалось? В конце концов, пожав плечами, он зашагал по коридору к бронзовым дверям, оставив мертвых техултлинцев лежать под пронизывающим взглядом сотен остекленевших глаз их сородичей.

Возвращаясь по лабиринту, Конан не нуждался в проводнике. Его природный инстинкт безошибочно подсказывал дорогу, по которой они шли к Ксоталану. Варвар ступал так же осторожно, как и полчаса назад, сжимая в руке обнаженный меч, впиваясь взглядом в каждый затененный угол, ибо сейчас он опасался не призраков убитых ксоталанцев — угроза исходила от его недавних союзников.

Он уже миновал Большой зал и шел комнатами западной части города, как вдруг услышал впереди странные звуки — словно кто-то с трудом, прерывисто и тяжело дыша, тащил что-то тяжелое по каменным плитам. Еще миг — и Конан увидел человека, который полз навстречу ему по полыхающему красным полу, за ним тянулся широкий кровавый след. Это был Техотл — глаза его уже подернулись туманом, ладонью он зажимал глубокую рану на груди, обильно сочащуюся кровью. Опираясь на другую руку и подтягивая тело, он рывками продвигался вперед.

— Конан, — прохрипел он, увидев киммерийца. — Конан! Ольмек взял себе желтоволосую женщину!

— Так вот почему он приказал убить меня! — пробормотал Конан, опускаясь перед Техотлом на колено; опытным глазом он сразу определил, что перед ним умирающий. — Похоже, Ольмек вовсе не такой сумасшедший, как я о нем думал.

Пальцы Техотла нашли руку киммерийца, сжали ее. В его беспросветной жизни техултлинца, в которой не осталось места ни любви, ни дружеской поддержке, чувства восхищения и привязанности по отношению к загадочным пришельцам из большого мира образовали маленький оазис человеческого тепла, крохотный огонек, благодаря которому он смог постичь добро и сострадание — понятия, которых начисто были лиш-

ны его товарищи, чьи души переполняли ненависть, сластолюбие и ненасытная потребность терзать живую плоть.

— Я хотел ему возразить,— в горле Техотла булькало, на губах пузырилась кровавая пена,— но он ударил меня мечом. Он думал, что убил меня, но мне удалось уползти оттуда. Милосердный Сет! Сколько же мне пришлось ползти! Берегись, Конан! Ольмек наверняка устроит тебе засаду. Убей его! Он не человек, он — зверь! Возьми Валерию и бегите! Не бойтесь леса. Ольмек с Тасцелой обманули вас. Драконы перебили друг друга много лет назад, остался только один — самый сильный. Двенадцать лет он бродил вокруг города. Если вы его убили, то вам ничто не угрожает. Дракон был для Ольмека богом, он поклонялся ему, скармливал ему людей — и молодых и старых: связанную жертву швыряли со стены поджидавшему внизу дракону. Торопись! Ольмек увел Валерию в комнату...

Техотл уронил голову на грудь, тело его обмякло: перед Конаном лежал труп.

Барвар вскочил на ноги, глаза — словно пылающие угли, в голове — полная ясность. Так вот какую игру затеял Ольмек: сначала с помощью чужаков сокрушить враждебное племя, а после... И он-то хорош — мог бы догадаться, что зреет под обезьяньим черепом этого чернобородого выродка!

...Забыв об осторожности, едва ли не бегом Конан спешил в Техутли, на ходу вспоминая, сколько прежних союзников осталось в живых. Получалось, что после жестокой схватки в тронном зале уцелел двадцать один человек. С тех пор трое умерло, значит, осталось посчитаться с восемнадцатью. В своей ярости Конану казалось, что он и голыми руками мог бы истребить все вражье племя.

Но вскоре природная хитрость дикаря взяла верх над природной яростью. Он вспомнил предупреждение Техотла о засаде. Скорее всего, принц так и сделал — на тот случай, если бы Топалу не удалось выполнить приказ. Наверняка Ольмек поджидает его где-нибудь на пути, которым небольшой отряд уходил в Ксоталан.

Конан поднял голову: сквозь кристалл узкого окна в потолке он разглядел мерцающие звезды — значит, рассвет еще не наступил. Выходит, весь этот водоворот событий уместился в несколько часов.

Свернув с прямого пути, Конан спустился по винтовой лестнице этажом ниже. Он не знал, в каком месте на этом уровне находится дверь — вход в замок, но был уверен, что сумеет ее отыскать. Оставалось неясным, как он управится с засовами, но одно он знал наверняка: все двери, ведущие в Техултли, заперты — хотя бы из осторожности, ставшей привычкой за столетия непримиримой вражды. Что ж, в любом случае больше ничего не остается.

Сжимая меч, он бесшумно скользил дальше по лабиринту затененных или залитых зеленым светом комнат и залов. Он был уже на подходе к замку, как вдруг его остановил негромкий звук. Он сразу узнал его — то было сдавленное мычание человека с кляпом во рту. Звук исходил откуда-то спереди и чуть левее. В этих наполненных тишиной комнатах малейший шорох разносился на удивление далеко.

Конан свернул и принялся разыскивать источник звука: тот время от времени повторялся, что значительно облегчало поиски. И вдруг он остановился, во все глаза глядя в дверной проем на зловещую картину. В комнате на низких стойках была укреплена железная решетка, а на ней, с накрепко привязанными к прутьям руками и ногами, распростерлось тело человека-гиганта. Его голова упиралась в щетину железных игл, на треть окрашенных красным. Всю голову оплетала какая-то упряжь, приспособленная, однако, таким образом, чтобы кожаные ремни не могли защитить затылок от острых шипов. Вытянувшаяся в струну тонкая цепочка соединяла упряжь с необычным механизмом, прикрепленным к огромному железному шару, подвешенному над скрытой иссиня-черной бородой грудью пленника. До тех пор пока тот силой воли оставался неподвижным, железный шар висел не шелохнувшись. Но каждый раз, когда боль в затылке вынуждала пленника приподнять голову, шар опускался на несколько дюймов. Проходило

время, и напряженные шейные мускулы уже не могли удерживать голову в этом неестественном положении, и та вновь падала на шипы. Таким образом, медленно, дюйм за дюймом, но рано или поздно шар неизбежно должен был расплющить в лепешку того, кто был распластан на решетке. Из рта жертвы торчал кляп, поверх которого, дико вращаясь, блестели черные воловь глаза. Но вот их взгляд остановился на человеке в дверном проеме, опять послышалось мычание — и Конан отступил, пораженный: привязанный к решетке, лежал Олмек, принц Техултли.

6

ВЗГЛЯД ТАСЦЕЛЫ

— Неужели для того, чтобы перевязать рану, надо было тащить меня в отдельную комнату? — спросила Валерия недовольно. — Почему этого нельзя было сделать в тронном зале?

Она сидела на кушетке. Раненая нога покоилась на подушках, а рядом стояла техултлинка, только что закончившая накладывать повязку из шелковых лент. Весь в красных подтеках, меч Валерии лежал рядом.

Воительница нахмурилась. Женщина исполнила работу молча и старательно, однако Валерии не понравилось ни едва ощутимое поглаживание мягких пальцев, ни выражение ее смуглого лица.

— Остальных раненых разнесли по другим комнатам, — ответила женщина нежным голосом техултлинок, в котором, однако, не чувствовалось ни нежности, ни еще меньше — кротости. Не более чем час назад эта самая женщина на глазах Валерии всадила нож в грудь ксоталанки и выдавила глаз распростертому на полу ксоталанцу.

— Тела мертвецов спустят вниз, в катакомбы,— продолжала та,— чтобы их призраки не бродили по комнатам.

— Ты веришь в призраков? — удивилась воительница.

— Я знаю, что по катакомбам бродит призрак Толкемека,— ответила та, содрогнувшись.— Я его видела однажды; я тогда спряталась в склепе, где покоятся останки королевы, а он прошел мимо — на вид старик, длинная седая борода, волосы, и глаза светятся в темноте. Это был Толкемек: я видела его еще ребенком, когда его пытали.— Ее голос упал до испуганного шепота: — Ольмек смеется над подобными страхами, но я-то знаю, что по катакомбам бродит дух Толкемека! Говорят, что это крысы объедают свежие трупы... но призраки тоже едят такое мясо. Кто его знает, а только...

На кушетку упала широкая тень, и женщина испуганно вскинула голову. Валерия посмотрела вверх — над ней, пожирая ее взглядом, возвышался Ольмек. Принц очистил от крови руки, ноги, торс и смыл с бороды красные пятна, но так и не накинул мантию, и сейчас все его крупное темнокожее и безволосое тело являло собой воплощение силы — звериной, послушной лишь инстинктам матери-природы. В глубоко посаженных темных глазах пылал огонь животной страсти; чуть подрагивающие пальцы, теребящие густую иссиня-черную бороду, также говорили о многом.

Он перевел тяжелый взгляд на женщину, и та, быстро поднявшись, выскользнула из комнаты. В проеме двери она оглянулась — ее глаза были полны грязного любопытства, губы кривила циничная усмешка.

— Ну и поработала,— ворчливо проговорил принц, подходя к дивану и склоняясь над повязкой.— Дай-ка взглянуть...

С быстротой, удивительной для его грузного тела, он схватил меч и зашвырнул его в дальний угол комнаты. Следующим движением Ольмек обхватил огромными руками гибкое тело девушки.

Каким бы стремительным и неожиданным ни было это нападение, ответ последовал молниеносно: едва он успел стис-

нуть ее в своих объятиях, как в изящной руке сверкнул нож и острое нацелилось ему в горло. Скорее благодаря везению, чем мастерству, ему удалось перехватить ее запястье, и на кушетке разгорелась яростная борьба. Она пустила в ход кулаки, носки и пятки, колени, зубы и ногти, добавив всю изворотливость и силу своего совершенного тела, все искусство рукопашной борьбы, приобретенное за годы разбоя на суше и на море. Но ничто не могло противостоять его звериной силе. Кинжал она выронила в первый же миг схватки, а кроме как сталью причинить этой туше ощутимый урон оказалось невозможно.

Похотливый блеск в его черных зрачках не затухал, от их липкого взгляда в Валерии пробудился гнев, а злобно-насмешливая улыбка, которая угадывалась под лиловой порослью, только добавила масла в огонь. В его глазах, в улыбке отразился весь цинизм, вся жестокость, бурлившие под внешне пристойной маской этого извращенного, вырождающегося народа, и в первый раз за свою жизнь Валерия ощутила страх перед мужчиной. Ей казалось, что она борется с неиссякаемой первобытной силой: о его железные руки, как волны о скалы, разбивались все ее выпады. Она почувствовала, как в ее душе нарастает отчаяние. Он словно был невосприимчив к боли. И только раз, когда она с яростью вонзила крепкие зубы в его смуглую руку, да так, что выступила кровь, в нем пробудился зверь. Ладонью он закатил ей по виску такой удар, что искры сыпанули из глаз, а голова откинулась на плечо.

Во время схватки рубашка на ней разорвалась сверху донизу, и он, обезумев от страсти, принялся с изощренной жестокостью тереть жесткой густой бородой об ее обнаженные груди, от чего нежная кожа зарделась кровью, а с алых губ сорвались первые крики боли и бешеной ярости. Но все усилия были тщетны. Безоружную, задыхающуюся от ненависти, ее швырнули на кушетку; она стиснула зубы, в глазах застыло выражение пойманной в капкан тигрицы.

В следующий миг с Валерией на руках он уже быстро шел к выходу из комнаты. Она больше не сопротивлялась, и лишь огонь в глазах говорил о том, что она не побеждена, по крайней

мере — дух ее не сломлен. Девушка не кричала: Конан был далеко, и нечего было надеяться, что кто-нибудь из техултлинцев отважится выступить против своего принца. Но почему тогда Ольмек идет словно крадучись, повернув голову, как бы вслушиваясь в звуки погони, и почему он не пошел в тронный зал?

С девушкой на руках он вошел в противоположную дверь, миновал комнату и осторожно пошел по длинному широкому коридору. И только Валерия убедилась, что Ольмек опасается неизвестных врагов, как, откинув голову, она пронзительно закричала во всю силу своих легких.

Ее тут же наградили оглушительной пощечиной, а Ольмек с быстрого шага перешел на неуклюжий бег.

Но ее крик был услышан. Раздался тихий возглас, и, едва не свернув себе шею, Валерия выглянула за спину принца и сквозь пелену слез и белых точек увидела Техотла, который, прихрамывая, шел следом.

Издав глухое рычание, Ольмек перекинул девушку под руку, и в этом неудобном и, несомненно, малопочтенном положении, прижатая железной рукой к могучему торсу, она, как капризный ребенок, извивалась, царапалась и лягалась, хотя и без заметного успеха.

— Ольмек! — В голосе Техотла слышалось осуждение. — Ты этого не сделаешь! Это подло! Она — женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Без единого слова, сжав пальцы свободной руки в огромный кулак, Ольмек нанес удар, и раненый без чувств рухнул на пол. Принц нагнулся и, не обращая внимания на отчаянную борьбу и проклятия пленницы, вытащил меч Техотла из ножен и вонзил острое клинка в грудь воина. Затем, бросив оружие, зашагал дальше по коридору. Он так и не заметил смуглого женского лица, украдкой смотревшего из-за гобелена ему в спину. С первым стоном Техотла оно исчезло. Превозмогая страшную боль, тот поднялся и, шатаясь как пьяный, выкликая слабым голосом имя Конана и спотыкаясь на каждом шагу, заковылял прочь.

Пройдя быстрым шагом в конец коридора, Ольмек очутился у винтовой лестницы, спустился этажом ниже, пересек несколько узких коридоров и наконец остановился в просторной комнате, двери в которой закрывали тяжелые портьеры — все, кроме одной: тяжелой бронзовой двери, похожей на главную дверь яруса Орла.

Указав на нее, Ольмек самодовольно проурчал:

— Вот, смотри! Эта дверь — один из четырех входов в Техутли. Впервые за пятьдесят лет здесь нет стражи: нам больше незачем ее охранять, ибо нет больше ксоталанцев!

— Ты забыл, что это во многом благодаря мне и Конану, грязный подонок! — презрительно выкрикнула Валерия, дрожа от ярости и стыда за совершенное над ее волей насилие. — Ты вероломный пес! За такие дела Конан перережет тебе глотку!

Ольмек решил не утруждать себя пустыми фразами, а потому не стал сообщать ей, что, как ему, Ольмеку, думается, по его тайному приказу самому Конану к этому часу наверняка уже выпустили кишки. Принц так далеко зашел в своем цинизме, что ему было абсолютно наплевать, как отнесется к этому его белокожая пленница. Он пожирал ее глазами, подолгу задерживая обжигающий взгляд на тех местах, где сквозь разорванную во время схватки ткань выглядывала нежная белая плоть.

— Забудь своего Конана, — хриплым голосом сказал он. — Отныне Ольмек — повелитель Ксухотла. Ксоталан повержен. Больше не будет смертей. Вместо войны мы посвятим наши жизни вину и любви. Но сначала — выпьем!

Он уселся на стол, инкрустированный пластинками из слоновой кости, и силой усадил ее себе на колени — словно темнокожий сатир, облапивший прекрасную белую нимфу. Не обращая внимания на ее отнюдь не нимфовые выражения, он крепко держал девушку, обвив одну руку вокруг гибкой талии, другой же, потянувшись через стол, достал кувшин с вином.

— Пей! — приказал он, сунув горлышко к ее губам и наклоня кувшин.

Девушка откинула назад голову, и вино, омочив губы, пролилось на обнаженную грудь.

— Кажется, твоей гостье пришлось не по вкусу твое вино, Ольмек, — вдруг раздался сзади холодный, насмешливый голос.

Ольмек словно околел, в его полыхающие страстью глаза закрался страх. Он медленно повернул большую голову и помутненным взглядом уставился на Тасцелу, в небрежной позе стоявшую перед дверной портьерой, — ладонь левой руки на гладком бедре, другая рука отведена за спину. Валерия завертелась с удвоенной энергией, пытаясь вырваться наконец из железной хватки Ольмека, как вдруг ее взгляд случайно встретился со взглядом Тасцелы — и по спине воительницы пробежал холодок. Слишком многое пришлось познать гордой воительнице за эту ночь. Совсем недавно она впервые в жизни испытала страх перед мужчиной; сейчас она поняла, что такое страх перед женщиной.

Ольмек словно прирос к столу, его смуглая кожа все сильнее покрывалась пепельно-серым налетом. Тасцела достала из-за спины руку, в которой держала небольших размеров золотой сосуд.

— Я так и думала, что ей не понравится твое вино, Ольмек, — промурлыкала принцесса, — и потому принесла немного своего — того самого, что когда-то захватила с собой с озера Эвад... Ты понимаешь меня, Ольмек?

На лбу принца выступили крупные капли пота, хватка его ослабела. Тотчас Валерия, вырвавшись из страшных лап, скользнула через стол. Но несмотря на то что здравый смысл подсказывал ей немедленно покинуть комнату, она, точно в наважде-нии, не могла двинуться с места и молча наблюдала за развитием событий.

Вихляющей неспешной походкой, которая сама по себе уже являлась оскорблением, Тасцела приблизилась к принцу. Ее голос звучал вкрадчиво, нежно, но глаза ярко блестели. Тонкие, изящные пальцы пробежали по грубым волосам иссиня-черной бороды.

— Нельзя же быть таким эгоистом, Ольмек, — мягко, как бы с легким упреком сказала она, губы ее растянула улыбка,

в глазах — сталь и холод. — Ты вознамерился оставить нашу гостью себе, хотя прекрасно знал, что я сама собиралась поразвлечь ее. Ты сильно провинился, Ольмек!

На миг маска приоткрылась, обнажив истинное лицо принцессы: ее глаза полыхнули огнем, тонкие черты искажил гнев, пальцы конвульсивно сжались, и с невероятной силой, неожиданной для этого стройного тела, она вырвала из густой бороды клочок волос. И все-таки это внезапное проявление сверхъестественной силы наводило меньший ужас, чем всплеск дикой ярости, бушующей под внешне бесстрастными манерами принцессы.

Издав звериное рычание, Ольмек вскочил со стола; своей огромной медвежьей тушей он навис над хрупкой на вид женщиной, пальцы его рук судорожно сжимались и разжимались.

— Шлюха! — Громовые раскаты наполнили комнату. — Ведьма! Жаль, Техултли не убил тебя пятьдесят лет назад! Пошла прочь! Довольно я от тебя натерпелся! Белокожая девка — моя! Убирайся, пока я сам тебя не прирезал!

Принцесса тихо рассмеялась и швырнула пряди волос ему в лицо. В ее смехе было не больше жалости, чем в звоне мечей.

— Когда-то, Ольмек, ты говорил иначе, — насмешливо проворковала она. — Когда-то, в дни своей молодости, ты говорил мне слова любви. Да-да, помнится, много лет тому назад ты даже был моим любовником, и лишь благодаря любви ты, опьяненный черным лотосом, спал в моих объятиях... Тогда-то ты и отдал в мои руки цепи, которыми я поработила тебя. Ты знаешь, что не можешь противиться моей воле. Ты знаешь, что стоит мне всего лишь посмотреть тебе в глаза — с той колдовской силой, которой обучили меня стигийские жрецы, — и ты станешь беспомощен и кроток. Помнишь ту ночь, когда над нами, качаемый таинственным ветерком, благоухал черный лотос; и вот снова ты вдыхаешь его неземной аромат, он облаком окутывает тебя, очаровывает — и вот ты уже мой раб. Ты не можешь бороться со мной. Ты мой раб, как был рабом в ту ночь, и ты останешься моим рабом до конца дней своих, Ольмек из Ксухотла!

Ее голос упал до невнятного бормотания, словно журчание ручейка, бегущего неизвестно куда и откуда под звездным покровом ночи. Придвинувшись к принцу, она стала водить ладонями по его мощной груди. Глаза гиганта потухли, руки безвольно обвисли по бокам.

С жестокой, зловещей улыбкой Тасцела поднесла к его губам сосуд.

— Пей!

Отрешенный, с остановившимся взглядом, принц подчинился приказу — и в тот же миг пелена спала с его глаз, и их захлестнула волна ярости, живого разума и неподдельного ужаса. Рот его широко раскрылся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. С полминуты он раскачивался на полусогнутых ногах и вдруг бесформенной массой повалился на пол.

Звук падения грузного тела вывел Валерию из состояния паралича. Круто повернувшись, она метнулась к двери, но в стремительном броске, который посрамил бы и пантеру, Тасцела преградила ей дорогу. Сжав пальцы в кулак, Валерия выбросила вперед руку, вложив в этот удар все силы своего тренированного тела. Будь перед ней мужчина, тот без чувств рухнул бы к ее ногам. Но, чуть прогнувшись своим гибким телом, Тасцела увернулась и пальцами обвила запястье девушки. Еще миг — и та же участь постигла левую руку. Удерживая оба запястья одной рукой, другой Тасцела деловито связала их шнуром, который выдернула из пояса. До сих пор Валерия полагала, что за эту бесконечную ночь она испытала достаточно унижений, но стыд от грубого обращения Ольмека не шел ни в какое сравнение с тем чувством, от которого в беззвучных рыданиях сотрясалось сейчас ее тело. Валерия всегда была склонна презирать прочих представительниц своего пола, и встреча с женщиной, которая обращалась с ней играючи, точно с ребенком, явилась для ее израненной души слишком большим ударом. Она почти не сопротивлялась, пока Тасцела вела ее за шнур к стулу, пока, силой усадив ее, прикручивала связанные руки между колен к сиденью, и потом, когда привязывала ноги. Небрежно перешагнув через Ольмека, Тасцела направи-

лась к бронзовой двери. Убрав засов, она распахнула дверь, за которой оказался длинный зал.

— В этот зал,— заметила она, впервые обращаясь к своей пленнице,— выходит комната, в прежние времена известная как пыточная. Когда мы заперлись в Техултли, то большинство орудий унесли с собой, но одно, слишком тяжелое, пришлось оставить. Оно и сейчас, как и в прежние времена, находится в рабочем состоянии и, думаю, подойдет как нельзя лучше.

Легко узнаваемый ужас появился в глазах принца. Тасцела вернулась к Ольмеку и, нагнувшись, стальной рукой схватила того за волосы.

— Он только парализован, и то на время,— как ни в чем не бывало пояснила она.— Он может слышать, думать и чувствовать... О да! Уж с этим-то у него все в порядке!

И с этим зловещим замечанием она направилась к двери, волоча за собой принца с такой легкостью, словно это был мешок тряпья. Глаза воительницы расширились от ужаса. Принцесса вышла в зал и, не останавливаясь, проследовала дальше, пока вместе с пленником не исчезла в дверном проеме, откуда вскоре вслед за этим донеслось звяканье железа.

Валерия тихо выругалась и попыталась разорвать веревки, но тщетно: опутавшие ее шнуры, внешне так похожие на нити, на деле оказались невероятно прочными.

Но вот наконец вернулась Тасцела, за ее спиной из смежной с залом комнаты раздавались приглушенные стоны. Она прикрыла за собой дверь, однако не стала накладывать на нее засов. Тасцелу не коснулась жесткая хватка привычки, точно так же, как и душе ее были чужды чувства и инстинкты, свойственные обычным людям.

За все это время Валерия не проронила ни звука; она лишь не отрывая глаз смотрела на женщину, чьи изящные руки держали сейчас ее судьбу.

Сжав в пучок золотистые волосы воительницы, Тасцела потянула руку вниз и заглянула той в лицо. Взгляд принцессы обдавал холодом, но блеск в темных глазах говорил о бушующих в ее душе страстях.

— Я удостаиваю тебя великой чести,— наконец изрекла она.— Ты сможешь возродить юность Тасцелы. Ты, кажется, удивлена? О да! Я выгляжу молодо, и все-таки я чувствую, как кровь в моих жилах замедляет свой бег, как к сердцу подбигается холод, я чувствую, как это случалось уже тысячу раз, дыхание старости. Да, я стара — так стара, что не помню своего детства. Но когда-то я тоже была юной девушкой и меня любил стигийский жрец, который и передал мне секрет бессмертия и вечной молодости. Он потом умер... злые языки говорили — от яда. А я осталась жить в своем дворце на берегу озера Эвад, и быстротечные годы не коснулись меня. В конце концов меня возжелал король Стигии, но наше племя восстало, и в результате мы очутились здесь. Ольмек называл меня принцессой, но во мне нет ни капли королевской крови. Я стою выше, чем любая из принцесс. Я — Тасцела, чья юность возродится благодаря твоему восхитительному телу.

От ровного голоса Тасцелы язык Валерии прилип к гортани. Она кожей ощутила, что за всем этим кроется нечто более ужасное, чем упадок и вырождение народа Ксухотла.

Женщина отвязала от стула аквилонку, рывком поставила ее на ноги. И не страх перед необычайной силой, заключенной в руках принцессы, превратил Валерию в беспомощную жертву — то были глаза Тасцелы, в которых разгорался заволаживающий, наводящий ужас огонь.

7

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ ТЬМЫ

— Ну вот и я! — Конан воззрился на человека, растянутого на решетке. — Чего это ты здесь разлегся! Не нашлось другого места?

Из-под кляпа послышалось невнятное мычание. Конан наклонился и выдернул тряпку изо рта принца. У того вырвался сдавленный рев: от резкого движения его голова приподнялась, и железный шар, качнувшись вниз, замер в каком-то дюйме от его широкой груди.

— Во имя Сета — осторожнее! — выдохнул Ольмек.

— Ну вот еще! — ухмыльнулся Конан. — С какой стати я должен волноваться о твоём здоровье? Жаль, у меня нет времени, а то бы я полюбовался, как эта железяка будет выдавливать из тебя кишки. Но, к сожалению, я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — взмолился Ольмек. — Я все скажу!

— Сначала скажи.

— Никогда! — Тяжелые челюсти принца упрямо сжались.

— Прекрасно! — Конан уселся на скамейку рядом. — Я подожду, пока ты не превратишься в желе, а после найду ее сам. А кстати, события можно ускорить, если кончиком меча поковырять у тебя в ухе. — И он, как бы примериваясь, приподнял клинок.

— Не надо! — Слова вдруг бурным потоком полились из пересохшей глотки принца: — Твою женщину отняла у меня Тасцела. Я всегда был лишь игрушкой в ее руках.

— Тасцела? — фыркнул Конан и сплюнул. — Что еще надо этой развратной...

— Нет-нет! — выпалил Ольмек. — Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Тасцела стара — ей сотни лет. Но она поддерживает в своем теле жизнь и возвращает себе молодость, принося в жертву красивых юных женщин. И это одна из главных причин, почему наш клан оказался на грани вымирания. Она перелет жизненную силу Валерии в свое дряхлеющее тело и расцветет заново — свежая, сильная, прекрасная!

— Двери закрыты? — деловито спросил Конан, проводя пальцем по острию меча.

— Да! Но я знаю тайный ход в Техуттли. Его знаем только мы с Тасцелой, но она уверена, что я не опасен, а ты — убит. Освободи меня, и — клянусь! — я помогу тебе вызволить Валерию. Без меня тебе в Техуттли не пробраться; даже если пыткой принудишь открыть тайну, — все равно один не справишься. Развяжи меня! Мы вдвоем выследим Тасцелу, незаметно подкроемся и убьем прежде, чем она пустит в ход свое колдовство и заморозит нас взглядом своих ведьминых глаз. Нож в спину сделает свое дело. Мне давно надо было бы ее прирезать, но я боялся, что без нее ксоталанцы быстро возьмут над нами верх. Я тоже был ей нужен — потому и жив до сих пор. Но теперь никто ни в ком не нуждается, и один из нас должен умереть. Обещаю, что, когда покончим с колдуньей, вы с Валерией сможете уйти и никто не посмеет вам помешать. Когда Тасцела умрет, мои люди будут подчиняться только мне.

Наклонившись, Конан перерезал веревки, удерживающие тело принца. Тот осторожно выскользнул из-под огромного

шара и поднялся, как бык встряхивая головой и со словами проклятий ощупывая пальцами изодранный затылок. Стоя плечом к плечу, эти два воина являли собой грозную картину первобытной мощи. Ольмек был одинакового с Конаном роста и немного тяжелее, но что-то в техутлинце вызывало настоятельную неприязнь: в его облике затаилось что-то злое, звериное, что резко отличало его от крепко сбитого, но гармонично развитого тела киммерийца. Конан еще раньше сбросил пропитанные кровью лохмотья, оставшиеся от рубашки, и сейчас стоял с обнаженным торсом, демонстрируя мощную мускулатуру. Плечи — широкие, как у Ольмека, — были очерчены четче, а огромная, выгнутая дугой грудная клетка переходила в упругую, гибкую талию, которой явно недоставало принцу с его уже обрисовавшимся брюшком. Все тело варвара, словно отлитое из бронзы, могло служить прообразом силы — примитивной и потому несокрушимой. Кожа Ольмека была темнее, но не от солнца. И если в Конане природа повторила человека, каким он был на заре своей истории, то в угрюмых, неуклюжих формах Ольмека угадывался человек мрачных, доисторических времен.

— Веди! — приказал Конан. — Шагай впереди! Я тебе не особенно доверяю, а как известно, когда имеешь дело с быком, то лучше держаться хвоста, чтобы не угодить на рога.

Повернувшись, Ольмек пошел вперед; пальцами левой руки он, как гребешком, расчесывал бороду.

Принц не повел варвара к бронзовой двери, поскольку был уверен, что Тасцела заперла ее. Вместо того он направился в одну из комнат, имеющих общую стену с Техуттли.

— Секрет потайной двери сохраняли все пятьдесят лет, — сказал принц. — О существовании хода не подозревал никто из наших, не говоря уже о ксоталанцах. Техуттли сам придумал его, а после убил всех рабов, которые его строили. Дело в том, что Техуттли опасался Тасцелы; он боялся, что однажды его выставят за двери собственного королевства и уже не выпустят обратно: к тому времени былая страсть Тасцелы успела смениться глубокой ненавистью. Но та разгадала секрет и как-то

раз, когда он удирал от погони после неудачной вылазки, закрыла дверь перед его носом. Так что ксоталанцы схватили его и содрали с живого кожу. Сам я узнал про дверь случайно: просто выслеживал Тасцелу, и она на моих глазах вошла через ход в замок.

Принц нажал на позолоченный узор в стене, панель бесшумно ушла вовнутрь, и перед ними открылись ступени ведущей вверх лестницы.

— Эта лестница поднимается по внутренней стене каменного колодца, — сказал Ольмек. — Она ведет в башню над крышей, а оттуда уже другие лестницы разбегаются по разным комнатам вниз. Пошли!

— После тебя, дружок! — насмешливо возразил Конан, слегка качнув вперед широким мечом. Пожав плечами, Ольмек шагнул на нижнюю ступеньку, киммериец — за ним, и тотчас массивная дверь бесшумно встала на место. Где-то высоко над их головами мерцала гроздь огненных камней, заливая колодец зловещим сумрачным светом.

Они поднимались по лестнице до тех пор, пока, по расчетам Конана, не миновали четвертый ярус, и вдруг через широкий люк выбрались в круглую башню, где в центре сводчатого потолка был вмурован пучок огненных камней, освещавших лестницу. Сквозь забранные золотыми решетками окна с пластинками из небьющегося кристалла — первые нормальные окна, увиденные им в Ксухотле, — Конан пробежался взглядом по конькам, куполам и башням, чернеющим на фоне звездного неба. Перед ним простиралась крыша Ксухотла.

Ольмек не смотрел в окно. Выбрав одну из лестниц, что змеями уходили вниз, он кивнул Конану, приглашая того следовать за собой. Уже через несколько футов лестница сменилась узким коридором, который, петляя, терялся в сумерках. Он оборвался у нового пролета с крутыми ступенями. Там Ольмек остановился.

Оттуда, из глубины, едва слышный, но все-таки узнаваемый, доносился женский крик, полный ужаса, стыда и ярости. Конан вздрогнул: он узнал голос Валерии.

Вал бешенства взметнулся в душе варвара и вместе с тем — изумления: как, неужели есть на свете опасность, способная исторгнуть из груди дерзкой воительницы этот дикий вопль? Забыв обо всем, киммериец оттолкнул Ольмека и шагнул на лестницу. Но тут же в нем пробудился инстинкт — и вовремя: Ольмек выбросил вперед огромный, точно кувалда, кулак. Удар — мощный и неожиданный — был нацелен в основание черепа, но киммериец повернулся, и удар пришелся по шее. У другого человека хрустнули бы позвонки, но Конан лишь качнулся назад и в этот краткий миг, выпустив меч, бесполезный на ограниченном пространстве, успел перехватить Ольмека за руку и, падая, увлек его за собой. Плотным клубком из сплетенных рук, ног и торсов оба скатились вниз. И пока они пересчитывали ступеньки, железные пальцы варвара нащупали бычью шею принца и сомкнулись на горле.

От мощного удара громадного кулака Ольмека, вложившего в него всю силу руки в бугристых мускулах и мощь квадратных плеч, шея киммерийца вмиг онемела. Но это ни в малейшей степени не уменьшило его ярости, скорее наоборот. Рыча, словно бульдог, он мертвой хваткой вцепился в принца. Враги швыряли друг друга на камни, давили локтями и коленями, рвали зубами и наконец с такой силой врезались в дверь у основания лестницы, что та разлетелась в куски и оба в вихре обломков и пластинок слоновой кости влетели в комнату. Но к тому времени Ольмек был уже мертв: железные пальцы сломали шею, и жизнь оставила тело принца.

Конан поднялся, стряхивая с плеч щепки и смаргивая, чтобы очистить глаза от пыли и капелек крови.

Потом огляделся. Он находился в тронном зале. Кроме него там было еще человек пятнадцать, и первой, на ком остановился его взгляд, была Валерия. Перед возвышением с тронном стоял необычного вида черный алтарь. Установленные вокруг него семь черных свечей на высоких позолоченных канделябрах неторопливо испускали спирали густого зеленого дыма, терпкий запах которого волновал кровь. Эти спирали, сгущаясь под потолком в зеленое облако, образовывали над алтарем

полупрозрачную арку. А на алтаре — совершенно обнаженная, растянутая в струну — лежала Валерия; ее светлая кожа резко выделялась на фоне поблескивающего камня цвета эбенового дерева. Она не была привязана. В изголовье алтаря стоял на коленях молодой воин: точно в тисках сжимал он запястья вытянутых над головой девушки рук. С другой стороны молодая женщина крепко держала ее за лодыжки. Распростертая на алтаре, воительница была не в силах ни подняться, ни даже шевельнуться.

Одиннадцать мужчин и женщин Техутли образовали полукруг и, молча стоя на коленях, горящими жадными глазами наблюдали за зловещим действием.

На троне из слоновой кости в небрежной позе развалилась Тасцела. По обе стороны трона на витых подставках возвышались бронзовые чаши-курильницы. Струйки дыма гибкими ласковыми пальцами оплетали ее руки и ноги. Принцессе не сиделось на месте: она извивалась, ерзала в каком-то чувственном экстазе, словно получая неизъяснимое наслаждение от касания ее нежной кожи о гладкую поверхность трона.

Страшный грохот от разлетевшейся в щепки под натиском двух гигантов двери никак не повлиял на ход событий. Стоящие на коленях лишь мельком взглянули на труп своего принца и на человека, поднявшегося из-под обломков, и снова обратили жадные взоры на белеющее на черном алтаре прекрасное тело. Тасцела окинула варвара наглым взглядом и, усмехнувшись, откинулась на спинку трона.

— Тварь! — От ярости у Конана потемнело в глазах. Пальцы сжались в железные молоты, он шагнул вперед. Но тут же что-то громко звякнуло — и в ноги ему впились стальные зубы. Вдруг остановленный в размашистом шаге, он споткнулся, едва не упал. Челюсти железной западни сомкнулись, острые клыки глубоко ушли в тело и мертвой хваткой держали ногу. И только благодаря буграм икроножных мышц сталь не раздробила кости. Проклятая пасть выпрыгнула прямо откуда-то из-под полыхающего красным пола. Вглядевшись под ноги, Конан увидел паз, в котором она — тщательно замаскированная — поджидала его.

— Глупец! — Тасцела рассмеялась. — Неужели ты думал, что я не приму мер против твоего возможного появления? В этой комнате каждая дверь охраняется такой пастью. А сейчас стой и смотри, как я буду помогать твоей смазливой подружке выполнять ее божественное предназначение! Потом займусь тобой.

Рука Конана метнулась к поясу, но наткнулась на пустые ножны: его меч остался у вершины лестницы. Нож, не раз выручавший в трудную минуту, лежал, брошенный в лесу — там, где дракон вырвал его из своей пасти. Стальные зубы, впившиеся в его ногу, жгли, как горящие угли, но боль не грызла его так, как сводила с ума бешеная ярость, kloкотавшая в груди. Он попался — угодил в ловушку, точно волк-одногодок. Будь у него в руке меч, он отрубил бы себе ногу, прополз бы по полу и убил бы Тасцелу. Глаза Валерии, не отрываясь, с немой мольбой смотрели на него, и от бессилия что-либо изменить варвар почувствовал, как на его мозг начинают накатывать красные волны безумия.

Упав на колено свободной ноги, он попытался просунуть пальцы под острые зубья в надежде, что ему удастся с помощью своей исполинской силы развести челюсти капкана. Из-под ногтей выступила кровь, но намертво сомкнувшиеся челюсти не оставили между сталью и вспоротой плотью ни малейшего зазора: идеально пригнанные друг к другу, сегменты сидели на жестких пружинах и от давления о кости и мускулы частично ушли в железное чрево ловушки. Вид обнаженного тела Валерии только сильнее разжигал ярость варвара.

Тасцела будто забыла о нем. Томно поднявшись с трона, она обвела медленным взглядом коленопреклоненные фигуры своих подданных, потом спросила:

— А где Ксамек, Зланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, принцесса, — ответил кто-то. — Они вместе со всеми переносили в склепы убитых, но так и не вернулись. Похоже, их настиг призрак Толкемека.

— Заткнись, идиот! — грубо оборвала она. — Твой призрак — это миф!

Она сошла с пьедестала, поигрывая тонким, с золотой рукояткой кинжалом. Ее глаза горели адским пламенем. У алтаря принцесса остановилась, и напряженную тишину нарушил ее голос.

— Твоя жизнь вернет мне молодость, белокожая женщина! — заговорила она. — Еще немного — и я приникну к твоей груди, прижму свои губы к твоим и медленно — ах как медленно! — погружу этот клинок в твое сердце, чтобы твоя жизнь, покидая коченеющее тело, вошла в меня и я снова расцвела вечной молодостью и красотой!

Словно змея над парализованной взглядом жертвой, принцесса склонилась над алтарем и не торопясь, дюйм за дюймом разрывая собой вьющиеся струи дыма, стала приближаться к замершей в трансе девушке, которая расширенными от ужаса глазами смотрела прямо в пылающие зрачки колдуньи — зрачки, что с каждым мгновением становились все больше, глубже и, подобно черным лунам, мерцали сквозь дымовые струи.

Сжав кулаки, коленопреклоненные техутлинцы замерли, напряженно ожидая кровавой кульминации действия; и только шумное дыхание Конана, пытавшегося вырвать ногу из капкана, нарушало тишину тронного зала.

Глаза у всех были прикованы к алтарю и к распростертому на нем обнаженному телу; казалось, прогреми рядом гром — и он не разрушил бы чар. И все-таки хватило одного тихого возгласа, чтобы застывшие люди очнулись, — едва слышного вскрика, но такого, от которого волосы на голове встают дыбом. Все разом обернулись — там стоял *он*!

В дверном проеме слева от возвышения с тронном, неясно очерченная, виднелась фигура — шагнувший в реальность ночной призрак! Но это был человек: его всклокоченные седые волосы белым венцом обрамляли голову, спутанная седая борода ниспадала на впалую грудь. Рваные лохмотья не скрывали изможденного тела, голые руки и ноги казались полупрозрачными. Его кожа ничем не напоминала кожу человека: цвета пергамента, вся в отвратительных чешуйках и струпьях, она наводила на мысль о том, что существо давно уже живет в усло-

виях, прямо противоположных тем, при которых обычно зарождается и расцветает человеческая жизнь. И наконец, не было ничего от человека в тех глазах, что сверкали на людей из-под копны седых волос. Словно два диска, они не мигая рассматривали живую картину — светящиеся, белесые, без малейшего намека на живой огонь или разум. Вот потрескавшиеся губы раздвинулись, но с них не сорвалось ни единого членораздельного звука — одно визгливое хихиканье!

— Толкемек! — задохнулась Тасцела, смертельно побледнев; все остальные, накрыв головы руками, в безмолвном ужасе ткнулись в пол. — Так значит, ты не миф, не призрак! Великий Сет! И все двенадцать лет ты скитался во тьме? Двенадцать лет среди костей и трупов?! Какой же страшной пищей ты питался все эти годы! И какой жуткой должна быть жизнь там, в катакомбах, в крошечном мраке бесконечной ночи! Сейчас я понимаю, почему не вернулись... и уже никогда не вернуться оттуда Ксамек, Зланат и Тахик. Но почему ты столько выжидал, почему не нанес удар раньше? Или что-то искал по подземельям? Какое-нибудь секретное оружие, о котором слышал раньше? И вот наконец нашел?

В ответ — лишь зловещее хихиканье. Неожиданно Толкемек прыгнул вперед и очутился в зале, благополучно миновав зубастый капкан, затаившийся перед дверью: возможно, ему помог случай, а может быть, его память цепко держала знания о ловушках Ксухотла. Он не сошел с ума, как обычно сходят с ума люди. Он так долго жил оторванный от общества, что перестал быть человеком. Одна-единственная мысль, теплящаяся в угасшем разуме, тонкой, но прочной нитью соединяла его жизнь с жизнью людей наверху — это мысль о мести. Она одна согревала его все эти годы, побуждала невидимым красться за людьми и убивать из-за угла тех, кого он смертельно ненавидел. Лишь эта нить удерживала его от того, чтобы навсегда удалиться в черные коридоры, комнаты и залы — в давно уже открытое им глубоко под землей вечное царство Мрака!

— Ты что-то искал! — прошептала Тасцела, медленно отступая от белого призрака. — И ты нашел! Ты не забыл нашей

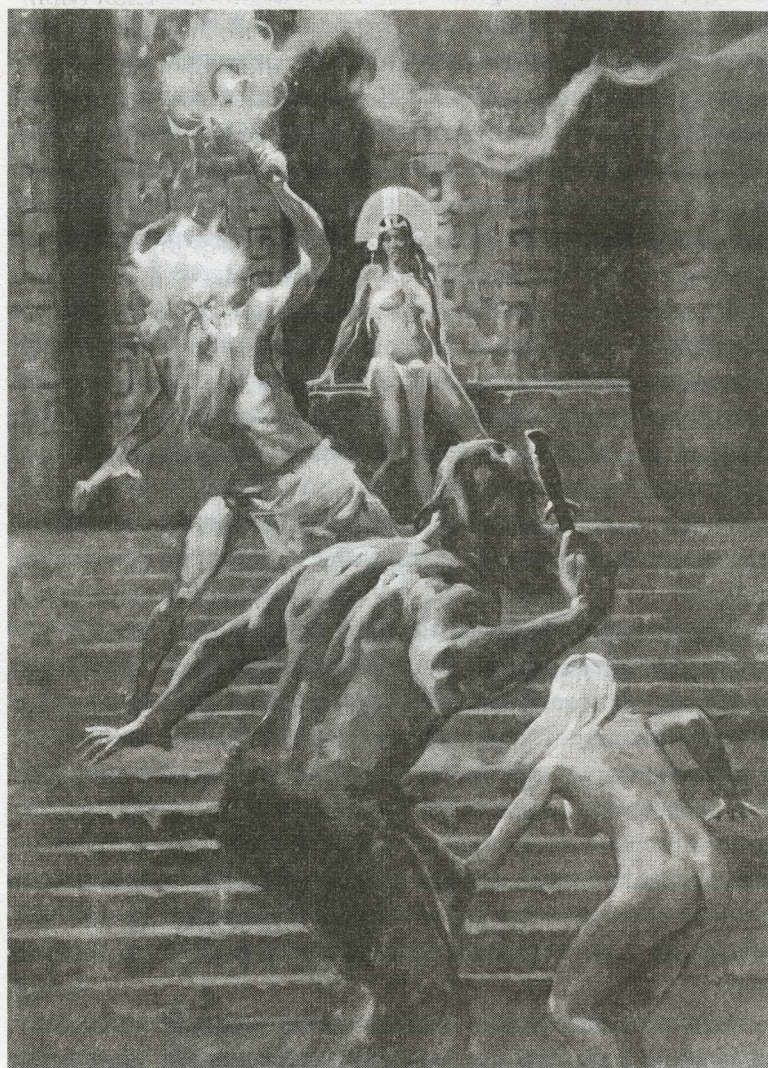
с тобой вражды! Великий Сет! После стольких лет, проведенных во мраке, ты помнишь все!

Ибо в скрюченной руке Толкемека покачивался причудливой формы, с жадеитовым оттенком жезл, на одном конце которого алым пламенем полыхал набалдашник в форме граната. Призрак вытянул вперед руку с жезлом, и от алевшего плода оторвался луч красного огня. Тасцела успела отпрыгнуть в сторону, и на пути луча оказалась техултлинка, державшая Валерию за лодыжки. Пламя ударило между плеч. Послышался громкий хруст, огненная струя переметнулась с груди женщины на алтарь и там рассыпалась голубыми искрами. Женщина отвалилась в сторону, и через миг, когда тело ее коснулось пола, это была уже мумия — иссохшая и безобразная.

Валерия не растерялась: она скатилась с алтаря и, пользуясь им как прикрытием, на четвереньках, точно зверь, ломая ногти и сдирая с колен кожу, засемила к противоположной стене. А тем временем в тронном зале мертвого принца Ольмека вырвались на свободу силы Зла.

Следующим принял смерть воин, сжимавший запястья воительницы. В ужасе он отпустил жертву и побежал, но не успел ступить и десяти раз, как Толкемек с неожиданным для его изможденного тела и потому еще более страшным проворством обогнул тронный зал, и воин очутился между ним и алтарем. И вновь пространство прорезал огненный луч — и техултлинец, уже безжизненный, сморщенным стариком покатился по полу, а луч, ударив по алтарю, разбился голубыми шарами.

И разразилась бойня. В безумном страхе, дико вопя, метались люди по залу, натыкаясь друг на друга, отскакивая, запинаясь и падая. А между ними — то здесь, то там — сновал Толкемек, верша великое дело мести. Техултлинцы не могли выбежать в двери: как видно, металлические части порталов служили тем же, что и испещренное бронзовыми жилками ложе алтаря, — принимали на себя избыток демонической силы, подобно грому извергавшейся из колдовского жезла в руке этой тени прошлого. Каждый раз, когда белесый полутруп заставлял кого-нибудь в пространстве между собой и алтарем или же двер-

ным порталом, человек мгновенно умирал. Толкемек не намечал себе жертв. Он просто подлавливал их одну за другой, с быстротой молнии перемещаясь по залу, и лохмотья одежды на нем развевались рваными парусами, а визгливое хихиканье, жутким эхом прокатываясь под сводом, заглушало вопли обреченных на смерть людей. Тела, как осенние листья, падали вокруг алтаря и в проемах дверей. Только один воин, замахнувшись кинжалом, в безумном отчаянии бросился к Толкемеку — и упал, сраженный, в трех шагах от колдуна. Но все остальные были как стадо на бойне: без мысли о сопротивлении и без малейшего шанса укрыться от смерти.

В ту минуту, когда пал последний техултлинец, принцесса наконец-то добралась до Конана и укрывшейся с ним рядом аквилонки. Быстро нагнувшись, Тасцела коснулась фрагмента мозаичного пола, и скрытый механизм пришел в движение. Стальные челюсти разомкнулись, освобождая кровоточащую ногу, и страшная пасть скрылась в полу.

— Убей его! — выдохнула она, вкладывая в руки киммерийца тяжелый нож. — Против его оружия мое колдовство бесполезно!

С глухим рычанием варвар прыгнул вперед — разгоряченный предвкушением схватки, он едва замечал острую боль в истерзанной ноге. Толкемек неторопливо приближался — в его немигающих глазах застыла ненависть — и вдруг точно споткнулся: в руке киммерийца сверкнула сталь. И пошла жуткая, зловещая игра, в которой Толкемек пытался загнать варвара между собой и алтарем или дверью, а Конан, всеми способами избегая ловушки, примеривался, как бы ему точнее распорядиться ножом. Затаив дыхание, подобравшись, как пантеры, обе женщины с напряженным вниманием следили за поединком.

Ничто не нарушало тишины — лишь шорох да легкое шарканье ног. Толкемек уже не метался по залу. Он понял, что столкнулся с противником куда более серьезным, чем обезумевшая от страха толпа. В стальных глазах варвара он прочел ту же первобытную жажду убивать, какая прочно завладела

им самим. Они покачивались вперед-назад, вправо-влево, и когда делал движение один, его тотчас повторял другой, точно невидимые нити связывали их обоих. И в то же время Конан шаг за шагом все ближе подступал к врагу. Вот мускулы ног напряглись перед прыжком, он чуть нагнулся — и вдруг Валерия вскрикнула: колдун, киммериец, бронзовый портал — все очутились на одной прямой! Вылетел красный луч, и Конан, выгнувшись дугой, лишь в последний миг избежал удара. Но даже в этом положении он не упустил свой шанс: сталь расползла воздух — и древний Толкемек начал заваливаться на бок, в костлявой груди дрожала рукоять ножа.

Тасцела рванулась с места — не к Конану, а туда, где на полу, словно живой, посверкивал колдовской жезл. Но вместе с ней метнулась и Валерия. На ходу выдернув из мертвеца нож, воительница со всей силой закаленных в боях мускулов вонзила лезвие в спину принцессы замка Техултли, так что окровавленное острие, пройдя тело насквозь, выступило между великоленных грудей! Издав пронзительный вопль, Тасцела повалилась к ногам Валерии. Девушка презрительно ткнула носком в дрожащее в предсмертных судорогах тело.

— Я должна была это сделать... хотя бы для того, чтобы не пасть в собственных глазах, — сказала воительница, тяжело дыша и глядя на Конана поверх остывающего трупа.

— Ну что ж, вот и конец вражде, — оскалившись в усмешке, прорычал варвар. — Суматошная, однако, выдалась ночка! Интересно, где у них хранятся припасы? Я проголодался.

— Сначала надо перевязать ногу.

Оторвав от шелковой драпировки солидный кусок, девушка повязала его вокруг талии. Затем, разорвав остатки на полосы, с недюжинной сноровкой перевязала израненную ногу киммерийца.

— Я смогу идти, — заверил он ее. — Лучше поскорее убраться отсюда. Там, за стенами города, должно быть, уже светает. Сказать по правде, я сыт Ксухотлом по горло. Оно и к лучшему, что эти люди извели сами себя. Мне не нужны их драгоценности. Наверняка на них лежит заклятие древних.

— На свете и без их камней всего полно — нам хватит, — ответила она, вставая рядом, — гибкая, стройная и... такая соблазнительная.

Как и тогда, на скале, его глаза зажглись огнем, но на этот раз, сжатая в мощных объятиях, она не стала вырываться.

— До побережья путь неблизкий, — наконец сказала девушка, неохотно отводя свои губы от жарких губ Конана.

— Что с того? — Огромный варвар рассмеялся. — Вдвоем нам все под силу. Еще до того, как настанет сезон и стигийцы откроют свои порты для торговли, мы ступим с тобой на палубу корабля. А вот потом мы всем покажем, что значит настоящая морская охота!

Приложение

Волки у границы (черновик)

Глава 1

Меня разбудил глухой рокот барабана. Лежа среди кустов, послуживших мне укрытием, я высматривал источник звуков, столь обманчивых в этом дремучем лесу. Раздавались они где-то далеко, в непосредственной близости заросли безмолвствовали. Надо мной сплелись, создав плотную крышу, ежевика и вьюны, а выше заслоняла небо мрачная арка из ветвей деревьев-гигантов. Через этот лиственный свод не проглядывала ни единая звездочка. Не было в небе и луны, ночь выдалась черная, как ненависть ведьмы.

Что ж, тем лучше для меня. Если я не вижу своих врагов, то и они меня не заметят.

Однако сквозь ночь кралась зловещая барабанная дробь. Бум-бум-бум... Размеренные, монотонные звуки, будто безымянное лесное чудовище посвящало кого-то в свои нечестивые тайны. Ошибиться было невозможно: это боевой барабан пиктов, по нему бьют ладони раскрашенного дикаря из свирепого племени, что обитает в дебрях за границей Западной Марки.

За этой границей находился и я, разведчик-одиночка. Прятался в ежевике посреди громадного леса, где едва ли не от первого рассвета Времен неистовствовали обнаженные исчадия ада.

Наконец удалось понять: барабан находится на западе, и вряд ли очень далеко. Я поспешил затянуть потуже пояс, обремененный ножом и боевым топориком в шитых бисером чехах, надел тетиву на увесистый лук и проверил, не сорвался ли с левого бедра колчан; в кромешной мгле пришлось все это делать на ощупь. После чего я выполз из кустов и осторожно двинулся на звуки.

Не верилось, что барабан гремит из-за меня. Если я обнаружен людьми леса — не далекий рокот стал бы тому подтверждением, а нечаянный удар ножа в горло. Но раз уж я проник в пиктскую чащобу, нельзя не замечать тайные знаки, нельзя не ломать голову над их грозным смыслом. Быть может, они пророчат беду для белокожих чужаков, чьи разбросанные по вырубкам хижины грозят здешней вековой глуши. Быть может, они сулят пожары и пытки, и ночной звездопад огненных стрел, и кровавый топор, гуляющий по черепаам взрослых и детей.

Так и шел я в кромешной темноте девственного леса, пробирался ощупью среди огромных колод, временами опускался на четвереньки. То и дело какая-нибудь ползучая тварь подворачивалась под руку или даже касалась лица, и тогда сердце мое уходило в пятки. В этих зарослях водились большущие змеи, они любили, обвив хвостом ветку, свешиваться над тропой в ожидании добычи. Но те, кого я искал, были опаснее самой хитрой и самой ядовитой змеи. Их барабан теперь говорил громче, вынуждая меня удвоить, утроить чуткость.

И вот я заметил красный сполох меж деревьев, услышал дикарские голоса, что сливались с рыком барабана.

Чем бы ни занимались варвары на черной прогалине, какие бы богомерзкие ритуалы ни вершили, они наверняка расставили вокруг сторожей. А пикт может подолгу стоять недвижим и неслышим, и не отличишь его от деревьев в ночном лесу, пока не метнется к твоему сердцу сталь. Я весь покрылся мурашками, ожидая встречи с кем-нибудь из этих грозных часовых, но сделать ничего не мог, разве что держать перед собой нож в вытянутой руке. Ободряла лишь одна мысль: даже пикт не заметит крадущегося человека среди такой густой растительности в такую облачную ночь.

Вновь передо мной появился свет костра, на его фоне мелькали черные силуэты, будто демоны возле красного адского пламени. Прокравшись меж тесно стоящими кустами тамариска, я увидел в черной кайме зарослей широкую поляну и движущиеся на ней тела.

Там было сорок-пятьдесят пиктов, в одних лишь набедренных повязках, в чудовищной раскраске. Они сидели широким полукругом, спиной ко мне, и смотрели на огонь. Клан ястреба, или онаяга, судя по перьям в густых черных гривах. Посреди поляны стоял грубый алтарь из уложенных друг на друга валунов, и при виде его я вновь похолодел от страха. Ведь я уже видел такие алтари, сплошь покрытые копотью и засохшей кровью. Правда, еще ни разу зверские обряды пиктов не отправлялись на моих глазах, но доводилось слышать рассказы тех, кто побывал в их стране пленником или, как я сейчас, лазутчиком.

Между костром и алтарем плясал разряженный в перья шаман; медленные движения тела и рук, шаркающие шаги делали танец неопишимо гротесковым. Перья взлетали и опадали, а черты лица прятались под алой демонической маской — ну точно ухмыляющаяся морда лешего.

В фокусе полукруга воинов сидел на корточках дикарь, и зажатый между его колен барабан отзывался на удары низким злым рыком — словно раскаты далекого грома.

Между воинами и пляшущим шаманом стоял человек, к племени пиктов не принадлежавший. Ростом не ниже меня, с белой кожей, на которой играли отсветы костра. Из одежды на нем — только набедренная повязка из шкуры важенки и мокасины; из украшений — узор на теле да перо ястреба в волосах. Наверное, это лигуриец, белый дикарь из тех, что малыми племенами живут в великом лесу, порой воюя с пиктами, порой замиряясь и даже заключая союзы. Кожа у лигурийца не темнее аквилонской. Пикты тоже принадлежат к белой расе, то есть они не желтые, не красные и не коричневые, но зато смуглые, черноглазые и черноволосые. И уж точно ни пикты, ни лигурийцы не считаются белыми у жителей Западной Марки, относящих к этой расе только людей с хайборийской кровью.

И тут я увидел, как три воина затаскивают в круг света человека. Это был пикт, нагой и окровавленный. По перу, чудом удержавшемуся в спутанных волосах, я узнал выходца из клана ворона — врага ястребов с незапамятных времен. Связанного по рукам и ногам пленника бросили на алтарь. Я видел, как взбухают и корчатся в отвесах костра мышцы, но тщетно бедняга пытался разорвать сыромятные ремни.

Вновь шаман пустился в пляс, выделявая мудреные коленца вокруг алтаря, а барабанщик теперь лупил так, словно в него вселился демон. И тут вдруг с простертой над поляной ветви сорвалась исполинская змея, из тех, о которых я уже упоминал. По ее чешуе бегали отблески, из пасти выстреливал раздвоенный язык, но воины не выказывали страха, хоть змея и проползала в считанных локтях от иных. Ну и дивные же дела! Я-то знал: у пиктов нет врагов опаснее этих тварей.

Перед грудой камней чудище выгнуло шею, подняло голову; глядя ему в глаза, по другую сторону алтаря двигался в танце шаман. Корчились его туловище и руки, едва шевелились ноги, и змея тоже пустилась в пляс, извивалась и качалась, будто загипнотизированная. Из-под шаманской маски вырвался жуткий свист — похоже звучит ветер в сухих камышах лимана. Гигантская рептилия тянулась вверх, медленно поднималась все выше и выше, а затем принялась обвивать алтарь вместе с распластанным на нем человеком, и вот уже все его тело скрылось под радужными петлями, видна только голова, да и над нею грозно нависла башка гада.

Свист превратился в визг, а тот перерос в крещендо полного торжества, и шаман бросил что-то в огонь. Поднялся большой зеленый клуб, дымом заволокло алтарь, сделав нечеткими, почти иллюзорными очертания рептилии и человека. Но я угадывал корчи в толще этого дыма, я понимал, что там происходят страшные метаморфозы — черты разных существ расплывались и сливались, и вот уже нельзя судить, кому какие принадлежат. По сидящим пиктам пробежала дрожь, словно стонущий ветер хлестнул по ветвям ночного леса.

Вскоре дым развеялся. Человек и змея лежали недвижно, и я обоих принял за мертвых. Но шаман схватил пресмыкающе-

еся за хвост, и смотал покорное тулово с алтаря, и небрежно уронил наземь, и столкнул с груди камней человеческое тело, и разрезал на запястьях и лодыжках сыромятные ремешки. А затем снова закружил в танце, корчась телом и дико жестикулируя руками.

И вдруг человек из клана ворона зашевелился. Но не встал. Голова его качалась из стороны в сторону, и я видел, как выстреливает и прячется язык. Клянусь Митрой, он извивался, отползая от огня на животе. Точь-в-точь змея!

Вдруг тело этой «змеи» сотрясли конвульсии. Выгнув шею, она вскинулась почти во весь рост, затем упала и снова вздыбилась, тщетно и страшно — вот так же, тщетно и страшно, пытается встать человек с отрубленными конечностями.

Дикое завывание пиктов заставило содрогнуться саму ночь, и на меня, затаившегося в кустах, накатила тошнота. Теперь я понял суть этой мерзкой и жуткой церемонии. До меня уже доходили слухи о ней. С помощью черного первобытного колдовства, затаившегося с незапамятных времен в чреве этого девственного леса, шаман отомстил пленному врагу, переселив его душу в змеиное тело. И обезумевшие от крови пикты вопили при этом, точно демоны ада.

Жертвы корчились в агонии бок о бок, человек и рептилия, пока не сверкнул меч в руке шамана и не упали обе головы. И боги тому свидетели: если змеиное тулово только пару раз дернулось и застыло, то человеческое каталось, извивалось и билось — ну точь-в-точь обезглавленная змея!

Я же был охвачен смертельной слабостью и дурнотой, да и найдется ли на свете белый, способный хладнокровно глядеть на такую гнусную бесовщину? А дикари в боевой раскраске завывали, похабно жестикулировали над мертвецами, упивались их горьким роком. По мне, так это вовсе не люди, а подлые исчадия мира Тьмы, порожденные только для душегубства.

Шаман развернулся прыжком, и оказался лицом к полукругу воинов, и сорвал маску, и завыл по-волчьи. И я узнал это лицо, освещенное костром. Тотчас все страхи и отвращение были вытеснены буйным гневом, и вылетели из головы мысли

об осторожности и даже о долге, что привел меня сюда. Ведь этот шаман — не кто-нибудь, а сам Тианога из племени южных ястребов. Это он сжег заживо сына Джона Гайтера, моего друга.

И я, обуреваемый ненавистью, действовал почти инстинктивно. Сорвал с плеча лук, наложил стрелу и выпустил ее, и все это — в один миг. Не слишком ярко горел костер, зато до цели было рукой подать, к тому же мы, жители Западной Марки, вырастаем под звон тетивы. Старый Тианога лишь мяукнул по-кошачьи да пал навзничь, а прочие взвыли от изумления при виде дрожащего над его грудью древка. Круто развернулся долговязый воин, и я в первый раз смог увидеть его лицо. Клянусь Митрой, это было лицо белого человека!

Пораженный до глубины души, я даже оцепенел на несколько мгновений. А вот пикты времени не теряли. Сорвались с места, быстрые и гибкие, как пантеры, кинулись в лес ловить вражьего стрелка.

И успели достигнуть первых кустов, прежде чем я разорвал пути страха и изумления, вскочил и пустился наутек, пригибаясь под ветвями и огибая стволы. В такой крошечной мгле только инстинкт спасал от столкновений с препятствиями. Но зато пикты не смогут напасть на след, им тоже придется действовать наугад.

Спеша на север, я вдруг услышал завывания позади — от столь чудовищных, полных кровожадной злобы воплей любая душа уйдет в пятки. Все ясно: дикари выдернули из груди шамана стрелу и поняли, что она сделана рукой белого человека. И лютая ненависть ко мне только добавит сил преследователям.

Я бежал, и сердце колотилось от страха и напряжения; в глазах еще стояли картины разыгравшегося на поляне кошмара. И этот белый человек, хайбориец, — он держался не как пленник, а как почетный гость. Ему оставили оружие — я успел заметить нож и топорик на поясе. Неужели возможна подобная мерзость? Не привиделось ли мне все это действие? Еще ни разу не позволялось белому смотреть на танец меняющейся змеи. Это мог сделать лишь пленник, как тот несчастный из племени воронов, или шпион вроде меня.

Как понимать случившееся? Что оно сулит моему народу? Помимо страха меня обуревали самые дурные предчувствия.

Они-то и заставили почти забыть о благоразумии. Осторожность уступила спешке; будь иначе, я бы не налетел на то проклятое дерево! Если бы не шум, ближайший пикт пробежал бы мимо, не увидел бы меня в черной ночи.

Позади меня больше не орали дикари, но я знал: пикты охотятся, точно волки с горящими глазами. Они растянулись в длинную дугу и прочесывают лес. Мой след пока не взяли, потому и молчат. Такой у них обычай — преследовать добычу без единого звука, пока она не окажется вблизи, в одном верном рывке.

Воин, услышавший звуки моего бегства, либо охотился в одиночку, либо оторвался от шайки, забежав далеко вперед. Возможно, он и вовсе не участвовал в погоне, а просто сторожил здесь, чтобы на его приятелей не напали с севера.

Как бы там ни было, он услышал, как я приближаюсь бегом, и ринулся на меня в непроглядной мгле, как сущий демон. Но его выдал слабый топот босых ног, и я успел резко повернуться навстречу.

Ночью пикты видят как кошки, и не могло быть сомнений: я обнаружен врагом. Но одно дело — обнаружить, и другое — хорошо разглядеть; дикарю я казался черным пятном. Занесенный им нож встретился с выброшенным навстречу топором; миг спустя мой собственный нож вошел в грудь врага, и от лиственного свода отразился смертный вопль — точно клич самого рока.

Ему вторил свирепый рев на юге. Преследователи совсем близко, в нескольких сотнях шагов. Теперь они точно знают, где добыча, и мчатся по лесу, высунув по-волчьи языки.

Я припустил что было духу, жертвуя всякой осторожностью ради быстроты и полагаясь на удачу. Авось не налечу в потемках на дерево, не раскрою себе череп.

Но вдруг деревья расступились, исчезли кусты. Не свет ли забрезжил меж ветвями там, впереди? Да, это луна, на небе слегка убавилось туч.

Я мчался по этому редкому лесу, как проклятая душа, травимая демонами на адской охоте. Вопли позади звучали все громче и громче, кровожадные твари уже ликовали. И вдруг ослабли крики, торжество сменилось гневом и досадой — еще бы, ни один пикт не сравнится в беге без препятствий с белым воином из Западной Марки.

Правда, пикты могли быть и впереди — как одиночки-разведчики, так и военные отряды. Но повезло — размалеванные призраки не бросались на меня из теней. Наконец я продрался через кусты к ручью и увидел впереди меж деревьев свет. Это могла быть только крепостца Кваньяра, самый северный аванпост Шохиры.

Глава 2

Прежде чем продолжать эту хронику кровавых лет, наверное, надо рассказать о себе и объяснить, почему я в одиночку отправился в Дебри пиктов.

Меня зовут Гэлт, сын Хагара. Я родился в провинции Конаджохара. Когда мне было десять, пикты прорвались за Черную реку, и обрушились на крепость Тусцелан, и убили там всех до одного, и очистили провинцию от поселенцев, изгнав их на восток, за Громовую реку. Конаджохара снова приросла к пустошам, населенным только дикими зверьми и людьми. Ее бывшие жители разбрелись по Западной Марке и осели в Шошире, Каунаваге и Орискавни, но многие, в их числе моя семья, попали на юг и нашли пристанище на реке Боевой Конь, возле крепости Тандары. Позже к ним добавился люд из старых провинций, где случился переизбыток населения; и вот возник край под названием вольная провинция Тандара, отличавшийся от других, расположенных восточнее болот. Те земли достались от королевских щедрот самым родовитым дворянам и под властью этих дворян обустроивались и заселялись. Совсем другая судьба у Тандары, ее свободные поселенцы отвоевали у чашоб без содействия аквилонской знати. Мы не платили податей никаким баронам. Никто из самых родовитых дворян

не ставил над нами управляющих, мы их выбирали сами, из своей среды, и эти управляющие отвечали только перед королем. Мы собственными руками возводили крепости и этими же руками их защищали. И в дни войны, и в дни мира мы обходились своими силами. Видит бог, мирных дней на нашу долю выпало немного, ибо не утихала распря между нами и свирепыми соседями — пантерой, аллигатором и другими пиктскими кланами.

Вопреки всему мы процветали и редко задавались вопросом, что творится восточнее болот, в королевстве, откуда пришли наши деды. Но вот и до нашей глуши долетел грохот сотрясшей Аквилонию катастрофы. Пришла весть о гражданской войне, о том, как мятежники вырывают трон у древней династии. Искры этого пожара зажгли наше приграничье, и сосед восстал на соседа, брат — на брата. На аквилонских равнинах сражались и убивали рыцари в сияющей стали... Вот почему я в одиночку пересекал дебри между Тандарой и Шохирой, спешил донести известия, способные изменить судьбу всей Западной Марки.

Кваньяра — крепость-невеличка, квадрат земли, обнесенный палисадом из заостренных бревен, на берегу ручья с названием Нож. Я уже видел, как вьется флаг на фоне бледной утренней зари — флаг с гербом провинции. А ведь раньше над ним висел королевский штандарт с золотым змеем! Это могло значить многое. Или не значить ничего. Мы, жители приграничных земель, мало смыслим в традициях, этикете и тому подобных игрушках, столь дорогих королям в странах за болотами.

Я перебрался через Нож по мелководью и на другом берегу встретился с лесовиком, долговязым мужчиной в одежде из оленьей кожи. Узнав, что я пришел из Тандары, он воскликнул:

— О Митра! Видать, и правда дело срочное, коли ты не кружным путем пустился, а напрямик через лес.

Ведь Тандара, как я уже упоминал, лежала наособицу от других провинций. Между ней и болотами Боссонских преде-

лов протянулась Малая пустошь. Безопасная дорога пересекала и пустошь, и болота и задевала соседние провинции, но это слишком длинный и скучный путь.

Он стал меня пытаться, что нового в Тандаре; я же отвечал скупой. Мол, сам почти ничего не знаю, только что вернулся из долгой разведки на земле племени выдры. В этом не было правды. Но я не знал политической ситуации в Шохири, а потому решил осторожничать. Затем я спросил, в крепости ли сейчас сын Хакона Строма, и услышал в ответ: нужный мне человек не в Кваньере, а в городе Шондара, это несколькими милями восточнее.

— Надеюсь, Тандара объявит своим правителем Конана, — произнес он с жаром. — Не скрою, мы-то свой выбор уже сделали, окончательно и бесповоротно. Эх, кабы не злая моя судьба, я бы не торчал здесь с горсткой парней, не стерег бы границу в ожидании набега пиктов. Я бы с радостью променял свой лук и охотничью рубаху на место в рядах нашей армии. Сейчас бы стоял на речке Огаха, у Тенитеи, и готовился бы задать взбучку Брокасу Торскому и его проклятым отступникам.

Я ни слова на это не сказал, хотя изумление мое было преизрядным. Вот это да! Ведь барон Торский — владетель Каунаваги, а не Шоширы, чей покровитель — Тасперас Кормонский.

— А где же Тасперас? — спросил я, и охотник, чуть подумав, ответил:

— Отбыл в Аквилонию сражаться на стороне Конана.

И посмотрел на меня в упор, как будто заподозрил шпиона. Тогда я осторожно проговорил:

— В лесу я видел человека из Шохиры. У него какие-то дела с пиктами, судя по тому, что он среди них живет, голый и размазанный, и даже участвует в кровавых церемониях, и...

Гримаса ненависти, исказившая лицо шохирца, заставила меня осесться.

— Да будь ты проклят! — воскликнул он в негодовании. — Какого демона сюда явился? Чтобы оскорблять?

А ведь и правда, назвать жителя Западной Марки предателем — значит нанести смертельное оскорбление. Но я пошел

на это осознанно. Теперь ясно: моему собеседнику ничего не известно о том ренегате. Не желая выдавать лишних сведений, я мягко сказал охотнику, что он не так меня понял.

— Все я понял отлично,— процедил он, кипя.— Смуглая кожа и южный акцент позволяют заподозрить в тебе лазутчика из Каунаваги. Но даже если ты не лазутчик, все равно не можешь хамить шохирцам безнаказанно. Не будь я на посту, снял бы пояс и показал тебе, чего стоит наш брат в драке.

— Мне ссориться не с руки,— сказала я.— Но путь мой лежит в Шохиру, можем встретиться там, как с поста сменишься. Было бы желание.

— Скоро встретимся,— мрачно посулил он.— Я Шторм, сын Грома, в Шохире меня каждая собака знает.

Я оставил его на берегу речки и пошел дальше, а он смотрел вслед, поглаживая рукояти топорика и ножа — наверное, боролся с желанием запустить мне в затылок что-нибудь тяжелое и острое. Встречаться с другими сторожами что-то вдруг расхотелось, поэтому крепостцу я обогнул по широкой дуге. В столь беспокойные времена достаточно любого неосторожного слова, чтобы тебя приняли за шпиона,— а со шпионами, вестимо, на войне разговор короткий. В косматой башке у этого Шторма, сына Грома, явно зародилось подозрение, и он был бы рад задержать меня и доставить в крепость для разбирательства. Но сделать это не позволило уязвленное достоинство — для таких, как он, честь важнее всего. Да, лихие наступили времена — прежде никому бы не пришло в голову подозревать и допрашивать белого человека, идущего через границу. Налетел кровавый вихрь, и все смешалось, и теперь владетель Каунаваги вторгается в земли соседей.

Вокруг крепости на несколько сот шагов был вырублен лес. Беспрепятственно преодолев расчищенный участок, я двинулся параллельно стене и ни единой души не встретил, хоть и пересек несколько выходящих из Кваньяры дорог.

Огибая вырубки и фермы, я направлялся на восток, и солнце висело не так уж высоко в небе, когда показались крыши Шондары. Лес заканчивался менее чем в полумиле от городка,

одного из самых пригожих на этой приграничной земле, на диво красивого для приграничья: одни дома целиком сложены из бруса, другие — каркасные; некоторые покрашены и все без исключения опрятны. Чем-чем, а каркасными домами моя Тандара похвастаться не может. Но не отсутствие рва и даже частокола показалось мне самым странным. В Тандаре любая постройка в первую очередь предназначена для обороны и лишь во вторую — для жилья или хранения. Поэтому не деревни разбросаны по провинции, а хижины, каждая из них по сути маленькая цитадель.

Здесь же крепость стояла справа от поселения, посреди луга. Имела она и палисад, и ров и величиной едва ли не превосходила Кваньяру. И над стеной я заметил движущиеся головы, все в шлемах или шапках. И на флаге красовался только крылатый сокол Шохиры. Понятно, почему больше нет золотого льва на черном поле, знамени отряда наемников, которым командовал Конан, будучи военачальником на аквилонской службе.

Слева я увидел на краю леса большой каменный дом в окружении лужаек и клумб. Поместье Валериана, самого крупного в западной части Шохиры землевладельца. Этого дворянина я никогда не видел, но был наслышан о его богатстве и могуществе. Теперь его дом выглядел брошенным.

Как, впрочем, и городок. По крайней мере, я почти не замечал взрослых мужчин. Женщин и детей хватало. Неужто мужчины собрали здесь свои семьи, рассудив, что так безопаснее? Когда я пошел по улице, множество глаз подозрительно следили за мной. Но никто ко мне не обращался с вопросами, а те, к кому обращался я, если и отвечали, то односложно и уклончиво.

В таверне считанные старики и калеки сидели у залитых пивом столов и разговаривали полусшепотом; все дружно умолкли, стоило в дверном проеме появиться чужаку в изорванной кожаной одежде. И каждая пара глаз недоуменно уставилась на меня.

Я спросил насчет Хакона, сына Строма, и услышал от хозяйки таверны, что Хакон уехал поутру в Тенитею, где стоят лагерь ополченцы, но должен вскорости вернуться.

Голод и усталость напомнили о себе. Я поел, чувствуя на себе вопросительные взгляды, а потом хозяин постелил для меня в углу медвежью шкуру, я лег и уснул как убитый. А вечером приехал Хакон, сын Строма, и разбудил меня.

Хакон — человек высокий, плечистый и жилистый, как и большинство жителей Западной Марки, — носил такой же наряд, как у меня: охотничья рубашка и штаны из оленьей кожи, с бахромой, и мокасины. С ним пришло полдюжины лесовиков; рассевшись на длинной скамье у двери, они поглядывали на меня по-над кружками с пивом.

Когда я назвался и заявил, что принес для Хакона весточку, он присмотрелся ко мне и пригласил за стол, ломившийся под тяжестью кожаных кружек с пенным напитком.

— Ведомо ли тебе, как обстоят дела в Тандаре? — спросил я.

— Сюда ничего достоверного не доходит, слухи одни.

— Вот для того я и пришел. С вестью от Бранта, сына Драго, губернатора Тандары, и от совета капитанов. И этот знак подтверждает, что мне можно верить. — С этими словами я макнул палец в пену и нарисовал на столе символ, тотчас его стерев.

Хакон кивнул, глаза его заинтересованно блеснули.

— Вот что велено передать, — продолжал я. — Тандара признала власть Конана. Она готова помогать его друзьям и давать отпор его врагам.

Тут он обрадованно заулыбался и тепло сжал мою смуглую руку грубыми пальцами.

— Вот и славно! — воскликнул Хакон. — Ничего другого я и не ждал.

— Разве могут тандарцы забыть Конана? — произнес я. — Ведь даже я, хоть был в ту пору только мальчишкой, запомнил, как он служил разведчиком в лесах Конаджохары. Когда к нам прискакал гонец и сообщил, что Пуантен поднял восстание, что Конан решил сесть на трон и просит у нас даже не добровольцев в армию, а лишь лояльности, — ответ наш был прост:

«Мы не забыли Конаджохару». После этого на нас двинулся по болотам барон Аттелиус, но мы устроили засаду в Малой пустоши и посекали войско на куски. Теперь, пожалуй, можно не опасаться нашествия на Тандару.

— Хотел бы я то же самое о Шохире сказать, — нахмурился мой собеседник. — Послали мы гонца к барону Тасперасу, а он в ответ: поступайте как знаете. Сам он принес присягу Конану, примкнул к повстанцам, но рекрутов на западе набирать не намерен. И барон, и Конан понимают, что Западная Марка должна охранять границу, здесь каждый боец на счету. Однако Тасперас вывел свои войска из крепостей, и теперь их гарнизоны состоят только из нас, лесовиков. На нашей земле не обошлось без мелких стычек, особенно в городах вроде Койаги, где много лояльных Нумедидесу помещиков. Но они частью сбежали в Каунавагу вместе со своими присными либо смирились и пообещали тихо сидеть у себя в замках, — к примеру, так поступил лорд Валериан Шондарский. Ушедшие лоялисты поклялись вернуться и всем нам перерезать глотки. Брокас, между прочим, уже выступил с войском и пересек границу. В Каунаваге он первый богатей и предводитель дворянства. Сюда доходят слухи о том, как знатная сволочь измывается над сочувствующим Конану простонародьем.

Ничуть не удивленный, я кивнул. Каунавага — самая большая, богатая и густонаселенная провинция Западной Марки. Тамошняя знать весьма влиятельна, чего не скажешь о нашей, тандарской. У нас титулованных особ с толстыми денежными мешками по пальцам можно пересчитать, и не дай Митра, чтобы их прибавилось.

— Брокас, пес, требует, чтобы мы поклялись в верности Нумедидесу, — продолжал Хакон. — Сдается мне, этот болван вознамерился усмирить всю Западную Марку — авось за такую услугу Нумедидес сделает его своим наместником. Его армия состоит из аквилонской тяжелой конницы, боссонских лучников, каунавагских ополченцев, шохирских ренегатов. Сейчас он стоит в Койаге, это десять миль за рекой Огаха. А в

Тенитее собралась уйма беженцев из разоренной им восточной земли. Но мы не боимся Брокаса, хоть у него и численное превосходство. Чтобы на нас напасть, необходимо переправиться через Огаху. А там хорошо укреплен западный берег и дорога завалена — коннице не пройти.

— А вот это уже напрямую относится к моей задаче, — сказал я. — Мне разрешено предложить подмогу: сто пятьдесят лесовиков. Понимаю, это не бог весть что. Но тандарское войско не сражается на чужой земле, такой уж у нас обычай. Даже не будь его, мы бы не смогли дать больше, поскольку сейчас идет война с кланом пантеры.

— Что ж, это хорошая новость для нашего командира.

— Как?! — воскликнул я. — Разве не ты командуешь гарнизоном Кваньяры?

— Нет, — ответил Хакон. — Дирк, сын Строма, мой брат.

— Эх, знал бы — сразу бы к нему пошел, — вздохнул я. — Брант, сын Драго, думает, что ты здесь главный. Впрочем, не важно.

— Ну, еще по кружечке, и мы пойдем в крепость, так что Дирк получит известие из первых рук. Что же до меня, то мой потолок — маленький отряд разведчиков. Командовать целой крепостью очень уж хлопотно.

Как я вскоре понял, Хакон и вправду не годился в начальники большому отряду, очень уж рисков и тороплив. Хотя и отчаянной храбрости ему было не занимать.

— Как я понял, на границе с вашей стороны не войско стоит, редкая цепь сторожей, — заметил я. — А что пикты?

— Мы договорились о перемирии, они слово держат, — ответил Хакон. — Вот уже который месяц на границе тихо. В смысле, нет серьезных боев, ну а поединки — обычное дело.

— Похоже, усадьба Валериана брошена.

— Нет, Валериан там, с горсткой челяди. А вот где его дружина, неизвестно. Куда-то он ее отослал. Кабы не его посул держаться в стороне, мы бы его посадили под замок. Пикты себе позволяют якшаться с очень немногими из белых, и Вале-

риан — в их числе... А ну как он подговаривает дикарей к набе-гу — мы тогда враз окажемся меж двух огней. К нему прислушиваются ястребы, рыси и черепахи. Говорят, он даже побывал в стойбищах волков и вернулся живым.

А вот это очень и очень странно, подумал я. Племя волка — это название знаменитого своей воинственностью и свирепостью союза нескольких кланов. Его земли лежат на западе, за охотничьими угодьями трех упомянутых Хаконем племен. И хотя обычно волки держатся в стороне от границы, жители Шохиры привыкли учитывать угрозу их яростного нашествия.

Хакон глянул на вошедшего в таверну долговязого мужчину в сапогах, коротких штанах и алом плаще.

— Валериан собственной персоной, — шепнул он мне.

Я вздрогнул от неожиданности и тотчас оказался на ногах.

— Это же он, — показал я рукой. — Он был ночью по ту сторону границы, в стане ястребов, любовался танцем меняющейся змеи!

Валериан услышал и резко повернулся ко мне. От его лица отлила кровь, глаза блеснули, как у пантеры.

Хакон тоже резко встал.

— Да что ты говоришь?! — вскричал он. — Валериан пообещал...

— Плевать! — воскликнул я в гневе, устремляясь на высокого помещика. — Я лежал в кустах тамариска и видел все! Ни с каким другим не спутаю эту мерзкую физиономию! Клянусь, он там был, голый и раскрашенный, как самый настоящий пикт...

— Лжешь, демон тебя побери! — вскричал Валериан и сорвал с себя плащ одной рукой, а другой схватился за меч.

Но прежде чем он успел обнажить клинок, я налетел на него и повалил на пол. Он вцепился мне в горло, брызгая слюной, как безумец, и исторгая проклятия. Раздался частый топот множества ног, а затем мускулистые мужские руки растащили нас в разные стороны. Они крепко держали Валериана, а тот, белый как мел, стоял, и скалился, и злобно шипел, и сжимал в кулаке оторванный ворот моей рубашки.

— Отпустите меня, собаки! — рычал он. — Уберите сивые лапы, смерды! Я всажу этому клеветнику в челюсть крюк и подвешу...

— Нет никакой клеветы, — перебил я спокойно. — Ночью я лежал в кустах и видел, как старый Тейаного вытащил из сына вождя воронов душу и поместил ее в тело древесной змеи. Это моя стрела уложила шамана. И тебя я там видел. Ты, белый человек, голый и раскрашенный, был в племени своим.

— Если это правда... — начал Хакон.

— Правда, и есть доказательство! — перебил я. — Да вы сами посмотрите! На груди!

В схватке я успел порвать на Валериане спереди камзол и рубашку, и в тусклом свете таверны теперь виднелись расплывчатые контуры белого черепа. Пикты его рисуют лишь в одном случае: когда замышляют войну с белокожими. Должно быть, негодяй пытался смыть, но у дикарей очень стойкая краска.

— Разоружить! — приказал побледневший от ненависти Хакон.

— Отдай ворот, — потребовал я, но помещик плюнул в меня и засунул добычу себе за пазуху.

— Бунтовщик! — прорычал он. — Я его привяжу к петле, которая затянется на твоей шее.

Хакон, похоже, не знал, как поступить.

— Отведем его в крепость, — предложил я. — Пусть решает командир. Явно неспроста этот негодяй участвовал в танце змеи. Те пикты раскрасились к войне, и Валериан, судя по рисунку на груди, намеревался им в этом деле пособить.

— Просто не могу поверить, клянусь великим Митрой, — сокрушался Хакон. — Чтобы белый человек да обрек своих друзей и соседей этим размалеванным демонам!

Помещик на это ничего не сказал. Двое крепких лесовиков держали его за руки, а он кривил тонкие губы, скалился и рычал, в глазах пылали желтые адские огни. Самый настоящий безумец!

А Хакон все колебался. Отпустить Валериана он не мог — ведь этот негодяй совершил преступление, он замышлял сдать врагу крепость.

— Но народ потребует объяснений аресту, — сам себе возражал командир разведчиков, — и, когда узнает, что пикты раскрасились для войны, поднимется паника. Давайте-ка вот что сделаем. Посадим Валериана под замок и вызовем Дирка. Пусть он сам разбирается.

— По мне, так это очень опасная полумера, — хмуро предупредил я, — но главный здесь ты, тебе и решать.

Мы осторожно вывели предателя через черный ход и доставили в тюрьму. Очень кстати прищлись сумерки, никто из посторонних на нас внимания не обратил; почти все горожане уже сидели по домам. Тюрьма — небольшая бревенчатая изба — стояла наособицу от города, из четырех камер только одна не пустовала, в ней томился жирный громила, чья вина заключалась в пьяной уличной драке. На нового узника он вытаращился в крайнем изумлении. А Валерий не обронил ни словечка, когда Хакон запирает за ним решетчатую дверь и отдавал помощнику приказ сторожить. Но в демонических глазах на бледном, как смертная маска, лице все пылал огонь. Негодяй даже проводил нас дерзким хохотом.

— Ты оставил только одного сторожа? — спросил я у Хакона.

— А что, мало? — удивился он. — Никто не придет на выручку Валериану, а ему самому нипочем не вынести дверь.

Я не разделял уверенности Хакона, но, как ни крути, меня его дела не касались. Поэтому я смолчал.

Мы отправились в крепость, и там я поговорил с Дирком, сыном Строма, управлявшим городом в отсутствие Джона, сына Строма, которого Тасперас назначил губернатором. Сам Тасперас командовал отрядом ополченцев под Тенитеей.

Выслушав мой рассказ, он помрачнел как туча и пообещал, как только выдастся свободное время, побывать в тюрьме и допросить Валериана. Правда, он сомневался, что предатель за-

говорит, ведь этот знатный подонок славится упрямством и спесью. Джон обрадовался предложению от Тандары и сказал, что найдет кого послать с ответом, если я пожелаю задержаться в Шохири. Я пожелал.

Потом я вернулся в таверну, чтобы хорошенько выспаться, а поутру вместе с Хаконем отправиться в Тенитею. Он получил от своих разведчиков донесение, что Брокас по-прежнему стоит лагерем. Дождается, когда Валериан поведет пиктов через границу, предположил я. Хакон же по-прежнему сомневался и мои доводы пропускал мимо ушей: Валериан, говорил он, давно уже на короткой ноге с пиктами, вот и в этот раз, наверное, побывал у них просто с дружеским визитом. Так ведь еще ни один белый человек, возражал я, как бы близко ни сходился с дикарями, к танцу змеи допущен не был. Никаких сомнений: Валериана приняли в клан на правах родича.

Глава 3

Я проснулся внезапно и резко сел на своем ложе. Увидел, что окно распахнуто настежь — не только рамы, но и ставни. Комнату не боялись проветривать; она находилась на втором этаже, и не было рядом дерева, по которому смог бы взобраться вор.

Но ведь какой-то шум разбудил меня. В окне я видел звездное небо, частью скрытое бесформенным, изрядной величины силуэтом. Я спустил ноги с кровати и, нащаривая топорик, выкрикнул: «Кто?» Таинственный гость с потрясающей быстротой оказался рядом, и я не успел даже встать, как что-то захлестнулось на шее, сдавило, перекрыло путь воздуху. Почти к самому лицу моему придвинулась смутная и страшная обрзина, но толком разглядеть удалось лишь пару горящих красных глаз да заостренную кверху голову. В нос мне ударило острое звериное зловоние.

Удалось поймать запястье — волосатое, как у обезьяны, широкое, со стальными мышцами. Тут же мне под другую руку

попался топорик, я его вскинул и с одного удара проломил череп. Тварь отвалилась, а я выпрямился, задыхаясь, кашляя и дрожа. Нашел кресало и трут, зажег свечу и с изумлением увидел простертое на полу чудовище.

Оно было человекообразным, но все какое-то кривое, бесформенное, покрытое густым мехом. Длинные черные ногти — ни дать ни взять, когти зверя. Скошенная нижняя челюсть, низкий лоб — как у обезьяны. Я догадался, кто это. Мы их называли чаканами, полулюдей, обитающих в глубине леса.

Тут раздался стук в дверь, а затем и голос — Хакон явился выяснить, что случилось. Я предложил войти. Он вбежал с топором в руке и при виде мертвеца вытаращил глаза.

— Это же чакан! — ахнул он. — Я таких встречал далеко на западе! А что это у него в лапе?

У меня по коже мороз прошел — тварь сжимала в окостенелых пальцах тряпицу. Ту самую, которую попыталась затянуть на моей шее.

— Эти существа — превосходные нюхачи, даже борзым собакам не чета, — медленно объяснял Хакон. — Доходили слухи, будто пикты их ловят и приручают, чтобы врагов отслеживать. Но как Валериан ухитрился обзавестись чаканом?

— Того не ведаю, — проворчал я, — но кто как не он мог дать мой воротник зверю, чтобы тот нашел меня по запаху и удавил? Надо идти в тюрьму, и немедленно.

Хакон разбудил своих людей, и мы устремились в тюрьму. Но нашли только сторожа, лежащего с перерезанным горлом на полу в бывшей камере Валериана. Хакон застыл, будто в камень обратясь, а несколько мгновений спустя раздался слабый зов из соседней клетки. Через решетку на нас смотрел бледный пьянчуга.

— Сбежал Валериан, — сообщил он. — С час назад лежу это я на нарах и вдруг просыпаюсь от какого-то звука. И вижу: из теней появляется незнакомая темная женщина и идет прямо к сторожу. Он лук вскидывает и велит остановиться, а она только смеется. И от этого смеха он в оцепенение впадает, сто-

ит столбом и тарашится... А она у него нож из-за пояса выхватывает и по горлу — вжик! Тут ему и конец. Ведьма берет его ключи, отпирает дверь, и выходит Валериан, хохочет, будто выпущенный из преисподней демон, и целует спасительницу, и она радуется вместе с ним. Между прочим, она пришла не одна — следом в тюрьму проскользнула какая-то тварь, страшная, хоть я и почти ничего не разглядел, фонарь, что под притолокой висит, очень уж слаб. Но я слышал, как ведьма сказала: надо бы и этого олуха прикончить, к чему нам свидетели. Видит Митра, я едва сам не окочурился с перепугу, лежу и не дышу. А Валериан в ответ: да он же пьян мертвецки, какой из него свидетель? Меня пьяницей назвал, каково? Вот попадись он мне, ужо посчитаюсь... Когда выходили, он сказал, что велит своему слуге исполнить одно поручение, а потом они пойдут в хижину на берегу Рысьего ручья и там встретятся с верными людьми, что прячутся в лесу с тех пор, как он их выслал из усадьбы. Сказал, к ним придет Тейаного, после чего они пересекут границу и примкнут к пиктам. Чтобы потом привести дикарей сюда и перерезать нам глотки.

В сиянии фонаря Хакон был бледен, как сама смерть.

— И что же это за женщина? — поинтересовался я.

— Его любовница, — ответил Хакон. — В ней половина крови ястребов, половина — лигурийцев. Ее еще называют ведьмой Скандары. Слышал я об этой мерзавке, но видеть не случилось. Выходит, зря я не верил тому, что рассказывают о ней и о Валериане.

— Надо же, а я-то думал, что прикончил старика Тейаного, — пробормотал я. — Своими глазами видел, как дрожало над его грудью оперение стрелы. Неужто он от смерти заговорен? Ну да ладно. Что делать будем?

— Надо пойти на берег Рысьего ручья, к той хижине, и всех перебить, — решил Хакон. — Если пикты пересекут границу, здесь воцарится суший ад. А у нас бойцов в обрез — ни из крепости подмоги не получить, ни из города. Ничего, своими силами обойдемся. И не важно, сколько людей будет на Рысьем ручье, — мы их захватим врасплох.

Мы вышли сразу же, не дожидаясь, когда рассветет. Кругом стояла тишина, мерцали сквозь дымку звезды. На западе высился безмолвный лес, от него веяло первобытной свирепостью, немой угрозой.

Продвигались мы гуськом. Лук с натянутой тетивой — в левой руке, топорик — в правой. По росистой траве мокасины ступали совершенно бесшумно. Мы растворились в чаще и вскоре нашли тропу, что петляла меж дубов и ольхи. Тут отряд растянулся, чтобы между каждым было футов пятнадцать. Хакон шагал впереди. Неожиданно мы спустились в травянистый овраг и увидели тусклый свет, он сочился через трещины в ставнях. Вот она, хижина!

По сигналу Хакона мы остановились, и он шепотом приказал своим людям ждать. Мы с ним отправились на разведку. Подкрались к часовому и споро убрали этого шохирского изменника, — возможно, он услышал наше приближение, но не успел даже пикнуть. Я никогда не забуду, с каким свирепым удовлетворением Хакон выпускал воздух через стиснутые зубы, погружая нож в сердце врага.

Припрятав тело в высокой сырой траве, мы подобрались к стене хижины и рискнули посмотреть в трещины. Увидели Валериана с яростно горящими глазами. Его любовницу, смуглую красавицу дикарку в набедренной повязке из оленьей кожи и расшитых бисером мокалинах, с золотой узорчатой лентой, стягивающей на затылке иссиня-черные волосы. Полдюжины шохирцев, мрачных громил в крестьянских куртках и штанах из шерсти, с тесаками на поясах. Трех лесовиков в одежде из оленьей кожи. Несколько гандерландцев, одетых в кольчуги и блестящие поножи, крепышей с соломенного цвета волосами, выбивающимися из-под шлемов. Гандерландца в наших краях проще простого узнать по стальному цвету глаз, резкому акценту и ловкости в обращении с мечом и кинжалом. Это очень хорошие бойцы, безжалостные, дисциплинированные. Их охотно принимают к себе в дружины крупные землевладельцы.

Мы послушали их разговор и смех. Валериан хвастал, как он сбежал из тюрьмы, а затем подослал своего помощника к

«проклятому тандарцу». Шохирские ренегаты сулили всяческие кары бывшим друзьям. Лесовики больше помалкивали да слушали. Гандерландцы держались непринужденно, шутили, пряча под маской веселья беспощадную натуру. А девушка-полукровка, которую остальные звали Квадарой, хохотала и поддразнивала Валериана, который ей отвечал хмурыми улыбками.

Хакон дрожал от злости, слушая, как негодяй обещает соблазнить пиктов, повести их за собой через границу и ударом в спину разгромить шохирцев, когда Брокас обрушится на них из Койаги.

Вдруг раздался легкий топот, мы прижались к стене и увидели, как отворяется дверь и входят семеро пиктов — грозных воинов в раскраске и перьях. Их привел Тейанога, грудь его была в бинтах, — все-таки моя стрела продырявила эти могучие мышцы. Неужто старик и впрямь оборотень, которого нельзя убить оружием смертных? Сам он именно это утверждал, и многие верили.

Мы с Хаконем не шевелились, целиком обратясь в слух. Старый демон принес вести. Если не будет заключен союз с сильным племенем волков, ястребы, рыси и черепахи не решатся на набег. Пока-де они будут драться с шохирцами, на их земли обрушатся волки и все разорят. А значит, сказал шаман, надо собирать совет вождей на краю болота Призраков, а этому не бывать, если не удастся замирить волков с живущими на болоте ящерицами. Так что Валериан должен пойти на болото Призраков и потолковать с ящерицами — может, тогда волки согласятся примкнуть к другим.

Хакон велел мне ползти за нашими, и я понял: он решил напасть, несмотря на то что у врага численное превосходство. Но мне и самому не терпелось ударить, до того возмутил меня подслушанный гнусный план. Я бесшумно прокрался назад, и, как только мы с товарищами приблизились к Хакону, он устремился к двери и обрушил на нее боевой топор.

Мы же, не теряя ни мгновения, разбили ставни и пустили в окна стрелы.

Охваченный паникой противник даже не пытался удержать построюку. Погасли второпях сброшенные свечи, но было поздно — в хижине возник пожар, помогая нам бить без промаха. Толпа ринулась в двери, несколько человек легло в проеме, но другие выскочили и схватились с нами. Храбрости хватило ненадолго — уцелевшие бросились врассыпную и исчезли в чаще, возле хижины остались только убитые гандерландцы, шохирцы и пикты. А в хижине замешкался Валериан со своей девицей. Но вот они выскочили, и полукровка с хохотом ударила чем-то оземь. Раздался звон стекла, и вмиг все кругом заволочло зловонным дымом, под его прикрытием негодяям удалось бежать.

Вотчаянной схватке нас уцелело лишь четверо, но мы сразу пустились в погоню, отправив раненого товарища в город — рассказать о случившемся.

След уводил в гущу леса.

Письмо П. Шуйлер-Миллеру

Кросс-Плейнс, Техас,
10 марта 1936

Дорогой мистер Миллер!

Я крайне польщен тем, что Вы с доктором Кларком заинтересовались Конаном и даже создали его «послужной список» и карту путешествий. Получилось очень точно, особенно если учитывать расплывчатость сведений, с которыми Вам пришлось работать. Существует оригинальная карта, начерченная, когда я только начинал писать о Конане; я нашел ее, чтобы показать Вам. Но в ней есть лишь страны западнее Вилайета и севернее Куша. Ни разу я не пытался наметить границы южных и восточных королевств, хотя в уме весьма неплохо вижу их географию и давно сознаю, что нахожусь в долгу перед ними, ведь Западная Хайбория так же слабо представляла себе расположенные на юге и востоке страны, как и средневековая Европа — Африку и Азию. Описывая народы Западной Хайбории, я был скован своими представлениями о жестких границах и неизменчивых территориях, но что касается всего прочего мира, тут мое воображение располагало большей свобо-

© Перевод Г. Корчагина.

дой. То есть, приняв определенные географические и этнологические концепции относительно Запада, я, в интересах целостности, не мог от них отойти. Тогда как мои представления о Востоке не такие детерминированные и вместе с тем спорные.

Что касается Куша, это одно из Черных королевств к югу от Стигии, самое северное из них; от него досталось название всему южному берегу моря. Таким образом, говоря о Куше, хайбориец обычно подразумевает не само государство, а Черное побережье целиком. И кушитом он может назвать любого чернокожего: кешанца, дарфарца, пунтийца и самого кушита. И это вполне естественно, поскольку кушиты были первыми, с кем вступили в контакт хайборийцы, точнее, бараханские пираты, которые торговали и грабили в тех местах.

Вы спрашивали о дальнейшей судьбе Конана. Если честно, я не могу ее предсказать. Мне не казалось, будто я придумываю приключения Конана; нет, я всего лишь записывал то, что он рассказывал мне. Вот откуда такие огромные «скачки», вот почему нет правильного порядка. Обычный искатель приключений редко повествует о своих деяниях по какому-то плану, он просто вспоминает наобум эпизоды, разделенные годами и расстояниями.

Вы очертили его карьеру примерно так, как я себе ее и представлял. Разница несущественна. Вы рассчитали верно, что Конану было около семнадцати, когда он впервые предстал перед публикой. В «Башне Слона» он еще не вполне взрослый, но уже достаточно зрелый человек, гораздо более зрелый, чем любой цивилизованный юноша. Он родился на поле битвы, когда его племя схватилось с пришлой ордой ваниров. Земля, принадлежавшая его бродячему клану, лежала на северо-западе Киммерии. Конан был полукровкой, хотя по духу — истинным киммерийцем. Его отец явился с юга, он ушел от своего народа по причине кровной вражды и после долгих скитаний нашел убежище у северян. В молодости, перед бегством на чужбину, он участвовал во многих набегах на хайборийские

королевства, и это его рассказы могли вызвать у юного Конана желание повидать земли, где и климат мягче, и нравы не такие суровые.

В жизни Конана хватает событий, которые для меня самого недостаточно понятны. Например, я не знаю, когда он впервые увидел цивилизованных людей. Возможно, это случилось в Ванариуме; возможно, он еще прежде совершил мирное путешествие в какой-нибудь приграничный город. В Ванариуме он уже серьезный боец, хоть ему и всего лишь пятнадцать. Его рост — шесть футов, вес — сто восемьдесят фунтов, но ему еще предстоит расти.

Между набегом на Ванариум и приходом в заморийский город воров есть пробел приблизительно в год. За это время Конан успел побывать на севере, возвратясь к родному племени, и впервые покинул пределы Киммерии. Странно то, что путь его лежал на север, а не на юг. Цели и обстоятельства похода мне неведомы, но он провел несколько месяцев в племени асиров, сражаясь с ванирами и гиперборейцами, и заслужил ненависть последних, которая преследовала его до конца дней и даже повлияла на его политику в бытность королем Аквилонии. Он попал в плен к северянам, но бежал на юг и очутился в Заморе. К этому-то событию и приурочен его литературный дебют.

Я не уверен, что приключения, описанные в рассказе «Сплошь негодяи в доме», произошли в Заморе. Существование враждебных политических фракций скорее указывает на иное, так как власть в Заморе представляла собой абсолютный деспотизм, не терпящий политического инакомыслия. Я склонен полагать, что действие развернулось в одном из небольших городов-государств чуть западнее Заморы; Конан забрел туда после того, как покинул город воров. Чуть позже он ненадолго возвратился в Киммерию, да и позднее время от времени навещал родную страну.

Хронология его приключений примерно совпадает с рассчитанной Вами, хотя времени на них ушло чуть больше. Конану

было под сорок, когда он завладел короной Аквилонии, и сорок четыре или сорок пять к началу «Часа Дракона». Он не обзавелся к тому времени наследником, так как не позаботился официально титуловать королевой какую-нибудь женщину. Многочисленные же сыновья от любовниц претендовать на трон не могли.

Как мне кажется, аквилонским королем он пробыл много лет, и правление это никак нельзя назвать безмятежным. Развитие хайборийской цивилизации тогда достигло своего величественного пика, и любой король питал императорские амбиции. Поначалу Конан вел оборонительные войны, но в конце концов, я уверен, интересы самосохранения вынудили его действовать агрессивно. Удалось ли киммерийцу объединить весь мир под своим скипетром, или он погиб, пытаясь это сделать, мне неизвестно.

Он много странствовал не только до восшествия на престол, но и после. Побывал в Кхитае, Гиркании и даже в малоизвестных краях севернее последней и южнее первого. Посетил безымянный континент в Западном полушарии и скитался среди рассыпанных поблизости островов. Все ли его приключения будут опубликованы, предсказать не возьмусь. Меня очень заинтересовали Ваши комментарии насчет полуострова Ямал, прежде мне не доводилось читать о нем. Но несомненно, Конан встретится с людьми, которые развивали описываемую цивилизацию, или хотя бы с их потомками.

Надеюсь, «Хайборийская эра» Вам покажется интересной. Прилагаю копию оригинальной карты. Да, Нэполи* потрудились над Конаном очень хорошо, хотя иногда лицо выглядит латиноамериканским, что не соответствует внешности персонажа. Впрочем, это несущественно.

Надеюсь, я дал удовлетворительные ответы. Буду рад на любом этапе Вашей работы принять участие в ее обсуждении, а

* Винсент Нэполи — художник-график, проиллюстрировавший ряд произведений Говарда.

Письмо П. Шуйлер-Миллеру

также предоставить новые подробности карьеры Конана или хайборийской истории и географии, если пожелаете. Спасибо еще раз за проявленный интерес и Вам, и доктору Кларку.

Искренне Ваш

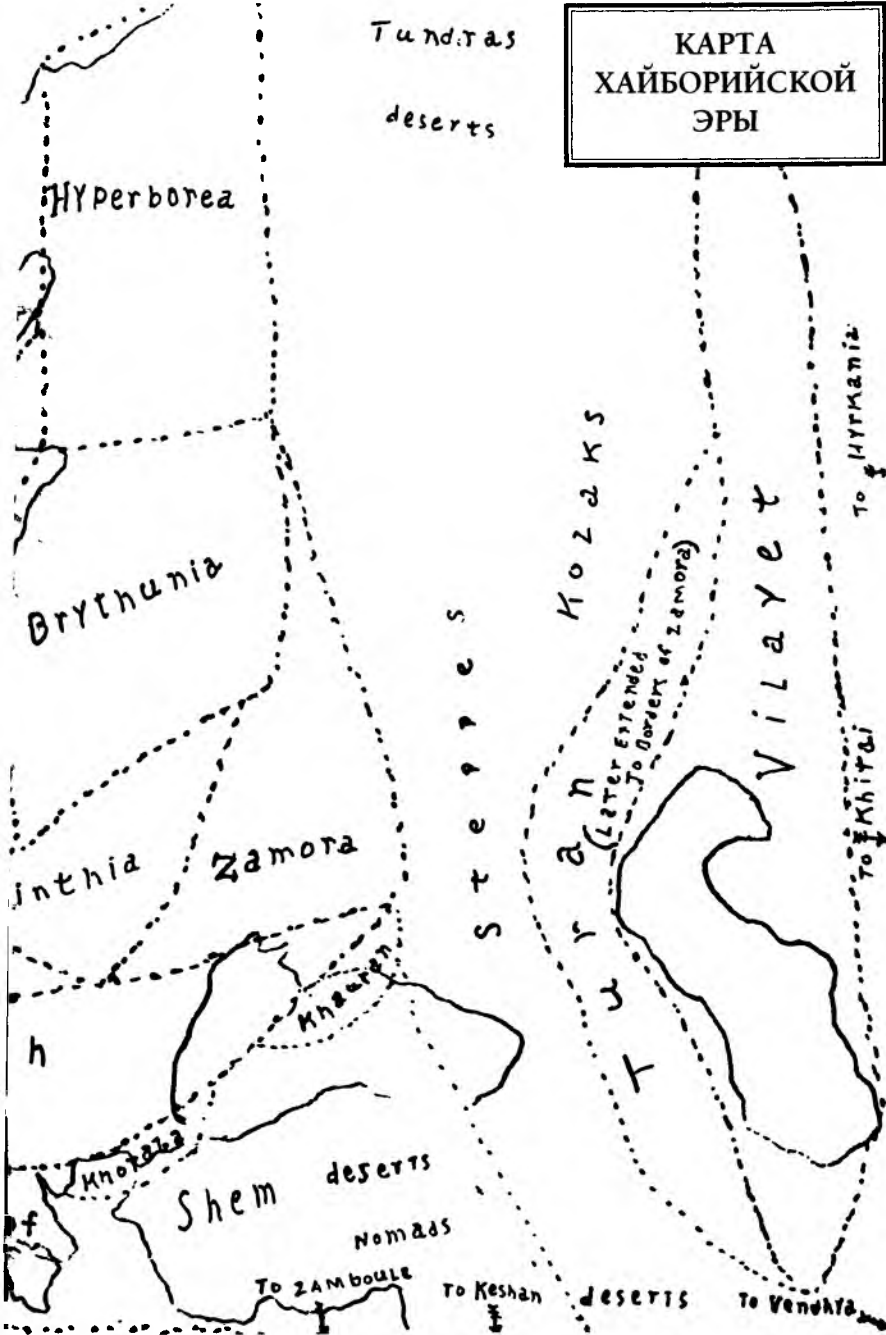
Robert E. Howard.

P. S. Вы не сообщили, нужно ли возвращать карту и хронологию, поэтому я осмелился их оставить, чтобы показать друзьям. Если они Вам нужны, пожалуйста, дайте знать.

Modern Boundaries
Hyborian

КАРТА
ХАЙБОРИЙСКОЙ
ЭРЫ

Сотворение Хайбории

Часть 3

ЗАМЕТКИ О СОЗДАНИИ РАССКАЗОВ О КОНАНЕ

К 1934 году, после нескольких лет тяжелого труда, включая два года в начале карьеры, когда он не смог опубликовать ни строчки, Говард стал звездой журнала «Уэйрд тэйлз». «И родится ведьма», по словам редактора Фэрнсуорта Райта, лучшее из произведений о Конане, написанных к тому времени; похвалу Говарду и «Конаниане» можно найти в колонке писем почти каждого выпуска «Уэйрд тэйлз». И, что очень важно, техасец присутствовал в десяти из двенадцати номеров, опубликованных в 1934 году; в восьми фигурировал Конан, причем завоевал право украсить собой обложки четырех последних.

Говард погрузился в конаниану на многие месяцы: «Люди Черного круга» были написаны в феврале и марте; «Час Дракона» начат сразу же после и отправлен предполагаемому британскому издателю 20 мая; рассказ «...И родится ведьма» закончен в начале июня. Единственной передышкой для Говарда за эти месяцы был короткий визит его коллеги Э. Хоффмана Прайса в апреле. Затем в начале июня Говард впервые за долгое время устроил себе отпуск. Позднее он сообщил Огасту

Дерлету, что «завершил несколько недель непрерывной работы» и что «мы с приятелем отправились в короткую поездку на юг Нью-Мексико и на крайний запад Техаса; мы видели Карлсбадские пещеры, зрелище, подобного которому больше нет на этой планете, и провели несколько дней в Эль-Пасо. Я был там впервые...»

Упомянутым приятелем был Трюэнт Винсон, один из лучших друзей Говарда со школьных времен, о котором несколько позже. Вдвоем они покинули Кросс-Плейнс, родной город Говарда, и отсутствовали неделю. То, что поездка доставила им удовольствие, подтверждается упоминанием ее почти во всех письмах Говарда в последующие недели, включая посещение Карлсбадских пещер в Нью-Мексико как кульминацию короткого отпуска. На Говарда эти достопримечательности произвели сильное впечатление, о чем он обстоятельно поведал Г. Ф. Лавкрафту:

Я не в силах описать фантастические чудеса этой громадной пещеры. Вы должны сами увидеть, чтобы должным образом оценить. Она находится высоко в горах, и я никогда не видел столь голубого и ясного неба, как то, что титанически простирается над извилистыми тропками, которые путник должен преодолеть, чтобы добраться до входа. Особенный голубой оттенок неба просто не поддается описанию. Вход в пещеру огромен, но он выглядит крошечным по сравнению с внутренним пространством. Кажется, будто бесконечно спускаешься по неровному склону, на самом деле это примерно семьсот футов. Мы вошли в половине одиннадцатого, а вышли около четырех. Английский язык чересчур слаб, чтобы описать пещеру. Фотографии не дают хорошего представления, во-первых, они слишком подчеркивают цвета, которые на самом деле приглушены, они скорее мрачные, чем яркие. По снимкам нельзя судить ни о размерах подземных залов, ни о замысловатых лабиринтах, прорезанных в известняке за тысячелетия... В пещере словно не действуют законы природы, она кажется порождением буйной фантазии. В сотнях футов над головой широченный каменный свод, едва различимый в вечном тумане. Кругом натечные образования всех вообразимых форм. столбы, купола, прозрачные как лед покровы. Насыщенная минералами вода за столетия создала гигантские колонны, то тут, то там сверкают зеленоватые таинственные озера... Мы шли по чудесной стране фантастических великанов, незапамятная древность приводила в смятение

Вскоре после возвращения в Кросс-Плейнс Говард начал писать очередной рассказ о Конане, «Сокровища Гвалура». Это не слишком запоминающееся произведение, с неубедительным сюжетом и безжизненной героиней, но оно существенно отличается от других из конановского цикла тем, что действие происходит полностью внутри огромного чуда природы, полного темных ниш и подземных рек, на что Говарда явно вдохновило посещение Карлсбадских пещер. Как он писал Лавкрафту: «Господи, какой рассказ вы могли бы написать после подобного путешествия!.. Все, что угодно, казалось возможным в этом чудовищном сумеречном Аиде, в семистах пятидесяти футах под землей. Если бы вдруг во мраке среди колонн поднялось какое-нибудь чудовище, простирая над нами когтистые лапы, вряд ли кто-то из нас удивился бы». Говард, вероятно, в конце концов решил, что может сочинить такую историю и сам.

Результат оказался не слишком удовлетворительным, но важно другое: впервые Говард включил в произведение о Конане сведения о родной стране. Рассказ не упоминается ни в одном из известных писем Говарда, не сохранилось и сведений о том, когда он был послан в журнал. Его взял Фэрнсуорт Райтом за 155 долларов, с оплатой после публикации, и напечатал в мартовском выпуске «Уэйрд тэйлз» в 1935 году, под названием «Сокровища Гвалура». Говард сделал три варианта: первый безымянный, второй, посланный в «Уэйрд тэйлз», был опубликован как «Слуги Бит-Якина». Третье название, «Зубы Гвалура», есть в списке, найденном среди бумаг Говарда спустя годы после его смерти. Список (из которого взята информация о заплаченной журналом цене) был составлен не самим Говардом, хотя явно на основе оригинального документа или ряда документов. Судя по всему, эта бумага появилась через какое-то время после публикации рассказа и, вполне вероятно, представляла собой перечень текстов, проданных в «Уэйрд тэйлз», с целью определить, что должен журнал наследникам Говарда после его смерти. Говард и сам вел счет проданным произведениям, при этом обычно указывал название опубликованной версии, а не рабочее, что имеет место в

данном документе («Ползучая тень» вместо «Ксутал из сумерек», «Тени в лунном свете» вместо «Железные тени Луны»). Вполне можно допустить, что «Зубы» были просто ошибкой: возможно, сам Говард, давая название, вспоминал ожерелье из рассказа, и при более позднем переписывании ошибка осталась.

В последующие недели Говард снова решил поэкспериментировать. Сама попытка не привела к появлению завершённого произведения, но послужила поводом к серьёзному развитию конановского цикла. Если «Слуги Бит-Якина» робко заимствовали впечатления от посещённого Говардом места, то на этот раз техасец предпочёл явно американское место действия, рискуя изгнать киммерийца из его хайборийского мира.

Во второй половине 1934 года стало заметно, что Говард все больше отдаляется от своего детища. В октябре он признался Новелайн Прайс, с которой тогда встречался, что «начал слегка уставать от Конана... Нужно писать о нашей стране. Здесь можно найти много разнообразных сюжетов».

Автором, к которому обратился Говард, когда ему потребовалось вдохновение для новой вещи, был один из его любимых, Роберт Чемберс. В библиотеке Говарда имелось три романа этого писателя на тему американской революции: «Девушка на войне» (1902), «Красная ножка» (1921) и «Америка, или Жертва» (1924). Эти книги дали толчок для следующей говардовской истории о Хайборийской эре, «Волки у границы». Впоследствии появлялось много ошибочной информации об использовании Говардом материала Чемберса, пока исследователь творчества Говарда Расти Берк не расставил все по местам.

Как и в 1932 году, когда он принял решение написать «Хайборийскую эру», чтобы придать большую связность своему хайборийскому миру, Говард сперва составил ряд заметок, которые должны были помочь ему при описании событий и мест. Не может быть никаких сомнений, что романы Чемберса оказали немалое влияние на Говарда. Многие названия взяты почти

без изменений: Шохира вместо Шохари, Орискавни вместо Орискани, Каунавага вместо Конавага и т. д. Ситуации и события, описываемые Говардом, также вызывают ассоциации с тем, как изложены события американской революции у Чемберса. Многие имена, позаимствованные у Чемберса, затем нашли себе место в «Волках у границы».

«Волки у границы» — один из наиболее интригующих фрагментов конанианы, и именно потому, что, строго говоря, это не рассказ о Конане. Уже не в первый раз Говард пытался создать нечто отличное от Конана и экспериментировал с другим персонажем, так как чувствовал, что «теряет контакт» со своим творением.

Перед тем как начать работу над романом «Час Дракона», Говард пытался написать еще одно произведение, в котором Конан большую часть времени присутствует лишь за кулисами. Однако в этом случае отсутствие Конана ограничилось первыми главами произведения, которое задумывалось как роман; как свидетельствует синопсис, киммериец должен был стать ключевым персонажем, если не главным его героем. Эту ситуацию можно рассматривать как параллель с рассказом «...И родится ведьма», где киммериец действует в основном за кулисами. Но в случае «Волков у границы» ситуация существенно иная, главным образом благодаря тому факту, что это изложение от первого лица, в котором Конан не появляется вовсе, хотя упоминается несколько раз.

Очень похожая ситуация имела место несколькими годами раньше в карьере Говарда, она дает пищу для интересного сравнения. В 1926 году Говард создал атланта Кулла, своего первого героя эпического фэнтези; о нем техасец написал около десятка рассказов. Однако в 1928 году Говард, судя по всему, потерял интерес к этому персонажу. Затем он начал — но так и не закончил — весьма интригующий фрагмент, где главным героем был не Кулл, которому отводилась второстепенная роль, а его друг Брул, воин-пикт, чьи черты характера в этом рассказе существенно отличаются от тех, которыми он обладал в пре-

дыдущих. Кулл, судя по всему, становился лишь вспомогательным персонажем в своем собственном цикле, практически таким же образом, как и Конан в «Волках у границы». Говард так и не закончил этот фрагмент, но с того момента характер Кулла претерпел радикальные изменения. Поразительно, что в обоих этих фрагментах закулисные персонажи являются варварами, которые стали или становятся королями цивилизованных стран. И в обоих фрагментах настроения новых главных героев, когда речь заходит о политике, почти одинаковы. Сравните:

Конаджохара снова приросла к дебрям, населенным только дикими зверьми и людьми. Ее бывшие жители разбрелись по Западной Марке и осели в Шошире, Каунаваге и Орискавни, но многие, в их числе моя семья, подались на юг и нашли пристанище на реке Боевой Конь, возле крепости Тандары. Позже к ним добавился люд из старых провинций, где случился переизбыток населения; и вот возник край под названием вольная провинция Тандара, отличавшийся от других, расположенных восточнее болот. Те земли достались от королевских щедрот самым родовитым дворянам и под властью этих дворян обустроивались и заселялись. Совсем другая судьба у Тандары, ее свободные поселенцы отвоевали у чащоб без содействия аквилонской знати. Мы не платили податей никаким баронам. Никто из самых родовитых дворян не ставил над нами управляющих, мы их выбирали сами, из своей среды, и эти управляющие отвечали только перед королем. Мы собственными руками возводили крепости и этими же руками их защищали. И в дни войны, и в дни мира мы обходились своими силами. Видит бог, мирных дней на нашу долю выпало немного, ибо не утихла распря между нами и свирепыми соседями — пантерой, алигатором и другими пиктскими кланами. (Из «Волков у границы».)

Мы на островах все одной крови, но принадлежим ко многим племенам, и у каждого племени только ему присущие обычаи и традиции. Мы все признаем Ниала из Татели верховным правителем, но власть его нельзя назвать жесткой. Он не вмешивается в наши дела, не берет дани или налогов .. Он не берет пошлин с моего племени Борни как и с любого другого. И он не вмешивается, если два племени идут друг на друга войной, — если только какое-то племя не посягает на одно из трех, которые платят дань. . А когда лемурийцы, или кельты, или другие чужеземцы, или банда грабителей выступают против нас, он посылает всем племенам известие, чтобы они прекратили ссоры и сражались бок о бок. И это хо-

рошо. Он мог бы быть выдающимся тираном, если бы пожелал,— но он знает, что если с помощью своих племен и их союзников сокрушит все остальные племена, то уже больше никогда не будет мира... (Из неозаглавленного фрагмента о Кулле.)

В обоих случаях пикты — до этого упомянутые лишь однажды в цикле о Конане, в «Фениксе на мече», — выступают в роли необходимого катализатора перемен. Пикты — дикари, постоянно присутствующие во вселенной Говарда, — вынуждают героев раскрыть свою истинную натуру.

Как и в случае с вышеупомянутым фрагментом о Кулле, Говард не закончил «Волков у границы». Его первый черновик сократился до полурассказа-полуплана, а второй был попросту брошен. Рассказ, вероятно, самому автору показался вторичным, в нем было слишком много от Чемберса. Но с другой стороны, он явился необходимым упражнением перед тем, как Говард смог приступить к новому этапу эволюции своего персонажа.

Сказать, что рассказ «За Черной рекой» родился на пепле «Волков у границы», означало бы утверждать очевидное. Однако на этот раз Говард почти полностью избавился от влияния Чемберса. Лишь несколько имен демонстрируют первоначальную связь (например, Конаджохара была перенесена из «Волков у границы», а Балтус позаимствован из «Красной ножки»). «За Черной рекой» — это в чистом виде Говард.

Рассказ этот был особенно дорог Говарду. В письме Огасту Дерлету он признался: «Хотел посмотреть, сумею ли написать интересно о Конане без упоминания о сексе». С Лавкрафтом он был еще более откровенен, сообщив, что последнее произведение, отданное в «Уэйрд тэйлз», было «сериалом о Конане из двух частей: “За Черной рекой” — история о первопоселенцах... В рассказе о Конане я попытался полностью изменить стиль и место действия, отказавшись от экзотических затерянных городов, гибнущих цивилизаций, золотых куполов, мраморных дворцов, танцовщиц в шелках и так далее и сделав фоном повествования леса и реки, бревенчатые хижины, погра-

ничные форпосты, поселенцев в одеждах из оленьих кож и раскрашенных дикарей».

Полностью же свои чувства в отношении этой повести Говард раскрыл в общении с Новелайн Прайс:

Боб начал рассказывать. Но он не ругал цивилизацию, напротив, он восхвалял простые вещи, которые цивилизация дает: возможность посто-
ять на углу, поговорить с друзьями, прогуляться под теплыми лучами
солнца в сопровождении верного пса, собирать кактусы вместе с люби-
мой девушкой.

[...]

Я продал Райту похожую вещь несколько месяцев назад.— Он повер-
нулся и посмотрел на меня. В глазах его горел огонь.— Я чертовски удивлен,
что он ее взял. Она отличается от других моих историй о Конане... ни-
какого секса... только мужчины, сражающиеся против дикости и зверства,
готовых их поглотить Я хочу, чтобы ты ее прочитала, когда она вый-
дет. Она полна важных мелочей, присущих цивилизации, мелочей, благо-
даря которым люди считают, что ради цивилизации стоит жить и уми-
рать.

[.]

Он был так возбужден, потому что это была повесть о его стране,
и эту повесть принял издатель! Бобу хотелось написать о своей родине,
и не заурядную историю о Диком Западе с ковбоями и перестрелками,
хотя кто знает, возможно, подобные книги еще были нужны. Нет, его
душа стремилась выразить нечто большее! Поведать простым языком
о трудной судьбе первопоселенцев, вынужденных сражаться с варварским
народом... Роман, описывающий страх пионеров, пытавшихся создать
новую жизнь, и страх индейцев, пытавшихся спасти обреченную страну,
стал бы лучшим романом об американском юго-западе.

[...]

Я попробовал написать эту повесть, чтобы посмотреть, что с ней
станет делать Райт. Я боялся, что он не возьмет, но он взял! Господи,
он взял!

Многие исследователи творчества Говарда считают «За
Черной рекой» его лучшим произведением, заключающим в
себе сущность его философии: *«Варварство — естественное
состояние человечества... Цивилизация неестественна. Это
каприз обстоятельств. А варварство всегда торжествует в
итоге».*

Действительно, все персонажи, не являющиеся варварами, находят в повести свою смерть: первым примером, конечно, является кунец Тиберий, в миниатюре воплощающий в себе упадок цивилизации; он изображен с явным презрением, как человек, не желающий приспособить свои цивилизованные привычки к жизни у границы. Но даже лесорубы, родившиеся среди цивилизации, но вынужденные прожить всю свою жизнь в диком краю, не в силах на что-либо надеяться: «Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру». Из-за этого погибли жители пограничья Балтус и Валанн, и гений Говарда не стал жертвовать повестью ради обычных традиций жанра.

Многое писалось о точном смысле последнего абзаца. Его ошибочно приписывают Конану, как если бы это были его чувства, но слова эти произносит не Конан, а безымянный житель леса. То, что варвары всегда в конечном счете торжествуют, следует из только что произошедшего: лишь Конан и пикты пережили суровое испытание, ибо сама их природа в том, чтобы выживать. О том, что у Конана на самом деле гораздо больше общего с пиктами, с которыми он сражался, чем с аквилонцами, Говард дает понять еще раньше:

Но однажды появится вождь, который объединит тридцать-сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гандерландцы попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно,— вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа.— Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несмет-

ная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчины, женщины, дети — всех перерезали. Венариум превратился в груды дымящихся развалин, там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же. — Воин усмехнулся. — Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов...

[...]

— Ты что же, варвар?! — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Важность этого фрагмента состоит не только в том, что он дает нам некоторые дополнительные биографические сведения о Конане, но скорее в том, что он разъясняет связь между Конаном и пиктами. Конан — варвар столь же жестокий, как пикты, и намного более умный, и именно потому он должен остаться в живых. Основной упор на изначальную природу Конана, намного более явно выраженный, чем в любом из предыдущих рассказов о киммерийце, вполне вероятно, стал поводом к появлению Балтуса как персонажа, с которым читатели — и сам Говард — могли себя соотносить. Критик Джордж Сайтерс однажды заметил, что Говард, несомненно, изобразил в этом произведении самого себя и своего пса Пестрого под видом Балтуса и Секача. Будучи сам цивилизованным человеком, Говард мог рассчитывать на выживание в Хайборийской эре не в большей степени, чем его цивилизованные персонажи.

Действительно, редко можно было встретить среди дешевого бульварного чтива повесть со столь безрадостной концовкой, в которой большинство героев погибают и ситуация в конце хуже, чем была в начале. Говард таким образом пытался скорее передать суть своей главной идеи, чем просто добавить в свою библиографию еще одно произведение о Конане.

Повесть «За Черной рекой» была приобретена Фэрнсуортом Райтом в начале октября 1934 года и опубликована с продолжением в выпусках «Уэйрд тэйлз» за май и июнь 1935 года, но без почетного упоминания на обложке. Возможно, Райт

хотел внести некоторое разнообразие в свои обложки («Слуги Бит-Якина» тоже не удостоились подобной чести), или же ему помешало отсутствие полуобнаженной героини. Однако на обложке за май 1935 года нет изображения неодетой женщины, так что вопрос остается без ответа.

В октябре и ноябре 1934 года Говард, видимо, был слишком увлечен романом с Новелайн Прайс, чтобы посвящать хоть какое-то время новым сочинениям о Конане. Однако примерно в то самое время, когда был решен вопрос о публикации «За Черной рекой», Говард получил дурное известие из Англии: «Только что пришло письмо, где сообщается, что английская компания, обещавшая выпустить мою книгу [роман о Конане “Час Дракона”] ликвидирована. Вот уж не повезло, так не повезло. Роман в руках компании, скупившей все активы, но я ничего от нее не слышал». Роман, однако, вскоре вернули. Говард, вероятно, слегка его подправил, после чего послал в «Уэйрд тэйлз» и вскоре получил желанное согласие; судя по всему, это случилось в начале 1935 года. Райт был явно доволен тем, что Говард возвращается к не столь экспериментальному творчеству: «Райт говорит, что это на данный момент лучшее мое произведение о Конане».

В декабре, сообщая Лавкрафту о продаже «За Черной рекой» и комментируя в своем обычном тоне, он добавил: «Когда-нибудь я попытаюсь написать что-нибудь подлиннее в том же стиле, цикл из четырех или пяти частей».

Похоже, Говард не стал слишком долго ждать, прежде чем начать этот цикл. «Черный чужак» — одна из тех историй о Конане, о процессе написания которой у нас нет сведений, но дату завершения можно приблизительно оценить как январь или февраль 1935 года.

«Черный чужак», видимо, задумывался как в своем роде продолжение «За Черной рекой». Снова речь идет о противостоянии Конана и пиктов, и снова это экспериментальное произведение, поскольку киммериец не появляется до его середины. (Конечно, он присутствует в первой главе, но его имя читателю не раскрывается.)

«Черный чужак» так и не получил должного внимания со стороны критиков, главным образом потому, что он не публиковался в оригинальном виде вплоть до 1987 года, когда Карл Эдвард Вагнер включил его в антологию. При всех предыдущих публикациях повесть подвергалась безжалостной вивисекции. Внешне она достаточно проста, содержа в себе элементы пиратских приключений и индейских войн, но ее определенно нельзя опрометчиво игнорировать. «Черный чужак» — крайне сложное произведение, стоит лишь понять, что автор наполнил его, сознательно или бессознательно, автобиографическими деталями, намного в большей степени, чем любое из написанных ранее.

Действие происходит на побережье территории, соответствующей в Хайборийской эре Соединенным Штатам, время же примерно соответствует нашему семнадцатому веку. Это повествование о первопоселенцах на континенте, где все еще преобладают дикие племена, эквивалент коренных американцев. Бросается в глаза персонаж-ребенок, редко встречающийся в произведениях Говарда. Тина — настоящая загадка для читателя: она описана как «маленькое и жалкое существо, которое во время путешествия сюда с юга Белизе довелось отнять у жестокого и бессердечного хозяина». Все немногочисленные дети, появляющиеся в рассказах Говарда, несчастны, все они сироты или брошены родителями, и Тина не является исключением. Однако в данном случае Белиза, судя по всему, удочерила девочку. В лесу вокруг частокола, за которым живут поселенцы, прячется таинственный черный человек.

«Может быть, ты — тот самый черный человек, который бродит по лесу вокруг наших жилищ?» — спрашивает героиня «Алой буквы» Натаниэля Готорна у своего мужа, Роджера Чиллингурса. Роман Готорна, опубликованный в 1850 году, носит черты редкостного сходства с рассказом Говарда. Оба произведения описывают женщину и ее ребенка (родного или удочеренного), вынужденных жить во враждебном окружении, жертв презрения со стороны окружающих мужчин. Время и место действия удивительно похожи, и Перл, юная героиня романа

Готорна — такой же ребенок не от мира сего, как и Тина. В обоих произведениях ребенка пугают таинственным черным человеком, который почти постоянно присутствует за кулисами. Сходство слишком велико, чтобы считать его просто делом случая. Готорн не был представлен в библиотеке Говарда и ни разу не упоминается в его сохранившихся бумагах. Однако кажется более чем вероятным, что техасец читал Готорна, возможно, в школе: «Алая буква», похоже, во многом легла в основу «Черного чужака», даже при том, что сами события не имеют между собой ничего общего.

Все это побуждает к тому, чтобы иначе взглянуть на повесть, в котором Тину можно рассматривать как девочку без отца, особо восприимчивую к присутствию черного человека. Читатели, знакомые с биографией Говарда, будут еще больше удивлены, поскольку в романе Готорна мать Перл зовут Гестер, а отец, которого девочка не знает, аналог черного человека Тины — голубоглазый доктор Роджер Чиллингворт. Мать Говарда звали Хестер, и она была замужем за голубоглазым доктором.

«Черного чужака», по-видимому, не удалось пристроить в «Уэйрд тэйлз», хотя письменных сведений об этом не сохранилось. Райт, возможно, был раздражен экспериментами Говарда и, вероятно, в феврале или марте 1935 года, впервые за многие месяцы, отклонил новую повесть о Конане. Говард решил спасти все, что можно, и переписал повесть. Он придумал замену Конану — Теренса Вулми, ирландского пирата, — избавился от всех упоминаний Хайбории и послал новую вещь, с названием «Мечи Красного Братства», своему агенту Отису Эделберту Клайну в конце мая 1935 года. Эта версия ходила по издателям в течение нескольких лет и была продана в 1938 году, но журнал, который должен был ее опубликовать, закрылся, так что она не печаталась до 1976 года.

Следующее произведение о Конане ни в коей мере не было экспериментальным. Повесть «Людоеды Замбулы» написана примерно в марте 1935 года, судя по фрагментам рассказов, обнаруженным на обороте страниц черновика. Это обычная

история о Конане, похожая по качеству на те, которые Говард был вынужден писать, когда крайне нуждался в деньгах. В окружении таких шедевров, как «За Черной рекой», «Черный чужак» и «Гвозди с красными шляпками», она смотрится жалко. Похоже, что Говард позаимствовал некоторые детали из разных восточных приключений, придуманных им в то же время (с участием его персонажей Кирби О'Доннелла и Фрэнсиса Ксавьера Гордона), а место действия взял из непроданного детективного рассказа «Гости комнаты вуду», который, судя по всему, был написан несколькими месяцами раньше. В «Гостях» также фигурируют канныбалы, которые ловят несчастных жертв с помощью специально оборудованной комнаты в гостинице. Сюжет довольно неубедителен, но Говард, вероятно, знал, что это не помешает Райту взять повесть. Сцена, в которой Забиби/Нефертари танцует обнаженной среди змей, похоже, была написана лишь с одной целью — получить место на обложке. Иллюстрация Маргарет Брюндайдж к этому произведению действительно выдающаяся. То, что в ней отсутствует киммериец, не стало для Говарда сюрпризом: из девяти обложек «Уэйрд тэйлз», иллюстрирующих рассказы о Конане, он изображен только на трех.

22 декабря 1934 года Говард сделал Новелайн Прайс самый удивительный рождественский подарок: вместо ожидаемой книги по истории она получила экземпляр «Полного собрания сочинений Пьера Луиса»:

«История?» — ошеломленно спросила я.

Он поерзал в кресле и улыбнулся.

«Ну... да. Это в своем роде история».

[...]

Потом Боб сказал, что книга очень живо описывает нашу «загнивающую цивилизацию».

[...]

Когда Боб ушел, я села, развернула книгу и стала разглядывать. Я снова прочитала надпись, пытаюсь понять ее смысл: «Как демонстрирует эта книга, у французов есть один дар — способность остановить распад и сменить червей коррупции на колибри поэзии».

Какое-то время спустя Новелайн расспрашивала Говарда об этом своеобразном подарке:

«Боб, почему ты подарил мне книгу Пьера Луиса?»

Он повернулся и посмотрел на меня.

«Тебе не понравилось?»

«Она слишком сложная для меня, — словно защищаясь, сказала я. — Я не так уж много и прочитала».

«Прочти... Ты ведешь затворническую жизнь. Ты не знаешь, что происходит в мире».

Это меня возмутило.

«Мне неинтересно все это, — горячо заявила я. — От того, что ты знаешь, мир не становится лучше; ты просто немой свидетель».

«Ты и есть немой свидетель, нравится тебе это или нет. — В голосе его слышалось воодушевление. — Видишь ли, девочка, когда цивилизация начинает загнывать и умирать, единственное, о чем думают мужчины или женщины, — как удовлетворить свои телесные желания. Их полностью занимает секс. Он окрашивает их мышление, их законы, их религию — все стороны их жизни».

[...]

«Вот что я пытаюсь сказать тебе, девочка. Мужчины перестают читать художественную литературу, потому что хотят лишь подлинных историй о мужских сексуальных подвигах... Несколько лет назад у меня были трудные времена, когда я пытался продавать рассказы... про секс. Теперь же я вынужден работать так, чтобы идти в ногу с рынком... Черт побери, девочка, секс будет во всем, что ты видишь и слышишь. Именно так было даже в эпоху падения Рима».

Сейчас я работаю над подобной историей — историей о Конане. Послушай меня. Когда цивилизация умирает, нормальная, приемлемая жизнь не в состоянии удовлетворить ненасытные аппетиты куртизанок и в конечном счете всех людей. Они обращаются к лесбиянству и подобным вещам, чтобы удовлетворить свои желания... Я собираюсь назвать ее «Красное пламя страсти»».

«Красное пламя страсти», очевидно, было тем самым рассказом, которому предстояло стать «Гвоздями с красными шляпками», но Говард еще не был готов воплотить свою идею на бумаге. Несколько месяцев спустя, в конце апреля или в мае 1935 года, у него состоялся еще один разговор на эту тему с Новелайн.

Боб добровольно согласился с тем, что не закончит писать о Конане. Мне было жаль, потому что меня не слишком интересовал Конан, судя по той малости, что я просмотрела.

Боб сказал, что у него есть идея рассказа о Конане, которая почти сформировалась, но он еще не готов писать. Пока что он лишь сделал несколько заметок и отложил их до тех пор, пока сюжет не сложится полностью в его сознании.

«О чем он?» — спросила я.

«Думаю, это будет самое сексуальное и кровавое из того, что я написала. Но вряд ли тебе это интересно».

«Нет, если оно кровавое. — Я озадаченно посмотрела на него. — Что ты подразумеваешь под “сексуальным?”»

«О господи. В моих историях о Конане полно секса».

[...]

Я не замечала, чтобы в рассказах о Конане, которые приносил мне Боб, было хоть что-то о сексе. Кровь — да. Секс — нет.

«У тебя в рассказах о Конане есть секс?» — недоверчиво спросила я.

«Черт побери, да. Именно этим он и занимается — пьянствует, распутствует, дерется. Что еще было тогда в жизни?»

Однако прошло еще несколько недель, прежде чем были написаны «Гвозди с красными шляпками».

Одной из причин было шаткое финансовое положение «Уэйрд тэйлз». Шестого мая 1935 года Говард жаловался Фэрнс-урту Райту: «Всегда ненавидел писать подобные письма, но крайняя необходимость меня вынуждает... Короче говоря, мне срочно нужны деньги... Как вы знаете, прошло шесть месяцев с тех пор, как “Люди Черного круга” (повесть, за которую мне причитается плата) появился в “Уэйрд тэйлз”. Журнал должен мне свыше восьмисот долларов за уже опубликованные вещи — достаточно, чтобы расплатиться по всем долгам и снова встать на ноги, если я смогу получить все сразу. Может быть, это и невозможно. Не хочу выглядеть неблагодарным; я знаю, что время тяжелое для всех. Но не думаю, что буду неблагодарен, если попрошу выдавать чек каждый месяц, пока не будем в расчете. Честно говоря, в том темпе, как это происходит сейчас, я успею состариться, прежде чем мне все заплатят! А деньги нужны срочно». Нужда Говарда в деньгах была вполне

реальной, так как здоровье его матери быстро ухудшалось и затраты на лечение и уход были крайне высоки.

Потребовалось еще одно серьезное событие в жизни Говарда, чтобы повесть наконец родилась: в начале лета Новелайн Прайс начала встречаться с одним из лучших его друзей, Трюэттом Винсоном, ничего ему не сказав. Говард узнал об этом через несколько недель, когда они с Трюэттом собирались вместе отправиться в Нью-Мексико. Винсон и Говард отсутствовали неделю, и можно только представить себе душевное состояние Говарда в эти дни.

Кульминацией поездки был визит в Линкольн, место знаменитой «Кровавой войны в округе Линкольн». Именно там Говард нашел последние элементы, необходимые ему для «Гвоздей с красными шляпками», поскольку все псевдоацтекские имена и названия, Ксоталан и его обитатели, имеют свое происхождение не в районе озера Эвад, но в крошечном американском городке. Следующий отрывок из письма Говарда Лавкрафту от 23 июля 1935 года достаточно длинный, но он важен для понимания того, что Говард пытался сделать в «Гвоздях с красными шляпками».

[Мы с Винсоном] приехали в старинный Линкольн, дремлющий среди мрачных гор, словно призрак кровавого прошлого. Уолтер Нобль Бернс, автор «Саги о Билли Киде», сказал о нем: «Городок уснул в конце войны и с тех пор так и не пробудился. Если не появится железная дорога, которая свяжет его с остальным миром, он, возможно, так и будет спать тысячами. Сами увидите. Линкольн сейчас такой же, каким его знали когда-то Мерфи, Мак-Суин и Билли Кид. Это анахронизм, нечто вроде города-мумии...»

Не могу предложить лучшего описания. Город-мумия. Нигде еще я не оказывался лицом к лицу с прошлым столь живо, нигде прошлое не было столь реальным, столь понятным. Казалось, будто я шагнул из моего собственного времени во время более старое, каким-то образом уцелевшее. Линкольн — город-призрак, мертвый город; и тем не менее он живет жизнью, которая умерла пятьдесят лет назад... Потомки старых врагов мирно живут бок о бок в этой глуши; но я вдруг задумываюсь, действительно ли мертвая старая вражда, или угли лишь тлеют, и от неосторожного дуновения может вспыхнуть пламя.

[...]

Я никогда и нигде не испытывал в точности таких же ощущений, как те, которые вызвал Линкольн,— чувство всеобъемлющего ужаса. Если есть в этом полушарии место, посещаемое призраками, то это Линкольн. Я чувствовал, что если проведу здесь ночь, то призраки убитых будут бродить в моих сновидениях. Сам городок напоминает белый ужмыляющийся череп. Я словно чувствую скелеты в земле под ногами. И это, как я понимаю, не полет фантазии. То и дело чей-то плуг выкапывает человеческие кости. Столько людей погибло в Линкольне.

[...]

Линкольн — город призраков, но для меня его делает таковым не просто факт, что здесь погибло столько людей. Я бывал во многих местах, где смерть собирала обильную жатву... Но ни одно из этих мест не произвело такого впечатления, как Линкольн. Мое восприятие не было окрашено явным ужасом, как в Линкольне. Думаю, я знаю почему. Бернс в своей прекрасной книге, описывающей эту войну, полностью упустил один крайне важный элемент — влияние географического или, может быть, топографического фактора на местных жителей. Думаю, именно этот фактор является причиной необычной жестокости и кровавости, с которой велась война, потрясшей каждого, кто когда-либо занимался изучением этой междоусобицы и лежащей за ней психологии. Долина, в которой находится Линкольн, изолирована от остального мира. Широкие пустынные и гористые пространства отделяют ее от остального человечества, они слишком бесплодны для того, чтобы поддерживать человеческую жизнь. Люди в Линкольне потеряли связь с миром. В подобной изоляции их собственные проблемы и взаимоотношения приобрели важность и значимость, не соответствующие их реальному смыслу. Слишком скученные в одном месте, накапливались и нарастали обиды и ревность, пока не достигли чудовищных размеров и не вылились в кровь и жестокость, которые потрясли даже привыкший ко всему тогдашний Запад. Представьте себе эту узкую долину, скрытую среди голых холмов, изолированную от мира; ее жители вынуждены жить бок о бок, ненавидя друг друга и в конце концов — убивая друг друга. В столь ограниченных, уединенных местах человеческие страсти тлеют и вспыхивают, питаются породившими их причинами, пока не разгорятся с силой, которую вряд ли могут вообразить себе жители более благоприятных мест. Должен честно признаться, я с ужасом представил себе кошмар, охвативший эту залитую кровью долину; дни и ночи, проходящие в напряженном ожидании, когда же наконец загремят выстрелы и люди начнут умирать как мухи,— а потом наступает тишина и снова нарастает напряжение. Никто, ценящий свою жизнь, не осмеливается заговорить; когда в ночи раздается

выстрел, а за ним предсмертный крик, никто не осмеливается открыть дверь и посмотреть, кто погиб. Я представил себе людей, скученных, словно крыс, в ужасе и крови сражающихся за свою жизнь, днем они занимаются своими дневными делами, не раскрывая рта и отводя взгляд, в любое мгновение ожидая пули в спину, а ночью лежат, дрожа, за запертыми дверями в ожидании неслышных шагов, скрипа засова, выстрела в окно. Междоусобная вражда в Техасе обычно шла открыто, на широких просторах штата. Но природа долины Бонито определила природу этой вражды — сосредоточенной в одном месте и потому ужасной. Я слышала о людях, которые сходили с ума в уединенных местах, мне кажется, что война в округе Линкольн была окрашена безумием.

Вернувшись в Кросс-Плейнс в конце июня 1935 года, Говард наконец сел за написание рассказа, который зрел в его мозгу столь многие месяцы. Если кровавая война в округе Линкольн, его отношение к сексу в литературном творчестве, напряженные отношения между Новелайн, Винсоном и им самим, а также быстро ухудшающееся здоровье его матери повлияли непосредственно на сюжет нового рассказа о Конане, то придать ему форму помогли также несколько прототипов.

Более чем за два года до этого он закончил рассказ «Ползучая тень» («Сумерки Ксутала»), который справедливо считается своего рода предшественником «Гвоздей с красными шляпками». Прибытие Конана и женщины в город, отрезанный от хайборийского мира, где им предстоит столкнуться со злой колдуньей и деградировавшими туземцами, — базовая структура, общая для обоих произведений. «Ползучая тень» — весьма посредственная вещь, вероятно, потому, что Говард еще не был тогда достаточно опытным писателем, чтобы относиться к своему самому удачному герою так, как он заслуживал. Героиня выглядит безжизненной, сюжет построен на избитых идеях. Однако Говард писал Кларку Эштону Смиту, что «на самом деле рассказ не посвящен исключительно рубке на мечах, что можно предположить по аннотации».

Среди бумаг Говарда был также найден синопсис детективной истории о Стиве Гаррисоне, который носит немалое сходство с вышеупомянутой «Ползучей тенью». Рукопись не датирована, но, вероятно, план был написан всего за несколько

месяцев до рассказа о Конане: «Между Уилтшоу и Ричардсонами шла давняя вражда, и в обоих родах осталось по последней семье. Еще одна семья, Барвеллы, была замешана в этой вражде, пока последняя в этом роду, угрюмая худая женщина, доведенная до отчаяния как Ричардсонами, так и Уилтшоу, не ушла тридцать пять лет назад вместе с маленьким сыном, поклявшись, что отомстит обоим кланам... В конце концов [Гаррисон] обнаружил, что доктор Эллис — на самом деле Джо Барвелл, который вернулся и жил в городе десять лет, чтобы наконец свершить возмездие...»

У Говарда не было никаких проблем с тем, чтобы объединить двух Барвеллов из синопсиса рассказа о Гаррисоне в Толкемека. Другой персонаж рассказа о Гаррисоне, Исав, «высокий нескладный мужчина удивительной силы... неврастеник, по-настоящему сильный как бык», вероятно, вдохновил его на образ великана Ольмека, «невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой», причем библейские ассоциации имени Исав лишь усиливают связь с волосатым Ольмеком.

«Гвозди с красными шляпками» — аналог повести «За Черной рекой». В последней Говард изложил свое видение конфликта варварства и цивилизации, сделав вывод, что варварство всегда должно в конечном счете восторжествовать. Он также утверждал, что цивилизация неестественна. В «Гвоздях с красными шляпками» он развивает эту тему. Во всех его подобных сочинениях цивилизациям, королевствам, странам или городам никогда не позволено дойти до полного упадка; однажды разделенные и потому ослабленные, цивилизованные люди систематически уничтожаются ордами варваров, ждущими у ворот. В повести «За Черной рекой» эту роль играли пикты; в «Богам Бал-Сагота», рассказе, написанном в 1930 году и конструктивно очень похожем на «Гвозди с красными шляпками», разрушение несли «красные люди». «Гвозди с красными шляпками» должны были отличаться в том смысле, что никакое племя варваров не подстерегало у ворот Ксухотла. Впервые в творчестве Говарда процесс цивилизации, с его периодами упадка и разложения, доведен до неизбежного конца. Ксу-

хотл — «неестественный» город. Быть цивилизованным значит полностью отделить себя от природы и ее сил. Вот почему город не только отрезан от остального Хайборийского мира, но также, что не менее важно, отрезан от самой природы: Ксухотл полностью вымощен и застроен, свет в нем искусственный и такая же пища — ксоталанцы едят «плоды, которые не выращены на земле, но получают питательные вещества из воздуха». Что касается самих ксухотланцев, то все они — кроме Тасцелы — родились в этом городе. Ксухотл — пришедшая в упадок цивилизация, как ее представлял Говард, только в миниатюре. Это место, где, по его словам, ненормальное становится нормальным. Учитывая эти обстоятельства, финал произведения неудивителен. Как и в случае с повестью «За Черной рекой», Говард хотел донести до читателя свою идею во что бы то ни стало.

«Гвозди с красными шляпками» — настолько богатое произведение, что у нас нет никакой надежды детально его рассмотреть в рамках данного эссе. Например, многое можно сказать о взаимоотношениях Конана и Валерии, в которых очень заманчиво увидеть параллель между отношениями Говарда и Новелайн Прайс, обладавшей сильным характером; Валерия из Ватаги Красных Братьев — действительно долгожданная замена некоторым из более пассивных женских персонажей Говарда. (Однако он изображал сильных и интересных женщин также до Валерии и до знакомства с Новелайн; это Белит [в «Королеве Черного побережья»] и Соня из Рогатино [в историко-приключенческом рассказе «Тень стервятника»].) В Тасцеле, женщине-вампире, которая отказывается умирать, пожирая более молодых женщин и сражаясь за внимание Конана, и потому ревнует его к Валерии, более чем заманчиво увидеть образ матери Говарда, которая всегда питала враждебные чувства к Новелайн Прайс. Ольмека тогда можно рассматривать как отца Говарда, а весь рассказ — как аллегорическую историю, в которой Говард и Новелайн оказываются в приходящей в упадок вселенной, ставшей домом для Говарда...

Говард отправил «Гвозди с красными шляпками» Фэрнсворту Райту 22 июля 1935 года. На следующий день он писал Кларку Эштону Смиту: «Вчера послал Райту “Гвозди с красными шляпками”. Очень надеюсь, ему понравится. Эта история о Конане мрачнее, кровавее и безжалостнее из всех, что были до сих пор. Возможно, многовато сырого мяса, но я просто изложил свое представление о том, как реагировали бы определенные типы людей на ситуации, составляющие сюжет повести». Позднее он писал Лавкрафту: «Последним, что я продал в “Уэйрд тэйлз” — и вполне возможно, это последнее в стиле фэнтези, что я когда-либо напишу, — была повесть о Конане, самая кровавая и самая сексуальная история из всех, что я когда-либо писал. Я не удовлетворен тем, как выглядят приходящие в упадок расы в моих рассказах, ибо вырождение у подобных рас преобладает настолько, что даже в художественных произведениях его нельзя игнорировать как мотив и как факт, если художественное произведение имеет хоть что-то общее с реальностью. Во всех других произведениях я обходил этот момент, считая его табу, но в этой повести не стал этого делать. Если вы его прочтете, не сочтите за труд ответить, как вам понравилось мое обращение с темой лесбиянства». (Возникает вопрос, действительно ли Говард считал лесбийскую тему центральной в «Гвоздях с красными шляпками» или вынужденно затронул ее, описывая вампирскую натуру Тасцелы. Впрочем, в том не было ничего нового после «Кармиллы» Ле Фаню.)

«Уэйрд тэйлз» принял повесть и начал ее публиковать через несколько дней после самоубийства Говарда, а закончил после того, когда известие о его смерти появилось в журнале. Это была последняя история о Конане.

Интересы Говарда — и его творчество — в последний год его жизни были все больше ориентированы на вестерн, и в этот период он не создавал фэнтези. Но за несколько недель до смерти написал, что задумал рассказ в этом жанре. Два черновика этого незаконченного рассказа, действие которого происходит в Америке шестнадцатого века, были найдены среди его бумаг. Собирался ли он какое-то время спустя вернуться к Конану — вопрос, который остается без ответа.

В 1935 году Говард отправил ряд своих произведений в Англию через своего агента Отиса Эделберта Клайна. В их числе «За Черной рекой», «...И родится ведьма», «Сокровища Гвалура». Вероятно, у Говарда не было реальных надежд на них, поскольку он послал вырванные из «Уэйрд тэйлз» страницы, а не рукописи. Так или иначе, из этого ничего не вышло.

Последний раз Говард писал о Конане в марте 1936 года, когда Джон Д. Кларк и П. Шуйлер-Миллер прислали письмо, в котором пытались установить хронологию рассказов о Конане. Ответ Говарда, приведенный в этом томе, немаловажен для читателя, интересующегося «биографией» Конана, хотя возможно, что Говард просто пошутил над своими поклонниками. Например, он написал, что Конан «успел побывать на севере, возвратясь к родному племени, и впервые покинул пределы Киммерии. Странно то, что путь его лежал на север, а не на юг. Цели и обстоятельства похода мне неведомы, но он провел несколько месяцев в племени асиров, сражаясь с ванирами и гиперборейцами». Кларк и Миллер, вероятно, не могли знать, что Говард ссылаясь на «Дочь ледяного исполина», второй из написанных им рассказов о Конане, который был отклонен Райтом и до сих пор не опубликован в его оригинальном виде. К своему ответу Говард приложил карту, сделанную на базе очень грубых набросков, появившихся в 1932 году; это оказалось последним, что он написал о Конане.

Роберт И. Говард покончил с собой 11 июня 1936 года. Однако Конан из Киммерии до сих пор с нами. Несмотря на некоторые трудные годы, ему удалось выжить, и он не проявляет признаков слабости.

Долголетие варвара вряд ли удивило бы Говарда.

Варвар всегда должен в конце концов восторжествовать.

Патрис Луине

Содержание

От иллюстратора (Перевод Г. Корчагина)	7
От составителя (Перевод Г. Корчагина)	10
Сокровища Гвалура (Перевод А. Циммермана)	17
За Черной рекой (Перевод А. Циммермана)	81
Черный чужак (Перевод М. Семёновой)	165
Людоеды Замбулы (Перевод М. Семёновой)	277
Гвозди с красными шляпками (Перевод А. Циммермана)	325
Приложение	439
Волки у границы (черновик) (Перевод Г. Корчагина)	441
Письмо П. Шуйлер-Миллеру (Перевод Г. Корчагина)	465
Карта Хайборийской эры	470
Сотворение Хайбории. Часть 3 (Перевод К. Плешкова)	472

Литературно-художественное издание

ВОИН. ГЕРОЙ. ЛЕГЕНДА

Роберт Говард

КОНАН

Карающий меч

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Шведова*
Корректоры *Т. Андрианова, Н. Тюрина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 23.04.2010.
Формат 60х90^{1/16} Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0.
Тираж 5000 экз. Заказ №3627.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-42176-3

9 785699 421763 >

МОРЕ ЗАПАДА

ДЕБРИ ПИКТОВ

Р. Черная

Р. Громовая

ТАУРАН

Р. Широк

Р. Алмонд

Р. Хорот

Галларан

Велитриум

Танасул

Тарантия

Шамар

Р. Тайбор

Ианта

Р. Красная

Эрук

ШЕМ

Лу

Сухмет

КУШ

ДАРС

ЧЕРНЫЕ

а Ксутал

Р. Зархеба

остров Сиптах

Черный остров

КОНАН®

Писательская карьера Роберта И. Говарда уложилась в двенадцать лет, но за столь недолгий срок он успел подарить мировой литературе жанр «меч и магия», а также полюбившегося миллионам читателей киммерийца Конана и еще несколько великих героев.

В этот сборник вошли последние пять историй о Конане, созданные самим Говардом, в том числе повести «Черный чужак» и «Людоеды Замбулы» в переводе известной писательницы Марии Семёновой.

ISBN 978-5-699-42176-3

9 785699 421763 >

HYBORIA™